

І В А Н Ф Р А Н К О

ВИБІР ТВОРІВ

У ПЕРЕКЛАДІ
РОСІЙСЬКОЮ МОВОЮ

О Г И З
ДЕРЖАВНЕ ВИДАВНИЦТВО
ХУДОЖНЬОЇ ЛІТЕРАТУРИ
МОСКВА 1945

ИВАН ФРАНКО

ИЗБРАННЫЕ СОЧИНЕНИЯ

ПЕРЕВОД С УКРАИНСКОГО
ПОД РЕДАКЦИЕЙ

М. Ф. РЫЛЬСКОГО и Б. А. ТУРГАНОВА

ПРЕДИСЛОВИЕ

А. Е. КОРНЕЙЧУКА

СТИХОТВОРЕНИЯ И ПОЭМЫ

184335

О Г И З

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1945

ОТ РЕДАКЦИИ

Предлагаемое читателю собрание сочинений Ивана Франка в русских переводах предпринято в ознаменование двадцатипятилетия со дня смерти писателя. Оно является первым изданием на русском языке, включающим все наиболее значительные художественные произведения Франка.

Избранные сочинения Ивана Франка выпускаются в пяти томах. Первый том содержит поэтические произведения, второй, третий и четвертый томы — прозу, пятый том — драматургию и критику. В основу издания положены тексты подготавливаемого к печати юбилейного украинского собрания сочинений Франка. Все произведения, за небольшими исключениями, даются в новых переводах.

В первом томе помещены избранные стихотворения и поэмы Ивана Франка. Стихи расположены по книгам, в порядке их выхода в свет. Внутри книг стихи расположены в порядке, принятом в прижизненных изданиях Франка. В особый раздел выделены четыре поэмы («Смерть Каина», «Иван Вишенский», «На Святоюрской горе» и «Моисей»). Редакция вынуждена была отказаться от мысли включить в собрание также поэму «Панські жарти» («Панские забавы»): по своему объёму — свыше четырёх тысяч строк — эта поэма выходит за рамки издания, а печатать её в отрывках редакция не сочла возможным. Не включены также юношеские произведения Франка (объединённые им в 1914 году в сборнике «Из лет моей молодости»). Несколько стихотворений из этого цикла вошло в сборник «Вершины и низины».

Главнейшие вехи жизни и творчества писателя очерчены в предисловии А. Корнейчука. Чтобы не перегружать первый том статейным материалом, редакция решила отнести более пространную биографию Франка к одному из последующих томов.

Примечания автора и пояснения редакции к отдельным стихам вынесены в конце тома. Слова и выражения, поясняемые в примечаниях, в тексте отмечены звездочкой (*).

В переводе произведений, вошедших в этот том, участвовали: В. Азаров, Арго, Н. Асанов, А. Ахматова, Е. Благинина, Н. Браун, Д. Бродский, В. Владимиров, П. Вячеславов, А. Гатов, А. Глоба, М. Голодный, С. Гордеев, С. Городецкий, Я. Городской, В. Державин, Л. Длигач, Е. Долматовский, П. Железнов, В. Звягинцева, М. Зенкевич, В. Инбер, Б. Ирнин, М. Исаковский, Б. Кежун, О. Колычев, М. Комиссарова, К. Липскеров, Е. Нежинцев, С. Обрядович, А. Ойслендер, С. Олендер, А. Островский, Н. Панов, Б. Пастернак, А. Прокофьев, В. Рождественский, М. Рудерман, П. Семьнин, Н. Сидоренко, Б. Соловьёв, А. Сурков, А. Твардовский, Б. Турганов, В. Успенский, Л. Успенский, Н. Ушаков, Т. Форш, В. Цвелёв, М. Цветаева, А. Чачиков, И. Шехтер.

Большинство переводов публикуется впервые.

ИВАН ФРАНКО

Иван Франко — один из самых любимых писателей Украины. Его славное имя стоит рядом с именами Шевченка, Коцюбинского, Леси Украинки. Верный сын Украины, глубоко и беззаветно преданный интересам своего народа, борец за его свободу и счастье, знаменосец его бессмертной созидательной силы, — таким знает Ивана Франка украинский народ и за это чтит его из поколения в поколение. Произведения писателя вошли в сокровищницу украинской культуры. Стихи поэта, его проза, его статьи — великое и грозное оружие в руках нашего свободолюбивого народа. Всю свою жизнь поэт мечтал о том дне, когда украинские земли, когда его многострадальный народ будут воссоединены в одном украинском свободном государстве. Его пламенные патриотические произведения немало способствовали осуществлению этих вековых стремлений и чаяний украинского народа.

В дни Отечественной войны произведения поэта-патриота звучат с новой силой и помогают нам в борьбе против озверелого и ненавистного врага, которого так страстно и глубоко ненавидел и презирал Иван Франко. Взволнованное и мудрое слово Франка служит братскому содружеству народов нашей советской отчизны в борьбе против фашистских людоедов. Произведения великого писателя были, остаются и всегда будут неисчерпаемыми источниками пламенного патриотизма, верности народу, любви к родине.

Красная Армия освободила украинскую землю от коричневой чумы. Народы нашей великой родины, объединённые сталинской дружбой, как один встали на защиту Украины и изгнали немецкие орды из пределов земли, горячо любимой Иваном Франком и воспетой им с необычайной силой. На могилу поэта во Львове освободители — бойцы Красной

Армии — возложили цветы в знак любви и уважения к певцу и великому гражданину земли украинской.

Окрылённое слово Ивана Франко сопутствует нам в ратных подвигах и в труде, в борьбе за счастье и независимость нашей отчизны.

Иван Яковлевич Франко родился 15 августа 1856 года (по новому стилю) в селе Нагуевичах, Дрогобычского уезда, в Западной Украине — Галиции. В кузнице отца собирались крестьяне, рабочие промыслов. В детскую душу Франка глубоко запали горькие слова о тяжёлой жизни, непосильном труде. Он видел бедняков, слушал их грустные песни, и в его душе на всю жизнь запечатлелись образы обездоленных людей, их глаза, в которых часто загорался огонь буйного протеста, их руки, покрытые мозолями. И, вероятно, потому почти во всех своих произведениях Иван Франко так много, и каждый раз по-новому, описывает руки рабочего, бедняка-крестьянина.

Он полюбил труд с детства, и мало есть писателей, которые так воспели бы человеческий труд, как это сделал в своих бессмертных произведениях Иван Франко.

Литературным родником, из которого он пил всю жизнь животворную влагу, был «Кобзарь» Шевченка. Это — первая книга, которая в юности произвела на него потрясающее впечатление. Он заучил почти весь «Кобзарь» на память.

Дальше он знакомится с произведениями Льва Толстого, Тургенева, Помяловского. Ещё в школьные годы он пишет стихи, драмы, повести, переводит с иностранных языков.

В 1875 году Франко окончил гимназию в Дрогобыче и поступил в Львовский университет.

С огромным увлечением читает он произведения Белинского, Чернышевского, Герцена, печатает в журнале «Друг» перевод романа Чернышевского «Что делать?», знакомится с «Капиталом» Маркса в оригинале.

Он знакомится также с открытыми письмами выдающегося украинского учёного и политического деятеля Драгоманова, который призывал молодёжь учиться у русской и западноевропейской литературы и писать на родном языке.

В то время Австрия отдала украинский народ в Галиции на расправу польской шляхте, и она, выслуживаясь перед Венной, уничтожала всё прогрессивное, подавляла малейшие проявления революционной мысли.

Товарищ Сталин на XII съезде партии так охарактеризовал национальную политику австрийского правительства:

«Австрийцы приблизили к себе поляков, давали им привилегии, чтобы поляки помогли укрепить австрийцам свои пози-

ции в Польше, и за это давали полякам возможность душиТЬ Галицию. Это особая, чисто австрийская система — выделить некоторые национальности и давать им привилегии, чтобы затем справиться с остальными».

В 1877 году полетели в Вену из Львова доносы, и Франко впервые арестовали и судили как социалиста. Поэт был брошен в тюрьму.

После первого процесса Франко до конца своей жизни не мог освободиться от полицейского надзора. Его арестовали снова. Но ни тюрьмы, ни тяжёлая жизнь, ни клевета украинских «патентованных» националистов, для которых Франко был самым страшным судьёй (он бичевал их в своих произведениях, в статьях), — ничто не могло сломить его. Он не изменил своему народу.

В 1898 году, когда праздновался двадцатипятилетний юбилей литературной и общественной деятельности Ивана Франко, писатель на огромное количество приветствий ответил:

«Как селянин, вскормленный чёрствым мужицким хлебом, я считал своей обязанностью отдать всю свою жизнь этому простому народу. Воспитанный в суровой школе, я с малых лет усвоил две заповеди: первая — чувство святой обязанности перед народом, вторая — необходимость неутомимой работы».

После выхода из тюрьмы Франко изучает «Капитал» Маркса. Он изучает экономику Галиции, быт рабочих и пишет произведения о жизни и борьбе пролетариата Галиции — «Воа Constrictor», «Борислав смеётся», «Бориславские рассказы». В этих произведениях он показывает жестокою эксплуатацию рабочих, выводит образы хищников-капиталистов. Он первый из украинских писателей с огромной глубиной показал быт рабочих на бориславских нефтяных разработках.

В 1879 году Франко редактировал польскую рабочую газету «Ргаса» («Труд»). Имя его было популярно среди львовских украинских, польских и еврейских рабочих. Он вместе с близкими ему людьми пишет программу украинских и польских социалистов в Восточной Галиции, переводит 24-ю главу первого тома «Капитала» на украинский язык, а также несколько статей Энгельса на украинский и польский языки.

В 1881 году он издаёт брошюру «Чого хоче галицька робітничка громада» («Чего хотят галицкие рабочие»).

Вокруг Франко было мало друзей и много врагов. Польские и украинские буржуазные националисты не могли простить писателю его острое сатирическое слово.

В 1890 году вышли его рассказы «В поті чола» («В поте лица»). Затем он выпускает новым, дополненным изданием сборник «З вершин і низин» («Вершины и низины»), как бы подводя итог двадцати годам поэтической работы. В 1893 году появляется его пьеса «Украденное счастье».

Под непосредственным впечатлением революции 1905 года Франко создал своё крупнейшее поэтическое произведение — поэму «Моисей».

Умер Франко 28 мая 1916 года, во Львове.

Перу Ивана Франка принадлежат, по неполным библиографическим данным, 4637 произведений — тут и стихи, и проза, и драматургия, и научные работы, история, этнография.

Он написал больше тысячи статей на польском и украинском языках, сделал много переводов произведений классиков русской, немецкой, английской, французской, чешской литературы, а также переводил выдающиеся работы по философии и экономике.

Это был энциклопедически образованный человек, крупный учёный.

Но самая большая заслуга Франка перед украинской литературой — его выдающиеся революционно-демократические художественные произведения: повесть «Захар Беркут», цикл рассказов «Борислав», повести «Борислав смеётся» и «Воа Constrictor», а также его поэтическое наследие.

Лирические стихи Франка из цикла «Зів'яле листя» («Увядшие листья») стоят на уровне шедевров мировой поэзии.

Его знаменитая поэма «Моисей» насыщена революционным пафосом, любовью к народу.

Коцюбинский говорил, что в творчестве Франка «люди делятся на два лагеря — на угнетателей, против которых он острит, как меч, своё слово, и угнетённых, которым он отдаёт своё сердце...»

Огромное литературное наследство Франка ещё мало разработано. Только теперь большой коллектив учёных взялся за эту работу. Готовится полное издание сочинений Франка. Пишутся исследования о его жизни, деятельности, творчестве.

Вместе с Советской Украиной народы СССР, объединённые сталинской дружбой, чтут память достойного сына украинского народа — великого революционно-демократического писателя, отдавшего всю свою замечательную жизнь трудящимся.

Александр Корнейчук

Ф Р А Н К О - П О Э Т

В ряду культурных деятелей Украины конца XIX — начала XX столетия Ивану Яковлевичу Франку принадлежит одно из почётнейших мест. Поэт, прозаик-повествователь, драматург, переводчик, историк и теоретик литературы, критик, фольклорист, общественный деятель — он во всём был одинаково смел, самобытен и силён. Он имел несомненное право обратиться к украинскому народу со словами, с которыми в его поэме обращается Моисей к народу израильскому:

Жизнь моя и мой труд — лишь тебе,
Наш союз бесконечен,
И пойдёшь ты дорогой веков,
Моим духом отмечен.

Жизнь и деятельность Франка прошла в тяжёлой атмосфере Западной Украины, задыхавшейся под двойным — национальным и социальным — игом Австро-Венгерской империи, которая поставила своим девизом старинное изречение: «Разделяй и властвуй» и отдала украинский народ как бы на откуп польским панам. Культура Западной Украины была тогда во всех областях, в том числе и в области литературы, на невысокой ступени развития. «Жатва» была, как говорится, «много, а делателей — мало». Зачинатель новой западноукраинской литературы, Маркиан Шашкевич, был человек симпатичного, но не очень большого дарования и не слишком широкого идейного размаха; буковинец Федькович обладал огромным талантом, но по целому ряду причин не мог развить его во всю мощь. Галицкая (западноукраинская) интеллигенция того времени, к которому относится начало деятельности Франка (70—80-е годы прошлого столетия), барахталась в тине мелких провинциальных интересов.

Часть её, так называемые «москвофилы», ориентировалась на монархическую Россию, отрицала самостоятельное существование украинской культуры и писала на ужасающем, непо-

нятном народе «язычки» — смеси украинского, церковно-славянского и польского языков. Но и противники «москвифилов», буржуазные националисты разных мастей, жили убогой, тусклой, бескрылой жизнью, в стороне от великих духовных движений своей эпохи.

Таким образом, Франко выступил на своём поприще, почти не имея предшественников и очень мало — единомышленников и друзей. Тем удивительнее то, что он сделал.

Солнце, которое озарило путь этого одинокого сеятеля, пылало по эту сторону рубежа. Это было творчество великого Тараса Шевченка, «Кобзарь» которого Франко знал наизусть ещё в свои ученические годы и чьи высокие традиции он усвоил на всю жизнь. Это были идеи великих русских революционеров-демократов — Чернышевского, Добролюбова, Некрасова, сознательным и последовательным пропагандистом которых был наш писатель.

Новые горизонты, невиданные перспективы раскрылись перед Галицией в те дни, когда перенёс туда с Украины Надднепрянской свою деятельность Михаил Драгоманов и выступил на арену литературной, общественной и научной работы Иван Франко. В тесном единении с русским народом, с передовой русской интеллигенцией видели они оба залог развития галицкой мысли, галицкой общественности и много сделали для популяризации великой русской литературы среди читателей Западной Украины.

Огромная начитанность и неутолимость духовных интересов Франка, его колоссальный творческий дар помогли ему поднять украинскую поэзию на вершины, до которых никто после Шевченка не поднимался, и открыть перед нею невиданные дали.

Есть у Франка стихотворение, по мотиву и настроению напоминающее пушкинского «Пророка». Это стихотворение о поэтическом призвании. Начинается оно так:

Я в чистом поле убирал пшеницу,
Перед женитьбой за три дня как раз,
И в полдень сел под дубом подкрепиться,
И словно вспыхнул вдруг в душе алмаз.

Юноша-жнец услышал голос, призывающий его к творческому подвигу:

«Твоими буду говорить устами
Для всех народов и для всех веков,

И за тобой тернистыми тропами
Я псведу всех избранных борцов.

. . . . .
Перстом своим я уст твоих касаюсь,
И мой глагол зажгу в тебе огнём,
И утснчу твой слух, чтб, отклнкаясь,
Ты слышал голос мой, как с неба гром».

Я ниц упал. «О, внемлю, боже, внемлю!»
Я бросил серп в колосьях золотых,
Невесту кинул, отческую землю,
И больше никогда не видел их.

Мистическая оболочка поэмы — это, конечно, дань традиции. Речь идёт о том высоком взгляде на миссию поэта, который свойственен был Пушкину, Мицкевичу, Шевченку. И, разумеется, «голос», который услышал «в чистом поле» молодой селянин, — это был голос народа. Юноша смело пошёл на зов и честно исполнил свой долг.

Именно — долг. В противоположность художникам типа Уайльда или Фета, щеголявшим полным несоответствием между своим творчеством и своею жизнью, Франко не мыслил работы поэта вне общественного служения. Недаром одним из любимейших поэтов Франко был Некрасов. Следы творческого влияния Некрасова в «Галицких картинках» и ряде других стихотворений нашего поэта несомненны, а чувство долга перед народом присуще в одинаковой степени и творцу «Рыцаря на час», и создателю «Моисея».

В «Посвящении», предпосланном неоконченной поэме «Лесная идиллия», Франко даёт такое определение современного ему поэта:

Тем современен, что несчастен, —
Поэт к чужой судьбе пристрастен.
Он с целым миром делит горе
И сам подзержен всякой хвори.
Как в арфе трепетной Эола,
В нём голос гор и ветер дола
Звучит, поёт и не стихает...

И когда Франко обращается к песне, к поэзии с экста- тическим восклицанием: «Благословенна ты в женах», то не песню-развлечение, не поэзию-забаву имеет он в виду, а песню-служение, поэзию-подвиг.

Служение — кому? Подвиг — во имя чего? Народу, во имя народа.

Сын селянина-кузнеца, Иван Яковлевич Франко и в своей художественной прозе, и в многочисленных стихотворениях дал ряд незабываемых картин из жизни бесправного, угнетённого австрийскими чиновниками и польскими панями, арендаторами, шинкарями и ростовщиками галицкого села. Тяжёлый, непосильный и неблагодарный труд, тьма невежества и стихийные порывы к свету, к знанию, к солнцу, горе, заливаемое сивухой, ужас нищеты, издевательства и надругательства сильных и хищных над слабыми и угнетёнными, борьба за своё человеческое и национальное достоинство — всё это и многое другое нашло своё отражение в «Галицких картинках», в поэме «Панские забавы» и в ряде других произведений.

Пейзажная, бытовая, психологическая точность этих вещей поразительна. Суровостью реалистического письма, отсутствием каких бы то ни было прикрас, беспощадной правдивостью рисунка напоминает Франко двух любимых своих писателей — Некрасова и Золя.

Даже там, где поэт «летает фантазией далёко», мысль его постоянно возвращается к своему, родному, близкому. Село, в котором погибает от руки слепого старца Лемеха библейский Каин — это, конечно же, современное Франку западноукраинское село, а сам Лемех — один из тех галицких «дідів», с которыми не раз приходилось встречаться всегда жившему для народа и среди народа Ивану Яковлевичу. Наивная прелесть изображения этого села, этого старца напоминает старинные иконы, на которых «святые» изображены были запорожцами, напоминает пленительную в своей простоте и смелости «Марию» Шевченка.

Здесь уместно коснуться отношения Франка к народному творчеству, к фольклору, к песне.

В то время как унылые эпигоны пламенного Шевченка, подхватив у последнего одну-единственную ноту и бесконечно снизив её звучание, пели на один, якобы народный, лад всё одну и ту же свою примитивную, убогую песенку, — Франко упорно и сознательно старался расширить горизонты украинского слова, ввести в круг украинской литературы новые темы, новые жанры, новые мотивы, прививал украинской поэзии сложнейшие европейские формы. Это так, разумеется. Но характерно, что одно из первых известных нам стихотворений Франка называется «Народная песня»; это восторженная хвала песне — животворящему, оплодотворяющему началу.

Как учёный этнограф и фольклорист, Франко всю жизнь с горячим интересом относился к народному творчеству; как человек, он любил народную песню, охотно слушал её и сам

пел. Известны записи западноукраинских песен, сделанные Иваном Яковлевичем. Он с трогательной любовью и вниманием относился к личности и к работе благородного рыцаря украинской народной песни, отца новой украинской музыки — Николая Витальевича Лысенка. Но и в своём поэтическом творчестве Франко всё время возвращался к украинской песне, погружаясь в её стихию, как в освежающий, живительный поток.

Вспомним хотя бы следующее. В книге Франко «Увядавшие листья», книге субъективной и скорбной, есть ряд вещей, объединённых одной манерой и одним настроением. Начинается этот цикл стихотворением «Как знойно!» Поэт услышал среди широкого и безлюдного поля звук свирели. «И вмиг. — говорит он, —

К тем звукам я сердцем дрожащим приник,
И, рай забывая, оно зарыдало
Без слов.
Тебя, моя зорька, оно увидало,
И слиться с напевом народным
Напев мой в порыве свободном
Готов».

И вот эти несколько стихотворений, «слившиеся» с народной песней, выделяются своим светлым, хотя и грустным, колоритом на общем печальном фоне книги. Такова сила песни, такова сила народа.

Наряду с картинами жизни трудового крестьянства Франко, один из первых в Европе, дал изображение быта, страданий, борьбы и чаяний пролетариата. Это, правда, касается больше прозаического наследия писателя. Но и в стихах он с категорической прямою утверждал, что не рыцарь Баярд и не победитель женских сердец Дон-Жуан являются героями его времени, а — *рабочий*.

В этом смысле примечательны публикуемые в данном томе стихотворения «Древоруб» и — в особенности — широко известные «Каменоломы». В последней из названных вещей Франко рисует символический, или, если угодно, аллегорический образ неутомимых работников-каменоломов, среди которых находится и сам автор. Дело происходит, как поясняет нам поэт, в «странном сне». Все каменоломы, скованные железными цепями, стоят перед высокой гранитной скалой, и какой-то громоподобный голос призывает их:

«Врубайтесь в горный скелс! Да не смутит вас голод,
И жажда, и труды, и душный зной, и холод!
Дано вам превратить скалу вот эту в прах!»

Труд каменоломов невыносимо тяжёл, — но кончается стихотворение таким высоким аккордом:

Вот так мы все идём, в одно мечтою слиты,
А молоты в руках, и думается нам:
Пускай мы прокляты и светом позабыты,
Но мы дробим скалу, готовя путь открытый
Счастливым, что пройдут по нашим костякам.

Франко был — это неоспоримо — пламенным украинским патриотом. Но патриотизм его подобен патриотизму Пушкина и Горького, патриотизму Шевченка и Коцюбинского. Он чужд национальной исключительности, он не имеет ничего общего со слепым и тупым шовинизмом многих современников Франка.

Истинный поэт, поэт-гражданин, не может не любить своего народа. Любовь Франка к своей отчизне напоминает «странную любовь» Лермонтова («Люблю отчизну я...»).

Мицкевич когда-то поставил знак равенства между понятиями *народ* и *трудоваго народ*. Франко в стихотворении «Батрак» даёт в образе труженика-пахаря образ именно этого подлинного народа — единственного, которому отдавал он всё своё горячее сердце.

С буржуазной западноукраинской интеллигенцией, с «патриотами», «любившими» народ ради лакомого куса и преследовавшими поэта за его смелое слово и широкую мысль постоянной мелкой травлей, доходившей до бойкота и доносов австрийскому правительству, были у Франка тяжёлые счёты. Свои отношения к этим «патриотам» и свой патриотизм выразил он в знаменитом стихотворении «Седоголовому»:

Ты, братец, любишь Русь,
Я ж не люблю, бедняга!
Ты, братец, патриот,
А я — всего дворняга.

Ты, братец, любишь Русь,
Как любишь хлеб и сало, —
Я ж лаю день и ночь,
Чтоб сном не засыпала.

. . . . .
Ты любишь в ней господа
Блистанье да сверканье, —
Меня ж гнетёт её
Извечное страданье.

И кончается стихотворение таким горьким и гордым возгласом:

Ты, братец, любишь Русь,
Как заработок верный, —
Я ж не люблю её
Из-за любви чрезмерной!

Тот, кто мог так сказать о своём отношении к родине, несомненно, любил её самую большую, самую пламенную любовью, на какую способен человек.

Как Шевченко заявил когда-то, что его личная история является частью истории его родины, так и Франко, по справедливому замечанию одного нашего современника, мог бы сказать, что его жизнь — неотъемлемая часть жизни Западной Украины. Вместе с тем никто из украинских поэтов, писателей, мыслителей не ощущал единства всего украинского народа в его этнографических границах так ясно, не жаждал воссоединения своего народа в такой мере и не призывал к этому воссоединению так пламенно, как Иван Франко. В самом, может быть, совершенном своём творении, в прологе к поэме «Моисей», Франко говорит, обращаясь к украинскому народу:

...час придёт, в багряном ореоле,
В кругу народов вольных, за Карпаты
И к Черноморью рокот новой воли

И радости ты доплеснёшь раскаты.
И, всё обняв хозяйскою управой,
Полями залюбуешься и хатой.

Пророчество поэта осуществилось в наши дни, под мудрым водительством товарища Сталина, и нам, живущим «в кругу народов вольных», «в семье великой, вольной, новой» — по слову Шевченка — особенно отрадно читать эти строки.

В эпоху особенного обострения классовых и национальных антагонизмов, о котором говорит поэт в предисловии к одному из своих сборников, пишет он цикл стихотворений «Еврейские мелодии». Здесь видим мы трогательную небольшую поэму «Сурка» — восторженный гимн радости материнства и материнской любви, невольно заставляющий вспомнить Шевченка; полные библейского пафоса монологи «Ассимиляторам» и «Завещание Иакова». Трудящиеся и угнетённые евреи, наряду с трудящимися и угнетёнными украинцами, поляками, вызывали (и не могли не вызвать) горячее сочувствие у поэта-демократа, поэта-гуманиста, поэта-революционера.

Выше было сказано о большом и активном интересе Ивана Франка к русской литературе. Здесь следует ещё раз подчеркнуть, что в дружбе украинского народа с народом русским видел Франко залог освобождения своей родины и воссоединения Западной Украины с Украиной Надднепрянской, которого он так страстно чаял.

«Апокрифы съели нашего Франка», — так сказал кто-то из современников Франка, сетуя на то, что труды великого писателя в области истории литературы убили будто бы в нём поэта. Можно спорить о том, в какой из областей своей разносторонней деятельности Франко сильнее всего; можно сожалеть, что он не отдался всецело чему-нибудь одному — поэзии, художественной прозе, истории литературы, фольклору... Спор этот будет бесплоден, сожаления — бессмысленны. Как не мог Леонардо да Винчи быть только живописцем или только ваятелем, как не способен был Ломоносов быть только химиком, только поэтом, так не рождён был Иван Франко для того, чтобы всю мощь своего ума, темперамента и таланта — гения! — направить по единственному руслу.

Уже сказано, что в те годы, когда начинал свою деятельность Франко, и наука, и поэзия, и художественная проза, и культура вообще в Западной Украине были на невысокой ступени развития. Бедность тогдашней западноукраинской культуры во всех её ответвлениях могла быть, конечно, мотивом, внешним побуждением для работы не в одной, а во многих областях, для лихорадочного заполнения пробелов. Нечто подобное было ведь и с Ломоносовым. Но вместе с тем и в том, и в другом случае причина лежала глубже. Франко был рождён поэтом, но он же был рождён и прозаиком, и учёным-исследователем, и общественным деятелем. Его творческое дело напоминает сложное и прекрасное полифоническое произведение: много мелодий, много контрастов, острые сочетания звуков — но, в конечном счёте, всё сливается в светлую гармонию.

В одном из своих глубочайших стихотворений, говоря об искусстве и жизни в их взаимоотношении, Франко заявляет: «Poëta semper tiro». Это значит: поэт всегда новобранец, всегда ученик. Таким новобранцем, таким учеником и был, подобно Пушкину, подобно Горькому, всю свою жизнь Франко. Он не мог остановиться на одной основной теме, он всегда

был в стремлении, в поисках, в неустанном искании; он не мог удовлетвориться одной манерой, одним стилем, одним характером изложения. Разнообразие тем, сюжетов, мотивов, настроений в творчестве Франка поистине изумительно. Мы видим у него и страстные, глубоко напряжённые и предельно искренние стихи на гражданские мотивы, и неподражаемые по простоте бытовые зарисовки, и острые, в гейневской манере сделанные сатиры, и мягкие, тёплые идиллии, и полные отчаяния страницы «Увядших листьев», и своеобразные разработки библейских, средневековых, древнерусских, древнеиндийских, древнеавилонских сюжетов.

Кстати о последних. Факт использования поэтом библейских, античных, вообще древних мотивов ничего не говорит сам по себе и отнюдь не является признаком консервативности художественного мышления. Важно только, вливает ли художник «новое вино в старые мехи», даёт ли он своё толкование традиционных образов, вносит ли он свежее содержание в отлитые давно формы.

Франко сам говорит об этом в предисловии к одному сборнику своих поэм, написанных на темы древнеавилонских, древнеегипетских, древнеиндийских эпических произведений, и снабжённых ироническим эпиграфом из Шевченка: «Конечно, краденое». Вот подлинные слова поэта:

«Меня могут упрекнуть, зачем я летаю фантазией в такие далёкие времена и страны, почему не пою о современном и близком. Виноват! Но что ж поделаешь? Как умею, так и пою. Думаю, впрочем, что не в том дело, из какой бочки берёт поэт напиток, который подаёт своему народу, а в том, какой напиток он подаёт ему — чистое ли укрепляющее вино, или усыпляющий наркотик. Я наркотиками не торгую».

«Каменный гость» Пушкина, шекспировские драмы — это ведь вариации на чужие сюжеты, но какие вариации! В них творцы, пользуясь готовой канвой, вышивают свои, неповторимые, единственные в мире узоры, и Дон-Жуан Пушкина так же не похож на Дон-Жуана Мольера, как последний на мольеровского же Альсеста. Сюжет — взят; трактовка образа — дана. То же самое можно сказать о «Марии» Шевченка, о драмах Леси Украинки, о «Моисее» и «Смерти Каина» Франка.

Неистошимо разнообразен был Франко и в формальном отношении. Мы находим у него и канонические формы — терцины, сонеты, октавы, триолеты, и разнообразнейшие метрические строфы, и стилизации в характере народной песни, и

тонкие верлибры... Этим, как и многими другими чертами своей творческой личности, — интересом к поэзии разных времен и народов, сочетанием пылкости учёного со страстностью поэта, колоссальной эрудицией, неутомимостью в поисках новых тем, мотивов, сюжетов, широкой пропагандой лучших достижений европейского художественного слова, — Иван Франко, автор «Каменоломов», близок Валерию Брюсову, автору «Каменщика».

Существует мнение, будто стихотворная техника Франка тяжеловата, будто не был он поэтом «чистого» вдохновения, рождающего лёгкие, мелодические, прозрачные строки, а мастером, с громадным трудом преодолевавшим материал, чуть ли не ремесленником. Это мнение является, по меньшей мере, непродуманным. Франку — «каменолому», по собственному определению, — конечно же, нелегко было писать стихи в непривычных для украинского языка того времени формах; был этот язык — мрамор прекрасный, но необработанный, и труд автора поэтического «Моисея» подобен был труду автора «Моисея» скульптурного. Страстный и неутомимый Франко напоминал страстного и неутомимого Микель Анджело. Но достаточно прочесть в подлиннике такие вещи, как пролог к «Моисею», «Як би знав я чари», «Не могу забути», «Місяцю князю», «Безмежнеє поле», чтобы понять, что язык стихотворный был естественным языком для взволнованного или поражённого внезапно мыслью-молнией Франка.

Говоря о Франке-поэте, следует помнить, что современный ему литературный язык Западной Украины находился под сильным влиянием польского языка, отчасти был засорён немецкими речениями, что во многом приходилось поэту пробивать свои, новые пути среди языковых дебрей, ориентируясь на таких мастеров слова, как Котляревский, Шевченко, Кулиш... Поучительно проследить, как на протяжении своей литературной деятельности всё больше и больше очищал поэт свой язык от элементов наречия, от диалектизмов, приближая его к классическому языку Шевченка.

Поэмы Франка отмечены громадным жанровым, стилистическим и тематическим разнообразием. Как будто поэт стремился в них охватить за «короткую жизнь», которую он противопоставлял «бесконечному искусству», возможно больше сторон мира, заглянуть, как заглядывает утреннее солнце, во все, даже в самые потаённые углы его — и, как солнце, согреть и осветить.

Поэма «Панские забавы», не вошедшая, к сожалению, в наше издание, представляет собою — внешним образом — только эпизод из жизни одного галицкого села, изложенный чрезвычайно простым языком, в сказовой манере. Но явно (это видели и современники Франка), что в повествовании о борьбе крестьян дореформенной деревни с помещиком-самодуром, в рассказе о том, как было проведено и принято в той деревне пресловутое «освобождение» крестьян от крепостной зависимости, следует видеть и гораздо более широкую социальную картину. Истинное произведение искусства всегда многопланово.

А вот вещь совершенно иного характера — «Смерть Каина». Образ Каина, этого — по «писанию» — первого в истории человечества преступника, не раз привлекал к себе внимание поэтов. Достаточно вспомнить Байрона и Бодлера. Байрон, переосмысливая библейское сказание, подчёркивает в Каине его гордость, пылкость ума, неукротимость духа; Бодлер делит человечество на две группы — потомков Авеля и потомков Каина — и симпатии свои отдаёт последним, как могучим личностям, ведущим людей вперёд, борцам и создателям.

Трактовка образа Каина у Франка вообще близка к байроновской. Но вся поэма написана, в сущности, в реалистических тонах, а смерть Каина, несущего людям заветы разума и любви, выстраданные им за многие годы тяжёлого скитальчества, смерть от руки человека-слепца вызывает в читателе глубокое сочувствие и наводит его на размышления о многом, в том числе и о горестной судьбе самого Франка, столько ударов принявшего от своих современников, польских и украинских националистов, австрийских чиновников и даже от людей, шедших, казалось бы, по одному с поэтом пути...

С несомненной, хотя и глубоко скрытой, проекцией в современность написана и поэма «Моисей», которую справедливо считают одной из вершин творчества Франка. «Основною темою поэмы я избрал смерть Моисея, как непризнанного своим народом пророка. Эта тема в таком виде не библейская, а моя собственная, хотя и основанная на библейском рассказе», — заявляет автор в предисловии к поэме. Однако бесспорно, что в размышлениях о судьбах еврейского народа и о личной трагедии Моисея, не признанного своим народом «пророка», слышатся отзвуки размышлений поэта о судьбах народа украинского и — о своей судьбе. Пролог к поэме — убедительное подтверждение этой мысли.

Даже, казалось бы, оставаясь на строго исторической почве, изображая в небольшой жанровой повмке «На Святоюрский

горе» великого украинского гетмана Богдана Хмельницкого, — Франко, по сути, не отходит от современности, решает, в поэтической форме, проблему взаимоотношений украинского народа и польской шляхты.

Так же и в изображении коллизии, которую переживает Иван Вишенский (в одноименной поэме), — коллизии между личным самоусовершенствованием и общественным долгом, — можно видеть не только результат пристального изучения жизни и личности замечательного украинского деятеля XVI столетия, но и отражение пережитого самим автором.

Иван Вишенский в изображении Франка — это человек, который в отречении от мира, в аскезе ищет спасения личной своей души. Но призыв живой жизни, призыв *родины* неудержимо влечёт его снова *туда*, в мир, к людям, к деятельности, к служению отчизне, — и трагическая смерть монаха-затворника является, по существу, новым подтверждением всенальности жизни, беспредельности патриотизма. В этом смысле любопытно было бы провести параллель между Иваном Вишенским Франка и Семёном Палием («Чернец») Шевченка, тоже ушедшим от мира и восклицавшим в тишине келии:

Для чого ж я на світ родився,
Свою Україну любив!

Жить и любить свою родину — это для людей такого типа одно и то же. Так оно было и для Шевченка, и для Франка.

Каждый сборник стихотворений Ивана Франка является книгой с резко очерченным характером.

В сборнике «Вершины и низины» автор предстаёт перед нами прежде всего как гражданин и боец; стихи на общественные темы, зарисовки современной жизни и призывы к её изменению занимают там главное место. Особенно характерен в этом отношении цикл «Excelsior!»; особенно примечательны «Думы пролетария» и «Тюремные сонеты». В последних мы видим во весь рост колоссальную фигуру неутомимого и непримиримого борца с социальной неправдой. Самая мысль дать в канонической сонетной форме сурово реалистическое даже натуралистическое изображение быта австрийской тюрьмы является проявлением большой смелости. Эти сонеты звучат, как удары карающего бича.

Книга «Вершины и низины» ярко отражает общественно-политические позиции молодого Франка. В ней мы видим прозведения того жанра, к которому не раз и впоследствии

обращался поэт, — жанра острой, гейневского типа, сатиры («Мы осы, мы осы», «Прогрессист»).

Сборник «Мой Измарагд» в значительной части даёт вариации старинных притч и легенд разных времён и народов, но они, опять-таки, явно обращены к современности. Дидактизма, учительского характера многих вещей этого ряда не скрывал сам Франко. Философское осмысливание мира, размышления о добре и зле, о дружбе, о красоте, о жизни облечены здесь в форму прозрачных, не раз откровенно расшифровываемых самим автором иносказаний.

Нельзя не отметить стоящий особняком цикл «В Бразилию», перекликающийся с некрасовски-грустными «Галицкими картинками». В цикле «В Бразилию» с беспощадной суровостью описывается тяжёлая жизнь переселенцев из Западной Украины в Южную Америку. И здесь, однако, Франко не ограничивается только описанием, только констатацией фактов, а даёт и широкие обобщающие штрихи:

Ой, расплескалось ты, русское горе,
Вдоль по Европе, далече за море!

Грустью овеян сборник «Из дней печали», но это грусть сильного, мужественного человека, преодолевающего её, зовущего людей

...к этой кузне, где куют
Им оружие вместо пут, —

уверенно заявляющего:

Я ещё не стар! Есть сила!
Ничего, что путь тернист.
Хоть хандра, хоть горе давит, —
Я ещё не пессимист!

Последний и, может быть, самый сильный в поэтическом отношении (по зрелости мысли, чёткости образов, мастерству формы, чистоте языка) стихотворный сборник Ивана Франка — «Semper tigo». Буйной, неукротимой радостью борьбы, созидания, стремления к новой жизни дышит в нём стихотворение «Конквистадоры», оканчивающееся словами:

Мир достанется отважным.
Трусость жалкую — к чертям!
Здесь — желанную отчизну
Кровь и труд воздвигнут нам!

Глубокими высказываниями о творчестве, о жизни, о поэзии являются такие стихи, как вступительное стихотворение

книги — «Жизнь коротка, искусство бесконечно», «Поэт, пойми», «Я в чистом поле убирал пшеницу».

В цикле «На старые темы» верный себе Франко даёт свою интерпретацию мотивов «Слова о полку Игореве», мотивов библии... Поразительно сильны здесь такие вещи, как «Полночный крик звучит...», «Где не лилися вы в нашей бывальщине» (стихотворение с эпитафией из «Слова» — «Жены русския всплакашася»), «На реке вавилонской»...

И на фоне этих мужественных книг, напоённых бодростью и верою в разум и силу человека, ненавистью к угнетателям и хищникам, обобщённый образ которых дан в великолепном стихотворении «Беркут», и горячей любовью к угнетённым, убеждённою в конечной победе трудящихся над эксплуататорами, — на фоне этих книг, как тёмный, печальный остров среди светлого, многоцветного моря выступает «лирическая драма» «Увядшие листья». В ней видим мы отражение тяжёлой личной трагедии Ивана Франка. Но правильно делают те исследователи, которые объяснение мрачного колорита книги видят не только в личных переживаниях автора, а и в общественных отношениях того времени. Франко был одинок или почти одинок, тяжёлые преследования явных врагов и мнимых друзей не могли не утомить даже этот могучий дух.

Утомили — но не сломали. Не самоубийством, о котором прямо говорится в некоторых стихотворениях, кончился для Франка этот печальный период, а возвращением к упорному творческому труду, которого не оставлял он даже при самых страшных приступах недуга, сведшего его в конце концов в могилу. Франко мог сказать о себе в эти последние годы словами Мицкевича: «Живу только надеждой, что не лягу в гроб с бездеятельно скрещёнными на груди руками».

Три силы поддерживали Франка в самые горькие минуты, три светоча освещали его тернистый путь. Эти силы, эти светочи — *труд, народ, борьба*.

Когда один из современников поэта объявил было его «декадентом», Франко ответил на это удивлённым и возмущённым возражением:

Какой я декадент? Я сын народа,
Который рвётся к солнцу из берлог.
Мой лозунг: труд, и счастье, и свобода,
Я сам — мужик, пролог, не эпилог.

Это — чудесное самоопределение!

Революционная деятельность Франка составляет предмет для отдельного исследования; революционная настроенность его поэзии — несомненна.

Иван Франко чувствовал, ощущал приближение великого социального переворота, о котором он говорил такими взволнованными словами:

Гремит! И народы объемлет волнение:
Быть может, прекрасное близко мгновенье...
Счастливых мы ждём перемен. Эти тучи —
Виденье грядущей эпохи могучей,
Которая мир, как весна, обновит...
Гремит!

Больше того! Он иногда с прозорливостью ясновидца определял даже формы, в которые вылетит счастливое будущее народа. На наших глазах, как уже сказано, осуществились слова поэта из пролога к поэме «Моисей». Прямым пророчеством звучат его «Думы на меже», где поэт призывает к уничтожению собственнических меж, к радостному обобществлённому труду, и рисует такую картину будущего:

Безмежные видел я в мыслях поля:
Трудом обновлённая общим, земля
Кормила народ мой, свободный, счастливый...

Это ему, Ивану Франку, принадлежат гордые и уверенные слова:

Наша цель — это счастье людское,
Светлый разум без веры в богов,
Братство крепкое и мировое
И свободные труд и любовь!

Это он, Иван Франко, написал величественный гимн «Вечный революционер», оканчивающийся словами:

Вечный революционер —
Дух, наука, мысль, свобода —
Он не прекратит похода,
Неуклонности пример.
Опрокинута плотина,
С места тронулась лавина, —
Где найдётся в мире сила,
Чтоб её остановила,

Чтоб опять свела на-нет
Пламенеющий рассвет?

В наши дни священной борьбы с гитлеровским зверем по-особенному звучат для нас слова поэта:

Придётся стать за правду твёрдо:
Все вровень, и к плечу плечо,
Придётся нам с врагом сразиться,
И кровь рекою потечёт.

Силу ненависти Франка к духовным предкам современных немецких фашистов видим мы в сонетах «В былые годы Данте и Петрарка», «Нет, иногда тюремные порядки», в цикле «Кровавые сны», в знаменитых антиавстрийских сонетах «О средневропейское болото» и «Тюрьма народов», а слова:

Это бой наш последний! Тут в споре
Человек против зверя встанёт... —

кажутся пронзёнными сегодня, только что.

Трудно охватить всё значение деятельности Франка для развития украинской поэзии. Рядом с Шевченком (хотя и позже по времени), но иными путями вёл он её с «низин» провинциальности, узости, ограниченности к вершинам человеческой мысли. Как учитель поэтов, увидел он в Лесе Украинке новую громадную силу — и приветствовал, назвав эту хрупкую, большую девушку «единственным мужчиной» среди украинских писателей того времени. Советская украинская поэзия, начиная с таких имён, как Тычина и Бажан, и кончая самыми юными нашими современниками, много почерпнула и черпает у Франка, неутомимого искателя, правдолюбца, новатора, «вечного ученика» и великого учителя.

Сын «Яця-кузнеца», «вечный революционер», труженик, борец, поэт — Иван Франко с нами, среди нас, он наш современник, спутник и друг.

Максим Рыльский

СТИХОТВОРЕНИЯ

ВЕРШИНЫ И НИЗИНЫ

(1887—1893)

I. «DE PROFUNDIS»*

Г И М Н

Вместо пролога

Вечный революционер —
Дух, зовущий нас к походу
За прогресс, добро, свободу, —
Он — бессмертия пример.
Ни поповские проклятья,
Ни тюремные объятья,
Ни штыки отрядов царских,
Ни разгул плетей жандармских,
Ни шпионы всей земли
В гроб титана не свели!

Он не умер, он живёт!
Сотни лет назад рождённый,
Он восстал, освобождённый,
Силой собственной идёт.
Он окрепнул, он шагает
В те края, где рассветает,
Словом зычным, как трубою,
Миллионы кличет к бою —
Миллионы вслед за ним:
Голос духа слышен им!

Голос духа слышен всем:
В избах, к нищете привычных,
В грохоте машин фабричных,

Всюду, где тоска и темь.
И, вельню духа внемля,
Горе покидает землю,
Мощь родится и упорство —
Не сгибаться, а бороться,
Пусть потомкам, не себе,
Добывая жизнь в борьбе.

Вечный революционер —
Дух, наука, мысль, свобода, —
Он не прекратит похода,
Неуклонности пример.
Опрокинута плотина,
С места тронулась лавина, —
Где найдётся в мире сила,
Чтоб её остановила,
Чтоб опять свела на-нет
Пламенеющий рассвет?

1880

ВЕСНЯНКИ

* * *

Удивлялась зима:
Отчего тает снег
И чернеет покров
Льдом окованных рек?

Удивлялась зима:
Что ни день — меньше сил.
Что за странный озноб
Всю её охватил?

Удивлялась зима:
Отчего с каждым днём
Оживает земля,
Набухает теплом?

Удивлялась зима:
Сквозь покров ледяной
Как посмели цветы
Выйти стайкой живой?

И подула на них
Ветром уст ледяных
И метать принялась
Горы снега на них.

Опустили цветы
Сразу венчики вниз,
Но лишь стихла метель —
Вновь они поднялись.

Всего больше зима
Сокрушалась о том,
Что бессильна она
Перед слабым цветком.

27 марта 1880

* * *

Гремит! Благодатная ближе погода,
Роскошною дрожью трепещет природа,
Живительных ливней земля ожидает,
И ветер, бушуя, над нею гуляет,
И с запада тёмная туча летит —
Гремит!

Гремит! И народы объёмлет волнение:
Быть может, прекрасное близко мгновение...
Счастливых мы ждём перемен. Эти тучи —
Виденье грядущей эпохи могучей,
Которая мир, как весна, обновит...
Гремит!

1880

* * *

Греет солнышко!
Улыбается небо ясное,
Разливается песня жаворонка,
Утопая там, в бездне-пропасти
Вечно синего океана...

Встань,

Встань же, сеятель! Злобный ветёр стих,
Отскрипел мороз, отошла зима!
Тёплым веяньем воздух полнится;
Как у девушки пробудившейся
Подымает грудь кровь кипучая,
Молодая кровь,
Так и грудь земли дышит-движется
Силой дивною и живительной.
Встань же, сеятель!
Сей ты в добрый час зерно-золото!
С лаской-трепетом мать сыра-земля
Обоймёт его,
Кровью тёплою напоит его,
И взрастит его, сберегаячи.
Эй, друзья мои! Сердца чистые,
Руки сильные, мысли честные, —
Просыпайтесь!
Встаньте, слушайте зов весны людской,
Всемогущий зов!
Сейте вы в умах думы вольные,
А в сердцах людских — братолюбие
И огонь в груди — чтоб итти на бой
За добро, любовь и за волю всех!
Сейте! В рыхлую пашню свежую
Лягут семена вашей истины!

28 марта 1880

* * *

Уж солнышко вновь по лугам
Начинает с весною работу;
И вновь по широким полям
Льются реки крестьянского пота.

По тихой реке голубой
Серебристая рыба играет;
По тесной толоке нагой
Вновь скотина худая блуждает.

А лес птичью песню поёт,
Стон кукушки звенит по дорогам,
И снова телега ползёт —
Сборщик едет в село за налогом.

28 марта 1880

* * *

Дай мне, земля, в эти мрачные годы,
Силы, бурлящей в твоей глубине,
Силы стоять на защите свободы
Каплю хоть мне!

Дай теплоты мне, чтоб грудь оживила,
Чувства согрела, очистила кровь
И безграничную в сердце вселила
К людям любовь!

Дай мне огня, чтоб словам вспламеняться,
Души будить громовую дай власть,
С правдой лишь знаться, с неправдой сражаться
Вечную страсть!

Силу рукам дай, чтоб с гнётом не сжиться,
Ясности мыслям — не сдать в беде,
Дай мне трудиться, трудиться, трудиться.
Жизни — в труде!

1880

* * *

Распускайся, развивайся,
Роща молодая!
Помертвевшая природа
Снова оживает.
Оживает, разрывает
Зимние оковы,
Обновляясь новой силой
И надеждой новой.

Зеленой, родное поле,
Украины нива!
Поднимайся, распускайся,
Дозревай счастливо!
И чтоб доброе навеки
Семя ты растила,
И чтоб миру доброй службой
Ты всегда служила!

1880

* * *

Не забудь, не забудь
Дней весны, юных дней, —
Жизни путь, тёмный путь
С ними ярче, ясней.

Снов златых и утех,
Светлых слёз и любви,
Чистых замыслов тех
Не стыдись, не губи!

Ведь пройдут... Дальше труд
Одинокнй, тоска, —
Огрубеют, замрут
И душа, и рука.

Лишь кто знает любовь,
В ком волнуется кровь,
В ком надежда — навек,
Кто в бою не дрожит,
Вместе с братом скорбит
И на помощь спешит, —
Только тот — человек.

Если жизни пути
Человеком таким
Ты не можешь пройти, —
Будь хоть чуточку им.

А в ненастные дни,
Непогожие дни,
Когда чувство замрёт
И мечта отцветёт,

И с широких дорог
Битв, любви и тревог
Ты сойдёшь для иной
Тропки — узкой, крутой,

Кровь остудит беда
И померкнут огни, —
Добрый словом тогда
Жизни май вспомяни!

Вот тогда эти сны
Скрасят трудный твой путь...
Юных дней, дней весны,
Не забудь, не забудь!

10 июня 1882

* * *

Ой, поёт в саду, щебечет соловей
Песню вольную весенних ясных дней,
Он щебечет, как и прежде шебетал,
Вёсны красные напевами встречал.

Да не так теперь, не то теперь у нас:
Всё село гудит, бывало, в этот час,
А на улице — девчата, словно рой,
А на вишне — соловейка молодой.

Ой, не то теперь, что было! Вечерком
Не пройдут девчата с шуткой, с говорком,
Не выводят они песен на весь двор,
Молодому соловью наперекор.

Изнурённые, с полей они спешат,
Руки-ноги, как отбитые, болят,
Не до песен тут, видать, не до затей, —
Им, сердечным, отдохнуть бы поскорей!

Грустно даже соловейке шебетать,
Грустно, тяжело дни весенние встречать,
Славить радостными песнями простор,
Словно горю человечьему в укор.

Ещё жаль ему соперниц, что гурьбой
Пели с ним по вечерам наперебой.
Что-то ждёт их?.. Муж постылый, плач детей,
Брань свекрови да попреки от людей.

1881

* * *

Ох, истомило весны ожиданье!
Что же, голубка-весна, не идёшь?
Вместо себя, беднякам в наказанье,
Голод и холод, нужду и страданье
В гости ты шлёшь?

Май на дворе! Но не рады и маю:
Что же нерадостен, май, твой приход?
Поле и роща молчат, изнывая,
Только свинцовые тучи скрывают
Весь небосвод.

Стон раздаётся по хатам убогим,
Дети от хвори десятками мрут,
Сена — ни стебля. Валясь на дороге,
Гибнет скотина. По долам отлогим
Воды ревут.

«Сгинем! — все шепчут. — Беда, как ведётся,
Скопом приходит. Чуму принесёт,
Либо — не дай боже! — Польша вернётся».
Вот как в крестьянских сердцах отдаётся
Мая приход.

1881

* * *

Ой, что в поле дымом вьётся?
Не орлы крылами плещут —
То копает грядки Доля,
Красу садит, разум сеет,
Причитает, припевает:
«Ты взойди, краса, до ночи,
А ты, разум, спозаранку!
Ты расти, краса, по пояс,
А ты, разум, меня выше!
Ты ступай, краса, по людям,
А ты, разум, в наши хаты!
Не иди, краса, к охочим
Затмить тебе ясны очи.
Не иди, краса, в те руки,
Что тебе готовят путы!
А в неволю попадѣшься, —
Растекись, краса, слезами,
Свянь, засохни пустоцветом!

А ты, разум, ну-ка, разом
Порви цепи вековые,
Что сковали наши думы!
Из потѣмок люд рабочий
Выводи ко мне ты — к Доле!
Разжигай в нём пламя мысли,
Раздувай желанье воли,
Воспитай согласие, братство,
Накопи большую силу,
Чтобы разом дружно встала, —
Счастье, волю добывала!»

23 июня 1880

* * *

Молодые песни,
Молодые сны,
Что вы безутешны,
Отчего грустны?

Или нету свежей
Зелени в лесах,
Или светит реже
Солнце в небесах?

Или, расцветая,
Не зовёт весна, —
Что лишь боль людская,
Нищета видна?

Ох, жива природа,
Ясен солнца свет,
Только у народа
Нынче жизни нет!

Весел на просторе
Птичий звон и крик...
Только гибнет в горе
С голоду мужик.

И цветы средь поля
Расцветают вновь, —
Только тьма, неволя
Пьют людскую кровь.

Лучше бы для моды
Петь мне средь полей

Про красу природы.
Чем про плач людей.

Но ведь не для моды
Песнь слагаю я,
И грустна выходит
Песенка моя.

1862

* * *

Думы, песни мои,
Думы, дети мои!
Улыбнитесь, маня
Из печальной тюрьмы!

Точно запах весны,
Прилетаете вы,
Сердце скорбное вмиг
Утешаете вы!

И сюда вы, где ржа
Точит сердце, кроша,
Где в тяжёлой борьбе
Истомилась душа,

Где шатается лишь,
Сомневается лишь
Ум, где новая мысль
Разгорается лишь, —

Вы несите привет,
Исцеленье от бед,
Где сомненья и мгла—
Лейте радостный свет!

6 апреля 1880

VIVERE MEMENTO*

Ты в груди моей, весна,
Чудо сотворила!
Ты ль призывом ото сна
Сердце пробудила?
Тлел вчера, как Лазарь, я,
Как в гробу, в кручине, —
Что ж за новая заря
Мне блеснула ныне?
Чудный зов манит опять...
К жизни то — не в плен то:
«Встань, проснись, довольно спать!»
Vivere memento!

Ветер тёплый, брат родной,
Ты ль мне молвил слово?
Иль дубрава над горой
Зашумела снова?
Травка, то, быть может, ты
Сердце приласкала,
Как от зимней мерзлоты
Снова к солнцу встала?
Или, может быть, рекой,
Серебристой лентой
Смыт мой сумрачный застой?
Vivere memento!

Всюду слышу дивный глас,
Жизни зов могучий...
Свет, весна, люблю я вас,
Горы, реки, тучи!

Люди, люди! Брат я вам,
Вам отдам все силы,
Сердца кровь свою отдам,
Чтобы горе смыла.
А что кровь не сможет смыть,
Пусть горит в огне то!
Лишь бороться — значит жить...
Vivere memento!

14 октября 1883.

ОСЕННИЕ ДУМЫ

* * *

Осенний ветер, ты над лесом стонешь —
Так стонет мать над сыном в час утраты;
Ты грозно тучи в поднебесьи гонишь —
Как будто гонишь зимний сон проклятый!

То в щелях засвистишь, то крышу тронешь.
Сорвёшь солому с деревенской хаты,
Сухие листья, разметаёшь, хоронишь
В пустынном поле — ветер мой крылатый!

Я долго слушал стон печальный этот,
И я тоску твою понять сумею:
Тебе ведь солнца жаль, цветов и лета!

О милый брат! Когда я поседею,
Заплачешь ли над долею моею,
Иль гневно разметёшь мой след по свету?

9 октября 1882

ЖУРАВЛИ

1

Над степью, над горами и равниной,
Над рощами с поблёкшими ветвями,
Над стынувшими в ветрах пустырями,
С рыданием, как плач над злой судьбиной,

Над нищими, глухими деревнями,
Над хатами, обмазанными глиной,
Над вечной человеческой кручиной
Вы проплываете под облаками.

Куда? Куда? В иной ли край зелёный,
Травой одетый, солнцем озарённый,
Летите, будто по одной черте вы?

Постойте! Вот в яру, водой размытом,
Томится брат ваш, брат с крылом подбитым!
Меня возьмите, братья! Где вы? Где вы?..

Посланцы севера, на дальнем юге,
В краю обилья, песен, красок светлых,
Поведайте о тучах неприветных
На нашем небе. Расскажите, други,

О бедности, рыданьях безответных,
Труде бессонном в скорби и натуге,
О хлебе, что пекут в золе, о вьюге,
Шумящей в песнях, жалобно пропетых!

Поведайте о том, что вас прогнало
Из горького, хоть милого вам края,
Чтоб сердце доброе там зарыдало!

Когда ж и там народ живёт, страдая,
И там земля сосёт кровь бедняков,
А хлеб даёт не им, — не надо слов!

20—21 октября 1883

* * *

Так тихо речки чистой колыханье,
Так неприметно, что слышать порою
Жучка, в листе увявшего, жужжанье, —
Что слиться хочется тебе с водою.

А в вышине — искристых звёзд мерцанье...
И, как дитя, играет луч с волною
Реки хрустальной; в тихом увяданьи
Нависли лозы — клонит их к покою.

На дне жемчужном щука задремала —
Лишь ходят жабры, кровью налитые,
И рак из норки выползает вяло.

И в нашем сердце — звёзды золотые
Сверкают, и уснула щука злая,
И дышит зависть, жало выставляя.

1881

* * *

Слетают листья с дерева сухого,
Так падают медлительно, уныло,
Как слёзы матери, что шепчет слово
Молитвы над сыновнею могилой.

И падает осины лист багровый,
И кажется — ножом его пробило;
А лист берёзы будто шепчет снова:
«Куда ты, лето ясное, уплыло?»

Один лишь дуб, ветвистый и могучий,
Спокоен — стуже не его смутить!
Не зря прожил он лето — небо в тучах,

И вьюгам срок уже пришёл кружить,
Но снег не сломит сил его кипучих —
Он плод принёс, плод этот будет жить!

1881

СКОРБНЫЕ ПЕСНИ

* * *

Нет, я не виновен, что грусть навеваю
Тебе, мой брат!
Что слово за словом нескладно слагаю —
Пусть мне простят!

Они не от счастья и смеха звучали,
И неспроста
Их шепчут невольно в беде и печали
Мои уста.

Бессонный работник слагает их в болях —
Тревоги шум:
Неволя моя и народа неволя —
Мать скорбных дум.

9 мая 1850

* * *

Порой бывает — сердце ноет
И скорбных мыслей рой летит,
Как будто туча небо кроет
И гром раскатами гремит.

И взглядом онемевшей злобы
Я всё гляжу в небесный круг
И жду, что из земной утробы
Вот-вот огонь прорвётся вдруг

И землю всю сожжёт до края
С её неправдой вековой,
И, скорлупу земли ломая,
Восстанет хаос грозовой...

И, словно золото в горниле,
Весь мир очистится кругом —
И чистой в невечерней силе
Свобода засияет в нём.

2 апреля 1880

* * *

В потоках слёз, от клеветы пролитых,
И я участвовал своей слезою;
Ко храму всех, мечтаньями насытых,
Кирпич добавлен, может быть, и мною.

Когда же, куплен этими слезами,
И счастья, и свободы день настанет, —
Пусть кто-нибудь в великом, новом храме
Меж прочих и меня добром помянет.

2 апреля 1880

* * *

Пуcкай и так — погибну я,
Забьт людьми, под тыном,
Пуcкай все мысли и дела
Пройдут бесследно, cловно мгла
На небе синем!

Пуcкай! Охотно я иду
За праведное дело!
Охотно за него умру
И это знамя донесу
До гроба целым.

31 мая 1880

* * *

Тяжко, горько — век свой коротая
В сумраке незнания немом,
В муках, шею под ярмом сгибая,
Простонать до гроба под ярмом.

Тяжко, горько — целый век болея,
Никогда болезни не понять;
Только горе мыкать, не умея
Это горе чуточку унять.

А ещё тяжеле — видеть муку,
Знать наверно, где её исток,
И не смочь подать на помощь руку
Брату, что в мученьях изнемог.

А ещё тяжеле — жаждать воли,
Правды, братской дружбы меж людей.
Грызть решётку, цепи рвать до боли
И вовек не сбросить тех цепей!

1876

ДУМА В ТЮРЬМЕ

Ой, рано я, рано я встану,
На небо далёкое гляну,
А небо — хрусталь голубой,
А сердце — в кручине глухой.

Пусть небо с улыбкой бессмежной
Глядит на тюремные стены,
Но стены набухли от слёз,
Что их пропитали насквозь.

О небо, зачем надо мною
Улыбкой цветёшь неземною,
В проклятую камеру, в тьму
Привет посылаешь к чему?

Тут слёзы, а ты торжествуешь,
Ты вольности ветром волнуешь,
Но давит стенами тюрьма,
Могила — тесна и нема.

И, заживо здесь погребённый,
Гляжу я, лучом озарённый,
На яркое солнце в окне, —
И кровь закипает во мне.

За что меня цепью сковали?
За что мою волю отняли?

И кто и за что осудил?
За то, что народ свой любил?

Желал я для скованных воли,
Желал обездоленным доли
И равного права для всех —
И это единый мой грех.

1877

РАБЫ

Лежу я бессонною ночью,
И дождик стучит за окном...
Бог знает, что видится в яви,
А мысли мои об одном,

Я думаю всё о свободе,
Которая так далека,
И камнем тяжёлым на сердце
Ложится немая тоска.

И чёрные, скорбные мысли
Стекаются с разных сторон:
«Не может быть в мире свободы,
Она — только сладостный сон.

Гляжу я в окно ежедневно,
Мне жизнь городская видна,—
Различные люди проходят
По улице мимо окна.

Оборванный смотрит подёнщик
В туманные стёкла витрин, —
Он раб, а голодный желудок
Суровый его господин.

Служанка с кошкой на рынок
Торопится мимо окна, —
У барыни злой и капризной
Находится в рабстве она.

Направилась в церковь старушка,
Согбенна и полуслепа.

Не духа святого рабыня,
Не бога, а только попа.

Супругов нарядных в коляске
Красивые лошади мчат.
Но, кажется, белые руки
Цепями неволи бренчат.

Ужели всё это — свобода,
Которая грезилась мне?
А люди живут, умирают,
Не видя её и во сне.

Но что это? Разве не ясно? —
В блестящих колясках сидят
Нарядно одетые дамы,
Колёса о камни гремят.

Свободно, легко и беспечно
Взирают на мир господя,
И звонкого смеха раскаты
Ко мне долетают сюда.

Задумался я на мгновенье,
Приняв за свободных людей
Рабов развращённости, скуки,
Капризов и лени своей.

И тут я подумал о доле
Несчастных, чей каторжный труд,
Чьи слёзы рекой золотою
В чужие карманы текут.

Весь мир — это рабства обитель...
Я в замкнутом бнлся кругу.
И кровь, распалённая гневом,
Стучалась в усталом мозгу.

В мозгу всё не молкнут удары,
И чёрные думы летят, —
Колёса господских колясок
По темени гулко стучат.

* * *

Отступились сердца от меня!
Отвернулись друзья и родня!
Опустела живому земля...
Иль боятся те люди меня?

Лучше в дебрях бродить без тропы,
Чем отверженцем в сонме людей.
Почему среди этой толпы
Я один заклеймён, как злодей?

Одиноко брожу по земле,
Никому не желанен, не мил...
В целом мире не встретился мне,
Кто бы горе моё разделил.

Если б в слёзы кровавые вновь
Мог я всё своё горе излить,
Я бы выплакал всю свою кровь,
Чтоб с людьми ничего не делить.

18 ноября 1880

* * *

Стелись, обновлённый
Мир — рай мой зелёный,
На вольные склоны
Меня принимай!

Дыханьем покоя
Повея надо мною,
Святою рукою
Печаль унимай!

Как солнце сверкает!
Как взгляд отдыхает,
Когда пробегает
Над вольной страной!

Луга за полями,
Село меж садами,
И мир над домами,
В селеньи покой,

Жизнь братьев счастливых,
Простых, хлопотливых,
На дедовских нивах
За общим трудом.

И в песне едины
Поля и долины:
Здесь нет господина,
Нет рабства кругом!

Вот край мой раскрылся!
Чтоб он воплотился,

Я б жить со́гласи́лся,
Согнувшись в ярме.

Но это виденье,
В ребяческом рвеньи,
Лишь воображенье
Рисует в тюрьме.

14 марта 1880

НОЧНЫЕ ДУМЫ

* * *

Ночи бескрайные, ночи бессонные,
На сердце — гнёт!
Думы тяжёлые, неугомонные,
В сердце печаль, как паук, свои тёмные
Сети плетёт.

Яростным вихрем желанья сердечные
Рвутся, летят, —
И ненасытные, и бесконечные...
Словно с собой и меня, быстротечные,
Взвихрить хотят.

Что же вы рвётесь, куда улетаете,
Думы, во мгле?
В гости к звезде залететь вы желаете?
К звёздам земным вы дороги не знаете
Здесь, на земле.

О моя светлая зорька далёкая.
Где ты живёшь?
Встречу ль при жизни тебя, синеокою,
Иль на могилу мою одинокою
Плакать придёшь?

12 декабря 1882

* * *

Необозримой чередою
Идут, идут за днями дни,
Бесцветны и страшны они,
Как эти тучи, в чьей тени
Тускнеет, меркнет всё живое.

С порабощёнными руками,
Без дум и дел коснею я;
Проходит молодость моя,
Как речки чистая струя
Бесследно гибнет меж песками...

Сгинь, сгинь, хоть ты ещё не жил,
И след исчезнет за тобою,
Распустится, как снег весною, —
Лишь в сердце тлеют болью злою
Следы сгоревших дней и сил.

14 марта 1880

* * *

Дремлет мир. И бледнолицый
Месяц задремал над ним, —
Знать, закрыты двери неба,
Спится на небе святым.

Потому всё горе мира,
Убежав от тех, кто спит,
На моей душе бессонной
Тяжким бременем лежит.

23 сентября 1880

* * *

Догорают поленья в печи,
Пеплом тронута алая грань...
Одинокий сижу я в ночи,
Ткётся дум моих чёрная ткань.

И когда же огонь пропадёт —
Тот, что в сердце моём не утих?
Скоро ль горе погасит, уймёт
Жар пылающих мыслей моих?

Ох, и жгут эти мысли огнём!
Лишь тоска, как зима, холодна!
Кровь кипит, но лишь стены кругом —
Да неволя, как пепел, бледна.

Да, готов я за правду стоять,
Жизнь готов за свободу отдать,
Но с собою самим я в войне —
Не под силу борьба эта мне.

18 ноября 1881

* * *

Не разлучай меня с горючей болью,
Не покидай меня, о дума-мука
Над братским горем, над людским бездоьем!

Рви сердце мне, о призрак бледнорукий!
Не дай заснуть в убийственном бесстраши —
Не отпускай меня, змея-гадюка!

Ещё туман моих очей не застиг —
Не дай забыться хоть на миг единый
Мечтой о собственном, презренном счастье,

Пока вокруг рабыгибают спины
И валяются, как стебли под косою,
И с колыбели вплоть до домовины

Живут с бедою, точно брат с сестрою.
Покамест жизнь победной колесницей
Проносится, смеясь над нищетою,

Покамест золотая небылица
Для миллионов — топленая хага,
Покамест слёзы бороздят нам лица,

Покамест тружеников казематы
Глодают, и отчаявшимся стадом
Мрут с голоду бездомные ребята,

Покамест небо оскорбляют смрадом
Вместилища разврата и обмана,
Покамест идола с бесстрастным взглядом

Тлетворным ядом отравляют раны
Народные, и на костях народных
Победу торжествуют Тамерланы, —

Не отпускай меня, о ртах голодных
Глухая дума! Лютыми клещами
Сжимай мне сердце, коли лечь на отдых

Задумаю! И днями и ночами
Тверди над ухом: «Ты им брат! Люби их!
Трудись для них словами и руками

Без сладких грёз, без дум себялюбивых!»

28 ноября 1883

* * *

Месяц, владыка!
Ночкою тёмною
Тихо плывёшь ты
Тропкой укромною...
Нежно струится
Воздух, как море, —
Вот где омыться бы
Сердцу от горя!

Месяц, владыка,
Смутен ты обликом!
Грусть разливается
Вкруг тебя облаком.
С неба бесстрастного,
Вечно прекрасного
Тяжко глядеть тебе
В море бездонное —
Люда несчастного
Горе бессонное.

Месяц, владыка!
В мраке грядущего
Ты словно ищешь
Тайно цветущего
Зелья целебного,
Защиты от бед...
Найдёшь ли волшебное
Зелье, иль нет?..

16 июля 1883

ПЕСНЯ ГЕНИЕВ НОЧИ

Житейский ли кончая бой,
В расцвете ль свежих сил,
В пути измученный борьбой,
Иль с первым взмахом крыл,
Чело склонив с годами вниз,
Весны ль встречая дни, —
О странник бедный, к нам вѣрнись!
Усни! Усни! Усни!

Стезя живых — куда она?
Что ненависть и страсть?
Здесь мрак, покой и тишина
И тихой ночи власть.
Здесь нет ни муки бытия,
Ни счастья в тени,
Спокойствия и забытья —
Усни! Усни! Усни!

Затихни мирно на груди
Праматери своей;
Откуда вышел — вновь иди,
Бессмертья чашу пей!
И плоть, что в муках рождена,
В пучину ту верни,
Где жизнь со смертью сплетена —
Усни! Усни! Усни!

А искра слабая — твой дух,
Свет мозга твоего? —
Истлеешь ты, и он потух,
И вот уж — нет его.

Так детских сказок не страшись, —
Для робкого они!
Ведём к победе мы. Решись!
Усни! Усни! Усни!

10 декабря 1882

ДУМЫ ПРОЛЕТАРИЯ

ТОВАРИЩАМ ИЗ ТЮРЬМЫ

Рвутся старые наши оковы,
Что привыкли мы в жизни носить:
Расковаться и мысли готовы —
Будем жить, братья, будем мы жить!

Будем жить жизнью новой и полной,
Добрых чувств согреваясь огнём:
По бурливым и сумрачным волнам
Мы к счастливым краям поплывём.

Через волны несчастья и рабства,
Мимо бурь озлоблённых речей
В край святой поплывём мы, где братство
И согласие живут меж людей.

К битвам новым лежит нам дорога —
Не за царство тиранов, царей,
Не за церковь, попов или бога,
Не за власть кровопийц-богачей.

Наша цель — это счастье людское,
Светлый разум без веры в богов,
Братство крепкое и мировое
И свободные труд и любви!

Нужно твёрдо в бою нам держаться,
Не смущаясь, что пал первый ряд,
Хоть по трупам вперёд продвигаться,
Ни на шаг не ступая назад.

Этo бой наш последний! Тут в спoре
Человек прoтив зверя встaeт,
Тут свобoда неволю побoрет,
«Царство бoжье» на землю сойдeт.

Но прoсить мы не станeм у бoга:
«Да приидет к нам царство твое!» —
Там молитва плохая подмoга,
Где лишь разум крепит бытнe.

Даст не бoг этo царство нам сразу,
Не святые с небес принесут,
Утвердит его властный наш разум,
Наша воля и oбщий наш труд.

НА СУДЕ

Судите, судьи, вы меня
Не милостью фальшивою!
Не думайте, что кину я
Дорогу «нечестивую»,
Не думайте, что голову
Сейчас склоню в смиренн̄й я,
Что вверюсь вашей доброте
Хоть на одно мгновенье я.

Судите безбоязненно, —
Ведь вы сильны, вы знаете!
Судите без стыда, — ведь стыд
Вы с цепи не спускаете;
Судите, как закон велит,
Ещё добавьте тяжести;
Одной машины колесо —
Закон и вы: куда ж итти?

Но об одном прошу я вас,
Скажите ясно, смело вы:
В чём я, и те, кто здесь со мной,
Виновны, что мы сделали?
Скажите ясно: «Это всё
Изменники! Они хотят
Переменить, преобразить,
Разбить общественный уклад!»

Ещё скажите, а зачем
Хотят разрушить этот строй?
Затем, что властвует богач
И гнётся труженик немой;

Ещё затем, что честный труд
Унижен вами, оскорблён,
Хоть весь общественный уклад
Содержит, оживляет он;

Затем, что тунеядцы пот
И кровь рабочую сосут;
Затем, что с кафедр, с алтарей
Не ясный свет — потёмки льют;
Затем, что льют живую кровь
Для прихоти царей, господ;
Живут, как боги, палачи,
И хуже пса — бедняк живёт.

Ещё скажите, как ваш строй
Решили переделать мы?
Не силою оружия,
Огня, железа и войны,
А правдой, творческим трудом,
Наукой. Если же война
Кровавая поднимется —
Не наша будет в том вина.

Ещё скажите, кто из вас
Посмеет отказать нам в том,
Что правду все мы говорим,
Что прямо, честно мы идём
За истиной... Скажите всё,
Мы всё сумеем вынести,
Тогда «закона» именем
Вершите суд без милости!

30 апреля 1880

МИЛОСЕРДНЫМ

Пусть́ будет так, пусть, как червяк,
Затоптанный в земную грязь,
Обиженный, униженный,
Я погибаю, не смирясь.
Пусть жалобен мой нищенский,
Унылый, угнетённый вид,
А всё ж ваш дар непрошенный
Глубоко сердце мне язвит.

Пусть вы слызёте добрыми,
И честными, и щедрыми,
Как будто бы от всей души
Даёте милостыню вы;
Да только вашей жалости
Я не просил, я не молил, —
Чего ж свой дар суёте мне,
Чтоб он ладонь мою спалил?

И кто вам это право дал:
Вздыхать умильно всякий час
Над каждым, у кого лицо
Не так сияет, как у вас,
Кто сжал уста бескровные,
В чьём взгляде потускнел огонь
И чьи отрепья явственно
Вам скажут: пролетарий он!

Быть может, пролетарий тот,
Как он нуждой ни удручён,
Не хочет милости, — её
Пощёчиной считает он?

Как знать, быть может, слова лишь
От вас он ласкового ждёт,
А может быть, он будет рад
Молчанию, наоборот?

А может быть, тот самый дар,
Какой ласкает совесть вам,
Тяжёлым унижением
Его повергнет в мрак и срам?
И, может быть, за всё, что он
Из милостивых рук возьмёт, —
Он доброту дешёвую
И руки ваши проклянёт?..

12 июня 1880

SEMPER IDEM!*

Вопреки течению
На рожон итти,
Крест свой от рожденья
До смерти нести!

С правдой — за свободу,
В битву против зла!
Сеять средь народа
Вольности слова!

С факелом науки
Бейтесь против тьмы,
Трудовые руки,
Светлые умы!

Нет ещё такого
Острого железа,
Чтобы правду-волю
Мог тиран зарезать!

Нет костра такого,
Чтобы сжечь навеки
Вместе с утлым телом
Дело человека!

3 апреля 1880

ИДЕАЛИСТЫ

Под пнём перегнившим, в разросшейся тине,
Пигмеев-червей копошатся клубки.
В трясине рождённые, гибнут в трясине,
Их телом другие живут червяки.

И снится им, бедным, во тьме бесконечной,
Что солнце сияет над их головой,
Что, солнцем согретые, в радости вечной
Они веселятся беспечной гурьбой.

И сны свои черви сложили в системы
С таким заключеньем: «Нет доли светлей»;
Читали доклады, строчили поэмы
О жизни болотной счастливой своей.

Но люди однажды тот пень повалили,
И солнце, сверкая, возникло вдали,
И разом подохли рождённые в гнили
И злое светило, кончаясь, кляли.

1882

* * *

Всюду преследуют правду,
Всюду неправда одна,
Только в сердца ваши, братья,
Пусть не проникнет она!

Там для святой вашей правды
Мощный создайте оплот,
Там пусть огонь вашей мысли
Неугасимо растёт!

Крепче преграды из стали,
Твёрже гранитной стены —
Чистого сердца твердыня
Против грозящей волны.

Пусть от потомков к потомкам
Правда пребудет цела
В сердце, пока не утихнет
Буря коварства и зла.

Правда, как дерево в стужу —
Сверху без листьев, мертво,
Но под замёрзшей землёю
Ширятся корни его;

И, как струя ключевая
Рвётся в проломы скалы —
Так же прорвёт все преграды
Правда живая земли!

6 апреля 1880

ПОКОЙ

Что ж, покой — святое дело,
Если мирно день идёт;
Кто же в час войны и боя
Стал глашатаем покоя —
Трус или предатель тот.

Если мирные народы
Трудятся, чтоб у природы
Вырвать тайну не одну,
Ту, что свет во тьму вливает, —
Горе тем, кто начинает
Самовольную войну.

Но когда порой рабочей
Вор забраться к нам захочет,
В доме шарить, в кладовой,
Нас имущества лишая,
Цепи нам приготавлиая, —
Разве свят тогда покой?

Если, нашу скромность видя,
Дух наш, род наш ненавидя,
Он нас топчет нипочём —
Горе, горе миротворцам,
Тем, кто к топору не рвётся,
Не отвечает мечом!

15 июля 1883

ТОВАРИЩАМ

И вас от шумных сборищ оттолкнут
Порядков старых рыцари надменно,
И вас и ваше дело проклянут
И крикнут: «Ложь опасная! Измена!»
И обесславят, клеветой зальют,
В преступники зачислят, несомненно,
Истерзанных, вас напоят отравой,
Цель светлую пятная жёлчью ржавой.

На суд потащат вас, все тюрьмы вами
Набьют, и всё поднимут против вас —
Людей и бога. Делом и словами
Не позабудут уколоть подчас
Живое сердце ваше, как шипами.
Подумаешь: «И это жизнь!» — Не раз
Друзья от вас откажутся в испуге...
Да так ли жить нам нужно, братья-друзи?

Не в этом жизнь! Чгоб истину нашли,
Чгоб в унижѣнных — брагъев опэзнали,
За это вы в неравный бой пошли,
Во имя правды против лжи восстали...
Боритесь же! Смелей! Для всей земли
Путь правды расчищайте! Где застали
Колочный тѣрн, — за вашею стопой
Пусть вырастает колос золотой!

19 апреля 1880

* * *

Не люди нам враги, о нет,
Хоть люди судят нас и травят,
В тюрьму бросают, застят свет,
Гнетут, высмеивают, дают.

Ведь люди — что? Каменьев горсть,
Какне, раннею весною,
Несёт, швыряя вкривь и вкось,
Волна крутая за собою.

Не в людях зло, а в путях тех,
Какне тайными узлами
Скрутили слабых, сильных — всех,
С их мукою и с их делами.

Лаокооном среди змей
Народ в незримых путях бьётся...
Дождёмся ли счастливых дней,
Когда петля на нём порвётся?

9 апреля 1860

* * *

Не долго жил на свете я,
Но испытал уже немало.
Мне жизнь не много принесла,
Но сердце — многое узнало.

Мне жизнь дала — узнать добро,
Увидеть чистый свет науки,
Стремленье к правде и труду
И твёрдые, простые руки,

И радость, и печаль любви,
И дружбу, и мечту о воле.
Сказала: «Сей, хоть не твоей
Рукою будет сжато поле!»

И многих мне дала врагов,
Они над слабым поглумились;
Дала сторонников таких,
Что от меня лишь сторонились.

Но я ценю всего сильнее
Ту меру мук моих и боли,
Какую в жизни принял я
За правду, за добро, за волю.

1 апреля 1880

* * *

Вы плакали фальшивыми слезами
Над горестной судьбой моей, жалели
Меня, махали жалостно руками,
Но помощи — уввы! — не видел я на деле.

«Жаль малого! Сойдя с пути прямого,
Пропал! Но мы предвидели всё это!
Пустыми бреднями увлёкся бестолково,
И вот настал конец фантазиям поэта!»

Иные ж благодетели, надменно
Плечами пожимая, возглашали:
«Смотрите, до чего доводят неизменно
Нелепые мечты об идеале!»

Решили так и удалились, строги,
Тот — на обед, тот — к карточным партнёрам,
А тот — судить томящихся в остроге,
А я остался гибнуть под забором.

31 мая 1880

«EXCELSIOR!» *

БАТРАК

Склонённый над сохой, тоскливо напевая,
Встаёт он предо мной;
Нехватки, и труды, и мука вековая
Избороздили лоб крутой.
Душой младенец он, хоть голову склонил,
Как немощный старик, —
Ведь с детства трудится и, не жалея сил,
К невзгодам он привык.
Где плуг его пройдёт, где лемехами взроет
Земли могучий пласт,
Там, колыхаясь, рожь поля волной покроет,
Земля свой клад отдаст.
Так отчего на нём рубаха из холстины,
Заплатанный армяк?
Зачем, как нищий, он прикрыл отрепьем спину? —
Работник он, батрак.
С рожденья он — батрак, хоть вольным окричали
Властители его;
В нужде безвыходной, в смиренности и печали
Сам гнётся под ярмо.
Чтоб как-нибудь прожить, — он жизнь, и труд, и
волю
За корку хлеба продаёт,
Но горький этот хлеб его не кормит вволю
И новых сил отнюдь не придаёт.
Тоскует молча он и с песней невесёлой
Землицу пашет — не себе,

А песня — кровный браг, снимая гнёт тяжёлый,
Не хочет уступить судьбе.
А песня, как роса, живящая растенья,
Когда сжигает зной;
А песня та — как гром, как гул землетрясенья,
Растущий под землёй.
Но буря та пока не грянет, грозовая,
Томится он, не смея глаз поднять,
И землю пестует, как мать свою лаская,
Как сын — родную мать.
И что ему с того, что над чужою нивой
Он пот кровавый льёт,
И что ему с того, что, страдник терпеливый,
Он власть хозяевам даёт?
Ведь лишь бы те поля, где приложил он руку,
Вновь дали урожай,
Ведь лишь бы труд его, ему несущий муку,
Другим дал — светлый рай.

Батрак тот — наш народ, чей пот бежит потоком
Над нивою чужою.
Душою молод он, в стремлении высоком,
Хоть обойдён судьбою.
Он счастья своего ждёт долгие столетья,
И всё напрасно ждёт;
Татарский плен изжил, Руину *, лихолетье
И панцины жестокий гнёт.
И всё-таки в душе, изнывшей от невзгоды,
Надежда теплится, горда, —
Вот так из-под скалы, из-под крутого свода
Бьёт чистая вода.
Лишь в сказке золотой, как будто сон прекрасный,
Он видит счастье лучших дней,
И, тяжкий груз влача, он, хмурый и бесстрастный,
Живёт мечтой своей.
В глухие времена одна его спасала —
К родной земле любовь;
Толпа его детей в страданиях погибала —
Он возрождался вновь.
Любовью этой твёрд, он — как титан былого,
Непобедимый сын земли,
Который, падая, вставал опять и снова,
И снова шёл в бон.

И что с того — кому, под песню вековую,
Он плуг ведёт в поля;
И что с того, что сам нужду он терпит злую,
Хозяев веселя.

Паши и пой, титан, спутанный в оковы
И нищеты, и тьмы!
Исчезнет чёрный мрак, и бремя гнёта злого
Навеки уничтожим мы!
Недаром в оны дни, униженный врагами,
Ты силу духа воспевал,
Недаром ты легенд волшебными устами
Его победу прославлял.
Он победит, прервёт твой плен, пусть крепко
спаян, —
И над землёй один
Ты плуг свой поведёшь, — своих трудов хозяин,
В своём жилище — властелин!

10 октября 1876

БЕРКУТ

Из тайного гнезда на каменистой круче,
Взмахнувши крыльями, рванулся он за тучи, —
Так в гневе наша мысль из глубины взовьётся
И, сблестев миры, о небо обопрётся
И, крылья тяжкие и грозные расширя,
Зовёт: «Где вечный бог? Где правда в этом мире?
Я тысячи планет крылами обвивала,
Проникла в атомы, а правды не видала».

Он в дымной высоте простёрся, недвижимый,
Как образ гибели, ничем не отразимой,
Над жизнью реюший... Он кроется за мглою.
Взгляни: вот кровь пролить летит он над землёю.
Взгляни, и страх тебя охватит леденящий:
Вот беркут, над тобой невидимо парящий!
Не промахнётся он, когда твой час наступит!
И много ль дней тебе убийца твой уступит?

Он двинулся. Плывёт в заоблачной отчизне, —
Так роковой челнок ткёт нити нашей жизни.
Спокойно кружится, снижаясь, поднимаясь,
За тучи уходя, в лазури расплываясь.
Лишь крик его звучит, зловещий и голодный!
Так в тишине не раз прорвётся плач народный
И ужасом вельмож охватит и смятеньем,
Как гром, подземный гром перед землетрясеньем.

Ты ненавистен мне, парящий надо мною,
За то, что ты в груди скрываешь сердце злое,
За то, что хищен ты, за то, что с высоты
На тех, чью кровь ты пьёшь, глядишь с презреньем
ты,

За то, что слабая тебя боится тварь, —
Ты ненавистен мне за то, что здесь ты — царь!
И вот — курок взведён, моё ружьё сверкает
И пулю грозную под облака бросает.
И на землю не смерть примчишь стрелой падучей,
А собственную смерть ты обретёшь за тучей.
И не как божий суд, а словно труп бездушный
Ты упадёшь, суду руки моей послушный.
И не последний ты! Ведь нас, стрелков, — сто сот:
И кто тебе сродни, кто моет кровью рот,
Кто сеет страх и смерть, слабейших братьев губит, —
От пули не уйдёт, когда пора наступит.
А труп мы отпихнём, не говоря ни слова,
И далее пойдём, спокойно и сурово.

22—24 мая 1883

ЧЁЛН

К лёгкому чёлну ласкаясь, плещет радостно волна,
Как дитя, неумоимо льнёт с расспросами она:
«Кто ты, чёлн, скажи, и что ты? И куда, скажи,
плывёшь?»
И чего ты жадно ищешь? И чего ещё ты ждёшь?»

И ползёт челнок лениво, и рокочет, и ворчит:
«Я не знаю, кто я, что я; чем судьбина завершит
Бег извечный мой — не знаю. Волны несут, в даль
гоня,
Треплют бури, кличут-просят берега к себе меня.

Волны — это жизнь и гроб мой, радости и
смерть моя;
И скольжу с тревогой вечной над своим же
гробом я.

И доколе подо мною гроб мой — жить мне суждено:
Ветер гонит, волны ломают — и, глядишь, пошёл
на дно.

Что ж тут думать, что тужить нам и пытаться
судьбу доколь?

Нынче — жить, а завтра — гнить нам, нынче —
страх, а завтра — боль.

Говорят, своею волей держит нас природа-мать,
Час пробьёт — меня изымет для себя она опять.

Что ж, понадоблюсь — оставит, ну, а нет — меня
живьём

Вдруг изымет — и не спросит ни об этом, ни о том.

КАМЕНОЛОМЫ

Я видел странный сон. Казалось, предо мною
Необозримые раскинулись края,
А я стою в цепях над площадью глухою,
Под высочайшею гранитною скалою,
И рядом тысячи похожих на меня.

И каждое чело невзгоды жизни взрыли,
У каждого в глазах огонь любви горит,
И каждого из нас оковами сдавили,
И плечи мы свои под тяжестью склонили,
И некий страшный груз — один — всех
тыготит.

У каждого в руках железный тяжкий молот,
И голос прогремел, как будто гром в горах:
«Врубайтесь в горный склон! Да не смутит
вас голод,
И жажда, и труды, и душный зной, и холод!
Дано вам превратить скалу вот эту в прах!»

Мы все тогда слились как бы в одном
дыханьи,
Взлетели молоты, раздался грозный стон;
Отчаяньем сильны, гранит железом рая,
Мы с тысячи сторон его дробили грани,
И камни брызнули на тысячи сторон.

Как водопада рёв, как гул и клики боя,
Так наши молоты гремели каждый раз;
Мы медленно вели дорогу пред собою.
Хоть не один из нас раздавлен был горою,
Но удержать ничто уже не смело нас.

И ДИЛЛИЯ

Давно то было. Двое малых дѣток,
Взяв за руки друг друга, по цветистым
Лугам Подгорья*, узкою тропинкой
Через поля, днѣм летним и погожим
Шли из селенья.

Старший мальчик был
Такой беловолосый, синеглазый,
С «лошадкой» — прутиком лозы в ручонках.
За пазухой у мальчика — краюшка,
И полевой цветок — за тульей шляпы.
А девочка, хоть и была поменьше,
Вела его за ручку. А глазѣнки
У ней, совсем как угольки, искрились
И бегали кругом. Как хвостик мышки,
Косичка за спиной болталась, в ней
Была цветная лента вплетена.
В подоткнутой запаске у девчушки
Картошек горсть печѣных, и стручки
Зелѣного гороха шелестели
За пазухой.

Но неохотно мальчик
Шѣл и оглядывался боязливо,
А девочка немолчно щебетала,
Товарищу отваги придавая.

«Ну, постыдись! Такой большущий вырос,
А плакать хочет! Мальчик, а бонтятся!
Чего бояться? Если я сказала,
Так, значит, это правда. Уж моя
Бабуся нас обманывать не станет!
Ты погляди, неужто так далѣко?
Вот бугорок, а там и Дил* близенько,

А там, горой, всё выше да всё выше —
На самый верх! И всё! Там отдохнём мы —
А может, мы и отдыхать не станем,
Совсем ведь будем близко!.. Крикнем: «У!»
Да сразу прямо так и побежим
К столбам железным, что подпёрли небо,
А там схоронимся за столб и тихо,
Тихонечко до вечера пробудем,
Но чтобы ты не смел мне даже пикнуть,
Не то что плакать! Слышишь? А не то
Задам тебе! Когда ж настанет вечер
И солнышко домой вернётся на ночь,
В ворота постучится, — мы тихонько,
Тихонечко прокрадемся за ним.
А знаешь, что бабуся говорила?
У солнца дочь пригожая такая,
Что просто страх! Она и отворяет
Отцу ворота вечером и утром.
А уж детей она так крепко любит,
Что просто страх! А солнце не пускает
Детей к дочурке, чтобы вместе с ними
В мир не ушла. Но мы с тобой тихонько
Подкрадемся и — шмыг, и схватим вдруг
Её мы за руки, и ничего
Не сделает нам солнце. Только ты
Не плачь, не бойся! Ведь совсем уж близко,
И на дорогу хватит нам еды,
А дочка солнца нам всего подарит,
Всего, что только у неё попросим.
А ну, чего б ты попросил?»

Тут глянул

Мальчонка и, засунув палец в рот,
Сказал:

«Ну, мозет, луцсего коня?»

«Ха-ха, ха-ха!» — девчушка рассмеялась.

«А мозет сляпу новую ещё?» —

«Проси, что хочешь, а я знаю, знаю,

Чего просить я стану!» —

«Что — скажи?»

«Нет, не скажу!» —

«А ну скажи, а то

Заплачу!» —

«Ну и плачь, а я одна

Пойду и не возьму тебя с собою». —

«А почему не скажешь?» —

«Глупый ты,

Вот что! А мне бабуся говорила:

Есть золотые яблочки у ней.

Кому она то яблочко подарит,

Тот будет век и счастлив, и здоров,

Красив-пригож тот будет, всем надиво.

Лишь девочкам те яблочки дают».

«И мне бы яблочко!» — захныкал мальчик.

«Не плачь, глупыш, ты попроси об этом, —

Я уж скажу, чтоб и тебе дала.

А как по яблочку себе достанем,

Тогда домой вернёмся и не скажем

Ни слова никому. Ты тоже?» —

«Тозе». —

«Ну, помни же! А скажешь — отберут.

Ну так?» —

«Да, так», — сказал он.

И пошли.

Немало лет прошло уже с тех пор.

Несхожею с надеждами детей,

Тяжёлой вышла длинная дорога

К палатам солнечным. Луга и нивы,

И свет, и небо — всё, всё изменилось

У мальчика в глазах. Не изменилась

Лишь та подруга, спутница его.

Её приветливый, весёлый лепет,

Улыбка, озарённая надеждой,

Живой струёй соединяют в сердце

День нынешний с вчерашним и грядущим.

Их цель не изменилась с той поры,

Лишь выросла, окрепла, прояснилась.

И вот большой дорогой многолюдной,

Среди толпы, и ссор, и толчеи,

Идут они, в своей груди скрывая,

Как клад чудесный, детские сердца.

Минует их глупец надутый, гордый —

С усмешкою; пройдёт вельможа пышный,

Но и не взглянет; встретится мужик —

Даст им воды студёной в знойный день

Напиться, и укажет им тропинку,

И пустит у себя заночевать.
Они же, взявшись за руки, спокойно,
С надеждой, без оглядки и тревоги,
Идут навстречу солнцу золотому.

1886

II. ПРОФИЛИ И МАСКИ

ПОЭЗИЯ

* * *

Различные лица ты в жизни встречаешь,
Но в спешке их часто и не замечаешь.

Лишь редкие лица запомнятся сами
Своими иными, живыми чертами.

Посмотришь, пожмёшь по-приятельски руку —
Вторая минута приносит разлуку.

Но долго в сознании живут и манят
Живое лицо, обаятельный взгляд.

С ним же ты связан судьбою одною
В борьбе и в работе над нивой родною,

Живёшь с ним бок о бок, смеёшься и плачешь,
И всё о нём знаешь, и сердца не прячешь.

Всё в нём тебе ясно — и злоба, и ласка —
А вступишься глубже: лишь маска и маска.

Ты маску лишь знаешь, и к ней ты привык,
А в то, что под маской, — ещё не проник.

И вдруг, по случайности, маска свалилась —
И в ужасе смотришь: «Что с ним приключи-
лось?»

Зачем я ему открывался душой?
Ведь облик знакомый, а вовсе чужой!»

То профиль, то маска — обширное поле!
Вот всё, чем дарит нас убогая дэля.

Вот как бы мы жили, убого и хило,
Когда б не поэзии дивная сила.

Людские черты уловив на лету,
Она им навек придаёт теплоту;

Она беззастенчиво маски срывает
И в душах, как в книге, свободно читает.

И скрытое счастье она, как ребѣнка,
Пригреет и песню споѣт ему звонко.

И слѣзы незримые, слѣзы души
Она поцелуем осушит в тиши.

30 марта — 1 апреля 1893

ПОЭТ

ПЕСНЯ И ТРУД

Песня, подруга моя ты, больному
Сердцу отрада в дни горя и слёз,
Словно наследство из отчего дому,
К песне любовь я навеки принёс.

Помню: над малым парнишкой порёю
Мать запоёт, и заслушаюсь я;
Только и были те песни красую
Бедного детства, глухого житья.

«Мама, голубка, — я мать умоляю, —
Спой про Ганнусю, Шумильца, Венки!» * —
«Полно, сыночек! Пока распеваю,
Ждёт, не минует работа руки».

Мама, голубка! В могилу до срока
Труд и болезни тебя унесли,
Песни ж твои своей правдой высокэй
Жаркий огонь в моем сердце зажгли.

И не однажды та песня, бывало,
В бурях житейских невзгод и тревог
Тихий привет, будто мать, посылала,
Силу давала для тяжких дорог.

«Стойким будь, крепким будь, — ты мне
твердила, —
Ты ведь не паном родился, малыш!
Труд, отбирающий все мои силы,
Выведет в люди тебя, поглядишь».

Верно, родная! Совет твой запомнил!
Правду его я не раз испытал.
Труд меня жаждою жизни наполнил,
Цель указал, чтоб в мечтах не блуждал.

Труд меня ввёл в тайники вековых,
В глуби, где песен таится родник,
С ним чудеса прояснились земные,
С ним я в загадку всех бедствий проник.

Песня и труд — две великие силы!
Им до конца обещаю служить;
Череп разбитый — как лягу в могилу,
Ими ж смогу и для правнуков жить!

14 июля 1883

ЧЕМ ПЕСНЯ ЖИВА

Песнь любая моя —
Повесть дней моих;
Песню выстрадал я, —
Не сложил на миг.

В каждой строчке звучит
Целой жизни часть,
Мысли — нервы мои,
Звуки — сердца страсть.

С песней входит в сердца
И моя печаль,
В ней горит без конца
Моих слёз хрусталь.

Потому что душа —
Чуткая струна:
Отвечает, спеша,
Всем ветрам она.

Пусть же отзвук плывёт
И добра и зла —
В песне то лишь живёт,
Что ей жизнь дала!

7 марта 1884

ПЕВЦУ

Будь ты, певец, как святая пшеница,
Песня твоя — золотое зерно!
Лишь в оболочке созреет оно,
Колос к земле начинает клониться.

Знают и колос, и стебель высокий,
Что они в поле росли для зерна,
Что для того лишь их сила нужна,
Чтобы зерну передать свои соки.

Знают и колос, и стебель высокий —
Голько зерно зажелтеет, как мёд,
Серп их подрежет и с поля сметёт:
В зёрнах причина их смерти жестокой.

Всё же, качая в глубоком поклоне
Сочное зёрнышко, знают они,
Что принесли на грядущие дни
Новую, лучшую жизнь в своём лоне...

Так свои думы, и сердце, и нервы
Песне, певец, не щадя, передай,
Жизнь свою, счастье и горе отдай,
Будь ты ей стеблем и колосом верным!

4 июня 1888

РОДНОЕ СЕЛО

Я вижу вновь тебя, село моё родное,
Где жить я начинал, где детство золотое
Текло, как ручеёк, что робко отжурчал
По мелким камушкам, лугами и лесами.
И я утех не мало тут узнал,
Утех и радостей, разбавленных слезами.
Тогда ещё я мир всем сердцем принимал.
Не знал, что дальше там, за хатами, полями,
За лесом, что шумит так смутно. И не раз
У речки спрашивал, куда бежит от нас.
И за струями сам я мыслями стремился
В неведомую даль чуть видимых дубрав.
Дуб-исполин стоял; задумчив, величав,
В чужом саду, и я не раз ему дивился:
Как вырос он такой — широкий и разлогий?
И каждый из людей родным и милым мнился,
И знал я все тропы, знал все вокруг дороги!
Лишь изредка душа летела в свет иной —
В широкий, вольный свет.

А часто ли бывал я
В ту пору счастлив? Детскою душой
Ударов первых зла ещё ли не узнал я?
Метели злые не срывали
Тех первых золотых надежд, не заматали
Весенних тех цветов? Порывов молодых
Докучные укоры не душили,
И смех бездушный не топтал ли их?
И первых лучших слёз глаза мои не лили
Под тяжким бременем уже не детских мук?
И душу мне тоска порою не щемила?
Не тут, в селе, душа впервые ощутила
Прикосновение нечистых, грубых рук?

Не тут ли пачала мне сердце жечь отрава,
Отрава, что с тех пор в крови моей горит?
И я узнал, что жизнь — труд тяжкий, не забава,
Борьбу за жизнь узнал?

Так отчего болит

Душа моя, когда судьбою занесло
Меня опять сюда, в родимое село
Спустия так много лет? Стоишь ты, как стояло,
В сторонке от дорог — дитя, что убежало
В зелёные поля, укрылось с головою.
А лес вокруг гудит, — печальный шум ветвей,
Напев, носившийся над люлькою моей, —
Как будто опажнул тебя своей полою.
И речка плещется внизу, под кругизною,
И вербы наклонились над водой,
И дуб, дуб-великан шумит своей листвою,
Как некогда шумел...

Что ж болью вдруг такую

Заныла грудь моя, родимое село?
Жаль стало утлого покоя жизни скудной,
Той жизни, что плыла, куда несло,
По руслу тихому, — привычной, хоть и трудной?
Жаль счастья слизняка, что век под скорлупою
Хоронится в неведеньи слепом?
Или мне стало жаль, что в свет пошёл пешком
Я в дождь, в грозу, сквозь град, искать клю-
чей с живою

Водою знания?

О нет, совсем

Мне не того сегодня жаль, — не тем
Занемогла душа под кровлею родною, —
А тем, что вижу, как забота тут с бедою
Живут, как горе тут все головы склоняет,
Как под пятой его вся радость замирает,
Немеет дружба, никнет головою
Любовь, чьё семя тут на сердце мне упало.
Вот потому-то мне так горько, горько стало.
Прощай, село моё! Что здесь меня держало —
Пршшло; что держит здесь опять —
Так тяжело, что легче бы поднять
Мне гору. Ухожу — и плачу над тобою.

14 июня 1880

УКРАИНА

МОЯ ЛЮБОВЬ

Так хороша она, и так
Сияет чистой красотой,
И так слились в её чертах
Пожой с любовной добротою.

Так хороша, но так грустна,
Так много ведала кручины,
Что тихой жалобой полна
Любая песня Украины.

Как смог бы я, её узнав,
Не полюбить её сердечно,
От праздных не уйти забав,
Дабы служить любимой вечно?

А полюбивши, мог ли я
Прекрасный, чистый образ милый
Стереть в душе, боль бытая
Не вытерпеть вплоть до могилы?

И разве ты, моя любовь,
Враждебна той любви высокой
Ко всем, кто льёт свой пот и кровь,
В оковах мучимый жестоко?

Нет, кто не любит всех равно,
Как солнце — горы и долины, —
Тому любить не суждено
Тебя, родная Украина!

27 июня 1880

* * *

Подымайся выше, дуб высокий,
Ясной жди погоды!
Распадутся путы вековые,
Проснутся народы.

Распадутся путы вековые,
Злых цепей не станет,
Недругам своим не покорившись,
Украина встанет.

Встанет мать родная Украина
В счастья беспредельном,
От Кубани до синего Сана
Вольна, нераздельна.

Сгинут грани, те, что разделяли
Братьев меж собою,
Мать обнимет всех детей любимых
Тёплою рукою:

«Дети мои, дети-горемыки,
Бедные сироты,
Не пора ли на чужую долю
Перестать работать!

Подымайтесь на святое дело,
На добрую дружбу,
Послужите для своей отчизны.
Справьте честно службу.

Или не довольно вы служили
Царю с господами,

Не довольно братской крови лили,
Томились годами?

Не пора ли, дети, порадеть вам
Очагу родному,
И главою — не слугою —
Погулять по дому!»

Подымайся выше, дуб высокий,
День погожий близко!
Эй, воспрянем, побратаемся,
Народ украинский!

Сплотимся, побратаемся
Дружно, воедино,
Да воскреснет в подвиге и братстве
Наша Украина!

17 марта 1883

ПИСЬМО ЛЮБВИ

* * *

Настанет день, давно-давно желанный:
Я вырвусь, чтобы встретиться с тобой,
Порву оковы фальши и обмана,
Наложенные низостью людской,
Порву все путы — будь они канаты!
Постыдного смиренья сброшу крест!
И докажу, что наше чувство — золото,
Которого и ржавчина не съест.

Настанет день, когда, смеясь и плача,
В твои объятия снова кинусь я,
И подтвердит мне поцелуй горячий,
Что ты — моя! что ты навек моя!
Моя — навек! Все исхищенья ада
Церковного нас не разделят вновь!
Где ваши узы, люди, где преграды?
Земных преград не ведает любовь!

Все путы, все тенета, все оковы, —
Настанет миг, — любимая, порвём!
Отраву злого взгляда, злого слова
Из сердца выльем, и навек сотрём
Малейший след убийственных обид,
Которые, как черви, нас точили.
Пусть даже мысль о них не омрачит
Счастливец — тенью вороновых крылий!

Настанет день, когда, подобно нам,
Сквозь вековечный мрак пробившись, люди
Пробудятся и, ветхий сбросив хлам,
Теснивший их, освобождённой грудью

Прижмутся к другу — друг и к брату — брат,
И расцелуются с любовью братской,
И станет страшной сказкой для ребят
Наш ветхий мир насилия и рабства.

1 мая 1878

ТРИОЛЕТ

И ты лукавила со мною!
Невинные слова твои
Мне только ложь одну несли!
И ты лукавила со мною!
Мне, простодушному, сожгли
И отравили грудь тоскою
Невинные слова твои...
И ты лукавила со мною!

Как будто правдою святою,
Сияли золотом они,
Как драгоценные огни —
Как будто правдою святою,
И в добрые, и в злые дни,
Всегда гордился я тобою!
Как солнце, мне слова твои
Сияли правдою святою!

Но под завесой золотою
Таился чёрный яд змеи,
Цветами убранные дни
Под их красою золотою
Скрывали гада! Сны мои!
Где встречи первые с тобою?
О сердце бедное, пойми:
Она лукавила со мною!..

1880

* * *

Я не лукавила с тобою,
Клянусь я правдою святою!
Я честно думала, любила,
Судьба везде нас находила:
Всё, чем любовь моя дышала,
Судьба во зло нам обращала;
Всё то, что искренностью было,
Она во лживость претворила,
Песка сердца не разлучила.

Ты думаешь, я не страдала
И новых встреч легко искала?
Ты думаешь, я слёз не лила
И ночью тёмной не тужила?
Не я лукавила с тобою,
А всё лукавство в нашем строе
Дороги наши разделило
И нас с тобою разлучило,
Одну любовь лишь — не убило!

1880

* * *

Я буду жить, зане я жить желаю!
Не пощажу я ни трудов, ни поту;
Век трудится, я в ногу с ним шагаю,
И я, поэт, найду свою работу.

С орлами не дружу и не летаю,
Но не поддамся вязкому болоту;
Я через топь, от края и до края,
Путь проторю, ему отдав заботу.

А если вдруг моя ослабнет сила,
И сердце вдруг стеснит от боли жгучей,
И злость людская заморозит жилы, —

Пусть чёлн меня перенесёт легучий —
Твоей любви доверюсь, легкокрылой,
Пока не стихнет ураган гремучий.

1880

* * *

О, не люби меня, родная!
Когда ты ищешь слов красивых,
И клятв, и обещаний лживых,
И пиршеств роскоши и страсти,
Чтоб нервы млели, дух спирало,
Кровь закипала огневая
И сердце ныло, замирало, —
Когда ты в этом видишь счастье,
То не люби меня, родная!

О, не люби меня, родная,
Когда ты хочешь жить в покое,
Как сад плодовой над рекою,
Детей растить и понемногу,
Тихонько вывести их в люди,
Приданным дочек награждая,
Благословить невест в дорогу.
Со мною вряд ли это будет...
Нет, не люби меня, родная!

Боец я, рыбка золотая,
Простой работник твёрдорукый,
И ждут меня труды и муки,
И бури ждут меня на свете,
И, может быть, ладья потонет,
В которой плыть нам, жизнь встречая...
Но если страх тебя не тронет
И можешь взять ты вёсла эти, —
Тогда люби меня, родная!

10 ноября 1883

ЗНАКОМЫМ И НЕЗНАКОМЫМ

КОРЖЕНКУ *

Хмуро и тесно,
Время грозой полно!
Гибнуть безвестно,
В мир не пробив окно?
Рваться в опасный бой
Или ползти нам?
Смело, товарищ мой,
Стршем единым!

Счастья не ждать нам,
Счастье в груди у нас!
К солнцу шагать нам,
Пусть его луч угас, —
Вновь заблестит рассвет
Ясным рубином.
В лучший, свободный свет —
Строем единым!

Брат встал на брата,
Тьма подползла к тебе.
Горянет расплата,
Жизнь отдадим борьбе!
Сердце, по совести
Путь начертн нам
В битву бойцов вести
Строем единым!

22 октября 1982

N. N.

Выступаешь ты скромно, учтиво,
Рассуждаешь умно и красиво,
И лицо твоё ясно, пригоже, —
Заглядеться не мудрено, —
Да меня что-то, сердце тревожа,
Беспокоит, смущает оно.

Всё мне кажется, будто наполнен
Ты слезами и кровью крестьян,
Что людскою неправдой ты вскормлен,
Что отец твой — палач и тиран,
Жаром адским при жизни казнится,
Заливает вином червяка,
И, когда он со светом простится,
Эта кара, тяжка и горька,
За обиды, стяжательство злое,
За грабёж, разоривший село,
Ляжет, словно клеймо роковое,
На твоё молодое чело.

И почувствуешь ярое пламя,
Опалившее сердце твоё,
И тревога, как будто мечами,
Рассечёт всё твоё бытнё.
И в груди, словно вихрь в непогоду,
Дикой страсти взметнётся прибой,
И, как шквал мутит чистую воду, —
В омут страсть увлечёт за собой.
И рука будет кривдой направлена,
И любовь сменит злоба в тебе, —
Вот чем дума моя окровавлена
О твоей невесёлой судьбе.

И неважно, что тих и полезен,
И словами и делом ты с нами,
Что общителен ты и любезен,
Что любим ты по праву друзьями!
Но от кривды отцов отравляющей
Исцелиться ли сердцу больному, —
Так огонь, под соломой мерцающий,
Дом сжигает, не только солому!

15 марта 1883

АННЕ ПАВЛИК*

Девушка встала рано, рано:
«Пойду я в поле, мама, мама!
Работать я хочу — тоскую,
Полоть пшеницу золотую.
Мне дома — дома не сидится:
Бурьяном заросла пшеница,
Сорняк разросся с силой, с силой,
Пшеница стала хилой-хилой,
Вьюнок заплёлся — диво-диво,
Стоит пшеница криво, криво».

«Останься, дочка, в доме, в доме,
Студёны росы в поле, в поле!
Студёны росы сводят ноги,
Цепок репейник на облоге».

«Что ждуть-то, мама, у оконца?
Не всходит, мама, солнце, солнце!
Студёны росы — что за диво?
Они растят, растят крапиву.
Покамест солнце мир разбудит,
Сорняк пшеницу сгубит, сгубит».

«Взгляни на север, дочь родная,
Чернеет туча грозовая,
Чернеет туча, словно море —
Негде укрыться на просторе!»

«А мне не страшны ливни, тучи!
Не испугает ветер жгучий.
Я и в ненастье смело, смело
Своё свершить сумею дело!»

Пушай, взмывая, вал набухнет,
Моя отвага не потухнет,
Стерплю твой натиск, злая доля,
Но не оставлю дела в поле.
Работать буду неустанно,
Только в могиле перестану!»

1839

Н. Н.

Так прощай же, друг мой милый.
Я не твой!
Разлучила
Нас глухая сила.

Где кого поставит доля,
Там и стой!
Моя ж доля —
Ветер среди поля.

Стонет, воег, рвёт и свищет
Вихрь шальной...
Рыщет, ищет
Наше пепелище...

Дышит мраком, гонит силой
В люгый бой.
«Где ты, милый?» —
«На краю могилы».

Пусть один умру в истоме.
Голос твой
В битве, в громе —
Мне как весть о доме.

Так не плачь, а очи-зори
Спрячь, закрой.
В слёзном море
Их потопит горе.

Разошлись по чёрной воле
Роковой
Наши доли,
Как дороги в поле.

14—18 декабря 1883

К. П.

Милая девушка, вешняя ветка!
Взрром и словом ты целишься метко
В самое сердце, в тайник сокровенный —
Кто тебя встретит, полюбит мгновенно.

Но за правдивое слово не сетуй:
Будто наощупь ты ходишь по свету,
Веришь — кто ждёт твоей песни да взгляда,
Больше тому ничего уж не надо.

Если, прельстившись твоей красою,
Бросит борьбу он за дело святое,
Труд свой для тех, кто замученный стонет, —
Верь, моё сердце, любви он не стоит.

Если ж ему, кроме звонкого слова,
В жизни не дашь ничего ты иного,
В бой не проводишь и ран не обмоешь,
Верь мне — любви и сама ты не стоишь.

Твой жизнерадостный взгляд потускнеет,
Голос певучий, и тот ослабеет —
Если ж и в мыслях и на сердце пусто,
Чем ты согреешь остывшее чувство?

1883

О Л Е *

Когда я вижу, как в толпе нарядной
Бредёт вдова, а с ней ребёнок нищий,
И взгляд его, измученный и жадный,
С тоской взывает о тепле и пище,

Как он дрожит в лохмотьях, на морозе,
Исхлёстан ветром и бездушьем сытых, —
Огнём пекут мне сердце эти слёзы,
Вся скорбь голодных, нищих, неукрытых.

И думаю в тревоге: «Да, быть может,
Когда меня навек возьмёт могила,
Ты хлеба у людей попросишь тоже,
Как нынче эта нищенка просила!

Лицо, что, как надежда, мне сияло,
Глаза, что свет и радость излучали,
Всё, чем я жил и чем дышал, бывало,
Померкнет и угаснет от печали!

И дети наши — ох, как сердце сжалось! —
Под мокрым снегом, босы, неодеты,
В слезах, с мольбой, тоскуя и печальсь,
Как нищие пойдут бродить по свету».

И я даю дрожащею рукою
Последний грош, и думаю: «Быть может,
Прохожий сжалится и над тобою,
И нашим бедным сиротам поможет».

1886

О. О.

«Слишком хмуры ваши песни,
Всё лишь горе да неволя,
Словно только сорняками
Поросло родное поле.

Чёрным траурным покровом
Свет небесный вы затмили,
Злобу в сердце человека
И тоску лишь вы открыли.

Зависти пожар зловещий
Человечеству несёте,
Вместо радости и счастья
Всех на смертный бой зовёте.

Грязью будничной пятная
Чистой красоты святыню,
Вы с небес в кабак швырнули
Музу — светлую богиню!»

Так волнуются эстеты,
Пронзняют речи злые
И скорбят, что прежних песен
Сохнут воды ключевые.

«Ах, засохло, онемело
Поэтическое слово,
И без нашего участия
Не воскреснет больше снова».

Всё гнусавет про красоты
Эстетических канонов,

Лепят и кроят усердно
Мир грядущий из картона.

А ведь жизнь своей дорогой
Мчится, мысли поднимая,
Этим жалобам унылым
И каюнам не внямая.

1881

ТАТЬЯНА РЕБЕНЩУКОВА*

Старцы и книжики грозно обрушили
Каменный дождь на тебя:
Правда нескрытая, неподслащённая
Мучит их, сердце скребя.

Горем сердечным, большим, человеческим
Грязных сердец не смутишь;
Их раздражает одно, что бесстрашно ты,
Прямо пред ними стоишь;

Что так покорно, так тихо, так честно ты
Шла, куда сердце вело,
Шла не в роскошество, шла, хоть и видела, —
Ждёт тебя горе и зло;

Что не училась ты нежностям, хитростям,
Подлостям модных их жён,
Что ты отвергнула речи их, клятвы их,
Старых привычек закон;

Что свою совесть и сердце поставила
Перед их лживым полком:
Вольно, открыто свершила, что делают
Сами они лишь тайком.

5 апреля 1880

ГРИЦЬ ТУРЧИН*

Учись же, рекрут подневольный,
Ружьё слезами обливай!
Терпи, сгибайся, брат, но только
Ружья из рук не выпускай!

Учись владеть им, приучайся
Стрелять без промаха, в упор
Смотреть в лицо жестокой смерти:
Решается великий спор.

Придётся стать за правду твёрдо:
Все вровень, и к плечу плечо,
Придётся нам с врагом сразиться,
И кровь рекою потечёт.

В неволю чёрную и рабство,
В извечный и позорный гнёт,
Во всё то зло, какое жадно
Кровь человечества сосёт, —

Стрелять придётся, и немало
Голов поляжет в той борьбе.
Учись же, рекрут, хоть несладко
Порой приходится тебе!

Учись, чтоб сильным быть и крепким,
Когда наступит день иной!
Учись, чтоб быть всегда готовым,
Когда труба покличет в бой!

7 апреля 1880

* * *

Не бойтесь вы тюрьмы, о други молодые,
Не бойтесь вы оков!.. Пускай они подчас,
Как змеи чёрные, холодные и злые,
Нам тело обовьют, — не запугать им нас!

Что ж, рады господа потешиться над нами:
Ведь мы у них в руках, мы — за стеной тюрьмы.
Вот и обвешали они нас бубенцами,
Чтобы извели средневековые мы!

Нет, это не тюрьма! Страшней мы тюрьмы знаем—
Тоски, отчаянья, безвыходности плен,
И против них, друзья, свой голос поднимаем!

А этих каменных мы не боимся стен.
Их создал страх господ... Мы ясно понимаем,
Что рухнет власть господ и обратится в тлен!..

1880

О СЫ

* * *

Мы осы, мы осы!
Кто тащит без спросу,
Кто взятки берёт
За всякое дело,
Кто с бедных дерёт,
Кто тянет умело
С рабочих людей
Последнюю свитку,
Кто сирых детей
Обчистит, как липку,
Кто всюду мешается
И тычет свой глаз,
Пусть не обижается, —
Ужалим как раз!

Мы осы, мы осы!
Кто гнёт под откосы,
Кому по пути
Приходит охота
И нас повести
В гнилое болото,
Кто край наш родной
Упорно и круто
Китайской стеной
Незнанья обводит,
Кто крепкие путы
Народу готовит,

Кто хочет туманом
Нам солнце затмить,
Поповской сутаной
Нам баки забить,—
Надеждой не тешится
Пускай ни на малость:
Он скоро почешется
Там, где не чесалось!

20 марта 1893

ВСЁ ОБОЙДЁТСЯ!

В тяжкой нужде изнывает мужик,
Всюду — погромы, насилие, крик.
Сына голодного мать убивает,
Муж молодую жену покидает,
В поисках счастья в Россию, в Молдавию
Стадо людей обречённо плетётся...
Мудрые, скоро ль исчезнет бесправие?
— Всё обойдётся! Всё обойдётся!

Поле забрали кулацкие руки,
Сельские школы не сеют науки,
А вызывают лишь злобу народа;
Самый ничтожный намёк на свободу
Травит газетная хищная свора,
Зло и неправда над правдой смеётся...
Мудрые, правда воспрянет ли скоро?
— Всё обойдётся! Всё обойдётся!

1880

* * *

Послушай, сын, что говорит премудрость:
Когда перед тобой стоят два стула —
Тут польза личная, а тут лойяльность, —
Спеши усесться сразу на обоих.
И будешь ты, как ласковый телёнок,
Который, изловчась, сосёт двух маток.
Ещё мудрее можешь оказаться,
Когда ты стул лойяльности поставишь
Над стулом личной пользы и, усевшись
На самый верх, возвысишься над теми,
Кто, прозябая на лойяльных стульях,
Сидит, как тощих семь коров Египта.
Аминь, аминь, скажу тебе, мой милый:
Не тощие пожрут коровы толстых,
А тощих толстые сожрут с костями
И не подохнут — только потолстеют.

1881

«ХЛЕБОРОБ» *

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто пашет землю пресвятую?
Потом её в залоге оставляет,
В долги впадая, как в пучину злую,
Кто тщетно ищет правды и закона,
А дом и плуг идут с аукциона,
Кого нужда батрачить приучает, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто верно государю служит,
В казарме молча дом свой вспоминает,
Вздыхает тихо, о семействе тужит,
Клинком бряцает, в такт со строем дышит,
В дозоре мёрзнет, днём и ночью слышит
Лишь брань да окрик, крохи подбирает, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто прозван добрым гражданином,
Кто в срок вносить налоги успевает,
Послушно гнётся перед всяким чином,
Жандарма чтит, и — не беда, что бедный! —
Отдаст свой грош, последний грош свой медный,
А для чего, зачем — и не узнает, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто в церкви всю постиг науку:
Что бог лишь богачей всегда ласкает,
Что беднякам он уготовил муку,

Что чорт им сват, что им не ждѣть спасенья,
Что бедному — повсюду искушенья,
Что мужичонко пьѣт лишь да гуляет, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

Ой, кто же лучшей долей обладает,
Чем тот, кто, с детства обучаясь в школѣ,
О матери родимой забывает,
Чужой язык осилит поневоле,
И, кончив школу, мудрый, благородный,
Он снова раб, а не творецъ свободный,
Лишь о себѣ, о выгоде мечтает, —
Ой, кто же лучшей долей обладает?

С ЭКЗАМЕНА

Из профессорской, шатаюсь,
Вышел бледный кандидат;
Все сокурсники сбежались,
Расспросить его спешат:
«Говори, как сдал экзамен?
Получил уже диплом?»

Тот молчит, но туча хмуро
Нависает над челом.
После говорит: «Коллеги,
Правды в мире нет, хоть плачь!»
Наш профессор зоологии —
Кровопийца и палач!
Три вопроса мне он задал,
Как закон всегда гласил,
Я из них ответил на два,
И меня он провалил!

— Ты в саду бывал? — мне блеет.
«Был», — отважно говорю.
— Там пчелу видал? — мне блеет.
«Видел», — смело говорю.
— Сколько ж ног пчела имеет?
«Не считал я ног у ней...»

И за это за одно лишь
Срезал он меня, злодей!»

13 сентября 1888

ПРОГРЕССИСТ

Фадей роди Ивана,
Иван роди Петра:
От дедушки болвана
Какого ждать добра?
А. С. Пушкин

Добрейший человек — и каждый это знает!
Чужого не возьмёт, своё не уступает
С давнишних пор!

Он скажет каждому в глаза легко и смело:
«То так, а это так!» и «Не твоё, мол, дело»,
И — «Кончен спор!»

Честнейший человек! Учёностью налитан,
Так убедительно и веско говорит он,
Что просто страх!

Он будет вас корить, не думая нимало
О том, что логика отнюдь не ночевала
В его словах.

Да только вот беда, что этакий мальчишка,
С губ молока ещё не вытер, а мыслишка
Уж в нём сидит:

Едва усвоил он познания начатки,
А думает, что все разрешены загадки,
И вот шумит, шумит.

Теперь пожалуйста! Он знает всё, что будет
И про любой вопрос авторитетно судит —
Что ни задашь.

Невольно думаешь: «Премудрость в нём отколе?
Не с тех ли дней, когда ещё твердил он в школе
Аз-буки-наш?»

Нет, шутки в сторону! Он рассуждает здраво.
Наш общий труд ему пустейшая забава
И суетня!

III. СОНЕТЫ

СВОБОДНЫЕ СОНЕТЫ

* * *

Сонеты — как рабы. В них мысль зажата
Тисками строк и трепетом объята:
Так новобранца меряют — солдата,
Так новобранцу форма тесновата.

Сонеты — господа. В угоду моде,
Мысль предадут, чтоб следовать погоде.
Они цветов великолепных вроде,
Которые бесплодны по природе.

Рабы и господа! Всегда встречаются
Друг друга крайности. Несмелы речи —
Ведь сил своих рабы ещё не знают.

«Эй, стройся в ряд!» Сомкнув с плечами
плечи,
Предстанут, волею одной согреты, —
Живые и могучие сонеты...

1880

* * *

«Зачем, мужик, в наряд чужой, заёмный,
Боясь насмешек, обрядился ярко?
Тяжёлый молот свой каменоломный
Зачем меняешь на резец Петрарки?»

Царей и панства гнёт не рушишь тёмный,
А скрылся в поэтической хибарке!
Безвреден, хоть горчит удар никчёмный,
Как водка разведённая шинкарки». —

«Нет, я не кинул мой тяжёлый молот,
А всё держу, хоть слабыми руками,
Его не вырвут смех, нападки, голод.

Когда я ударяю им о камень —
Гром каменный в душе моей грохочет,
И отзвук воплотиться в песне хочет!»

1881

КОТЛЯРЕВСКИЙ*

Оглядывая снежные вершины,
Сидел могучий молодой орёл,
Потом взлетел, сметая снег со льдины,
И в синеву прозрачную ушёл.

А груды снега, что крылом он смёл,
По склону каменистому в долины
Стремительно катилась — миг прошёл,
И дрогнул мир от грохота лавины!

Так Котляревский начал петь, всех нас
К украинскому слову призывая,
Казалась шуткой песня та не раз,

Но сила жизни в ней была большая,
И огонёк зажжённый не угас,
А разгорелся, всех нас согревая.

1873

НАРОДНАЯ ПЕСНЯ

Глянь на родник, сбегаящий с кургана, —
Он чистою слезой в степи журчит;
Лицо луны в его воде блестит,
Играет солнце со струёй стеклянной.

Из самых недр земли струясь фонтаном,
Свой бег вода вовек не прекратит,
Детей весны она животворит,
Цветущих вокруг неё благоуханно.

Степной родник с чудесными струями —
Народа мощный дух; и в скорби изнывая,
Звучит он сердцу сердцем и словами.

Как под землёй бежит струя живая,
Так из глубин, неведомых веками,
Слова рождаются, сердце зажигая!

1873

НАУКА

Пусть палача к ней тянется рука,
Жандармы в гроб её запрягать рады,
Пусть ждуг её гоненья и преграды, —
Она живёт и будет жить века.

Пусть злобы вихрь над ней не утихает,
Пусть в гнѣве поп анафемы ей шлѣт,
Пусть деспот вновь её побегу рвѣт, —
Она опягь повсюду вырастает.

Пусть часто мы неверными путями
Бредѣм во тѣмѣ, она — как проводник
Ведѣт нас всех, кто к рабству не привык.

Пусть люди в горе чѣрными словами
Её клянут — она не замечает,
Для блага всех живѣт и побеждает!

1878

* * *

Вы так страшитесь грозного мгновенья,
Когда из всех сердец, как божий гром.
Вдруг грянет правда, и стальные звенья
Спадут с земли, как смытые дождём?

Вы так боитесь, чтобы наводнение
Кровавое не обвалило дом
Блестящего прогресса, лишь камня
Кой-где оставив на пути своём?

Не бойтесь! Ведь в кровавом том напоре
Не сгинет мысль, и правда, и добро:
Привольней им, светлее на просторе.

Не бойтесь! Шелуху, а не ядро
Волна расколет, гневно поднимаясь, —
Ядро лишь крепче станет, очищаясь!

1880

* * *

В снах юности так жарко мы желаем
Прямых путей, и молодым умом
Так хорошо дела распределяем,
Так справедливо боремся со злом...

Но в жизнь, как в пьяную толпу, вступаем:
То здесь, то там толкнут; не пряником
Мы движемся, ударов избегаем,
И сами оттолкнуть непрочь плечом.

Оглянемся — куда наш план девался!
Жизнь наша, как тропинка, неверна, —
Тот счастлив, кто не слишком заблуждался.

Пусть волны мутны. Будь как бы волна! —
Где вал прошёл, там щедрый ил остался,
Там будет почва силами полна.

1880

* * *

Кусок железа с неизменной силой
Другой кусок железа прївлекает,
Но эту силу — не покой бескрылый,
Лишь неустанный опыт укрепляет.

А если ржавчиной его покрыло,
В бездействии всю мощь оно теряет, —
Так сердце, ржавчиной тоски унылой
Покрытое, само себя съедает.

Лишь труд стирает ржавчину густую,
Живую жизнь вдыхает в грудь пустую,
Родник иссохший может возродить.

Лишь труд упорный силы укрепляет,
Лишь труд вселенную перерождает.
В труде лишь, для труда лишь стоит жить!

1880

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Кто смел сказать, что не богиня ты?
Где тот безбожник, что без сладкой дрожи
Глядит в твоё лицо, не потревожа,
Не тронув сердца блеском красоты?

Да, ты богиня! С райской розой схожа,
О погляди с чудесной высоты!
Вот я, что к небу не возносил мечты
О боге — пред тобой склоняюсь тоже.

В богах и духах можно сомневаться,
И сказкой могут рай и ад казаться,
Твоя ж краса — не в сказке, не во сне!

Настанет час, когда весь свет покинет
Богов и духов, лишь тебя, богиня,
Чтить будет вечно — здесь, на полотне.

1881

* * *

Довольно! Долго мы слова слагали
В блестящий строй, струящийся рекою,
И, как червя красивой чешуёю,
Боль жгучую и слёзы укрывали!

Суровый врач идёт! И не пора ли
Гнилые струпья твёрдою рукою
Вскрыть, не стыдясь и не кривя душою,
Чтоб чистыми, здоровыми мы стали.

Пора сказать: людская возмужала
Порода, от игрушек отреклась,
Своё признание славное познала;

Метель неистовая унялась,
Пора метаний юности пропа́ла,
Пора трудов разумных началась.

1881

* * *

В былые годы Данте и Петрарка,
Шекспир и Спенсер милых воспевали.
В сонет, как в кубок, выкованный ярко,
Любви кипящее вино вливали.

Тот кубок немцы в меч перековали,
Когда их страсти разгорелись жарко:
Их «панцырный» * сонет — капрал, и марка
На нём: кулак, и кровь, и взлески стали.

Мы, хлеборобы, что с ним делать будем?
Перековать опять придётся людям
Металл меча, что мастеру послушен,

На плуг — которым будущее вспашем,
На серп — чтоб жито жать на поле нашем,
На вилы — для авгиевых конюшен.

24 сентября 1882

ТЮРЕМНЫЕ СОНЕТЫ

* * *

Се дом печали, плача, вздыханья,
Гнездо болезни, горести и муки!
Сюда вошедший, стисни зубы, руки,
Останови и мысли, и желанья!

Бурьян здесь вырывают, как ведётся,
Но в то же время новый засевают;
Параграфами правду отмеряют,
Но выше меры здесь неправда льётся.

Основы стерегут здесь, но готовы
Презреть и мысль, и чувство — все основы.
Здесь вспоминаешь строки итальянца;

Вам, что, попавши в западню, хотели
Найти в ней некий смысл и даже цели,
Дант говорит: *Lasciate ogni speranza**.

19 сентября 1889

* * *

Впрямь, как скотину, всех тут описали:
Обличье, возраст, имя — и так дале,
Глаза и волосы, — ну, право слово, —
Теперь хоть в Вену на базар готовы!

Нас, как бандиты, обыскали снова,
Во все карманы нагло залезали,
Ножи, табак и деньги — всё забрали,
Хоть к Магомету в рай веди любого!

Обчистили до нитки при аресте!
Эх, глупые! Ведь всё-то наше с нами,
Его не взять вам грязными руками!

И развели нас по апартаментам
Казённым. Тут не место комплинтам:
Салон, альков, отхожее — всё вместе.

16 сентября 1889.

* * *

Ночь. В камере уснули. Врoзь плывут
Густые храпы. В сумраке глубоком
«Глазок» своим подслеповатым оком
Как бы моргает злобно: «Все вы туг!»

Заныла дверца. Дождь по водостокам
Бежит, гудя; в железо капли бьют.
Нет-нет — застонет жолоб ненароком,
Как будто рвётся из тяжёлых пут.

Не вырвешься! Ты погребён во мраке.
Торчат за дверью сторожа-собаки,
И часовой шагает под окном, —

Не вырвешься! И гложут в сердце муки,
В бессильи тяжком упадают руки...
Заснуть, заснуть, хотя б могильным сном!

17 сентября 1889

* * *

А на заре, чужь схлынет тьма ночная,
Вновь Лопотов * гудит-гремит рекою:
«Параши» чистят... Что это такое,
Как объяснить вам — ей же ей, не знаю.

«Э-э! — эстетов загорланит стая. —
Вот до чего дошли у них герон!
Любую грязь, гниение любое
Они в стихи суют, не разбирая!

Петрарка сам в гробу перевернётся!»
Ну что ж! Ходил он в бархат разодетый,
В палатах жил, — зато и позолотцей

Блистают, стало быть, его сонеты!
А нам дано в клоаке задыхаться, —
Где тут найти почище декораций?

17 сентября 1889

* * *

Нет, иногда тюремные порядки
Непостижимы! Посудите вот:
Идёт уборка и обед идёт, —
Издёвка это или исполодки?

Капусты вонь и смрад от нечистот,
Карболка в лужах и еды остатки!
Тут — хлеб несут, там — плещут грязь из
кадки:
Всё арестантский вытерпит живот.

О, Австрия счастливая! Нетленной
Достоин славы ум тот несравненный,
Что выдумкой такой блеснул отличной!

Пред ним склонившись, с места я не тронусь!
Не аппетитно, да зато практично;
Minus de genus, si constructio bonus*.

19 сентября 1889

* * *

Стихи умолкли. Не взмахнёт крылами
Рождённзя на воле песня-птица
В ловушке хмурой, за семью замками,
Где человек растоптанный томится.

И петь об этом даже не годится, —
Как шарит стражник медными руками
В моих карманах, сапсгах, в тряпицах,
Как занят он и складками, и швами.

Бумагу, спички, карандаш, табак
Внимательная власть найти желает
И в душу лезет — вот и не поется.

Так соловей своё гнездо бросает,
Своих птенцов он оставляет так,
Чуть только человек к ним прикоснётся.

16 сентября 1889

* * *

Что мне шумит, что мне звенит, как в туче
Гром? Сторожей засуетилось стадо.
Стучат дверями, сор сгребают в кучи,
Метут, скребут и чистят до насады.

«Комиссия, комиссия!» — гудит
Тюрьма, как в шумных листьях — бури злоба.
«Высокая чиновная особа
Сама нас контролировать спешит!»

И — духа дуновение господня
Над океаном — пронеслось сегодня:
Превосходительство в тюрьму явилось.

Идёт — шагами коридоры меря..
«Закрывать окно!» — нам сторож крикнул в двери,
Чтобы особа вдруг не простудилась.

20 сентября 1859

* * *

Вошла особа. «Имя?» Огвечаю.
«Как? Станко?» — «Франко!» — «Станко, записать!»
«Давно тут?» — «Месяц». — «Ты?» — «Семь дней,
я чаю». —
«А ты?» — «Да выпускают нынче в пять!»

Увидел книжку, подошедши ближе.
«Читать дозволено?» — «Да!» — «Гм! Олять —
Гм, гм! — я вентилятора не вижу;
Поставлен?» — «Нет». — «Гм! Чудно, записать!»

Тут сторож подлетел: «Уж мы купили
Два вентилятора!» — «Два? Записать!
А вы пока хоть бы окно оторыли».

(И поспешил сановник нас зажать!)
«У нас окно открыто день и ночь!..» —
«Ага! гм!.. Записать!» — И вышел прочь.

19 сентября 1889

АРЕСТАНТСКАЯ ПЕСНЯ

Кто любит месяц, — я без солнца вяну,
В тюрьме про волю и не вспоминаю!
Свою судьбу бранить не перестану,
Сижу — врагов постылых проклиная.

Позвали в суд — чинить расправу, что ли.
Судья сердит, так и вцепился в глотку...
«Скажи нам правду, если хочешь воли!»
Сказал я правду — взяли за решётку.

Вот приговор. Отец и мать-старуха
Стоят, обнять не смеют, плачут глухо...
«Глянь, непокорство-то куда заводит!

В цепях хозяин, в бурой куртке ходит,
Колодки на ногах, обритый волос,
А в поле никнет, осыпаясь, колос».

20 сентября 1889

КРОВАВЫЕ СНЫ

1

В темнице жуткие мне снятся сны,
Да сны ли это — я и сам не знаю:
Так явственны, и так они ясны,
И боль от них бессонная такая.

Мучения, каких снести нет силы,
Каким людей лишь люди обрекали;
И те, что в этих муках умирали,
Толпятся в камере моей унылой.

Святой герой, убийца окаянный, —
Ненчислим теней кровавый причет,
Как наяву, их созерцаю раны.

Из этих ран гудит, как гром, и кличет
В душе: «И нам частицу состраданья,
Хоть звук один за муки умиранья!»

22 сентября 1889

Христос, исполосованный бичами,
 С крестом, на спину взваленным навек,
 С кистями рук, пробитыми гвоздями,
 Стоит и шепчет мне: «Се — человек!»

Джордано Бруно *, над костром висящий, —
 Он, с языком, уж вырванным клещами,
 Глядит, истерзанный, кровоточащий,
 На пламя, пышущее под ногами.

На дыбе изнывает Кампанелла *:
 В двадцатый раз ему терзают тело
 И пятки жгут железом раскалённым.

И словно в поле ветер, стон за стоном
 По камерам летит, от свода к своду:
 «То — муки за прогресс, добро, свободу!»

22 сентября 1889

«За что ж нам бремя суждено такое? —
Толпа другая стонет издалёка. —
Мы — перегнутой истории жестокой,
Что ж, тело наше разве не людское?»

Вот Дамиан *, погибший в муках многих
За то, что ранил блудного владыку!
Жгли руку смелому, ломали дико
Ему затем в стальных ботфортах ноги,

Горячими клещами тело рвали,
И олово расплавленное в раны
И серу лили — и четвертовали!

«Я целый час кончины ждал, тираны,
От боли сед!..» И это — не химера,
В Париже это было, в век Вольтера.

22 сентября 1889

А вот и Гонта *, синий от побоев,
Без языка, с отрубленной рукою;
На уголья несчастного сажают,
И кожу клочьями с него сдирают.

А дальше — сотни, тысячи проходят,
Теней кровавых молчаливый рой:
Их бьют, их жгут, их на позор выводят,
И кровь клокочет — в море глубиной.

Вкушайте сон, страдальческие тени,
В своих могилах, тёмных, позабытых!
Ужели мало людям ваших пыток,

И с вами вновь пройти нам круг мучений?
Лежите мирно в яме гробовой
И не тревожьте наших душ покой!

22 сентября 1889

Прошло то время? Ложь! Забыт ли час,
Как гибли Пестель *, Каракозов *, Соня *?
Как Достоевский мучился, Тарас *?
Или кандального не слышно звона?

Иль розги не свистят ещё у вас?
Иль сёлами крестьян в тюрьму не гонят?
Иль пушки медных жерл своих не клонят
И кровожадный голод их угас?

Мягки вы сердцем, ибо вы трусливы!
А зверь презренья к людям, и наживы,
И тьмы растёт и властвует над вами!

Мы, жертвы, мы зовём вас из могилы:
Держитесь стойко! Закаляйте силы!
Гоните зверя, рвите хоть зубами!

22 сентября 1889

* * *

О, средневропейское болото *,
Подёрнутое плесенью густою,
Рассадник безнадёжного застоя
И тупоумия! Ты — символ гнёта,

Где станешь ты ногой — там стон народа,
Там с подданных сдирают третью шкуру.
Ты давишь всех, крича: «Даю свободу!»
И грабишь с воплем: «Двигаю культуру!»

Ты не сечёшь, не бьёшь, не шлёшь в Сибирь,
Но соки сердца пьёшь ты, как упырь,
Болотным смрадом души отравляя.

Лишь мразь и гниль несут твои порядки,
Живём здесь погибает мысль живая
Или бежит отсюда — без оглядки!

4 октября 1889

* * *

Тюрьма народов*, обручем из стали
Сковала ты живые их суставы
И держишь — не для выгоды и славы,
А чтоб клеветы жиром заплывали.

Вот так коней привязывают в поле:
Нога к ноге, а две ноги свободны,
Но убежать старанья их бесплодны, —
И ржут, грызутся братья по неволе.

Вот так и ты опутала народы,
Им внешний признак подарив свободы,
Чтоб перессорились они вернее.

Хотя из твоего и рвутся круга,
Но лишь напрасно дёргают друг друга:
Ты от возни такой — ещё сильнее...

4 октября 1889

ЭПИЛОГ

(Посвящается украинским сонетистам)

Украинские милые поэты,
Нет образцов пред вами неужели,
Что возводить, друзья, вы захотели
Четырнадцать случайных строк в сонеты?

Ямб — словно медь, катренов * параллели
И рядом с ними парные терцеты *, —
Их спаянные рифмами куплеты
Приводят нас к сонету, то есть к цели.

Пусть содержание с формой будут схожи:
Конфликты чувств, природы блеск погожий
В восьмёрке первых строк пускай сверкают.

Страсть, буря, бой, как тучи, налетают,
Блеск затемняя и грозя оковам,
Чтобы в конце пленять согласьем новым.

6 мая 1893

IV. ГАЛИЦКИЕ КАРТИНКИ

В ШИНКЕ

Сидел в шинке и пил хмельную,
А возле сердца что-то жгло.
И вспомнил он жену больную,
Детей и счастье, что ушло...
Да, был хозяином и он,
Его любили все соседи,
Ему — и ласка, и поклон,
И слово доброе в беседе.
Но дальше... дальше ни к чему
И вспоминать!.. Беда настала!
Зачем не промолчать ему,
Когда вся община молчала?
Когда село обидел пан,
Зачем вступился он ретиво
И встал за правду, за селян,
Хоть не своя пропала нива?
Как он ни бился, ни старался,
Да только — наша не взяла:
И правды панской не дождался,
И разорился сам дотла.
Скотину, хату, поле, сад —
Всё отсудили, всё забрали...
И в белый свет, в крошечный ад
Со всей семьёй его погнали.
Родные дети в наймах мрут,
Горячка бьёт жену больную,
А где отец?.. Известно, тут —
Сидит в шинке и пьёт хмельную.

1881

ПАСХА

Я.

Ведь пасха! Ты, друг, в кабаке почему?

Он.

А где же мне быть-то? Я рад и томч.
По крайности, тут хоть спокойно сижу
И буду сидеть, коль ещё закажу.

Я.

Ведь пасха, подумай! От самой зари
На всех колокольнях звонят звонари!
По нашим порядкам, для этого дня
Все дома сидят.

Он.

Дома нет у меня.

Я.

Ну, да... Ты построить его не успел...
Нет, братец, я вовсе не то разумел,
А то, что, дождавшись пасхального дня,
Пошёл бы к родне.

Он.

Нет родни у меня.

Я.

Так, значит, живёшь сдиноко на свете!
Но девушка есть у тебя на примете?
Она приласкает, она приголубит, —
Вот к ней и ступай...

О п.

Бедняка кто полюбит?

Вчера целый день я работал... устал...
Хозяин меня ввечеру рассчитал, —
На праздник не звал, знать, самим туговато.
Ступай! А куда? Без родни и без хаты...
Известно, в кабак! Тут винца перехватишь,
Сидишь до утра, за ночлег и не платишь.
А праздник минует, и надо опять
Итти по дворам, да работу искать.

1881

МАКСИМ ЦЮНИК*

Девять, друг, часов кричал ты,
Когда штольня обвалилась,
Где копейку добывал ты —
Девять, друг, часов сгубил ты.

А толпа вдали теснилась,
Слушая призыв живого,
Но руки не находилось,
Что б спасти тебя решилась.

Девять, друг, часов такого
Умиранья... Сурово
Чересчур для рядового
Бедняка, кто ввек не знал

Девяти часов счастливых,
Девяти обнов красивых,
И под гнётом дней тоскливых
Жизнь не жил, а умирал!

1881

МИХАЙЛА

Добрый был мужик Михайла,
Тихий человек:
По-соседски, мирно, ладно
Жил да жил свой век.
Самого пусть горе гложет, —
Других веселил.
«Заживём ещё, быть может!» —
Часто говорил.

Да пришла пора крутая.
Где уж там зажить:
Гнись, трудись, не отдыхая,
Чтоб долги платить.
И Михайла хоть смеялся, —
Смех-то был не тот:
С арендатором встречался —
Так бросало в пот.

От беды не схорониться:
Тяжкий срок настал,
С молотка пошла земляца,
Пить хозяин стал.
Что ни день, с тоскою злою
К шинкарю он шёл,
Пел, смеялся сам с собою,
Не понять — что плёл.

Шинкарю земли остаток
Вскоре пропил он,
И жену с детьми из хаты
Вытолкали вон.

В голос плакала, рыдала,
Идя с узелком,
Горько мужа проклинала,
Стоя пред шинком.

А Михайла, головою
Свесившись на стол,
Пел, смеялся сам с собою,
Не понять — что плёл.
Допил чарку, встал и вышел,
Больше не ходил:
Шинкарём чуть свет под крышей
В петле найден был.

БАБКА МИТРИХА

«Иваниха, я помираю!
Видать, за мои прегрешенья
Не шлёт мне господь утешенья,
Я Климушку не повίδαю!
Угнали его на край света,
И вести не шлёт он, кума,
Напрасно гляжу на дорогу с рассвета,
Нейдёт он! А скоро зима,
Снег белый дорогу заносит,
Недолго мне, милая, жить...
Смерть близко, Иваниха, что говорить,
Душа истомилась и отдыха просит...

Иваниха, видишь, бедна я,
Но слушай, о чём попрошу!
Деньжонки с собой я ношу, —
Тут пять золотых, дорегая.
Трудилась, терпела обиды,
Не тратила зря ни гроша —
На них обряды, закажи панихиды,
Как с телом простится душа.
И в этом же самом платочке
На столько ж серебряных — вот!
Отдай их, голубка, отдай их сыночку,
Как бедный со службы солдатской придёт.

Ох, много, Иваниха, м ки
За денежки я приняла:
Вся скорчилась, высохли руки,
А вдосталь-то ела, пила?
Так пусть хоть сыночек мой милый
Дождётся хорошего дня,

Авось он всплакнёт над родною могилой,
В молитве помянет меня».

Рыдаючи, Митриха села
И в хате чужой отошла.
А вечером весть всё село облетела,
Что сына её пуля вражья нашла.

1881

ГАЛАГАН*

«Мамочка! — зовёт Иван,
Мальчик с виду лет шести. —
Погляди-ка, погляди:
Вот монетка, галаган!»

«Где ж ты взял его, родной?
Отчего ты так дрожишь?
Боже, да ведь ты босой,
По снегу босой бежишь!»

«Это мне паночек дал...
Я с ним шёл вперегонки:
Я босой за ним бежал,
Он — обутый в сапожки.

«Догони, монетку дам!» —
Мне сказал — и наутёк.
Я... догнал его... ма... мам...» —
«Что с тобою, мой сынок?»

Весь дрожмя дрожит Иван,
Зубы стиснул, посинел, —
Выронил свой галаган,
Повалился и сомлел.

Миновала неделя —
Горько мать зарыдала:
Косы в травах пропели,
И травинка — завяла!

Тихо спит в гробу Иван,
Не мечтая ни о чём, —
А в ручонке галаган,
Подарённый паничом.

1881

ЖУРАВЛИ

Журавли углом летят
В поднебесьи где-то,
Дети радостно кричат,
Пляшут кругом, как велят
Старые приметы:
Курлы, курлы, журавли!
Опускайтесь до земли! *

Любопытство, страх берёт —
Не сойдёт ли стая?
Будет ли лететь вперёд,
Или свой прервёт полёт,
Верный путь теряя?
Курлы, курлы, журавли!
Опускайтесь до земли!

Пролетели журавли,
С дороги не сбились,
Долго мальчики с земли
Наблюдали, как вдали
Косяки их скрылись.
Курлы, курлы, журавли!
Опускайтесь до земли!

«Как поверить мы могли
Бабушке убогой?
Ведь от песни журавли
Не снижались до земли,
Не сбились дорогой».
Курлы, курлы, журавли!
Опускайтесь до земли!

Правда, дети, не всё так,
Как вам бабка скажет, —
Светлых знаний первый знак,
Первый опыт — не пустяк,
Правду он покажет.

Курлы, курлы, журавли!
Опускайтесь до земли!

А пропустите урок —
Будет хуже, дети:
Сказки (вам и невдомёк)
Мысль запутают в клубок,
Ум поймают в сети.

Курлы, курлы, журавли!
Опускайтесь до земли!

Вы малы, вам из оков
К правде не пробиться,
Журавлём средь облаков
Из-за сущих пустяков
Будете кружиться...

Курлы, курлы, журавли!
Опускайтесь до земли!

ДУМЫ НА МЕЖЕ

1

Змея эта всюду, зелёная, жадная,
Вдоль тощих посевов снуёт;
То — Terminus* наш, то — межа беспощадная,
То — знак, где «моё» и «твоеё».
Вон с краю — четыре полоски Трофимовы,
А здесь вот — Михайловы три:
Живи на своём и плати за «родимую»,
Чужого ж — вершка не бери!
Кто помнит о том, что с Михайлой Трофим
На этих полосках кроваво бедуют,
Хоть рук от работы бедняги не чувят, —
С весны голодать уж приходится им?
Кто помнит о том, что скотина у них
С «чего-то» не держится, чахнет, тощает,
Земля же с годами всё меньше рожает,
Хоть бьются над нею не меньше других?
Кто помнит о том, что иною порой
У них уже руки в тоске опускаются?
«Ой, мало землицы! С такой теснотой
И в двери, и в окна долги пробираются.
Погибель приходит... Как рыба в сети —
Так бьёмся в нужде и в неволе!»

Ну, что им сказать? Где таятся пути
К иной — человеческой доле?
А станешь средь поля вот так у межи:
Ведь вместе у них семь полосок — имение!
Надел не из худших — живи не тужи, —
Прокормит, пожалуй, душ восемь, не менее...
А душ у них шесть! Так какая ж причина
Мешает им полем сложиться вдвоём,

Сложиться домами, орудьем, тяглом?
Ведь, может быть, в этом и выход единый!
Да вот ведь — межа! Посреди залегла,
Их слабую силу расторгла на части,
И где бы их вместе беда не взяла,
Там их в одиночку задавят напасти.

2

Мальчонкой, когда-то, все межи я знал:
В полях каждодневно я с мамкой бывал —
Для дойной коровы за свежей травой
Она вечерами ходила со мной.
И помню — на каждой меже без труда
Мы по два мешка нажинали тогда.
Свободно ступал я босыми ногами,
Широкие межи стелились пред нами!
А ныне посмотришь: и нивы всё те ж,
Но нет стародавних, просторных тех меж.
Едва их заметишь: как тонкая нить, —
Чужой бы, наверно, не смог различить.
Тот здесь их подрезал, тот там обкорнал, —
Рад каждый, что лишнюю долю достал.

Зачем же любой над землею дрожит?
Какая причина, что тягостно жить?
Иль слишком плодится бессмысленный люд?
Иль, может, потребности наши растут?
Нет, нужды всё те же у бедных людей,
Народу ж не больше, а меньше скорей, —
Его обступили и грабят чужие,
Как жадные трутни, слетелись к поживе.

Иной неразумный толкует у нас:
«Война бы ударила, что ли, сейчас,
Всех лишних побила, и стало б опять
На свете вольнее и жить, и дышагь».
Вольнее! Но, кроме несчастий и мук,
Мы лучших для дела лишились бы рук,
А горе в народе как было — так было б,
Лишь к старому новое зло привалило б!

Не может, притиснутый к межам, народ
Постигнуть начало всех бед и невзгод,

Увидеть, откуда растёт это горе,
Что все его силы повысочет вскоре.
Ой, межи, вы, межи, ой, цепи земли,
В какую тряси́ну народ завели!
Упёрся во тьму он глазами, голодный!
Кто ж путь нам укажет прямой и свободный?

3

Ко мне за советом пришёл человек:
«Что делать, как быть, научите!
На этом вот поле мой дед прожил век,
Хоть жигь тут, по правде, и нечем, — взгля-
ните:

Полоска! Но прежде, наверно, не так
Теснились люди, как ныне;
Ни сладко, ни горько, тишком, кое-как
Прожить довелось старичине.
Дед вырастил двух сыновей, поженил,
Но жили все хатой одною.
Говаривал он: «Я бы вас разделил,
Да поле у нас небольшое.
Теперь оно худо, но может кормить,
А что будем делать раздельно с клочками?»
Нет, я на беду вас не стану делить!
Не смею с сумою по свету пустить.
Умру — вот тогда и делитесь уж сами».
Случилось же так, что от тифа весной
И дед, и сыны отошли на покой,
Осталось четверо нас, малолетних.
Мне три миновало, и был я — старшой,
А дядькину хлопцу шёл только второй,
Девчатки ж грудные совсем. У бездетных
Богатых соседей пристроили нас,
Мальчишек, чтоб с голоду мы не пропали.
Они, мол, за всё, что получают от вас.
Отслужат, как вырастут, — вдовы сказали.
И мы испытали, что значит беда!
Скончались и матери. Мне уж тогда
Исполнилось двадцать, меня «рассчитали»,
Домой я вернулся, жену подыскал
И, поле забрав, что старик завещал,
Стал стрэйтяться рьяно вначале.

Решил: заплачу все долги поскорей,
И поле, по дедовой воле,
Останется цело, и я на том поле
Сумею подняться без «добрых людей».
Девчаткам приданое справлю, а брат
Поженится с доброй вдовою...
А землю делить — что рубаху порвать:
Уж лучше кому-нибудь целую дать,
В одну ведь не втиснутся двое.
Нет, землю один только должен забрать!
Я брату нередко, бывало,
Вот так говорил. Но любезный мой брат,
Как враг, не смущаясь нимало,
Прошение вдруг на меня написал,
Чтоб дом, и орудья, и поле
Судом разделили на равные доли,
Как если б один из дядьёв умирал.
Узнал я, и горько мне сделалось. Шлю
Соседей к нему: согласись на отплату;
И сам за ним следом хожу и молю:
«Ну, ладно, поделим мы поле и хату,
Но как на клочках нам с тобою прожить?
Не зря ведь и дед зарекался делить,
А ты его волю желаешь нарушить?»
«Куда! Про отплату не хочет и слушать!
Два года судились. Из города ныне
Бумагу прислали: что дед накопил —
На равные две разделить половины,
Да каждый ещё чтоб сестру наделил.
И что тут придумать — не ведаю боле!
Вконец разорят, коли сделают так.
Полнивы! Моё уж заложено поле,
Сестре не поможешь, ведь сам я бедняк.
Хочу вот свидетелей в суд привести,
Что дед не хотел делить поля, —
Прикажут, авось, на отплату пойти,
А нет — ну, господняя воля!»

4

Я думал о будущем братстве людей,
Я звал это время притти поскорей.
Безмежные видел я в мыслях поля:

Трудом обновлённая общим, земля
Кормила народ мой, свободный, счастливый.
Украина ли это? Твои ль это нивы,
Впитавшие крови и пота немало?
Да, это Украина родная моя!
И лютая боль в моём сердце стихала.

Виденье исчезло. Гляжу я. Вон там
За межи сцепилися Гриць и Степан;
Там дед пашет поле и слёзно скорбит
О сыне, что в Боснии дальней убит;
Отец там на сына топор поднимает;
Там мачеха бедных сирот проклиняет...
О край мой родимый, забытый всем светом,
Пусть лучше судьба тебя в прах истребит,
Коль ты осуждён пропадать без ответа!

1881

ДУМЫ НАД МУЖИЦКОЮ НИВОЮ

1

Стану на ниве, умытой зарёю:
Пурпуром солнце нежарко горит.
Пташки щебечут над тихой землёю. —
Что же печаль в моё сердце стучит?

Царь и владыка природы, взгляни же.
Сколько в ней счастья, любви, красоты!
В сердце краса эта просится, ты же
Бродишь несчастен, один только ты.

Тучное поле, левада за хатой,
Луг неоглядный с травой густой —
Так почему же, усердный орадай,
С голоду мрёшь ты в хатёнке пустой?

В гор твоих лоне железо струится,
Так почему же затуплен твой плуг?
Или железо на то лишь годится,
Чтобы цепями свисать с твоих рук?

Жарким земля твоя светом богата,
Что в подземельях ключами кипит;
Так почему же, усердный орадай,
Не для тебя светит он и горит?

Много ты соли, до века рождённой,
В светлой, хрустальной скале накопал;
Так почему же ешь хлеб несолённый?
Солью земли почему сам не стал?

Сердце моё простирается с плачем,
Нива мужичья, к твоим бороздам,
Тонет мой дух в твоём лоне, горячий,
Словно упавшая в море звезда.

Глубже, чем лемех, в тебя проникает,
В каждый комок, корешок и сучек,
К каждой пылинке прильнув, вопрошает:
Кто плодоносный ваш высосал сок?

Тысячелетья по вас проходили,
Кровью и трупами вас напители —
Что же так мало вы хлеба родили?
Где же святые те соки пропали?

1881.

В ЛЕСУ

Хорошо, в чаще леса блуждая,
Где безмолвие манит ко сну,
Под навесом ветвей отдыхая,
Слушать летнего дня тишину!
Вкруг безлюдно, а всё ж не пустынно —
В том святом одиночестве я
Снова сердцем ловлю беспричинно
Бесконечную песнь бытия.

И я счастлив, покуда скрываюсь
В этих чашах, бродя наугад, —
Я людей повстречать опасуюсь,
Люди тихий мой рай разорят.
Люди всюду, и к этому раю,
Слёзы горькой недоли несут.
Не однажды с тревогой встречаю
Я проклятое горе и тут.

Вот ободранный дед-старичина
Ковыляет, склоняясь к земле,
Низко гнёт его долу сушина,
За плечами — грибы в кошеле.
Знаю сызмала деда седого,
За селом его хата гниёт.
Он живёт одиноко, убого —
Собирает грибы, продаёт.

Пищу, рублище взять ему где же?
А пойдёшь по грибы — заберут!
Лесники отведут на Медвежью,
А в Медвежьей под арест запрут.

Я спешу за деревьями скрыться,
Чтоб меня не увидел седой.
Знаю: встретиться старый боится
С чёрным платьем, как с чёрной бедой!
Да напрасно! Приметил, бедняга,
Из груди его вырвался крик,
Кинул связку и в темень оврага
Торопливо укрылся старик.

Долго слышалось мне, как хрустело
Под ногами, где старый бежит,
И в груди его что-то хрипело, —
Так больной перед смертью хрипит.

И подумал я: сгинь же, проклятый
Мой господский наряд, — ты меня
Для убогого, бедного брата
Сделал пугалом — пуще огня!

1882

ГОЛОД

Кровавый год сорок шестой *
Клонился к осени. Кончали
Косить овёс, и наступали
Дни отдыха. Объят тоской,
Лишь кое-где влачил в сараи
Мужик снопы. К нему тот год
Немилостивым был: такая
Беда, подобный недород
Безмерными казались. Жито,
Пшеница гибли, и впервые
Картошка в поле загнила...
Овёс покрыла ржа. Убито
Веселье было! В дни такие
Умолкло пенье, только шла
Молва по сёлам невесёлым:
«Помилуй, господи, людей!
От голода погибнуть сёлам, —
Рукою гневною своей
У нас ты отнял наш достаток!
Тот счастлив, кто хотя б до святок
Есть будет хлеб, — у большинства
До Покрова его нехватит!»
В любой деревне, в каждой хате
Одни лишь мысли и слова, —
О том, как бог прожить поможет
Вот эту зиму. В душах холод
И ужас: будто лик свой кажет
Упырь по хатам: голод! голод!

Вот женщина в слезах видна:
Она картошку рыла в поле.
Весь день работая, она

Ведёрко малое, не боле,
Хорошей добыла, — гнилой
Пред ней гора! День за спиной.
Он пролетел. Из рук упала
Мотыга. Горем сердце сжало;
Отчаянье, печаль глухая
Им завладели. Затряслась,
В село бедняга поплелась,
Рыдая, громко причитая.
А вот гумно. Хозяин сам
И сын его не отдыхали, —
Весь день цепами промахали;
Хозяин, обмолот провеяв,
Не верит собственным глазам:
Всего три гарнца — что за диво! —
Из трёх копён? Он нерадиво,
Быть может, нынче молотил?
Быть может, нерадивым был,
Когда он веял? Поскорее
Он, как дитя, спешит мякину
Вновь пересыпать. Селянину
Не по себе. Дрожа, бледнея,
Он шепчет: «Нет, ты шутишь, боже, —
Ведь издеваться над моею
Судьбою, господи, не гоже!»

Январь 1880

ПРАВДИВАЯ СКАЗКА *

На кровлѣ хатѣнки, под самой трубою

Сел ворон и каркает — горе вещает.

Отец-хлебороб вещуна вопрошает:

Кто нынче отмечен судьбою?

«Эй, ворон проклятый, как много

Пойдѣт хлеборобов с сумами,

Разутых в шинках корчмарями,

По ближним и дальним дорогам?» —

«Раз, два, три...» Шепчи — не шепчи, —

Всѣ каркает чѣрная птица.

«Чго ж будет со мною?» Ох, лучше молчи,

От горестей не откупиться!

На кровле хатѣнки, под самой трубою,

Сел ворон и каркает — горе вещает.

Зловещего старая мать вопрошает:

Кто нынче отмечен судьбою?

«Эй, ворон проклятый, как много

Седых матерей зарыдает,

Детей снаряжая в дорогу

На войну, куда смерть их скликает?» —

«Раз, два, три...» Шепчи — не шепчи, —

Всѣ каркает чѣрная птица.

«А мой, мой соколик?...» Ох, лучше молчи, —

Придѣтся с сыночком навеки проститься!

На кровлѣ хатѣнки, под самой трубою,

Сел ворон и каркает — горе вещает.

Зловещего сын молодой вопрошает:

Кто нынче отмечен судьбою?

«Эй, ворон проклятый, как много

Голов молодецких поляжет

Под острою саблюю вражьей
На поле чужбины далёкой?» —
«Раз, два, три...» Шепчи — не шепчи, —
Всё каркает чёрная птица.
«Что ж будет со мною?..» Ох, лучше молчи!
Поплачет о милом девица!

На кровле хатёнки, под самой трубою,
Сел ворон и каркает — горе вещает.
Хозяйская дочь вещуна вопрошает:
Кто нынче отмечен судьбою?
«Эй, ворон проклятый, как много
Девчаток с нужды да недоли
Без хлеба, угла, поневоле
Пойдёт в свет прсклятой дорогой?» —
«Раз, два, три...» Шепчи — не шепчи, —
Всё каркает чёрная птица.
«Что ж будет со мною?..» Молчи!
Уж лучше б тебе и на свет не родиться!

Тут мать, там отец тяжко-тяжко вздыхает,
Тут брат, там сестра головой поникает, —
Нависла беда над убогою хатой;
Людские сердца омрачила тревога,
Тернистая всех ожидает дорога, —
А ворон всё каркает, ворон проклятый.

СМЕРТЬ УБИЙЦЫ

Мужик кончался. Что за диво?
Они ведь тысячами мрут,
Надеясь то добыть за гробом,
Чем жизнь их обделила тут.

Вот так и он. Сошлись соседи,
Про всё толкуют чередом,
Детишек сирых утешают.
Как вдруг старик сказал с трудом:

«Покаяться попу хотел я,
Да передумал; что скрывать?»
Один лишь грех мне лёг на совесть,
Да ведь его попу не снять.

Грех перед миром — и на людях
В нём повинюсь, а вам — судить.
И, как вам скажет совесть ваша, —
Винить меня или простить.

И вы, мои родные дети,
Вы тоже слушайте, чтоб знать,
Как вам — худым иль добрым словом —
Огца-убийцу поминать.

Да, я убийца. Но постойте!
Вот скоро сорок лет пройдёт,
Как грех на совести ношу я,
А он мне совести не жжёт.

Так вот, почтенные соседи,
Убийство на душу я взял!

Простит ли бог мне, иль за гробом
Воздаст, что тут мне не воздал?..

Ведь знает всяк — за душегубство
Сторицей платит он всегда...
Суда я божьего не знаю,
Но не боюсь его суда.

Ещё при панщине то было,
Давно былём всё поросло, —
Под панскою пягой дрожало,
Стонало стоном всё село.

А был наш пан — что зверь твой лютый,
Хоть человеком и звался.
Как он над горем издевался!
Что крови нашей напился!

Бывало, вечером с работы
К крыльцу придём и станем в ряд, —
Выходит пан чинить расправу,
А люди наперёд дрожат.

К столбу виновного привяжут,
И все плюют в него гуртом,
А коль не плюнешь, — пан холопам
Велит влепить тебе кнутом.

Чуть кто промешкал на работе —
Уж пытки не минует тот:
Кого в крапиву бросят голым,
Кому набьют землёю рот.

Он для своей забавы глину
Месить сгонял с села девчат
И тешился, как в ней по поясу
Девчата вязнут, а молчат.

Как грабил нас, как издевался,
Верёвки вил из наших жил,
Работой нашей обжирался!
Народ терпел и всё сносил.

И я терпел, но всё ж терпенью
И моему концу настал

В тот час, как пан мою невесту,
А вашу мать — в покой взял.

Меня же он, шептались люди,
Задумал в рекруты отдать...
Я знал — беды не миновать мне,
И случая решился ждать.

Назавтра ж, глядь, меня с другими
Погнали, словно бы в страду,
В господский сад, — дорожек новых
Пан захотел нарыть в саду.

Приказчик нас развёл, отмерил —
Что за день каждому вскопать...
Попал в такой я закоулок,
Что в нём меня и не видать.

Боярышник направо, груши,
Сарай каретный — за спиной,
И с боку узкая калитка...
Ну, стал я. Тишина, покой...

Сквозь листья солнышко мигает,
Вьёт золотые завитки...
Стою один, и тяжело-тяжко
Вдруг сердце сжалось от тоски.

Я заступ выронил, подумал:
Бог весть, придётся ли хоть раз
На белый свет ещё глядеть мне?
И слёзы брызнули из глаз.

Вдруг ветка — хрусь! Я озираюсь --
Передо мною, красен, хмур,
Стоит сам пан, дрожа от злости,
В руке сжимает толстый шнур.

— Вот, — крикнул, — пёс, твоя работа! —
Шнуром взмахнул над головой.
«Один конец!» — в уме мелькнуло,
Хвать за руку я, сам не свой.

И, вырвав шнур, его в минуту
На панской шее захлестнул

И пана, — охнуть не успел он, —
На ветку груши подтянул.

Погрепыхался пан с минутку...
А я — давай бог ноги прочь,
Встал в угол, весь трясусь, копаю,
Стараюсь страх свой превозмочь.

Гляжу я: ни души, всё тихо,
А пан висит... Я — в голос туг:
«Пан удавился! Помогите!»
Приказчик с кучером бегут,

Бегут работники и слуги...
Теснятся к груше и глядят,
Остолбенели, — не спасают,
Не вынимают, а молчат.

А после дворя разбежалась
Во все концы — ну, просто страсть!..
Одни накраденное прячут,
Кто ж не накрал — спешит украсть.

А пани даже и не вышла,
Узнав, что пан висит в петле.
Внесли его мы сами в сени
И положили на столе.

Моя ж Ариша услышала,
Что пана нет, — и, как была,
В окно скорей, — покой был заперт,
Да без оглядки вдоль села

Домой пустилась, словно гнались
За ней, на печку забралась
И до ночи там просидела...
Так разом вдруг оборвалась

Цепь наших бед. И хоть один бы
О смерти ката пожалел!
Меня допрашивать не стали,
А сам я — словно онемел».

Умолк старик. Стояли люди,
Как будто туча давних бед

Заволокла их души грустью...
«Ну что ж, винсеен я нль нет?»

И так ответили соседи:
«Сам бог, видать, тебя простил,
Прощает и мирская совесть».
Тут луч улыбки прояснил

Лицо убийцы. И, как зорька
Заходит тихо над селом,
Так тихо, радостно, покойно
Заснул убийца вечным сном.

МАТРЕ́НА-ПОДЁНЩИЦА

Росла я в людях; с малых лет
Я, видно, по чужим ходила,
Кто отдал из дому меня —
Сама давно я позабыла.

Гусей пасла я за селом,
И няньчила ребят, и пряла.
Велели мне стирать и жать,
Ну что ж? — стирала я и жала.

Я стала девкой на поре,
Да безответной и несмелой;
Меня хозяин приглядел, —
Я и перечить не посмела.

Ребёнок родился. Меня
Хозяйка вытолкала прямо
На двор, босой... Куда пойдёшь? —
И в лес сбежала я от срама.

Там с малым дитячком всю ночь,
Весь день, как зверь, таилась в чаще,
Малютке — мука, да и мне
Самой едва ли было слаще.

Меня нашли полуживой,
Да добрая душа попалась —
К себе соседка нас взяла,
Так у неё я и осталась.

Живу подёнщиной; знать, век
Мне за чужое быть в ответе...

Ну, что ж, — не каждому судьба
Своим хозяйством жить на свете.

Дитя росло. Но мне оно
Нередко совесть тяготило,
Ведь рождено на свет в грехе —
Так неразумно я судила.

Стыдилась и в глаза взглянуть
Я добрым людям, умывала
Слезам дитяtko своё
И редко-редко где бывала.

Но вот к нам как-то зачастил
Захожий парень. Он портняжил;
Придёт под вечер и сидит...
И невдомёк нам было даже,

Зачем так часто ходит он.
Сидит да шьёт. Едва, бывало,
Словечко скажет; мы прядём...
Но раз с ним словно что-то случилось:

Хозяйка чуть за дверь, — он встал,
Зарделся весь, воды напился
И говорит мне: «Ну, а что,
Когда б я на тебе женился?»

Вся обмерла я, не могла
Найти в ответ ему ни слова.
Потом сказала: «Бросьте вы!
Не говорите-ка пустого!

Куда мне замуж! Не житьё —
Навек связать судьбу чужую.
Ведь всё приданое моё —
Дитя, да стыд с собой ношу я».

И, как он ни просил меня,
Я твёрдо на своём стояла.
Он сел и замолчал. А я
Ни слова больше не сказала.

И всё. О сватовстве у нас
И речи не было как будто.

Но как-то ближе каждый раз
Мы с ним сходились. Нам минутой

Казался час. Видал он свет,
Знал, как и где кому живётся,
На всё умел сыскать ответ.
Бывало, день уже займётся, —

С хозяйкой мы сидим, прядём
Да слушаем; он шьёт, и гладко,
Спокойно речь его течёт.
И сердце — то забьётся сладко,

То вдруг занает... А потом
Решил он с нами поселиться,
И словно луч согрел наш дом, —
Тайком я стала с ним любиться.

Но всё ж всплакнула я не раз:
Ох, грех какой! Что будет с нами?
Он утешал меня, смеясь,
Простыми, добрыми словами:

«Не плачь! Ужли ж не большой грех
Жить без любви среди постылых,
Чужой на свете быть для всех,
Тот жар гасить, что тлеет в жилах?»

Боишься свет себе закрыть
Венцом церковным, — что ж такого?
Так уже тебе и не любить,
Не видеть счастья молодого?

Ведь люди без венца живут, —
Чего ж и нам не жить, как люди?
Иль дела руки не найдут?
Хватило б сил, — работать будем!»

И вижу я, что тут не ложь,
Пошла я за его словами,
Живём на веру мы — и что ж?
Любовь, согласие между нами.

Что нам? Пусть стыдно будет тем,
Кто бедных мучит, — богатеям!

Работа есть — известно всем,
Что рук своих мы не жалеем.

Второй родился... По любви...
Да поп крестить не стал сначала:
Мол, разойдись или живи
В законном браке! Не смолчала

Я тут. Ведь было ни к чему
Попу стращать нас всем на свете;
И денег нет платить ему,
Да и на что нам путы эти?

«У нас и так любовь да лад,
А в браке — ссоры что ни слово.
Кто ж больше богу виноват?»
Поп стих и окрестил второго.

РАССКАЗ АРЕСТАНТА

Мой участок божьей волею
Стоил гульденов пятьсот, —
Если ж кто прижат недолею,
Тот и за сто отдаёт.

Кое-как заштопал дырочки, —
Ни единого гроша
Не осталось от выручки...
Пропадай, моя душа!

«Я работой неустанною —
Думал — горе отведу:
К осени зерна достану я,
Прогоню её, нужду!»

Вдруг такие всходы бурные
Поднялись, — душе светло!
Да не дал господь! Лазурные
Небеса заволокло!

А потом как ливни хлынули,
Хлеб побили дочиста...
И посевы в поле сгнули,
И картошка — даже та!..

Комиссара * мне направили, —
Записал, что град побил.
Я, хоть полналога сбавили,
Ничего не уплатил!

Уплатить налог мы рады б, но
Чем кормиться, господа!

В банк платить ведь тоже надобно!
Словом, в петлю лезь! Беда!

Я 6 участок продал дешёво, —
Надо ж как-нибудь прожить!
Но, однакож, и за грош его
Не хотел никто купить!

Говорил к тому же староста:
— Землю продавать нельзя!
Раньше в банк плати, пожалуйста, —
Ведь заложена земля! —

Этак жить, — да что за выгода!
Если горя через край,
Если в жизни нету выхода,
Жизнь такая — пропадай!

Лучше пусть в тюрьме погибну я,
Лучше сгибну я во тьме,
Лучше дом родной покину я,
Чем сграть в нём, как в тюрьме!

Сшил я нищенские торбочки —
И с ребятами, с женой,
Точно воры, ночью, сгорбившись,
Дом покинули родной.

Зычным голосом раскаянье
Окликало нас во мгле,
Но, как лютый змей, отчаянье
Нас гоняло по земле.

Дети шли со мной — бездомные,
Мать их сбилась с ног совсем...
Я же, глядя в бездну тёмную,
Был, как камень, глух и нем.

Мы в пути детей растыкали,
Людям внаймы их отдав;
И с женою, горе мыкая,
Подались на Борислав*.

Но жена недолго маялась,
Год прошёл — и померла...
Сердце от тоски истаяло,
Грусть-тоска меня взяла...

Горе ходит позади меня,
Стражники нашли и тут,
И меня в село родимое
По этапу нынче шлют.

V. ЕВРЕЙСКИЕ МЕЛОДИИ*

АССИМИЛЯТОРАМ

Евреев согнуть, подавить их,
Закон и язык их пресечь, —
Об этом вы нынче твердите?
Пустая, безумная речь!
А знаете вы, что за сила
В закон тот, в язык вложена?
Как огненный столп, проводила
Народ сквозь столетья она.
То — щит наш от натиска вражьего,
И время его не сожнёт:
Иакова, праотца нашего.
В нём гордое сердце живёт.
Иакова, в юные годы
С Еговой вступавшего в бой!
Вы знаете, как фараону
Иаков являлся седой?

Иосиф великую милость,
Служа фараону, снискал.
Отца его старого видеть
Тогда фараон пожелал,
И вот патриарх из пустыни
Грядёт к фараону на пир;
Двенадцать верблюдов горбатых
Шлифованный топчут порфир.
У входа в дворец фараона,
Где сфинксы молчат в забвении,
Сыны патриарха разбили
Шатры кочевые свои.
И вот фараона министры
Приветствовать старца сошлись,

И мѣлят они патриарху:
«К ногам фараона склонись!»
Но, с пальмой пустынною схожий,
Свой стан гордо выпрямил он
И посланным молвит: «Лишь богу
Привык воздавать я поклон!»
Сказали о том фараону
Министры — нахмурился тот,
Велит на пути патриарха
В полроста лишь сделать проход:
«Сюда приведите еврея,
Невольно нагнётся здесь он
И, хочет — не хочет, воздаст мне
Владыки достойный поклон!»
Иакова к царским покоем
Подводят, — и вот впереди
В полроста лишь узкая дверца...
«Вот здесь к фараону иди!»
И, хитрость такую увидя,
Шаги патриарх задержал...
Смеются тайком египтяне,
Он к богу душою воззвал
И случилось... Десницей громовой
Егова ударил в стену:
Её, паутине подобно,
Рассек он во всю вышину.
Сквозь блески, и дымы, и грохот,
Спокоен, и важен, и строг
Иаков, как пальма пустыни,
Вошёл к фараону в чертог.
А царь весь затрясся и, бледный,
К ногам патриарха приник...
«Велик твой господь!» — взопил он,
И замер, кснее, язык.

Запомните ж древнюю повесть
Вы все, кто хотел бы согнуть
Евреев, и силой неправой
Погнать на нехоженный путь!
Не думайте, что ослабела
Могучая эта рука,
Для коей стена из порфира
Ничтожней, чем нить паука!

19 сентября 1869

ЗАВЕЩАНИЕ ИАКОВА

Как умру я в Мидраиме * дальнем,
Сгину тенью пред ликом огня,
По обрядам чужим, погребальным
Не кладите в гробницу меня.
Грудой мёртвой, хотя и нетленной,
Мир живых не хочу я дразнить —
Нет, с душою расставшись пленной,
Прах земле я хочу воротить.
Обверните мой труп зласяницей,
Схороните меня на пути,
По которому к вражьей столице
Из блаженных пределов итти.
Чтоб, когда тем путём мои внуки
В рабство страшное хлынут толпой,
Вздохи их и стенания муки
Слышал я в свсей яме глухой.
Пусть мой дух, непреклонно могучий,
Их надеждой свободы живит,
Пусть их плач, безутешный и жгучий,
От исленья мой прах защитит.
А как вспыхнет вам утро свободы
И поднимется род мой, как рой,
Чтобы итти через Чермные воды
В край далёкий, завещанный, свой, —
Заклинаю вас богом единым:
Не забудьте костей моих тут!
Пусть в пределах родной Палестины
Близ отцов они мирно уснут.
Ибо страшная близится кара!
Без числа, как пустыни пески,

Налетят — словно смерчи Сахары —
Песнь мухи, и вши, и жучки,
И не будет отрады в сём крае,
Гнус замучит отцов и детей.
Пусть же он — вас о том умоляю —
Не сквернит моих вольных костей.
И пока не вернут вам свободу,
Горшей муки изведает вновь:
Нил для тех, кто пил кровь из народа,
Превратится в горячую кровь.
Пусть же струи той крови неправой
Не омочат мой прах, не зальют,
Чтобы не встал я в одежде кровавой
Перед тронсн Еговы на суд.

20 сентября 1889

СУРКА

Мне, Сурке, бедной еврейке,
Бог не дал красоты и росту:
Мала я, станом не вышла,
Лицом и вовсе дурна я.
Да как же и стать могла бы
Прямою и стройной Сурка
Без ласки матери милой,
Сызмала между чужими,
Сызмала в тяжкой работе,
Вечно в толчках да в побоях!
Вот так жила я лет двадцать,
И не жила, а сгибалась,
По разным корчмам слонялась.
Работа и днём и ночью,
Корчмарка зла и ленива,
Корчмарь — смирён, да ворюга,
И привередливы гости...
Одно у каждого в мыслях —
Служанке задать работы,
Служанку щипнуть, ударить, —
Служанка пикнуть не смеет,
Ещё должна улыбаться,
Хоть душат и гнев и слёзы.
Вот так жила я лет двадцать.

Но раз мне хозяин шепчет:
«Приди ко мне, Сурка, ночью,
Как только жена уедет!»
Хоть я мала, некрасива,
Хоть выросла тёмной, глупой,
Читать, писать не училась,
Молитвы даже не знаю, —

А всё-таки догадалась,
На что меня кличет Юдка.
Сперва убежать хотела,
Потом — рассказать корчмарке,
А после так порешила:
«И так мои годы проходят,
Подобно воде болотной,
Вез счастья и без утехи!
Умру, не изведав даже
Того, чем тешатся люди,
А там, в небесах, бесплодным
Ни входа нет, ни почёта.
Так пусть и у Сурки будет
Ребёнок маленький! Боже,
Ведь как любить его буду!
Те малые ручки, ножки
Горячими греть устами!
Отдам последний кусочек,
Лишь бы дитя было сыто.
Пусть меня бьют, обижают,
Лишь бы ребёнок, мой цветик,
Рос по-людскому, как надо!»

Вот так я думала часто,
С ведром идя за водою,
На кухне моя посуда,
Стирая тряпье хозяйки.
Я слышала, как под сердцем
Дитя всё больше и больше
Весть о себе подавало.
Бывало, вздохнуть нет силы,
Как пьяная становлюсь я,
Работу из рук роняю —
Зажмурю глаза, присяду..
И чудится, полусонной,
Ребёнок — розовый, малый,
Ребёнок — мягонький, пухлый,
Прильнул к груди материнской,
Смеётся, ножками вертит.
И так сидела бы вечно,
Покамест злая корчмарка
Не налетит, не ударит
И не прикрикнет сердито.
А я мечтать перестану,

Смотрю на неё — без злобы!
И не было злобы вовсе
В сердце моём на ту пору —
А гордо, будто царица,
Вот так бы сказала ведьме:
«Хоть ты — корчмарка, богачка,
А я лишь твоя служанка,
Но я равна тебе ныне!
Я матерью стала, слышишь!»

Когда же родить пришлось мне,
Тогда корчмарка дозналась.
Ой, шуму, ой, крику было!
Меня из корчмы прогнала,
Хоть снег был, ветер и стужа.
А Юдка жены боялся,
Не смел он сказать ни слова.
Но всё же был милосерден:
Запряг он кобылу в санки,
Отвёз меня к повитухе
И сунул немного денег,
Сказавши: «Сурка, бедняжка,
Живи тут, покуда сможешь,
Я о тебе позабочусь.
Но, ради бога, ни слова
Не говори ты корчмарке,
Что от меня твой ребёнок!
А то не быть мне живому!»

Дал бог, родился мой мальчик,
Здоровый, милый, как ангел!
Живу у старухи месяц,
Уже я совсем здорова,
Но не приходит мой Юдка!
Старуха бедна, убога
И нет у самой ни крохи,
И заработка не видно —
Пришлось нам круто, ой, круто!
И вот говорит старуха:
«Ты видишь, Сурка, бедняжка,
Что нам тут жить невозможно,
Гнездо потеплее нужно.
Запру я на зиму хату,
Пойду в работницы к войту*».

А ты забирай ребёнка, —
Ступай-ка, милая, к Юдке!
Если ж не примет Юдчиха,
Ступай, ищи места в людях!»

Мороз был лютый и ветер,
Всё поле снегом курилось.
А я разута, раздета, —
Что погеплей только было,
Всем обвернула ребёнка,
А о себе не забочусь!
Иду потихоньку к Юдке.
Пришла я в корчму. Юдчиха
Коршуном так и воззрилась...
(На кухне служит другая.)
«Чего ты хочешь?» — спросила.
«Пять лет, — говорю, — трудилась,
Теперь пришла за расплатой...»
Как раскричится Юдчиха!
«Скажи-ка, змея, сейчас же,
Скажи-ка мне, чей ребёнок?» —
«Мой, — отвечаю, — да божий». —
«Скажи, кто отец ребёнка,
А то не увидишь денег!» —
«Нет, не скажу никогда я!» —
«Так марш, оборвыш, из хаты!
Исчезни с глаз моих вовсе
С приплодом своим поганым!» —
«Юдчиха, побойтесь бога, —
Шепчу, — ведь стужа какая,
А я разута, раздета,
Со мною грудной ребёнок,
Куда мне деваться к нэчи?» —
«Прочь, не погань моей хаты!
Ступай хоть к волчице в зубы!» —
Да как подскочит, гадюка,
И вытолкала за двери
В метель и в стужу ночную.
Пошла я, себя не помня.
Легла мне на сердце тяжесть...
Куда ж это Юдка делся,
Что же не глянул и глазом,
Что ж не промолвил и слова,
Рта не закрыл он гадюке?

Куда мне теперь податься.
К кому попроситься в хату?
Пять лет в той корчме жила я,
Деревни ж совсем не знала,
Людей не знала, что в хатах
Крестьянских серых ютятся.
Страшны для меня все были,
Все пьяными мне казались,
Все, мне казалось, готовы
Избить, изругать еврейку.
И стало мне сразу страшно,
Как будто я в чаще леса,
Меж волчьей стаи.

Темнело.

Расплакался мой ребёнок.
И чувствую — сохранилось
В груди молоко. Я села
На снег, под плетень, где тише,
Хочу накормить ребёнка.
А он, мой маленький, сразу
Приник к груди материнской —
Мороза ещё не слышит,
И только щёчки краснеют.
Сосёт, а чёрные глазки
Так на меня и уставил,
Как будто всё понимает,
Как будто сказать мне хочет:
«Не бойся, мама, не бойся!»
И стало вокруг так ясно,
Так радостно, мило стало,
Как будто и снег растаял,
И ветер тёплый повеял,
И ветви зазеленели...
Гляжу я, не налюбуюсь
На моего ангелочка —
Весь мир, всё горе забыла...
Вдруг псы где-то близко взвыли,
И ветер свистнул над ухом,
В глаза мне швыряя снегом, —
И я очнулась мгновенно...
И слышу: руки и ноги
Застыли, окоченели,
Ребёнок замёрз и плачет,

А сон меня долу клонит —
О, боже, я замерзаю!
Была такая минута —
В моей голове блеснуло:
«Что ж, замерзаю, и ладно!
Не буду мучиться больше».
Но тоненький плач ребёнка,
Как нож, пронзил моё сердце,
Прогнал недобрые мысли.
Нет, нет, пускай я погибну,
За что ж погибать малютке!
Все силы свои напрягши,
Я выбралась из-под снега —
А он нас почти засыпал —
И завернула ребёнка...
Бежать бы, куда придётся,
Да сил уже нет. Хотела
Согреть своего малютку,
Да в теле тепла уж нету,
А тут дороги не видно,
И ноги вязнут в сугробе,
И ветер в глаза мне свищет...

Я шла без мысли, вдруг вижу:
Стоит хатёнка, мигает
Неясный свет из оконца.
Я и надумала сразу
Под то оконце к ограде
Дитя положить тихонько.
Наверно, не все заснули
И плач младенца услышат,
Возьмут его, обогреют...
Сама ж пойду без оглядки,
Пока не сгину в сугробе.
И сделала, как решила.
Поцеловала ребёнка, —
Мороз уж его коснулся
И снег засыпал упорно, —
Укрыла, как только можно,
И у ограды, в затишьи,
Под тем окном положила.
Сама ж, как тень среди ночи,
Пошла по сугробам в поле.

Была тяжела дорога!
На каждом шагу казалось,
Что стопудовая тяжесть
Легла в ногах — и не сдвинешь.
А ветер в глаза мне хлещет
И свищет — и внятно слышу,
Слова мне свищет: «Мерзавка,
Что натворила ты, Сурка!»
Иду и стану... А в сердце,
Как иглами, что-то колет.
И слухом ловлю все звуки,
И всё, мне кажется, слышу:
Пищит и плачет ребёнок.
И стали страшные мысли
Мне в голову пробираться:
«А что если все заснули,
Не слышат детского плача,
И мой малютка замёрзнет!
А вдруг учуют собаки,
Живым загрызут ребёнка!»
Остолбенела я сразу.
И, сколько хватало силы,
Кричать начала: «Спасите,
Там мой малютка, малютка!»
Но пусто и глухо всюду,
Глокает вьюга мой голос...
И вот, как конь из упряжки,
Рванулась я, побежала
Назад в село. Спотыкаюсь,
Встаю и падаю снова,
Кричу и плачу — напрасно!
Бегу, бегу и терзаюсь,
Сдаётся, час уж, и больше,
Сдаётся, целую вечность,
А светлой хаты не видно.
Стога какие-то, вербы,
Собаки воют далёко.
Какие-то рвы большие,
Плетни — а хаты не видно!

И тут отчаянье злое
Мою охватило душу:
Мечусь, совсем обезумев,
Истошно кричу и плачу.

Вдруг кто-то сзади подходит.
«Ты что тут делаешь?» — слышу.
Оглядываюсь я — стражник!
Блестит ружьё за плечами,
Фонарь на поясе светит.
Хоть я, при корчме служивши,
Боялась стражников сильно, —
Сильней боялся их Юдка! —
Но этот стражник несколько
Не показался мне страшным.
И я к нему вдруг припала,
Как будто он — мой спаситель.
«Ой, пан, — говорю, — я Сурка,
Та, что у Юдки служила, —
Ищу своего ребёнка!»
И всё ему рассказала.

Взял меня за руку стражник,
Повёл вдоль села большого,
Пока мы свет увидали.
«Вот эта хата?» — спросил он.
«Не знаю, пан! Может, эта!»
Пошла я — боже мой милый! —
Та хата, и та ограда,
Ребёнка ж — нигде не видно!
И помертвела я сразу.
«Нет, — говорю я, — ребёнка!»
А в хате светло и шумно..
Стучится стражник... Вошли мы.
Но уж при входе я слышу:
Кричит ребёнок. «О боже!»
Вот только могла я вскрикнуть
И повалилась у входа.
Что было дальше — не помню.
Одно сквозь сон вспоминаю:
Лежу я в крестьянской хате,
Тепло в ней, светло и чисто..
Сидит со мною старушка,
Всё головою качает
И тихо так говорит мне:
«Смешная, глупая Сурка!
Зачем ты не постучалась?
Мы ж не собаки, как Юдка
С его Юдчихой, мы люди!

Слыхано ль дело такое —
В снегу младенца оставить!
На счастье, я не уснула,
Молилась богу, и слышу:
Что-то у нас под оконцем
Мяучит, будго котёнок...»
И вновь беспамягство...

Снова

Очнулась я уж в больнице
Тюремной. Это в горячке
Я три недели лежала...
Суд, говорят, ещё будет...
Так что ж, пусть судят, бог с ними!
Меня их суд не пугает,
Меня не гнетёт их кара!
Я суд прошла тяжелее,
Снесла тяжелее кару
В ту страшную ночь под вьюгой.
Что будет дальше — неважно!
Меня не страшит работа,
Ничго для меня не страшно,
Когда мой мальчик со мною.
Я всё для него готова
Снести!.. Говорят, хотели
Забрать у меня ребёнка, —
Ну, да спасибо горячке,
Этого не допустила!
Я, говорят, так кричала,
Рвалась, металась всё время
И всё малютку искала,
Что врач, наконец, сказал им:
«Отдайте вы ей ребёнка,
А то за жизнь не ручаюсь!»
Уже он теперь постарше,
Уже смеяться умеет.
Смотрите, как он играет,
Хватает грудь мою ручкой!
Моя единая радость!
Баловень мой ненаглядный!

7—8 сентября 1889

УВЯДШИЕ ЛИСТЬЯ

(1896)

ПЕРВАЯ ГОРСТЬ

(1882—1893)

* * *

Былое прошло отупенье —
И хлынули песни струей.
Не так ли огонь из-под пепла
Блестит языками порой?

Что счастьем когда-то казалось,
То теплится пеплом едва;
Но страсти, зажжённой любовью,
Под ним ещё искра жива.

Она не погасла — и тлела,
Хоть слёзы лились из души;
Но ветер повеял, и пепел развеял —
Теперь ты огонь потуши!

Нет, полно! Не стану гасить я!
Пусть пламя горит горячей!
И сердце пусть рвётся, но вольно пусть
льётся
Взволнованных песен ручей!

* * *

Не знаю, что меня к тебе так тянет,
Чем ты меня чаруешь, что порой —
Лишь стоит мне увидеться с тобой —
И сердце биться радостнее станет.

В груди теснится что-то, будто вновь
Передо мной мои поля родные,
Весна, цветы — и юная любовь
Объятая разорвала гробовые.

Себя я вижу вольным, сильным, прежним,
Как тот, кто цепь тюремную разбил;
Таким весёлым, искренним и нежным,
Каким в года прошедшие я был.

Иду с тобою рядом и дрожу,
Как перед злою не дрожал судьбою;
В твоё лицо тревожно я гляжу,
И кажется — упал бы пред тобою.

Когда б хоть слово ты сказала мне,
Я был бы счастлив, словно царь могучий,
И в сердце что-то дрогнуло б на дне,
И хлынул бы из глаз ручей кипучий.

Не брат, не друг тебе я — как назвать?
И дружбой мы б недолго дорожили.
Что ж! Если жизнь нас породнить не в силе,
Должно быть, рсзно будем умирать.

Всегда случайно я тебя встречаю,
Ни разу на меня не взглянешь ты;
А между тем с собой в могилу — знаю —
Я должен унести твои черты.

* * *

Не боюсь я ни бога, ни беса,
И в порядке — сердечные счёты;
Не боюсь я и волка из леса,
Хоть не очень гожусь для охоты.

Не боюсь я царей самовластных,
Подчиняющих всё своей власти;
Не боюсь я суждений пристрастных,
Раздирающих душу на части.

Даже гнев твой, моя чаровница,
Не пугает меня, как ни странно:
Любо видеть, как взор разгорится
И щека запылает румяно.

Но когда на лицо поневоле
Тень ложится — печали и горя,
И сжимаются, точно от боли,
Губы, с жалким рыданием споря,

И упрёк застывает в гортани,
Опускаются тонкие руки,
И безмолвно звёт к состраданию
Взор, исполненный горестной муки, —

Вот тогда я от страха бледнею,
Моё сердце сжимает тревога:
Боль немая пугает сильнее
Всех громов и немилости бога.

* * *

За что, красавица, я так тебя люблю,
Что сердце мечется неровно, торопливо,
Когда проходишь ты легко и горделиво?
За что, за что тоску и муки я терплю?

За гордость ли твою, за красоту твою,
За то неясное, что тлеет молчаливо
В глазах твоих и шепчет: «Сердце живо,
Но в тесную одето чешую»?

И кажется порой: твоя душа живая
Взывает, борется, — печали тень тогда
Прекрасное лицо невольно покрывает.

Тогда я всё готов отдать тебе. Но вот
Холодный смех в глазах, и ты опять горда
Я отхожу опять, и в сердце боль растёт.

* * *

Так случайно в синий вечер
Повстречались мы с тобой,
И пошли простые речи,
Как у земляков при встрече
В дальней местности чужой.

Идеалы и другое
Что-то стал я вспоминать,
Да не то, совсем иное
Сердцем всем и всей душою
Мне хотелось рассказать.

В это краткое свиданье
Ты спокойно речь вела;
А при грустном расставаньи
На последнее прощанье
И руки не подала.

Лишь кивнула головою —
И тебя со мною нет;
И, не зная, что со мною,
Взгляды долгие с тоскою
Посылал тебе я вслед.

Чует сердце, что в тот вечер
Счастье унесла беда!
Будь мои теплее речи —
Из короткой эта встреча
Стала б встречей навсегда.

Чует сердце, что неожиданно
Не вернётся счастье вновь...
Чует сердце непрестанно:
Это ноет, словно рана,
Безысходная любовь.

* * *

Да, только ты — любовь единая моя.
Которой не дано мне в жизни насладиться;
Ты — тайный тот порыв, что вздохом забывая
Вздывает грудь — загом, чтоб никогда не сбыться.

Ты — песня лучшая, что в час мечты нам снится,
Но не находит слов, их в немоте тая;
Ты — подвиг доблестный, тот, на который я
Пошёл бы, будь крепки и вера, и десница.

Как муку по любви, убитые желанья,
Песнь непропетую, геройские дерзанья,
Как всё высокое, чем душу я кормлю,

Как тот огонь, что нас и греет и сжигает,
Как смерть, что в грозный час от мук освобож-
дает, —

Вот так, красавица, и я тебя люблю.

* * *

У тебя глаза, как море
В далях светлоглубых:
Нестареющее горе,
Как пылинка, тонет в них.

У тебя глаза — источник,
Где надежда светит мне
Сквозь мерцанье вод проточных,
Как жемчужина на дне.

«ОСТАВЬ НАДЕЖДУ!»

Как ты могла так ровно, так спокойно
Сказать об этом? Как не задрожал
Твой голос в горле, как тревожным стуком
В твоей груди не заглушило сердце
Те страшные слова: «Оставь надежду!»

Оставь надежду! Или ты не знаешь,
Что в тех словах таится преступленье,
Убийство сердца, духа, мыслей всех,
Живых и нерождённых? Или совесть
При тех словах в тебе не шевельнулась?

Оставь надежду! Мать-земля родная!
Ты, ясный свет! Ночная темнота!
Вы, звёзды, люди! Что вы все теперь?
Что я теперь? Зачем не прах бездушный?
Зачем не камнь, не вода, не лёд?

Тогда бы я в груди не слышал ада,
И не сверлил бы нор в мозгу моём
Червяк насытый, кровь моя, пылая,
В горячке не вызванивала б вечно
Вот этих страшных слов: «Оставь надежду!»

О нет, не верю! Всё обман, обман!
Живительной воды в напиток мне
Ты подлила, а в шутку лишь сказала,
Что там отравы. Ведь за что бы ты
Могла убить и душу мне, и тело?

Нет, нет, не верю я! В тот миг, когда
Уста твои меня убить хотели, —

Твой бледный облик и тоска во взоре,
И вся ты, вся, дрожащая мимозой,
Всё говорило мне: «Не верь! Не верь!»

Душою ты добра! О, не обманешь
Ты сердца мне завесою гордыни!
Тебя я понял! Ты добра душою!
Лишь бури мира, муки недоверья
Заволокли тебя туманом этим.

И вновь я в сердце ощущаю силу
Туман рассеять, теплотою чувства
И жаром мысли воедино слить
Тебя и жизнь — и я в ответ тебе
Кричу: «Надейся и крепись в борьбе!»

* * *

Ни на что я не надеюсь,
Ничего я не желаю.
Что ж, живу ещё, не умер,
И — страдаю!

Что ж, когда на лик твой милый
Мне никак не наглядеться,
Полюбил тебя — куда же
Сердцу деться?

Смейся! Смех, подобно солнцу,
Зелень листьев обновляет;
Мишура в его сияньи
Полиняет!

Ни на что я не надеюсь,
Только — чем убить желанья?
Как живому ждать не жизни —
Умиранья?

Будем жить! Своей дорогой
Каждый пусть пойдёт отважно.
Повстречаемся — отлично;
А разминемся — неважно!

* * *

Бескрайное поле под снежной волною,
О, дай мне простора и воли!
Я здесь, одинокий, лишь конь мой со мною,
А сердце изныло от боли.

Носи ж меня, конь мой, по чистому полю,
Как ветер над степью широкой, —
Быть может, уйду я от тягостной боли,
Терзающей сердце жестоко.

* * *

Если ты меня встречаешь,
То обходишь стороной.
Ты права! Одной дорогой
Не ходить тебе со мной.

Ты направо, я налево
Будем путь искать в тумане,
И не встретиться нам снова,
Как двум каплям в океане.

По дороге встретив горе,
Что тебе несёт удар,
Я к себе его направлю
И приму как лучший дар.

Если ж вдруг захочет счастье
Под моим пройти окном,
Я к тебе его направлю,
Пусть взовьётся гслубком.

Без тебя какое счастье?
Лишь иллюзия одна!
Без тебя какое горе?
Стёртый грош ему цена!

Словно капля в океане
Растворюсь я, потону;
Для тебя пусть солнце встанет,
Я ж пойду ключом ко дну.

* * *

Ты глядишь презрительно,
Смеха не тая.
О дитя, а может быть,
Я — судьба твоя?

Для чего заносчиво
Ты отводишь взгляд.
Не во мне ль, отвергнутом,
Скрыт любовный клад?

И твой смех, которым ты
Ранишь, не любя,
Вдруг пронзит он некогда
Самое тебя?

* * *

Непроходимую стеной меж нами
Стоит судьба. Мы, как два судна в море,
К двум берегам гонимые волнами,
Звезда моя, ты — радость мне и горе!

Тебя далече провожает взор,
К твоим следам хочу припасть лобзаньем
И душу напоить твоим дыханьем,
С любимых губ слетевшим на простор.

Исчезла ты! Во мраке, без дороги,
Я как в лесу... Куда ж теперь мне, друг?
Подсеклись думы, подкосились ноги.
А в сердце холод... Дым, лишь дым вокруг!..

* * *

Хоть печаль меня томила,
Я не клял тебя, звезда;
Мне и зло не в тягость было
Долгие терпеть года.

Только твой мне страшен жребий,
Ведь любви коварен бог:
Коль один его унизит,
Он к обжим будет строг.

И когда ты всё топтала,
Словно сорную траву,
Знала ль ты, что беспощадно
Топчешь всё, чем я живу?

Знала ль ты, что обрываешь
Счастья слабые ростки —
Те, что жизнь дарит нам скупю
В мире горя и тоски?

Разве знали мы, что вскоре —
Словно раз махнуть пером, —
Ты, мой друг, заплачешь горько
Над растоптанным добром?

* * *

На тебя не жалуясь я, доля:
Ты вела меня, как мать родная.
Ведь в степях, где хлеба ждут от поля,
Плуг идёт, цветы уничтожая.

Плуг скрипит в чернеющем просторе,
И цветы вздыхают при кончине...
В сердце — нож, уста замолкли в горе,
И душа истерзанная стынет.

Ты ж идёшь, бросая, как и прежде,
В чёрный пласт, в зияющие раны
Семя правды, новые надежды,
И вдыхашь жизни дух румяный.

ПРИЗРАК

Ночь холодна. Спокойно и обильно
Снег падает и тает под пятой;
Как будто бы из темноты могильной
Белеет грусти облик испитой.

Сияют фонари, и кольца света
Кровавым отблеском горят вокруг.
Мелькает за каретою карета,
Как привиденье, исчезая вдруг.

Ещё народом тротуары полны:
Цилиндры, шубы, туалеты дам,
Лохмотья бедноты — как будто волны,
Толпа гудит, встречаясь здесь и там.

И я в толпе, печальный, одинокий,
Плыву, чтоб ст своих безвольных дум
Уйти, — но неотступный и глубокий
Кошмар преследует смятенный ум.

И словно тот, который, утопая,
Цепляется за щепку пред концом, —
Я в этих волнах без конца и края
Ищу родное, близкое лицо.

И вдруг я встrepенулся, содрогнулся,
Сдавило грудь, дыхание тесня...
Хотел бежать, но не пошевельнулся:
Как обухом ударило меня.

Нет, то не обух! Шла передо мною
Высокая, прямая, как струна,

Красавица... Кивнула головою
Разряженному щёголю она,

Ещё раз оглянулась... Как огромны
Глаза её, глубокие, как ночь!
Взглянула на меня из ночи тёмной
И, вместе с щёголем, скользнула прочь.

А я остолбенел. Не оттого ли,
Толкаемый в толпе, за разом раз,
Ни холода не чувствовал, ни боли.
Огонь сознания в мозгу погас.

«Она!» Одно лишь с губ слетело слово,
Но мощь волшебная его страшна!
Мне шею жёрновом многопудовым
Словечко это стиснуло: «Она!»

Она, цветок прекрасный, «сон царицы»!
Чудесным, свежим запахом дыша,
Впивал его расцвет я каждодневный,
Им до сих пор пьяна моя душа!

Она, которой всё хотел отдать я:
Всю силу духа, всё, чем полон я,
Следы которой рад был целовать я,
В ней видя смысл и счастье бытия.

Она могла бы гения, героя
Во мне единым словом пробудить,
Дать мне года надежды и покоя,
Заставить всё высокое любить, —

Она в руке от рая ключ держала,
Но в грязь его закинула с высот.
Чарующего слова не сказала,
Хоть душу, может быть, оно грызёт!

Не словом — лишь единым жестом, взглядом
Меня столкнула в тёмный ров без дна.
Лечу!.. Упал! Но там, со мною рядом,
Растоптанный, пропащий — кто? Она!

Стой, призрак, стой! Скажи, какою силой
Низвергнут ты с твоих вершин го тьм?

Кто смел красу твою, твой облик милый
Впоптать в болото? Кто и почему?

Быть может, это холод, голод, слёзы
Сиротские? Быть может, это страсть
Пригнула дух твой, точно буря лозы,
Принудила в позорном торге пасть?

Постой, постой! Я всё понять сумею!
Полна любовью неугасшей грудь.
Я райский ключ добыть со дна посмею,
Сумею рай закрытый отомкнуть.

Не слышит, с тем во мраке исчезая,
Лишь взгляд её пронзил меня, как нож.
О, если бы утратить мог глаза я,
Как был бы мир мой ясен и хорош!

6 ноября 1892

ЭПИЛОГ *

Осенние листья, увядшие рано,
Развейтесь по ветру, как стоны!
Печаль не утихла, не зажили раны,
И сердце — в любви затаённой.

Кто видит в тех листьях осенней порою
Зелёного леса цветенье?
Кто знает, какое я чувство большое
Влагаю в убогое пенье?

И клад, сбережённый душой молодою,
Развеяв на ветер холодный,
Как нищий, иду я за тёмной бедою
Тропинкою грусти бесплодной.

ВТОРАЯ ГОРСТЬ

(1895)

* * *

В Перемышле, где Сан течёт зелёный,
Стоял я на мосту в немом раздумьи.
Я думал о тебе, душа моя,
О счастья — оно, как сновиденье,
Явилось, улыбнулось и исчезло,
Одну печаль оставив за собою.
И вспомнил я народное преданье,
Что здесь, над Саном, некогда слышал.

Зима была, замёрз зелёный Сан,
И по блестящей ледяной равнине
Широкий след прорезали обозы.

Однажды в воскресенье, в самый полдень,
Народ из церкви вышел. Было солнце,
Искрился снег. Толпа людей валила
На берег Сана, весело гуторя.

Вдруг за рекой, в покрытом снегом поле,
Мелькнуло что-то, взвыли бубенцы,
Копыта бьют по ледяному насту,
И вскачь летит укатанной дорогой
Богатый выезд. Упряжь лошадей
Так и горит на солнце; словно буря,
Карета мчится, и ящик кнутом,
Как пистолетом, щёлкает...

Убогий

Крестьянский люд, на этот выезд глядя,
Не надивится. Кто это к ним едет?
Такой четвёрки и такой кареты
Не видано от века. Старики
И молодёжь глядят, понять не могут,

Кто едет там, откуда и куда?
Вот лошади, на миг не задержавшись,
На лёд взлетели. Глухо застонал
Помст хрустальный, звонко застучали
По нём копыта, резко заскрипел
Промёрзлый снег под шинами колёс.
И щёлкнул вновь кнутом ящик, и вихрем
Взвилась четвёрка.

Но на середине
Реки, где скрыты ледяной корой
Глубины вод, вдруг хрустнуло — лишь раз,
Один лишь раз вдруг хрустнуло! Широкий
Круг льдины, как обрубленный, качнулся,
И кони, и карета, и ящик,
И что в карете было — будто сон,
Как будто бледный призрак — всё пропало.
Лишь Сан захохотал, как злобный дьявол,
И облизнулся. Лишь зелёным гребнем
Широкая волна хлестнула льдину
И воротилась в тайное жилище,
А от кареты этой — ни следа.
Так и осталось тайною поныне,
Кто ехал в ней, откуда и куда.
Никто о них ни разу не справлялся,
Никто в реке исчезнувших останков
Не отыскал. Да будь один свидетель
Такого чуда, а не сотня — сам он
Со временем бы верить перестал,
Со временем и сам бы согласился.
Что то был сон.

Вот драма моей жизни!
Когда б не годы безысходной муки,
Жестокой боли, слёз и испугленья,
Глухой покорности, безумных бунтов
Придавленного сердца, я и сам,
Припоминая нынче нашу встречу,
И беглый проблеск радостной надежды,
Сверкнувший мне тогда, — клялся бы ныне,
Что это сон, что это сказка Сана.

1895

* * *

Как знойно!
Широкое поле спокойно.
Равнина — немая, глухая —
Без края!
Безлюдье, пустыня на взгляд...
Лишь травы, волнуясь, как море,
Красуются в пышном уборе,
Да где-то сверчки гомонят.

И снова
В безмолвье заречья лесного
И дальше, к расселинам гор,
Мой взор
Легит, в тишине утопает,
И в травах душа отдыхает,
И душу теплом наполняет
Простор.

Но — вот!
Чей там стон затаённый,
Как будто напев похоронный,
Плывёт?
Моё ли то горе родное?
Чьё сердце томится больное?
О, нет! Словно голос разлуки,
Свирели доносятся звуки.

И вмиг
К тем звукам я сердцем дрожащим
приник,
И, рай забывая, оно зарыдало
Без слов.

Тебя, моя зорька, оно уби́дало,
И слиться с напевом народным
Напев мой в порыве свободном
Готов.

1895

* * *

Ой, зелен явор, да зелен явор,
А ива — зеленее;
Ой, между всеми красавицами:
Всех мне одна милее.

Прекрасней розы, прекрасней розы
Негу цветка на свете;
Не знаю розы, не знаю розы
Нежней, чем щёки эти.

Ясные звёзды, ясные звёзды
Светят в небесном море, —
Все утонули ясные звёзды
В едином её взоре.

Девичий говор, как птичий гомон,
Тешит ухо, ласкает.
А её голос — пшеничный колос,
Он за сердце хватает.

Что больше моря, что глубже моря —
Сходятся в нём все реки.
А моё горе больше, чем море:
С ней разлучён навеки.

* * *

Девушка, вся ты с орешек малый,
Что ж твоё сердце — острое жало?

Нежны уста твои, словно молитва,
Что ж твоё слово режет, как бритва?

Что ж твои очи несут мне чары,
Воспламеняя в сердце пожары?

Ох, эти очи — темнее ночи,
Кто в них посмотрит, солнца не хочет!

Ты улыбнёшься — я брови хмурю,
Сердце волнует тяжкая буря...

Ах, моя девушка, ясная зорька!
С тобою радостно, с тобою горько!

Тебя встречая, тебя люблю я,
С тобой бывая, душу гублю я.

* * *

«Калина, калина, зачем долу гнёшься?
Зачем долу гнёшься?
Иль солнца не любишь, и к солнцу не рвёшься,
И к солнцу не рвёшься?»

Иль жаль тебе цвета для радости света?
Для радости света?
Иль вихрь тебе страшен, иль гром среди лета?
Иль гром среди лета?»

«Не жалко мне цвета, а в гром улыбаюсь,
А в гром улыбаюсь,
И солнце люблю я, я вся в нём купаюсь.
Я вся в нём купаюсь.»

Но в небо не рвусь я, нехватит мне силы,
Нехватит мне силы,
Румяные гроздья к земле я склонила,
К земле я склонила.

Я дубу не пара, не рвусь я на кручи,
Не рвусь я на кручи;
Меня ты, высокий, затмил, словно туча,
Затмил, словно туча.»

* * *

Горе моё, горе!
Сердце всё изныло!
Упустил свою голубку,
А поймать — нет силы.

Подлетала близко,
Я её не холил, —
А теперь себе я места
Не найду от боли.

Подлетала близко,
Счастьем опажнула,
Спихватился, — улетела,
Только тень мелькнула.

А как улетела, —
В дом не захотела,
Так и скрылась, точно душу
Унесла из тела,

Все мои мечтанья,
Все мои желанья.
Так весна с собой уносит
Цветиков дыханье.

* * *

Зачем никогда не смеёшься?
Иль на-сердце холод лежит
И так заморожено сердце,
Что смех молодой не звенит?

Зачем никогда не смеёшься?
Иль, может, на совести грех
Лежит, словно камень тяжёлый.
И душит твой радостный смех?

Какая-то тайна печали
Лежит на прекрасном челе,
А чуть улыбнёшься — всё мнится
Осеннее солнце во мгле.

В ВАГОНЕ

Из-под ног моих — коровы
Перепуганной быстрой —
Убегает с рёвом насыпь,
Словно гонятся за ней.

Точно тянет полотенце
Исполинская рука —
Исчезают друг за другом
Огороды, лес, река.

Только я в пустом вагоне
Презирая суету,
У окна стою безмолвно,
Взор вперяя в пустоту.

Только я да эти звёзды,
Что горят над головой,
Неподвижны, словно довод,
Что устойчив жизни строй.

И подмигивают звёзды,
И смеются надо мной:
«Ты и мы — не правда ль, довод,
Что устойчив жизни строй?»

* * *

Звёзды, смейтесь надо мною!
Я несчастен, я червяк!
Сердце, нервы — всё больное,
Не оправлюсь я никак.

Сам с собою я в разладе,
Страхов собственных я раб...
Звёзды, звёзды, в вашем взгляде
Я читаю, как я слаб.

Улететь бы в даль, за море...
Только нет... Не улечу!
Словно каторжник, я горе
За собою волочу

* * *

Зачем тревожишь мой покой
Ночью?
Зачем опять передо мною
Твой грустный взор, объятый тьмой,
Холодный, словно дно речное?
Зачем уста твои немы?
Какой укор или страданье,
Какое тайное желанье
Далёким заревом их тронут,
Поднимутся и вновь потонут
Средь тьмы?

Зачем тревожишь мой покой
Ночной?
Ты столько мной пренебрегала,
Ты силы сердца надорвала,
И только ты тому виной,
Что грустью песнь полна глухой
Одной.

Ты в жизни — знать меня не знаешь,
На улице не замечаешь,
Я поклонюсь, а ты пройдёшь
И головою не кивнёшь.
Но нет, ты знаешь, знаешь, знаешь,
Как я горю в любовной муке,
Сквозь сон протягиваю руки,
И в годы тягостной разлуки
Всё горе, песен жар и зной
Я хороню в душе больной.

Постой!
Звезда моя, приди в ночной
Покой!
Мне век не встретить облик милый —
Нет силы.
Пусть сердце, что в тоске-заботе,
Подобно жемчугу в болоте,
Бледнеет, вянет без утех, —
Хотя б во сне тебя увидя,
Хотя б в печали и в обиде
Забьётся, как в груди у всех,
Покорное любовной власти,
Узнает золотое счастье,
Желанный, страшный в грозной страсти
Грех!

* * *

Мне бы дар могучий, чтоб развеять тучи,
Чтоб два сердца сблизить силой страсти жгучей,
Чтоб разбило слово на душе сковы,
Чтобы стала мёдом горечь яда злого!
Я пришёл бы к милой с этой дивной силой,
Отгнал, развеял гнёт тоски унылой,
Мысли и желанья покоряя чарам,
Чтоб любовь свободно вспыхнула пожаром,
Чтоб твои сомненья, думы и волненья
Поглотило мигом чистое горенье,
Чтобы в сердце милой я один — как дсма...
Грустные мечтанья! Горькие фантомы!

Рыцарем мне стать бы, в латах и со шпагой,
Всех бы превзошёл я мощью и отвагой, —
Вражеское войско разметав по-свойски,
Я б дорогу к милой проложил геройски!
Я бы к ней пробился хоть на край вселенной,
Победив драконов и разрушив стены,
Я достал бы милой все богатства моря,
Чтоб горели звёзды в ненаглядном взоре!
Я сломал бы двери, но вошёл в хоромы...
Грустные мечтанья! Горькие фантомы!

Ах, мечты броженье! Разыграл глупца я,
Только пел и плакал, сердце истязая,
За народным счастьем будущим погнался,
И, как мальчик, в здешнем мире растерялся, —
Золотые звёзды с неба снять умею,
А к своей любимой подойти рокою.
Идеалы вижу где-то за горами, —
Но не в силах счастье удержать руками,
И тужу напрасно, горестью влекомый, —
Грустные мечтанья! Горькие фантомы!

* * *

Что счастье? Лишь иллюзия,
Лишь призрак из тумана..
О ты, иллюзия моя,
Изменчива, желанна!

Ты радостей моих ручей,
Ты чувств бокал хрустальный!
Ошибка жизни ты моей,
Ты — промах мой фатальный!

Почти сумел тебя словить,
Но крылья вмиг обвисли:
Не довелось с тобою жить,
Жить без тебя — не мыслю.

С тобою жить — но как решить
Спор тяжкий между нами?
В разлуке жить — весь век тужить
И днями и ночами.

Пусть ты тень, мираж, обман,
Но что же это значит —
Что сердце рвётся, как от ран,
Душа болит и плачет?

Пусть карточный ты домик, бред
Незрелого рассудка,
Но без тебя безлюден свет
И жизнь — пусгая шутка.

Как Шлемиль *, потерявший тень,
Скитаюсь я, заклятый;
Весь мир не может заменить
Тебя -- моей утраты.

* * *

Коль не вижу тебя,
Что-то давит, гнетёт беспрестанно,
Лишь увидел тебя —
Вновь открыта сердечная рана.

Коль не вижу тебя,
Всё вокруг и темно и уныло;
Лишь увижу тебя —
Сердце будто огнём опалило.

Чтоб увидеть тебя,
Вдаль несут меня ангелов руки;
Лишь увижу тебя —
Гонят прочь меня адские муки.

Без тебя ли, с тобой,
Не найти мне покоя, защиты,
Я отвергнут землёй, —
Ох, и небо навеки закрыто.

* * *

Если ночью услышишь, что там, за окном,
Кто-то плачет безумно и тяжело, —
Не тревожься о том, спи бестрепетным сном,
Не гляди в эту сторону, пташка!

Не бездомный бродяга грустит о судьбе,
Не голодный бедняк, моя зорька, —
Это вся моя скорбь и тоска по тебе,
Это плачет любовь моя горько.

* * *

Как вол в ярме, вот так я день за днём
Влачу свой плуг до крайнего предела;
Я только тлею медленным огнём,
Порывов нет, и сила ослабела.

Мечта моя заглохла молодая,
Ручей былых иллюзий пересох,
И резкой стала речь моя сухая, —
Я вижу: урожай мой будет плох.

Плох урожай! Я мало, может быть.
Посеял иль пшеницу взял гнилую?
А дни идут! Уж скоро ливням лить, —
Нам звёзды возвещают осень злую.

* * *

Сыплет, сыплет, сыплет снег.
Над равниною бесплодной
Мириадами летят
Мотыльки зимы холодной.

Одноцветны, как тоска,
Холодны, как злая доля,
Засыпают все пути,
Всю красу лугов и поля.

Белый саван забытья,
Равнодушья, безучастья
Совладал с любым ростком
И с любой живою страстью.

Сыплет, сыплет, сыплет снег.
Всё тяжеле нависает...
Молодой огонь в душе
Меркнет, глохнет, угасает.

ТРЕТЬЯ ГОРСТЬ

(1896)

* * *

Она мертва! Ты слышишь? Днесло
Печальный звон. И в сердце эхо стонет.
Она скончалась! Горе тяжело,
Как груз, гнетёт и плечи дслу клонит.
И что-то встало в горле. Иль сожгло
Мои глаза?.. И кто все мысли гонит,
Чтоб в сердце боль одна замуровалась?
Ты — боль? Она мертва? Мертва... скончалась

Ещё и розы на щеках цветут,
Уста ещё алеют, остывая..
Но прочь! Малейшее дыханье тут
Сдержи! Любви гробница роковая
Открылась. А колокола зовут..
Плачь, как ребёнок, к гробу припадая!
Твоя мечта заветная распалась,
Твой храм разбила смерть! Она скончалась.

И как мой бедный разум уцелел?
И как гляжу, не заплакал глаза я?
И как я всё, всё до конца стерпел
И не прибег к тебе, петля тугая?
Ведь самый жаркий мой огонь сгорел!
Ведь не окрепну больше никогда я!
Назек калека! В грудь змея вкралась,
Пожрала сердце! Всё. Она скончалась.

Лишь боли страшной жженье. . В сердце, там,
Всё существо заполнило, бушуя.
Лишь боль и этот ужас: бам, бам, бам...
Но ни кровинки, ни слезы, молчу я.
И меркнет свет вокруг меня, и сам
Куда-то в бездну страшную лечу я.
Рыдать! Кричать! Но в горле — боль мся.
Она мертва! — Нет, это умер я.

* * *

Аллеей летнею, ночью,
Как тень, я шёл, не зная сна,
Горели звёзды надо мною,
Темнела неба глубина,
Миротворящей тишиною
Вливалась в душу. Как же я
Ещё вчера любил вас, зори,
Тебя, голубизна моя!
Душа в распахнутом просторе
Купалась, уносилась вскорее
К лугам прозрачным, где цветут
Бессмертные цветы, живут
Чудесной сладости мотивы!
А ныне так темны, тяжки вы,
И для меня ваш свет погас.
Теперь я ненавижу вас!
Жизнь ненавижу я и силу,
Мечты о счастье, о весне,
Стремленье к свету, к вышине, —
Одно забвеньё любо мне,
Покой, безмолвие могилы.

Аллеей летнею, ночью,
Я шёл, как тень... О сердце, стынь!
Передо мною и за мною
Сновали люди. «Дзинь-дзинь-дзинь», —
Звенел велосипед. И шопот
Влюблённый слышен был порой...
Но против боли ржовой,
Терзающей рассудок мой, —
Не отыскал лекарства опыт.
Я шёл и знал, что я — могила,
Что жизни нерв давно угас,

Что тут, на самом дне, сейчас
Душа моя похоронила
Все радости и все страдания,
Все песни, что не встанут вновь,
Свое сильнейшее желание,
Свою последнюю любовь.

* * *

Каморка и кухня, два низких оконца,
Две вазы с цветами на окнах,
Две белых постели, раскрытые двери,
И тюль занавесок поблёклых.

Часы на стене, пять иль шесть фотографий
На тёмном комоде понуром,
Стол круглый со скатертью — посередине,
И лампа на нём с абажуром.

А в кресле сидит у стола моё счастье —
Одна, в молчаливом раздумьи:
Кого-то всё ждёт и шаги чьи-то ловит,
Там, в уличном крике и шуме.

Кого-то всё ждёт... И не мне уж, конечно,
Улыбка в глазах её светит!
Но с улицы в рай тот прокрался я взором —
Никто меня в тьме не заметит.

Вот здесь моё счастье! Так близко! Так близко!
И всё ж недоступно навеки!
Болит моё сердце, но высохли слёзы,
Горят отягчённые веки.

От комнаты тихой, лицо закрывая,
Бегу я в тоске и тревоге:
Так раненый зверь в свою чащу уходит,
Чтоб тихо издохнуть в берлоге.

* * *

Матушка моя родимая!
В годину злую, в несчастный час
Ты породила меня на свет!

Или в тяжком грехе зачала ты меня,
Или проклял кто в твоём лоне меня,
Иль судьба надо мной насмеялась?

Не дала ты мне, мать, ненаглядной красы,
Не дала ты мне силы, чтоб стены валить,
Не дала ты мне роду почётного!

Сиротою меня ты пустила в жизнь,
И ещё мне дала три недоли в удел,
Три недоли-судьбы, неизбывные!

Что одна недоля — то сердце певца,
Беспокойное, кроткое, чуткое,
На добро, на красу корыстное.

А другая недоля — мужицкий род,
Униженный род, замураванный свет,
Отравленный хлеб, бесславный гроб.

А что третья недоля — прямая душа:
Никому-то к ней, гордой, и подступа нет,
Пламенеет внутри, как закрытый огонь.

Матушка моя родимая!
Не тужи ты по мне, не крушись ты, не плачь!
Не кляни, как узнаешь, что сделал я!

Не горюй, что одна скорбный век доживёшь,
Без опоры, одна в тёмный гроб сойдёшь,
Никого не найдётся — очи закрыть!

Своё бедное вспомнишь дитя — не кляни!
Пока мог, я тянул постылую жизнь, —
А теперь я сломался и сбился с пути!

Не могу, не могу удержать той беды,
Что, как чёрная туча, идёт на меня,
Что, как грозная буря, шумит-гудит!

Не хочу я на свете помехою быть,
Не хочу я свой разум терять и звереть,
Лучше чёрная ночь, чем безрадостный свет!

* * *

И ты прощай! Теперь тебя
Не назову вовеки я,
В лицо твоё не гляну!
Чтоб ты не знала никогда,
Ушёл я от тебя куда
И чем лечу я рану.

Меня скорее позабудь,
Подругой верной мужу будь,
Учи детей спокойно!
Стихи мои ты не читай
И тень мою не вызывай
Ни днём, ни ночью знойной.

Коль имя прозвучит моё,
Пусть тень не ляжет на твоё
Лицо, цветок завялый!
И не бледней, и не дрожи,
А без волнения скажи:
«Нет, я его не знала!»

* * *

О, песня! Где твой дар живой —
Ласкать, смирать сердца?
Не встанет солнце над землёй...
Теперь, взамен весны былой,
Лишь плесени пыльца.

О, песня! Тише, тише будь!
И так довольно мук!
И без тебя теснится грудь, —
Но ты опять в знакомый путь
Стремишь печальный звук.

Нехватит песенных ладов
Для сердца тяготы.
О, песня! Я страдал без слов,
И молча я уйти готов
В нирвану темноты.

* * *

Душа бессмертна! Жить вековечно ей! —
Вот бред жестокий дикой фантазии,
Лойоле нужный, Торквемаде!
Сердце немеет, и гаснет разум!

Лелеять вечно в сердце лицо твое
И знать, что вечно с другим ты связана,
И, видя с ним тебя, томиться, —
Ох, даже рай мне стал бы адом!

Творца хвалить мне? За что ж хвалить его?
За то, что сердце мне этим сжёг огнём,
В насмешку присудил разлуку?
Рай показал и запер двери?

Но не хотел бы я и бранить его,
Чтоб не обидеть искренне верящих.
Зачем махать мне, как актёру,
Мечом на чудищ из картона?

Я не романтик. Дым мифологии
Давно исчез уж из головы моей;
Меня не тешит, не пугает
Туманный призрак давней веры.

В чём же суть духа? Сам человек его
Всегда и всюду из ничего творит:
Ему давая свой же образ,
В нём создаёт себе тирана.

Одно лишь вечно, без разрушения
И без предела — это материя:

Пред атомом её ничтожны
Все боги, Ягве * и Астарты *.

Подобно морю, простор заполнила,
А в этом море вихри порой кипят —
То планетарная система,
Вихрем вскипая, клокочет, бьётся.

В том вихре вечны — солнце с планетами,
И миллиарды молекул в них кишат,
И в каждой что-то, мечту лелея,
Кипит, меняется и гаснет.

Наши мечты и наше сознание —
Капли молекул в вихре материи.
Они погибнут, вихрь утихнет,
Чтоб где-нибудь опять взметнуться.

Бесцельно, вечно круговорот такой
Идёт повсюду; солнцу с планетами
И самым мелким инфузориим —
Всему одна и та же дорога.

Только одни людские молекулы,
В которых вихря частица вложена,
Страдают, мучаются, мечтают
Вечности море вместить в себе...

МОЙ ИЗМАРАГД

(1898)

ПОКЛОНЫ

ПОЭТ ГОВОРИТ

Вниз катится мой воз. Как всё на свете,
Цветы увяли, тяжелее пути.
Не для меня горит мечта столетий!
Да, битву с жизнью проиграл я, дети!
Cosa perduta!*

Как горячо рвался я в бой с судьбою!
Как я летел душой своей к чему-то!
Какой пылал любовью неземною!..
А что добыл? Оставил за собою?
Cosa perduta!

Не дал мороз листве моей развиваться,
Цветы мои побило бурей люто!
В бою геройски не пришлось сразиться,
И ржавчиной я должен был покрыться —
Cosa perduta!

Травили рану мелкие мученья,
По капле в сердце падала цикута...
Не видел я причин порабощенья,
Ничтожные мне цепь слагали звенья!
Cosa perduta!

О мать моя, родная Украина!
Не упрекай, раздета и разута,
За то, что ты ни крохи, ни единой
Не дождалась, несчастная, от сына!
Cosa perduta!

УКРАИНА ГОВОРIT

Мой сын, ты б меньше суесловил,
Слёз над собою меньше пролил
И долю меньше попрекал!
Ты сам пошёл дорогой торной,
Изранен тернием, упорный, —
Чего же ты иного ждал?

Ты знал, что я нага, убога,
И всё ж у моего порога
Стоишь, служить желая мне.
Ну, у меня с оплатой скупю,
А попрекать за это глупо...
Просила я тебя иль нет?

Чём ты обижен? Что порою
Крик поднимали над тобою:
«Не любит Украины он!»
Наплюй! Я, сын мой, лучше знаю
Всех этих «патриотов» стаю,
Их сладких фраз дешёвый звон.

Что будешь жить, как прежде, бедно?
Ты не украл полушки медной,
Хлеб честно заработал свой...
Ещё запомни: сохранится
Здесь лучшая тебя частица,
Она не ляжет в гроб с тобой.

РАЗДУМЬЕ

Ох, тяжело ярмо родного края,
И ноша нелегка!
Как под крестом, под ней влачусь я, поникая,
И кубок с ядом пью, что поднесла родная,
Твоя, мой край, рука.

Так будь благословен! В грядущей, светлой дали
Дождётсяся ль славы, ясных дней весны,
Не знаю, — об одном молюсь в своей печали,
Чтоб с горя, с голоду тебя не покидали
Все лучшие твои сыны.

Чтоб сеющих добро другое поколение
Не осмеяло в песнях злых.
Чтоб памятником им не стали те камни,
Которыми, платя за зёрна просвещения,
При жизни все забрасывали их.

СЕДОГЛАВОМУ*

Ты, братец, любишь Русь,
Я ж не люблю, бедняга!
Ты, братец, патриот,
А я — всего дворняга.

Ты, братец, любишь Русь,
Как любишь хлеб и сало, —
Я ж лаю день и ночь,
Чтоб сном не засыпала.

Ты, братец, любишь Русь,
Как пиво золотое, —
Я ж не люблю, как жнец
Не любит в поле зноя.

Ты, братец, любишь Русь,
Одежую картинно, —
Я ж не люблю, как раб
Не любит господина.

Ведь твой патриотизм —
Одежда показная,
А мой — тяжёлый труд,
Горячка вековая.

Ты любишь в ней господ
Блистанье да сверканье, —
Меня ж гнетёт сё
Извечное страданье.

Ты любишь Русь, за то
Тебе почёт и слава, —

А предо мною Русь
Избита и кровава.

Ты, братец, любишь Русь,
Как заработок верный, —
Я ж не люблю её
Из-за любви чрезмерной!

* * *

Когда бы лишь великое страданье
Твоим, Украина, искупленьем было, —
Ты властвовала б ныне, в испытаньи
Ни перед кем бы ты не отступила.

Когда бы мощь, и счастье, и свобода
Равнялись мерою кровавых слёз,
Пролитых из сердец и глаз народа, —
То кто б с тобой соперничество снёс?

О, горе, мать! Свобода, слава, сила —
Всё меряется мерою борьбы;
Кого работа потом оросила,
Лишь тот из тёмной выбьется толпы.

Да трудолюбья в нас самих так мало!
Невспаханное поле пред тобой,
А сколько силы навсегда пропало,
Неблагодарно, в каторге чужой!

ДЕКАДЕНТ *

В. Щурату

Я декадент? Вот это вправду ново!
Подметил ты всего один момент
И, модное найдя, пустое слово,
Провозгласил: «Смотрите, декадент!»

Да, в этих песнях — боль, печаль, забота,
Так жизнь сошлась, дорога ведь крута.
Но есть в них, братец, и другая нота:
Надежда, воля, светлая мечта.

Я не терплю печалиться без цели,
Бесплодно слушать, как звенит в ушах;
Пока я жив, я жить хочу на деле,
Борьба за жизнь меня не вгонит в страх.

Нередко хрен с горчицей я глотаю,
Не раз и прел, и хрипнул я, и стыл,
А всё-таки изжогой не страдаю,
Катар кишок покуда не добыл.

Какой я декадент? Я сын народа,
Который рвётся к солнцу из берлог.
Мой лозунг: труд, и счастье, и свобода,
Я сам — мужик, пролог, не эпилог.

Я за столом не пропущу стакана,
Зато и в драке — тоже не смолчу,
На жизненном пиру скучать не стану,
И в нищете — лица не опущу.

Не паразит я, одуревший с жиру,
Который в будни помнит лишь процент,
А в праздник на «ура» настроит лиру...
Так, чорт возьми, — какой я декадент?

МОЕЙ НЕ МОЕЙ

Поклон тебе, увянувшая ветка,
Мечта моя, надежды отзвук дальний, —
Последний мой поклон!
Хоть я с тобой встречался очень редко,
Хоть образ твой всё горше, всё печальней —
Мне сердце греет он.

Тем, что мои порывы ты смирила,
В моей груди стеснила, угасила
Огонь, что в ней пылал, —
Навек в душе больной и одинокой
Ты утвердила светлый и высокий
Бессмертный идеал.

И хоть теперь нас разделяют годы, —
Когда ложатся на душу невзгоды,
К тебе спешит она,
К твоей груди с любовью припадает,
От всех тягот себя освобождает,
Сладчайших чувств полна.

А если образ твой порой мне снится —
От горьких дум спешу освободиться,
Швырнув их прочь, как змей клубок живой,
А самым светлым счастьем сердце грею,
Хоть воскресить былого не умею,
Но вижу светлый, чистый образ твой.

К МУЗЕ

Вновь ты зовёшь меня, моя богиня,
В ту глубину безмерную веков,
Где, возникая, рушатся святыни
И где звучит бесовских игрищ зов,

В мир грязи и красы, в простор пустыни,
В скovy чар и в тайники лесов,
В угар страстей, в извечный жар гордыни,
В круговращение иных миров.

Пусть будет так! Идём, моя родная!
В последний раз земных утех глотнём,
Заглянем в омут без конца и края.

В последний раз по тайникам пройдем,
Где страх и грусть, мечта и явь тупая,
И, утомясь — забудемся, уснём.

ПАРЕНЕТИКОН*

* * *

Когда сготовлен пир на целый свет,
И яств отборных и напитков вволю,
Сам царь на славный приглашён обед,
А соли в кушаньи — крупинки нет,
Какой же пир без соли?

Вот так и тот, кто положил печать
На сердце, кто без дружбы, сокровенно
Живёт собой лишь, — хоть не описать,
Как честен, — не приблизится на пядь
К создателю вселенной.

Вся честность ни к чему. Напрасен труд,
Молитва, пост, и жертвы, и тревога, —
Всё, словно прах, развеет страшный суд!
Одна любовь дар драгоценный тут,
Перед престолом бога.

* * *

Сердцем молил Моисей, всею скорбью великого
духа;
И говорил ему бог: «Что так взываешь ко мне?»
Хоть ты и стиснул уста, что и вымолвить слова
не могут,
Всё же я слышу и тут, как твоё сердце кричит».

* * *

Нет друга, мудрости вернее,
Нет хуже глупости — врага,
Как нет святее материнской
Любви, что всем нам дорога.

Ты мудрость с братьями не делишь,
Её не украдёт злодей,
Её не выронишь в дороге,
Она свободна средь цепей.

Она — магнит в пространствах моря,
Чудесный клад, бесценный дар,
Она согреет в стуже горя
И охладит страстей пожар.

Без мудрости вся жизнь пустынна,
Как пуст без друга путь в полях,
Как дом отцовский пуст без сына,
Как пуст глупца напрасный страх.

* * *

«Черноокая цыганка, погадай мне, Цора,
Ожидать ли дней счастливых, и придут ли скоро?»

И цыганка по ладони вычитала долю:

«Семь, — сказала, — лет промчатся в горести и в
боли». —

«Семь? Куда ни шло. А после будет что со
мною?» —

«Ну, а после, мой хороший, свыкнешься с бедою!»

* * *

«Стёпан, здорово! Что с тобою,
Ты с жердью ходишь над рекою?» —

«Беда к нам в кату заглянула:
Жена здесь где-то утонула». —

«Дивлюсь я твоему терпенью!
Искать её вверх по течению?» —

«А как же, друг, ты полагаешь?
Иль ты жены моей не знаешь?»

Она, хотя и утопилась,
Плыть вниз по речке — не решилась».

* * *

Коль лампа разбита,
Лить масло в такую к чему же;
Коль вор уже скрылся,
Замок на сарае не нужен.

Коль высохли воды,
Зачем тут мостам находиться?
Коль юность минула,
Заигрывать поздно с девицей.

* * *

Чья юность прошла, а он видит,
Что знанья всё нет,
Чья зрелость пришла, а он видит —
Имущества нет,

Чья старость пришла, а он видит,
Что чести в нём нет, —
Тот скажет в час смерти: «Зачем же
Увидел я свет!»

* * *

О, человек, ужель во сне услышишь,
Как входят в дом грабители ночные?
Так не услышишь ты, когда войдёт
В дом ангел смерти, годы молодые
Иль годы старые твои прервёт.
Одна лишь юность днём теперешним живёт:
«Сегодня пьём, едим и веселимся,
Того ж, что завтра будет, не боимся».
Но кто сберёт пыл юности горячей,
Кто в старости стал опытом богаче,
В ком образ человека ярко светит,
Лишь тот без страха смертный час свой встретит.

П Р И Т Ч И

П Р И Т Ч А О Ж И З Н И

То было в Индии.

Безлюдной степью
Шёл человек. И на него внезапно
Напал голодный лев. Увидев зверя
Издали, услышав рёв его,
Бежать пустился путник что есть духу.
И вот, спасаясь, путник прибежал
К глубокому оврагу. И не мог
Назад вернуться или где укрыться,
А зверь всё ближе. Видит человек,
Что над оврагом этим, над скалистым
Обрывом в бездну, тонкая берёзка
Растёт из щели, к солнцу поднимая
Над пропастью зелёную верхушку.
Не размышляя, путник ухватился
За ту берёзку и, держась руками
За ствол её, повис над тёмной прорвой,
Пока, болтая в воздухе ногами,
На чём-то твёрдом не нашёл опоры.
И вот, переборов озноб смертельный,
Вдохнул глубоко. И решил тогда
Бедняга оглядеться понемногу, —
Где он и что с ним?

Первый взгляд его
Упал на корни дерева, что было
Ему в беде единственной опорой.
Уж не мерещится ль? Глядит: две мыши, —
Одна бела, черна другая, — дружно,
Усердно, торопливо, неустанно
Грызут зубами корни дерева,
Копают землю лапками поспешно,
Как будто нанятые, чтоб опору

Подгрызть и, подкопав её, обрушить.
И захолонуло у человека
Вновь сердце, а в ту пору лев свирепый
Встал над обрывом, путника увидел,
И лютым рёвом эхо разбудил.
Не мог его достать, и в яром гневе
Глядел с горы, скакал и землю грыз,
И ждал, когда он вверх полезет снова.

И глянул в темень прорвы человек.
И видит, что на самом дне оврага
Дракон ужасный ввёгся и, широко
Газинув зев голодный, жадно ждёт,
Когда с откоса упадёт пожива.
Померкло в голове у человека,
Стеснило сердце, и холодным потом
Всё тело облилось.

И слышит он,
Как будто под ногой его опора
Колышется. Взглянул — и замер! То
Змея, в клубок свернувшись на уступе,
Дремала. Закричал бы человек,
Но замер крик, придавленный испугом.
Взмолился бы, но ужасом убило
И мысль о боге. Будто труп холодный,
Висел он, зная, что пройдут минуты,
Коренья мыши подгрызут, и в ногу
Змея вопьётся, силы истощатся,
И упадёт он в прорву, в пасть дракона.

И тут — о чудо! На ветвях берёзки
Увидел злополучный человек
Гнездо шмелей. В щелинке чуть приметной
Застыли капли мёда, а шмели
Все улетели в поле за добычей.
И страстно захотелось человеку
Отведать мёду. Силы все собрав,
Он кверху приподнялся и губами
Коснулся щели той, и стал сосать.
И сразу будто кто-то отвалил
От сердца тяжкий камень. Сладость мёда
Заставила его забыть мгновенно:
Про льва, что выл вверху над головою,

И про мышей, что корни грызли рьяно,
И про дракона, что внизу грозил,
И про змею, что под ногой шипела.
Про всё, про всё забыл тот человек
Найдя в медовых капельках скупых
Высокую, без меры, благодать рая.

Премудрый Будда, Азии светило,
Очами духа видел то деянье
И правоверным так сказал об этом:
«Тот путник, братия, — любой из нас.
Жизнь тяжела, природа нам враждебна,
И тысячи напастей и невзгод
Со всех сторон нас всюду окружают,
Как путника, повисшего над бездной.
Голодный лев над нами — это смерть;
Дракон внизу — забвенью на века,
Оно любого поглотить готово.
Две мыши — это время, день и ночь.
Без усталости грызущие наш возраст.
Змея ж под нашими ногами, братья,
Есть наше тело — слабое, больное,
Способное в своём непостоянстве
Ежесекундно отказать нам в службе.
Берёзка же, за тонкий ствол которой
Вцепился путник в поисках спасенья, —
Людская память, коротка, заблуждающа.
И нет нам, братья, выхода из горя,
Нет нам спасенья. Лишь одно у нас
Пристанище, — и никакая сила
У нас его вовек отнять не может:
То благодать чистая любви и братства,
Тот дивный мёд, какой одною каплей
Жизнь человека делает безмерной,
Возносит душу выше туч тревоги,
Превыше всех печалей преходящих, —
К просторам, полным света и свободы.
Ловите смело капли те, друзья!
Ведь только в том, что слышит сердце ваше,
Чем грудь полна и чем душа жива,
Лишь в благодати любви и уваженья
К друзьям своим, в надежде и в стремленьи
К высотам чистых сфер лежит наш рай».

ПРИТЧА О ВЕРЕ

На благостном Цейлоне,
Единственный на свете,
Есть кипарис высокий,
Роскошный сын столетий.

Между его корнями
Ручей струится слабый;
Не помнят, чтобы с ветки
Листок упал хотя бы.

А первый лишь сорвётся
Листочек, — верят люди, —
Кто этот лист проглотит,
Жизнь бесконечно будет.

И кипарис священный
Буддисты прославляют,
Акафист кипарису
Не первый век читают.

Горь воздевши очи,
Перебирают чётки
И ждут тот лист сладчайший
И набожны, и кротки.

И ждут они бессмертья,
И мрут, а под ветвями
Стоят уже другие
С несатыми сердцами

И ждут, а листик этот
Никак не оторвётся!
И ждут, и мрут, но верят,
Что кто-нибудь дождётся.

ПРИТЧА О ЛЮБВИ

Иосифу в Египте раз
Сказал придворный, шуря глаз:

«Ах, государь, тебя люблю
За кротость, за красу твою!»

Иосиф не был удивлён,
И так льстецу ответил он:

«Напомнил ты о грустных днях...
Мой милый, не люби меня!»

Отец ласкал меня, любил —
За то я братьев гнев испил,

За то, во рву я смерти ждал,
За то невольником я стал.

Потом Пентефрия жена —
Любила так меня она,

Что за любовь её ко мне
Семь лет томился я в тюрьме.

Да... искренно теперь признаюсь,
Любви твоей я опасаюсь!»

ПРИТЧА О КРАСОТЕ

Аристотель-мудрец Александра учил
И на память такой ему стих посвятил:

«Знай, сильнее, чем меч, и стрела, и пожар,
Всех нас губит оружие девичьих чар.

Только мудрость, наука и зрелость притом
Могут стать против них неборным щитом!»

Аристотель-мудрец раз по саду гулял, —
Глядь, Аглая идёт, губы — точно коралл!

Та Аглая, которая дивной красой
У людей и богов отнимает покой;

Но её острословья и блеска ума
Все боялись, и даже царица сама.

Аристотель красавицей был поражён,
Ближе к ней подошёл, отдал низкий поклон

И промолвил: «Аглая, зываю, молю!
Больше ясного солнца тебя я люблю.

Ты желаньям моим покорись лишь на час!
И тогда всё, что хочешь, исполню тотчас».

Усмехнулась Аглая: «Великая честь,
Что свой взор от меня не подумал отвести»

Тот мудрец, кто Элладу прославил в веках,
Кто умом обнял землю, парит в небесах.

Я — твоя. Что захочешь, всё делай со мной,
Если ты не откажешь мне в просьбе одной.

Вот по этому саду, в сиянии дня,
Полчаса на себе повози ты меня».

Улыбнулся мудрец, услышав эту речь.
Но уж раз обещал — надо слово беречь.

Вот хламиду он снял и пустился ползком,
Под девичьим глаза его скрыты платком,
И Аглая сидит, погоняет прутом.

Так до самой лужайки добрались они,
Где над тихим прудом, в ароматной тени

Восседал Александр, и царица, и двор, —
Нежный смех там звенел и звучал разговор.

А Аглая кричит: «Живо, ослик мой, ну!
Две минутки побегай! Ещё хоть одну!»

В круг придворных шалунья его завела,
Со спины соскочила, как будто с осла,

И платок с его глаз поспешила сорвать...
Смех раздался такой, что нельзя описать.

Аристотель-мудрец Александра учил
И на память такой ему стих посвятил:

«Знай, сильнее, чем меч, и стрела, и пожар,
Всех нас губит оружие девичьих чар.

И ни мудрость с наукой, ни зрелость притом
Не послужат для нас необорным щитом.

Это я испытал. Лишь мертвец да слепец
Могут в этой борьбе победить, наконец».

ПРИТЧА О БЛАГОДАРНОСТИ

Голодный пёс, продрогший от метели,
От лютого мороза чуть живой,
По улице влачился еле-еле,
Искал тепла и пищи даровой.

И милостивый человек нашёлся,
Он в комнате своей его пригрел.
По-дружески с несчастным обошёлся,
С ним разделив еду, что сам он ел.

Пса приютил и накормил хозяин,
И обогрел, а всё ж, в конце концов,
Неблагодарным сам он был облаян,
Едва лишь избежав его зубов.

Как часто люди на него похожи:
И ты добра не помнишь, милый брат,
Нередко оскорбляя, и кого же —
Тех, кто тебе притти на помощь рад!

ПРИТЧА О ГЛУПОСТИ

Попалась в сети птичка,
Спешит охотник к ней,
И хочет ей головку
Свернуть он поскорей.

Затрепетала птичка:
«Охотник, подожди,
Тебе я не пожива,
Малютку пощади!

Пусти меня на волю,
И ты увидишь сам, —
Три добрые совета
Тебе за это дам».

Охотник удивился:
«Ай, крошка! Вот те на!
Учить меня желает —
Не слишком ли умна!»

И молвил: «Ладно, птичка!
Учи уж, так и быть,
Коль стану я умнее —
Могу тебя пустить!»

А птичка: «Не жалея ты
О добром, о плохом —
Того, что уж случилось,
Ты не вернёшь потом».

Сказал охотник: «Правда,
Зачем жалеть о том,

Что раз уже случилось,
Ты не вернёшь потом».

Она же: «Ты не сможешь
На прежний путь свернуть,
Всё сделать по-другому,
Минувшее вернуть».

Сказал охотник: «Правда,
Нельзя мне повернуть,
Всё сделать по-другому,
Минувшее вернуть!»

И снова молвит птичка:
«Не верь же чудесам,
Не верь нелепым слухам,
Несбыточным вестям!»

Сказал охотник: «Правда,
Болтают много нам,
И всё это пустое,
Когда прикинешь сам.

С твоим советом, пташка,
Согласен я вполне.
Лети! Но больше в руки
Не попадайся мне!»

Легко вспорхнула птичка,
И, сев на ближний сук,
Охотнику вдогонку
Прошебетала вдруг:

«Дурак же ты, охотник,
Совет тебе не впрок.
Легко бы ты, бедняга,
Мной поживиться мог.

Так знай: в моей утробе —
Скажу тебе в лицо —
Жемчужина побольше,
Чем страуса яйцо!»

Охотник даже ахнул:
«Вот дурака свалял,

Не взял с тебя залога
И клад свой потерял!»

И к ветке подбежал он,
Что силы подскочил,
Хотел поймать пичугу, —
Да нет на это крыл.

И так сказал: «Ох, птичка,
Ах, пташечка моя,
Вернись, с тобою буду
Отца добрее я.

И в клетку золотую
Тебя впусти я сам,
И всё, чего захочешь,
Тебе охотно дам».

А пташка отвечала:
«Дурак ты, как и был.
Все три мои совета
Ты сразу позабыл.

Добро хотел ты сделать
И мне лететь велел,
А сам через минуту
Об этом пожалел.

И вновь меня ты в сети
Хотел бы залучить,
Как будто можно время
Назад поворотить.

Всё потому, что вздору
Поверил ты вполне, ---
Такой огромный жемчуг
Не может быть во мне».

ПРИТЧА О РАДОСТИ И ПЕЧАЛИ

Два соседа живут-поживают рядком:
В этом доме венчают, хоронят в другом.

В этом доме рыдание над мертвецом,
А в соседнем — веселье и хор над венцом.

Здесь одетого в саван во гробе выносят,
Там дары молодым новобрачным подносят.

Тот же путь для покойника и для живых,
Тот же поп хоронить и венчать будет их.

И из церкви одной воротясь в тот же час,
И весёлый, и грустный напьются зараз.

То не сказка, друзья: аллегория тут,
Как печали и радости рядом идут
И всех нас к одному и тому же ведут.

ПРИТЧА О ЖАДНОСТИ

С трясинной жадность можем мы сравнить:
Не отойди назад за первым шагом,
И шаг второй вберёт тебя поглубже,
А третий шаг ещё поглубже втянет,
А там, глядишь, уже возврата нет.

Ещё египтяне об этом знали,
Они и притчу мудрую сложили
О тягостном пороке, исказившем
Людское житие. В восьмом столетии
От рождения Христа, в Александрии,
Святитель Христофор высокочтимый
По-гречески переложил ту притчу.
По-гречески в былые времена
Ту притчу наши предки прочитали.
И новым людям знать её — не худо.

Был человек достойный и богатый,
Имел жену, единственного сына,
Служителя и доброго коня.
Купил он дом дешёвою ценой, —
Дешёвой потому, что этот дом
Никто купить в округе не решался.
В том доме, недоступная для взора,
Змея ядоточивая таилась,
И то и дело, раз за разом, только б
Ей захотелось этого, являлась
И одного из проживавших в доме
Укусом умерщвляла ядовитым.

Соседи и родня остерегали
Хозяина, когда он собирался

Тот дом купить. И не переставали
Остерегать и после, чтоб немедля
Змею он выследил и беспощадно
Убил её, и бедствия избегнул.
И начал он осматривать жилище.
И разыскал он маленькую норку,
Но, удивлённый, возле норки этой
Он не змею увидел, а блестящий
И новенький червонец золотой.
Он осмóтрел внимательно червонец
И так себе сказал он, размышляя:

«Сия нора — змеиное жилище.
Тут подстеречь сумел бы я змею
И вмиг прикончить. Но каким же чудом
Здесь, у норы, червонец очутился?
Иль уж давно он кем-нибудь потерян?
Нет, быть того не может: во владенье
Вступая, всё я оглядел подробно.
Так, стало быть, червонец — дар змеиный.
На ней, быть может, благодать господня,
И убивать змею я подожду
Дней несколько. Иль снова дар увижу.
Иль, может быть, всё это лишь случайность».

На следующий день он спозаранок
Опять нашёл червонец у норы.
На третий день всё то же повторилось.
И он в душе своей уже поверил
В то, что змея божественного рода
И что, обогащён её дарами,
Он станет жить в спокойствии и в счастье.

Но вот змея, вползая однажды ночью
В егс конюшню, пастью ядовитой
Коня схватила за ногу. Заржал
Ужасно конь и заметался вдруг
По стойлу. И хозяин, трепеща,
В конюшню устремился, но не мог
Постичь он — что стряслось; а поутру
Любимый конь издох в тяжёлых муках.

Проведавши об этом, все соседи
Хозяина остерегали снова:

«Ведь от змеиного укуса сдох
Твой конь, иной причины нет. Смотри же,
Чтобы другого не страхлось несчастья».

Задумался хозяин: «Жаль коня,
Конь добрый был и дорого мне стоил, —
Я тридцать золотых отдал тогда.
Убить змею — совет благоразумный,
Но этим я коня не воскресил бы,
Ну, а змея за тридцать дней положит
Мне тридцать золотых червонцев вновь,
И возместится вся моя утрата.
Да и коня покуда мне не надо
А на людей змея, как уповаю,
Не кинется, — так пусть она живёт».

Так рассудив, хозяин жил спокойно
И беззаботно, а змея и вправду
У норки каждый день червонец клала
Попрежнему. И любовался ими
Хозяин жадный, и держал он в тайне
И от слуги и от жены — откуда
Доход он получает ежедневный,
Лишь каждый день потайно у норы
Слагал ей дани: ладана крупицу
Он жертвовал иль каплю молока.

И вот ещё два месяца минуло;
На третий же, в одну глухую ночь,
Змея неслышно подползла к слуге
И, спящего увидя, невзначай,
Вонзилась в ногу и мгновенно скрылась.
И страшно закричал слуга спросонок;
Пока ж хозяин из опочивальни
Пришёл — нога служителя распухла,
И каждый сразу мог увидеть ясно,
Что это след змеиного укуса.
Слуга стонал и корчился от боли,
Но пособить слуге не смог хозяин,
И он, три дня промучившись, скончался.

На погребение сошлись соседи,
И укоряли за неосторожность
Они опять хозяина: как мог он

До сей поры змеи не уничтожить?
И клялся им и уверял хозяин,
Что до сих пор змеи в глаза не видел
И подстеречь никак её не может.
Но тайно размышлял он по-иному:

«Слуга мой умер. Жаль слуги, бесспорно,
Но обойтись смогу и без него я.
И так он должен был меня покинуть
И плату взять за службу за три года.
Он — сирота, без племени, без рода,
И, значит, платы за него теперь
Никто с меня потребовать не сможет.
А ведь змея мне каждый день даёт
Дохода больше, чем си за неделю
Мог заработать. Был бы я глупцом,
Убив змею. Я знаю, умертвила
Теперь уж человека, не скотину,
Но этот человек был чужеземец.
На бога полагаюсь, что змея
Ни к сыну моему не подберётся,
И ни к жене моей, и ни ко мне».

И так себя уверивши, хозяин
Спокойно зажил, вовсе позабыв
О всех делах насущных. День за днём
Он брал червонцы у змеиной норки.
Дневной его расход на пропитанье
Уменьшился теперь, и большинство
Червонцев, принесённых в дар змеёю,
В ларец слагал он, наслаждаясь блеском
Святого золота, и не желал
Иного, — лишь бы жизнью бережливой
Свой ненаглядный клад ещё умножить.

Так миновало месяцев немало,
И вот в змее попрежнему возникло
Желанье испытать, остры ли зубы.
В опочивальню проползла змея
И семилетнего ребёнка — сына
Хозяина — вдруг укусила в ногу.
И закричал ребёнок пробуждённый,
И в ужасе отец к нему метнулся,
И хоть змеи уж не застал он в спальне,

Но, видя ножку, вспухнувшую вмиг,
Он понял: это сделано змеёю.
Немедленно он кинулся из дома
И знахарей и лекарей созвал.
Но как врачи ни смешивали зелья,
Ни заговаривали и ни тёрли,
Искусство их не помогло ребёнку,
Три дня кричал и мучился бедняжка,
И успокоил сон его смертельный.

Сошлась на погребение родня
Хозяина и множество соседей,
И все, оплакав смерть его ребёнка,
Молили человека, чтоб избавил
Свой дом он от опасности ужасной
Иль чтоб своё жильё переменил.
Но человек, хотя сжимала сердце
Утрата сына, всё же не решился
Признаться им, сказать, что окупает
Змея в дому житьё своё таким
Чудесным даром и что, им прельщённый,
Не совладал он с жадностью своею,
Пожертвовал своим единым сыном.
Когда же гости после погребенья
Все разошлись, то он, наедине,
Так начал рассуждать с самим собою:

«Мой умер сын. На то господня воля.
Убив змею, я этим сына всё же
Не воскрешу. Доколе я живу,
Я должен думать о делах насущных.
Ещё могу иметь другого сына,
Но ведь змеи такой же тароватой
На свете нет. Итак, остережёмся
С женою мы, чтоб к нам змея однажды
Не подползла в ночи, а клад чудесный
Тем временем возрастёт всё больше, больше».

Решеньем успокоенный, он снова
Дни проводил без горя и заботы,
Змеиные червонцы собирая,
В них обретя единую утеху.
А чтоб к его иль к жениной постели
Змея опять, полночную порой,

Пробратся не смогла бы — он постели,
Как калыбели, к потолку подвесил.
И вот уж третий год был на исходе,
Когда жена хозяина однажды
В своём саду близ дома задремала.
И тут подстерегла змея хозяйку:
Из норки выскользнувши, укусила
Она её в откинутую руку.
И женщина несчастная очнулась,
И со стенаньем в дом она вбежала,
Но, прежде чем поспел к ней муж на помощь,
Рука её вплоть до плеча опухла.
Хозяин сразу понял, что случилось,
И кинулся тотчас за лекарями,
Но хоть сулил им щедрую оплату,
Они не в силах были обезвредить
Змеиный яд, — и женщина скончалась.

Рассказывать ли, что, когда сходились
Бедняжку хоронить, её родные
С укорами накинулись на мужа
За то, что он змею оставил в доме
И этим смерть жены своей ускорил.
Да что же! Бесполезные укоры
Умершую не возвратили к жизни
И у вдовца души не изменили.
Жену похоронивши и оставшись
Совсем один, он заперся в жилище
И редко выходил — лишь для трапезы.
Порвал все отношения и связи
С родными и соседями и жил
Лишь кладом золотым, что потаённо
Он множил, для чего — и сам не зная.

И вот, однажды вечером, когда,
Усевшись на полу в опочивальне,
Он в сотый раз перебирал, считал,
Распределял червонцы золотые,
Змея беззвучно заползла в покой
И, как подосланная, укусила в руку.
От боли зубы стиснув, человек
Назад взглянул и в первый раз тогда
Увидел змейку серую, простую;

Она ползла совсем неторопливо
И скрылась в щели во мгновенье ока.
Боль страшная к нему проникла в сердце,
И он, не зная, где найти лекарство,
Высасывать со всею силой начал
Чуть видимую ранку. После ж, руку
Перевязав пониже локтя крепко,
Разрезал рану человек и вновь
Кровь чёрную высасывал, как мог.
Так он до самой полночи томился
В тревоге страшной и, изнеможён,
В свою постель забрался; но, не в силах
Заснуть от боли, начал со слезами
От всей души молить творца вселенной:

«О, боже сильный, тварей повелитель,
Мне ниспославший это испытанье,
Молю тебя, позволь мне исцелиться
И дай прожить на свете мне, покуда
Не помешу я, спасшийся тобою,
Свой клад в душеспасительное дело.
Не дам его жрецам я, ни на храм,
Не дам его я нищим на растрату,
Но стыщу такое божье дело,
Какому клад мой станет в основанье,
Чтоб простояло многие столетья,
Всё увеличивая божью славу».

Молитва ли, иль эта самопомощь,
Родясь из воли к самосохраненью,
Тут помогли, — но боль угомонилась,
И опухсль опала понемногу,
И воротилось прежнее здоровье.
Но и змея вдруг начала отныне
Не золотые приносить червонцы
Ко входу в норку, — стала жемчуга
Носить и драгоценные каменья.

Был человек в смятении, впервые
Подобный дар увидя; и не ведал,
Что сделать с чудом, но придумал вскоре
Простой ларец сработать деревянный
И класть в него каменья дорогие.
Клад злотой украдкой закопавши,

Себе лишь горсть червонцев на прожитье
Оставивши, он ларчик положил
В подвешенной постели, под подушку.
И так он жил спокойно, беспечально,
Любуясь блеском дорогих камней,
Их всякий день перебирал с отрадой,
Забыв и думать про благое дело,
Какому клад его служить был должен.

Прошло немного месяцев; однажды,
Когда под утро из дому он вышел,
Чтоб дань отдать земной своей природе,
Как будто бы его подстерегая,
Змея тихонько выползла из щели
И у ступни его кольцом обвилась,
И поднялась, и в икру укусила.
И устранился человек, вторично
Увидевши змею, что преспокойно
Сползла с его ноги и ускользнула.

Тотчас же поясом перевязал
Он под коленом ногу; но сие
Немного помогало: под коленом
Не очень крепко перевязь держалась.
И пухнуть начала нога ужасно,
И боль он ощутил, и торопливо
Вбежавши в дом, морской достал он соли,
И, на ноге разрезав сильно рану
И из неё выдавливая кровь,
Он начал растирать больную ногу.
Над ранкою промучившись до полдня,
Он, утомлённый, на постель взобрался
И, обливаясь горькими слезами,
В душе своей так обратился к богу:

«О, боже сильный, справедливо ты
Послал мне эту тягостную кару
За то, что в ослепленьи позабыл
Я свой обет. Умилосердись, боже,
Ещё раз упаси меня от смерти,
Продли моё ты бытие земное,
Чтоб в покаяньи, добрыми делами
Я мог бы заработать и спасенье
Души своей, и тихую кончину».

Молитва ли, иль собственная помощь,
Оказанная в грозную минуту,
Подействовали тут, но только он,
Проспавши, ощутил, что боль в ноге
Не так сильна, что опухоль опала.
И вскоре он оправился совсем
И тотчас позабыл свою молитву,
Забыл про то, в чём поклялся он богу,
И дни свои опять повёл, как прежде.

Так месяца четыре миновало.
И деревянный ларчик человека
Почти по самый край был переполнен
Каменьями, кристаллами цветными,
Чудесными. Хозяина они
День ото дня забавили, гоня
Все думы о зароке, о хороших
Делах и о души его спасеньи.
Он от змеи берёгся, как умел,
Но всё же в ночь горячую одну,
Когда заснуть в постели пуховой
Не мог он, — он почувствовал её:
Змея к нему на грудь вползала тихо
И, высмотревши место, укусила
Под самым сердцем.

Закричал от боли
Укушенный, но никакой помощи
На этот раз уж больше не нашёл он.
Промучившись до восхожденья солнца,
Он умер и немало дней лежал
В постели, в доме запертом, покуда
Тяжёлый смрад от мертвеца соседей
Не известил; разбивши двери дома,
Они нашли покойника. Никто
Не прикоснулся ни к чему в жилище, —
Ни к трупу, ни к тому, что было с ним.
Жрецы, что были призваны, забрали
Покойника и всё его именье.
Имение на храм пошло, а тело,
Распухшее и чёрное от яда,
Священному огню не поручили,
А, словно падаль, закопали в землю,
Покойника добром не помянувши.

ЛЕГЕНДЫ

АРОТ И МАРОТ

Когда Адам лишён был рая,
Свершивши грех, и весь наш род
За ним погрязнул в прегрешеньях,
Два ангела, — Арот, Марот —

Сказали богу: «Боже правый!
Несовершенен человек!
Смотри — он твоё завет нарушил,
С твоих путей сошёл навек.

Ничтожнейшее испытанье
Назначил ты ему в раю,
И то не выдержал, безумный,
И всюлю преступил твою!» —

«А вы-то выдержать смогли бы?» —
Господь с улыбкой им изрек.
«Ах, господи! — Арот воскликнул, —
Ведь ангел-то — не человек!» —

«Ну, ладно! В Вавилон ступайте
Людей неправедных судить,
Судить по правде! Но смотрите,
Себя не дайте соблазнить!»

Гудит молва по Вавилону,
Шумит по городу народ:
Два праведных судьи явились —
Арот и брат его Марот.

Как зверя дикого из чащи,
Они неправду гонят тут,

Царей и бедняков равняя,
На путь неправды не свернут.

Народ ликует. Но в раздумьи
Астарта, вещая жена.
«Не веришь?» — спрашивают люди.
«Попробую!» — в ответ она.

И вот наутро, разубравшись,
Она в судилище пошла,
За нею полный жбан рабыня
Вина сладчайшего несла.

«Внемлите, праведные судьи! --
Так речь Астарта повела: —
Из сада моего к соседу
На мельницу река текла.

Жена соседа — злоречива,
Меня осмелилась хулить;
Я отвести велела воду
И мельницу остановить.

Сосед упрашивает слёзно
Дать воду вновь ему скорей:
Ведь в этом весь его достаток,
Его и пятерых детей.

А я в ответ: какое право
На воду у тебя, мужик?
Из милости могу дать воду,
Но ты жене отрежь язык.

А он не хочет подчиниться,
И сохнет мельница его.
Судите ж, праведные судьи,
Как вам внушает божество!» --

«Неправ твой приговор! — сказали
Арот и вместе с ним Марот: —
Кара́ть детей за то не смеешь,
В чём виноват лишь женский рот.

К суду зови ты клеветницу,
Сама ж за клевету не мсти,

На мельницу соседа воду
Из сада своего пусти!»

Обрадовалась тут Астарта:
«Возвеселись, душа моя,
Что судей праведных и мудрых
Здесь, наконец, встречаю я!

Все царские суды признали,
Что я права, — но всё ж взяло
Меня сомненье, — не напрасно ль
Чиню я людям это зло!

Повеселюсь теперь я с вами!
Зажгли вы свет в очах моих!» —
И наполняет пенной влагой
Она три кубка золотых.

Решили ангелы: «На кризду
Она не хочет нас подбить.
Мы совершили суд правдивый!» —
И принялись вино с ней пить.

Но вскоре кровь у них взыграла.
Одни видны им небеса,
Один им рай, одна им правда —
Астарты дивная краса.

«О, госпожа, склнись к молениям
И подари нам эту ночь!
Исполним всё, что пожелаешь,
Свой приговор отбросим прочь!»

Смеясь, Астарта подливает
Вина, поддразнивая их.
«Вы приговор сломать готовы
Ценою ночи ласк моих?»

Мне приговор иной не нужен.
Зачем же мне богов гневить?
Я с вами эту ночь пробуду,
Но вот, что вы должны свершить:

Мне тайное скажите слово,
Что поднимает в небо вас,

К господнему несёт престола, —
И стану вашей в тот же час!»

Вином согреты и любовью,
Они шепнули слово вмиг.
Смеясь, Астарта подливает
Вина и пуще дразнит их:

«Нет, я раздумала! И чести
Своей за слово не продам!
Что мне оно? Не нам, смиренным.
Итти по ангельским следам!

Прощайте, судьи!» — «Стой!» — вскричали
Арот безумный и Марот.
Как звери, кинулись к Астарте,
Насильно ей заткнули рот.

«Ты наша! Убегать не думай!
Напрасно просьб и слов не трать!
Из наших сильных рук не сможет
И сам господь тебя отнять!»

Но вырвалась от них Астарта,
И слово тайное рекла,
И вмиг исчезла. От насилья
К престолу бога притекла.

Всё рассказала богу. — «Дочка!
Отлично поступила ты!
Ступай и до восхода солнца
На небесах звездой свети!»

Арота ж и Марота тотчас
Призвал господь и так изрек:
«Ну что, убереглись соблазна?
Ведь ангел-то — не человек!

Как вас карать — скажите сами:
В аду ли с бесами гореть,
Иль на цепи, вниз головою,
До страшного суда висеть?»

И ниц склонились, и смиренно
Владыке ангелы рекли:
«Карай нас, господи, навеки,
Но только к бесам в ад не шли!»

Близ Вавилона — ров глубокий.
Арот с Маротом посе́йчас
Во рву висят вниз головою,
Всем честным судьям напоказ.

УКАЗ ПРОТИВ ГОЛОДА

По персидскому по краю,
В богатейших городах,
Бродит голод. Умирают
Люди в рощах и садах.

Царь персидский гневным взглядом
Оглядел своих вельмож:
«По-иному, видно, надо
С этим справиться. Ну что ж!..»

И знатнейшим магистратам,
Всем, какие только есть,
Самолично припечатав,
Разослал такую весть:

«Сей указ запомнит каждый,
Каждый сей указ прочтёт:
Если ныне, хоть однажды,
С голоду бедняк умрёт,

Богача велю взамен я
Взять — и, как он ни верти —
Заморю голодной смертью
В подземельи, взаперти».

И указ содеял чудо:
Как бы хлеб ни дорожал,
Всё же бедный ел не худо,
И богач не обнищал.

ПОБЕДА

Сидел во дворце, торжествуя победу,
Калиф Абдельмалик. Подарком к обеду
Посланцы, в пыли,
Кровавую голову в залу внесли.

«О царь! — возгласили, — твой враг уничтожен,
Массаб, наш калиф, что тобой был низложен.
Горда и грозна,
Его голова — пред тобою она!»

И молвил калиф: «Во дворце этом старом,
Где я осчастливлен чудеснейшим даром,
Отныне в шелка
И в золото стены одеть на века».

Но возле калифа почтенный Ибн-Руми
Потупил чело своё в горестной думе.
«Ты что же поник?
Иль счастьем моим недоволен, старик?» —

«Да будет прославлено имя господне!
Аллах тебе дарует радость сегодня,
Но я вспоминал,
Что раньше я в этом же зале видал.

Полвека минуло, как в дар Обейдалле
Вот так же Гуссейнову голову клали.
Посланцы, в пыли,
Её с поля битвы сюда принесли.

Лет десять минуло, и труп Обейдаллы
Был брошен под сводами этой же залы.

И войск своих дар
Приветствовал с трона счастливый Мохтар.

Ещё десять лет пронеслось, и Мохтара
Постигла такая же быстрая кара:
Кровь эту пролив,
Воссел здесь Массаб — всемогущий калиф.

И молвил Массаб: «Этот замок счастливый
Отныне пусть вымостит мрамор красивый!»
И вот — как живой —
Отрубленной смотрит на нас головой».

Калиф Абдельмалик стал бледен — и разом
К придворным своим обернулся с приказом:
«Дворец этот весь
Снести! Чтоб следа его не было здесь!»

РУКА ИОАННА ДАМАСКИНА

Великий учитель, святой Иоанн,
Служил у султана в Дамаске.
Ценил, уважал Иоанна султан,
Ему не отказывал в ласке.

Решили святого отца погубить
Вельможи — завистники злые!
Посланье подбросили, будто бы он
Владыке писал Византии:

«О царь христианский, иди на Дамаск,
Добудешь победу и славу:
Султану же в самый решительный час
Я сам приготовлю отраву».

Султану злодеи письмо принесли
И так говорят ему смело:
«Каков твой любимец, твой христианин,
Задумал хорошее дело!»

И в гневе султан Иоанна зовёт
И молвит ему в поученье:
«Вот так ты мне платишь, жестокий мой
враг,
За ласку и благоволенье?»

Ты ядом задумал меня извести?
Зовёшься святителем ложно!»
Напрасно пред ним присягал Иоанн,
Что это посланье подложно.

«Достоин ты смерти, — султан говорит, —
Но жить продолжай! А в науку,

Чтоб писем таких никогда не писал —
Отсечь ему правую руку!»

Весёлые недруги взяли его,
Терзали его и корили:
На рынке дамасском пред тесной толпой
Десницу ему отрубили.

Молнлся, безмолвно страдал Иоанн,
И поднял он левой рукою
Десницу свою и, в часовню придя,
Предстал перед девою святою.

И тут, отсечённую руку держа,
Склонил пред иконой колени,
И громко он плачет, и молится вслух,
И горьки молитвы и пени:

«Пречистая дева, лилея небес!
Не я ли рукою вот этой
Стихиры писал в честь тебя? Я всегда
Послушен тебе, мной воспетой!

Но, видно, горячие эти стихи
Не милы тебе, роза рая,
И ты допустила мне руку отсечь,
Мои тропари отвергая!

Пускай, как твой сын, я безвинно терплю;
Такому страданью — осанна!
Скорблю я о том, что стихи в честь тебя
Писать не могу беспрестанно».

И свет всю часовню тогда озарил,
И сходит Мария с иконы
И так говорит: «Неужели объят
Сомненьем твой дух утомлённый?»

И вот отсечённую руку взяла,
Приставила к ране царица,
И словно бы кровь из руки не текла —
Опять невредима десница.

Предстал невредим пред людьми Иоанн,
И ахнул народ поражённый.

Лжецов наказал справедливый султан,
К святому опять благосклонный.

И, страсть побеждая, святой заслужил
Любовь и почёт повсеместно
И множество песен прекрасных сложил —
И все о царице небесной!

ПО СЁЛАМ

I

На Подгорьи *, в долах, по низинам
Сёла неприветливы и строги,
Разлеглись, как нищие под тыном,
Дремают у просёлочной дороги

Клонят вербы головы большие,
В речке ветви длинные купают;
И скрипит журавль, кругом босые
Ребятишки на дворе играют.

Между верб, и груш, и яворины
Крыши почернелые нагнулись,
Крыты мохом, ветками калины,
И на ветер, как сычи, надулись.

Наклонились пихтовые стены,
Там и сям подпёртые жердями,
Как калеки ждут себе замены —
Отдохнуть разбитыми костями.

Узкие, ослепшие оконца
В дедовских ещё засовах ходят.
Или ясного боятся солнца
Те, что в хатах весь свой век проводят?

Незаметно и трубы на крыше;
Утром дым всю хату заполняет,
Из-под стрех валит, клубится ниже,
Ест глаза и слёзы выжимает.

В хате печь в полкомнаты, с запечьем,
С глиняным припечком и заслонкой,
То — желудок хаты, тёплый вечно
И огромный, как живот ребёнка.

Хлеб да каша — здесь иного краше,
Цель всех дум, стремлений и заботы,
Человек тут знает лишь работу,
Трудится во имя горсти каши.

Спит хозяин на досках несбитых,
На соломе, под мешком дерюжным;
Печь — для ребятишек неукрытых,
А большим постели и не нужно.

Батраки в конюшне кости греют,
Девкам и на лавках крепко спится;
Об удобстве думать не посмеют,
Отдохнула б за ночь поясница.

Об оде́же помышляют мало:
Есть кожух да сапоги смазные,
Для хозяйки — в сундуке кораллы,
А для девушек — платки цветные.

Войлочные шляпы в праздник хлопцам, —
Так и наряжаются годами;
Вся одежда будней дома шьётся
Из холста, что приготовят сами.

На стене в углу, в божнице старой,
Древние иконы со святыми:
Страшный суд, Никола да Варвара,
Как от дёгтя — в копоти и дыме.

Вот и всё от божеских устоев, —
Не совсем и письменность забыта:
Там в тряпье, под матицей, святое,
Безымянное письмо зашито,

Да указ о барщине проклятой,
Роспись прадеда на тридцать палок,
Деда жалоба за клин изъятый,
Акт отца лицитационный * мятый, —

Вот и всё, что правнукам осталось.

Шинок шумит, шинок гудит,
 Во всём селе — аж стон стоит.
 Молчи, не спрашивай, народ:
 То сам Пазюк горелку пьёт.
 Уж трегью ночь он пьёт вот так,
 Да не пропьётся — пить мастак.
 Ещё три ночи будет пить
 И ни копейки не платить.
 О, дед Пазюк на то умён,
 С крапивы мёд собирает он;
 Всеми селу он голова,
 Кому нужда — ему лихва.

Но не с шинка процент берёт,
 Что без гроша он даром пьёт!
 Зайдём в шинок. Вот за столом
 Сидит Пазюк, поёт псалом,
 Заметь — что грамоте учён,
 Что бога в сердце носит он!
 Рукою бороду подпёр,
 Уставил в двери мутный взор.
 Мясист лицом. По самый нос
 Седой щетиною зарос.
 И, словно жёсть гремит в ушах,
 Он тянет: «Господи воззвах!»

А рядом кум его сидит.
 Он Пазюку в глаза глядит,
 Желая в тех глазах прочесть
 По нраву ль куму всё, что есть,
 Всё ль вышло так, — а вдруг да нет, —
 Чтоб стал добрей капризный дед,
 Когда ж Пазюк допел псалом,
 Кум робко начал о другом:
 «Спасибо, кум, за голос ваш!
 А просьба у меня всё та ж:
 Сэтяжку дайте мне займы,
 И всё верну я до зимы».

А тот как грохнет кулаком:
 «Что ж, даром я пою дьячком?
 Не шутка голос мой хвалить!»

Ты водки прикажи налить!»
Как вьюн свернулся кум-бедняк,
Опять и водку и табак
У шинкаря он в долг берёт,
Вновь Пазюка просить идёт:
«Уж сколько я вас, кум, пою
За просьбу малую мою.
Мне сотню дать на этот срок
Вы ж обещали, куманёк».

Тут в страшный гнев пришёл Пазюк
И чарку наземь бросил вдруг.
«Ах ты, голяк! Ах ты, злыдняк!
Ещё со мной ты смеешь так!
Сто серебра — то ж капитал!
Ты взять-то взял, да как отдал!» —
«Позвольте молвить, куманёк,
Ведь всё, что брал, отдал я в срок». —
«Отдал! Отдал! А может, нет.
А за тобой ходи я вслед!
Да что уж там! Сказал, так дам!
Пусть потерплю убыток сам».

А кум тогда: «Уж дайте тут!
Свидетели задаром пьют».
Пазюк в ответ: «А пусть их пьют,
Сказал, что дам. И деньги тут!»
И, подняв полу, достаёт
Свой кошелёк, а в нём семьсот,
И на столе их разложил,
Чтоб каждый видел, оценил.
«Вот он, мой плуг, мой луг, мой скот,
Мой двор, амбар, мой огород,
Мои волы, моя земля,
Моё добро, моя семья».

И вновь сложил, поцеловал
И положил, откуда взял.
А кум от злости аж встаёт —
Глазами съел бы те семьсот.
«Кум добрый, смилуйтесь хоть раз,
Чтобы не зря просить мне вас!» —
«Да нет, сынок, господь с тобой,
Уж поздний час! Пора домой!»

Ещё налей, отправь людей,
А завтра утром — ей же ей —
Привёл бы только бог дожить,
Ты можешь с ними приходить».

Село шумит, село поёт,
Хмельной Пазюк домой бредёт,
А сбоку вьётся кум-бедняк,
А вслед свидетели — кто как.
Кой-как идут, кой-как орут.
Но вдруг Пазюк схватился: «Тут!
Вот перекрёсток, вот забор...
А в хате этой сын мой — вор.
Го-го! Он парень с головой!
Так что ж — брести впотьмах домой?
Гей, кум! Куда ты? Наутёк?
Ты спать меня веди на ток!»

III

То не пчёлы, не шмели
Шумный говор завели
В утреннюю пору,
Не поток запруду рвал,
Слух из уст в уста бежал:
«Воры! Воры! Воры!»

Кто? Откуда? Где? Когда?
С Пазюком стряслась беда!
Ночью обокрали.
Пьяный спать пошёл на ток,
Воры взяли кошелёк, —
Поминай, как звали.

Кто украл? Откуда знать?
Сам Пазюк не мог сказать,
Думал, думал что-то...
Вспомнил вдруг: «Постой, постой!
Кум со мною шёл домой!
Кумова работа!»

Тот услышал, весь дрожит,
Как ошпаренный бежит:

«Кум, побойтесь бога!
Присягнуть готов сейчас:
С поворота шёл от вас
Я своей дорогой!» —

«Врёшь ты! Где мой кошелёк?
Ты меня водил на ток —
Всё теперь понятно:
У ворот бревно принял,
Влез на сено, деньги взял...
Отдавай обратно!» —

«Укуси меня змея,
Если только был там я,
Лопнуть мне на месте!» —
«Будет врать! — кричит Пазюк, —
Деньги в руки мне из рук
Отдавай по чести!»

IV

Так побранилися,
Да и сцепилися
Кум с Пазюком.
Сын Пазюку помогает,
Держит, а тот припускает
Куму кийком.

Бьются! Ругаются!
Люди сбегаются
С разных сторен.
Те Пазюка проклинают,
Эти про кума всё знают:
«Он это, он!»

Куча радетелей!
Туча свидетелей!
Тот перед сном
Вышел — клянётся — на улицу.
Видит: задворками тулятся
Кум с Пазюком.

Тот будто сам слышал, —
Кума Пазюк позвал:
«Кум, погоди!
В хату итти не хочу я,
Здесь на току заночую,
Кум, проводи!»

Толки с догадками...
Споры с оглядками...
Вздохи: «Ох, ох!..»
А про себя даже рады:
«Так тебе, пьявке, и надо.
«Бей тебя бог!»

V

Тем же утром, с криком, с шумом,
Дед Пазюк совместно с кумом
К самому попу пошли.
Шли не ради разговора, —
Божий суд наслать на вора
Приготовили рубли.

На лице у них — подтёки,
А на сердце гнев жестокий,
Нос у кума в кровь разбит.
Два молебна вместе правят,
Бог молитвы не оставит —
Вора громом поразит.

Вышли. Кум — темнее тучи.
А Пазюк сменил онучи,
Палку в руки, в торбу — хлеб,
Пять рублей зашил в дорогу,
Для проверки — после бога —
К старой знахарке в Дулеб.

VI

Знахарка говорит:
«Ты, человече, худого не бойся!
Деньги воротятся, не беспокойся.

Вор вой живёт от тебя за три хаты,
Знаешь его по оде́же богатой.

Сам черноусый, да серые очи.
Срок выжидал он три дня и три ночи.

Бог к тебе милостив — вот потому-то
Ты не проснулся в лихую минуту.

Чуть повернулся б ты, чуть простонал бы —
Нож у тебя под лопаткой торчал бы.

Груша растёт у тебя возле тына,
Есть в ней дупло вроде норки мышинной.

В это дупло — проверяй аккуратно —
Вор тебе деньги подбросит обратно».

VII

Вот идёт Пазюк до дому,
В сердце крепнет дума:
«Не иначе, что гадалка
Говорит про кума.

За три хаты? Кум — он дальше —
За четыре хаты!
По какой его я знаю
Оде́же богатой?

Сроду кожаной обуви
Не носили ноги,
И рубаха вся в заплатках,
И армяк убогий.

Чёрный ус? У кума — рыжий,
Рыжим верит кто же?
А глаза и вправду серы,
Всё, как есть, похоже!

А ещё божился, клялся!..
Плакал для порядку!

Сам же нож хотел мне всунуть
Прямо под лопатку.

Погоди-ка!.. Жаль, что груши
Возле хаты нету.
Ну, да верба есть, и ладно.
Кум пойдёт к ответу!»

VIII

Ой-ой! На селе приключилсѣ беда.
Детишки с дороги бегут кто куда,
А старшие в поле бросают работу,
Спешат на село, словно видят пожар!
На лицах заметишь и страх, и заботу:
Приехал жандарм!

Кто сети рыбачьи под крышу пихает,
Кто в хате ружьишко со стенки срывает
И прячет в амбар,
Кто краденый дуб укрывает под печку,
Кто с бочкой пожарной несётся на речку:
Приехал жандарм!

Жандарм и начальник допрос учиняют,
Добро Пазюка они ищут.
Грозилися куму, соседей пугают,
По хатам, по улице рыщут.
Дознание строго, да толку немного,
Следа не видать, как во тьме.
«А ты, кум любезный, в оковах железных
Пока посиди-ка в тюрьме».

IX

Скоро месяц, как кум под арестом сидит,
А в селе снова шум, точно улей гудит.

Вот к попу сын-Пазюк, незадачный, пришёл.
Он кладёт со смиреньем пятёрку на стол:

«Горе в гости ко мне, ваша милость, пришло!
«Ты отца обокрал, — говорит всё село. —

Бедный кум угодил за тюремную дверь».
Как мне быть, ваша милость, что делать
теперь?

Поп плечами пожал. «Охо-хо! Грех велик!»
А Пазюк молодой — он горазд на язык:

«В воскресенье хочу пред священным крестом,
Перед всеми людьми присягнуть я на том,
Что я денег отца не имею». —

«Ладно, сын мой! К присяге тебя приведу.
Но гляди, чтоб не впал ты в большую беду!

На присяге солгать — это тягостный грех.
Брал ты деньги? — ответствуй мне тайно от
всех,
Говори мне всю правду скорее». —

«Только правду? Ну, отче!.. Да брал иль не
брал,
Вот вам крест, что вчера до копейки отдал.
И могу присягнуть, что я их не имею».

Х. В НОЧНОМ

За Дил * могучий солнце опустилось.
Пожар вечерний, отпылавши в небе,
Угас. Стемнело. Сумраком одето,
Подгорье дремлет. Лишь кой-где в домах
Огни мелькают. Кратки ночи летом,
И трудовой народ ложится раньше,
Чтобы с рассветом в поле выйти снова.

Вон за деревней, у опушки леса,
Из темноты, как золстой жучок,
Чуть светится мерцающая точка:
Там пастушата развели костер.
Их с лошадьми отправили в ночное.
Они, коней стреножив, разложили

Огонь, от мошкары.

И у костра

Сидят кружком: кто в куртке, в безрукавке,
Кто в кожушанке, а иной рядно
Надел на плечи.

«Ну-ка, братец Сеня,
Дай табачку!» —

«Видал, какой ловкач!
Что я, табак рошу?» —

«Да ну, не смейся!
Тебе хозяин нынче пачку дал,
Так поделись! Комар, проклятый, ест,
А дым табачный — самый лучший способ
От мошкары.»

И Сеня взял табак,
Кромсает ножиком, и делит всем,
Кто не имеет. Уж такой характер
У Сени: поначалу огрызнётся,
А после — хоть рубаху с плеч снимай.
Недаром дурачком его зовут
И насмех поднимают всем селом.
И правда! Парень уж немолодой,
За тридцать лет ему, и работающий,
Другим в пример, не пьёт и не гуляет,
А ходит нищим. Мог уже не раз
Удачно пожениться — не хотел.
Ему батрачить лучше, на чужих
Работать, и чужому покоряться.
«У них в роду такое, — говорили
В селе. — Отец имел и дом, и поле,
И бросил всё, работу запустил,
Всё по церквам, да по святым местам
Слонялся, точно нищий. А пришли
Болезни, старость, дальше слепота,
И не нашлось угла, где приютиться, —
Он лиру взял да и пошёл с сумою.
И сына точно так же воспитал:
И тот одно церковное мурлычет,
Да всё толкует, что, мол, мир наш грешен
И страшный суд подходит — что твой поп!»

Вот так в селе народ решил про Сеню,
Над ним смеялись, хоть его любили:
Простой он был, и услужить готовый.

А он молчит, не подаёт и виду,
Издёвки пропускает мимо уха,
И ласки словно бы не замечает.
Тридцатилетний парень, — а как мальчик
Готов с детьми возиться на дворе,
Затеивая игры и забавы.
Зато и детвора любила слушать
Его рассказы, песни! Только дети
Над ним не насмехались.

И теперь
Их кучка собралась сюда — подростки
Из их села. Они глядят на Сеню,
Как на старшóго; кое-кто и сам
В ночное напросился, услышав,
Что Сеня будет.

Закурили. Тихо.
Вот где-то рядом крикнул коростель.
Сова в чашобе застонала — чур ей!
И снова тишина, и только мирно
Треногами позвякивают кони.
Жуют росистую траву.

«Что ж, сказку
Послушать, что ли! — обозвался робко
Один и глянул искоса на Сеню.
«Э, чорт с ней, сказкой!» — проворчал другой. —
«Я за день так устал, что ног не чую
И сами закрываются глаза». —
«Ну, что ж, ступай и спи! Неужто всем
В такую рань ложиться? Час нерóвен —
Толкуют, из Седого * конокрады
Поблизости гуляют. Надо, значит,
Посматривать!» —

«Хозяин за грибами
Вчерашний день ходил, так видел волка.
Он настрого велел мне жеребят
Из глаз не выпускать. А где они?» —
«Не бойся, глупый! Подберётся волк,
Так кони сами известят об этом:
Забьются, захрипят, сбегутся в кучу». —
Вон, слушай, карая твоя заржала,
И жеребёнок отозвался!»

Точно, —
По всей долине ржанье разносилось,

Как тремоло могучее, по струнам
Протянутое мастерской рукою.

«Ну, сказку! Сеня, твой черёд сегодня!» —
«Какую же вам сказку рассказать?»

Тут, братцы, приближается такое,
Что не до сказок скоро будет нам». —

«Что, что, скажи?» —

«Война, не знаешь, что ли?» —

«Война? Да с кем?» —

«Известно, с москалём». —

«Как, с москалём? Ой, плохо наше дело!
Силён москаль, не устоять, пожалуй,
Против него». —

«Вот то-то и оно.

Наш очень хочет с москалём подраться,
Да видит сам — силёнок нехватает.
Вот и велел оповестить повсюду,
Что с этих пор не будет так, как прежде,
Когда в солдаты брали нас с разбором, —
Всех заберут: и молодых ребят,
Что только подросли, и стариков,
Готовых лечь в могилу. Всех слепых,
Кривых, безногих и горбатых, даже
Девчат». —

«Ха, ха! Так, может, нашу Феську
Возьмут?» —

«Эге! Послушайте пока,
Что в Уроже стряслось! На той неделе
У церкви войт * читал при всем народе
Указ, что, дескать, всех теперь начнут
В солдаты брать. Ну, слушает народ,
Руками всплескивает. Тут одна
Вдовица как заломит сразу руки
Над головою, как запричитает:
«А-яй! А-яй!» — да так протяжно, страшно,
Как над покойником. Все к ней метнулись,
Решили — может, зуб? Куда тебе!
Вся посинела, кровью налилися
Глаза, сплетённых рук не разомкнуть,
Над головою держит их, и кличет,
И стонет так — ну, прямо сердце рвётся.
Все обступили, просят, утешают,
Воды дают, ласкают, крестят — где там!

Не говорит, не видит и не слышит,
Не ест, не пьёт, не узнаёт соседей,
Всё айкает, и так вот и поныне.
Уже с погоста не попала в хату,
А по селу пошла: «А-яй! А-яй!»
А мир за нею, словно бы за гробом,
И так три раза обошла село.
Насилу к ночи завели её
Домой, и там насильно накормили.
Но в хате ей, бедняге, не сиделось.
Пропала ночью. И от этих пор
По сёлам ходит. Уж её в Лужке
И в Ступнице, и в Мокрянах видали,
Была и в Страшевичах, и на Спрыне.
Растрезанная, черноты чернее,
Одни глаза сверкают. День и ночь
Блуждает по полям, в дома нейдёт,
И всё кричит, и голосит, и стонет». —
«Избави бог! Вот ужасы какие!» —
«Я б, кажется, на месте сразу помер,
Когда б её услышал выкликанье». —
«Ну, вот, дурной! Она ведь не со злости!
Была она добрее всех в селе
У нас. Ей бог дал, чтоб она вещала
Великое всему народу горе». —
«Ой, ой! Какое же такое горе
Она вещает?» —

«Слышал про войну?»

Уж если наш, да с москалём побьётся,
Тогда не жди добра!» —

«А мне иное

Мерещится! Подумаешь — война!
Всех не порежут. Да и москали
Не волки ведь, а люди, как и мы.
Покойник-дед не раз о них, бывало,
Нам сказывал, и очень нам хвалил их».

«И мне сдаётся, братцы — не обидят
Нас москали. Да вот — хозяин мой —
На что разумный человек, а часто
Толкует: «Господи, когда б скорей
Москаль пришёл! Такое разоренье
Везде! Москаль бы всё переменял,
Порядок, облегченье бы принёс

Нам, бедным людям». —

«Ой, давно потребна
Здесь твёрдая, московская рука!
Слыхали вы — паны опять заводят
Какие-то повинности. Селянам,
Толкуют, — по четыре дня придётся
В году работать вовсе без оплаты:
Чинить дорогу. Только всё брехня.
Не до дороги нынче им. Плевать им
На ту дорогу! А как выйдут люди
Чинить дорогу — так паны пришлют
Приказчиков с нагайками, с дрекольем,
Загонят мужиков на панский двор
И панщину вернут назад: в неделю
Четыре дня опять на них работай!» —
«Не может быть! Да кто тебе сказал?» —
«Плети, дурной, «не может быть!» Всё это
Мне сказывали люди поумнее,
Чем я да ты. Паны договорились,
Уговорили цесаря *, и он
Всё это утвердил и подписал». —
«Ой, горюшко! Теперь-то мы пропали!» —
«Ну, как сказать: пропали или нет.
Паны пока что дело держат в тайне,
Не признаются, чтоб народа сразу
Не раздражить, а главное — другое:
Боятся москаля...»

Тут в пререканье
Вмешался Сеня. Он сидел, понурясь,
И, не спеша покуривая трубку,
Как будто чей-то голос дальний слушал.
И вдруг заговорил: «Ну, для чего
О нас москаль, скажите, будет помнить?
Что мы ему — сват или брат какой?
Вы думаете, — у него нехватка
Своих панов и нищих?» —

«А за что же
Война тогда?» —
«Да ни за что! Войны
Не будет никакой!» —

«Ну, а зачем
В солдаты гонят молодых и старых?» —
«Э, гонят! Ну, а кто это видал?
Вот мы в каких уже летах, а кто нас

Гонял в солдаты? Может быть, ещё
И заберут нас, только будет это
Тогда, когда народ так измельчает,
Что в нашей печке смогут уместиться
Семь мужиков с цепями». —

«Ловок ты

На уговоры. А зачем же та,
Из Урожа, кликуша, ходит всюду?
Ведь не добро вещает?» —

«Вот и есть,

Что тёмный люд наш слушает её
И видит сам, что это знак господень,
А смысла не доищется никак,
Ну, и плетёт, сердечный, небылицы:
Война, и панщина, и бог весть что.
По-вашему, одна у бога думка, —
Вас сотню перебьют или две сотни,
И сколько вам прибавится работы?
Да, станет он по случаю такому
Вам знамения посылать! Что значит
Война? Войны и предвещать не надо,
Она уж есть, родимся мы, живём
Идохнем на войне. Слышали песню:

Нету добра, и не будет,
Была война, ещё будет.
Брат на брата наступает,
Сестра сестру побивает,
Сын на батьку нож заносит,
Дочка мамке смерти просит.

Вот где война вернее и страшнее,
Вседневная! И разве с ней сравнятся
Те войны, что наш цесарь прежде вёл».

Притихли все, нахмурясь. Так неожиданно
Беседу Сеня вдруг переменил.
И хоть не раз подобные слова
Они слышали от него, а всё ж
Тем крепче их ударили они.
И не до смеха было им, ведь каждый
Сам по себе в их правде убедился.

«И верно! Как в чащобе волчья стая,
Так мир крещёный меж собой грызётся.

Одни перед другими тащат, рвут,
Дерут и грабят. Вот и мой хозяин,
На что зажиточный, — и тот польстился
На кровный заработок мой убогий:
Пятёрку отнял у меня из платы
За то, что в прорубь забежал телёнок
И утонул». —

«А сколько палок мне
За лес пришлось! Хозяин сам меня
Послал корчаги вывезти из леса,
А как поймал меня лесник, и штраф
Назначил за покражу — он тогда
Давай меня утюжить!»

И пошли

Припоминать, рассказывать о том,
Что у кого на сердце наболело.
Не жаловался и молчал лишь Сеня.
А как затихли — вновь заговорил.

«Так видите, какая тут война
У нас? Зачем же предвещать войну?
Война сама нам нечто предвещает». —
«А что же предвещает?» —

«Страшный суд!» —

Промолвил Сеня, приглушая голос,
Почти шепча — и прочие неволью
Склонили головы. На эту пору
Сова печально застонала. Стихло
Всё на мгновенье, и тотчас, как бы
Откуда-то из глубины земли
Пронзительное раздалось стенанье:
«А-яй! А-яй! А-яй!»

«Дух божий с нами!» — закричали разом
Все пастухи, и начали креститься.

«А-яй! А-яй! А-яй!» — звучало в чаще
Так жалобно, так горестно, что сердце
Сжималось. Замер голос. Тихо стало.
Все неподвижно у костра сидели,
Дрожащие. Перехватило дух
У каждого — никто не отзывался,
И даже кони, уши наостривши,
Стояли молча.

Сеня лишь один

Сидел, и всё шептал молитву. После
Заговорил:

«Слыхали предвещанье?

Не бойтесь, это не нечистый дух,
А женщина из Урожа, она
Идёт по божьей воле. Ей господь
Велел — стenanьем грешному народу
Оповестить, что близок страшный суд». —

«Ну, что ты вдруг завёл, побойся бога!
Такие страсти к ночи! Страшный суд!
Ты разве не слыхал, что перед этим
Ещё на свет появится антихрист?
Ну, а о нём, проклятом, не слыхали
Нигде покуда». —

«Вишь, какой разумный! —

Ответил Сеня строго, не шутя. —
Глухой навряд услышит, как гремит!
А вот я расскажу вам, что слыхал,
Да нет, не я, а мой отец то слышал.
В Кальварии * недавно побывал он,
А там один есть седенький монашек,
Отцу он лет уж с тридцать как знаком.
Так вот, отец заночевал у старца,
И тот по книгам прочитал ему:
«Молитесь, — говорит он, — час настал!
Пять гор травы великий вол пожрал.
А как шестую станет доедать,
Тогда антихриста нам ожидать.
Когда же до седьмой горы дойдёт,
Тогда на землю Илия придёт». —

«Дух божий с нами! — крикнули в тревоге
Все пастухи. — Пять гор уже сожрал,
Что ж то за горы, что за вол такой?» —

«Не знаете, что сказано в писаньи?
В далёкой стороне, у края света,
Есть вол такой: он родился в тот день,
Когда Христа распяли. У него
Семь гор. Когда ж появится антихрист,
Чтобы народы отвратить от бога,
Тогда бороться с ним придет с неба
Святой Илья, и станет бунтовать он

Людей, чтобы антихриста чуждались.
А тот антихрист будет царь всеильный.
Своих солдат пошлёт он и жандармов
Против пророка. И господь попустит,
И те Илью поймают и на смерть
Осудят. Только знает злой антихрист,
Что если на-землю хоть капля крови
Падёт с Ильи — земля воспламенится,
Сгорит. Вот и начнёт хитрить проклятый:
Своих солдат пошлёт он и жандармов
На край земли, на те семь гор, и скажет
Вола оттуда привести, зарезать,
И шкуру снять с него, и растянуть
Воловью шкуру, и на ней пытатъ
Пророка, страшным мукам подвергая.
Но поразит тогда господь нечистых.
Комарик есть на свете, что напился
Христовой крови, капавшей с креста
Господня. И комарик в то мгновенье,
Как будут резать этого вола,
В хребет его укусит, и проколет
В воловьей шкуре крохотную дырку,
Такую, что и глазом не приметить.
Сквозь эту дырочку — пречистой крови
Падёт на землю крохотная капля,
И вся земля тогда воспламенится,
Сожжёт антихриста и его царство,
Сожжёт грехи людские и страданья,
Очистит землю, как от ржи железо.
Тогда господь придёт на страшный суд».

Давно за полночь было. Дышлом Воз *
К земле нагнулся. Косари * стояли
В середине неба. Холодно. Костёр
Погас. Вдыхая глубоко, в молчаньи
Опять табун обходят пастухи.
Спскойно всё. В высоком, тёмном небе
Мерцают звёзды множеством огней.
Лес задремал в тумане. Чуть виднеясь
Во мгле седой, бесформенным пятном
Село чернеет.

Пастухи ложатся,
Кто на соломе, что принёс из дома,
А кто и прямо на земле росистой,

Рядно лишь подстеливши под собою.
Не лёг лишь Сеня. При костре погасшем
Он, скорчившись от холода, сидит
Недвижно, погружённый в размышленья.

«О, господи! — вздохнёт порой. — Не дай
Слепому и глухому жить на свете,
Чтоб, неготовых, нас не захватил
Великий день, последний суд твой, боже!»
Он содрогнулся.

«Господи, помилуй! —

Шепнул он. — Смерть в глаза мои глядится!» —
И вновь молиться начал, горячее
И беззаветней. Тихо светят звёзды,
Как бы манят к себе. Какой-то дух
Таинственный, могучий пролетает
Над всей землёю. Слышит лёт его
Простое и отзывчивое сердце
И мечется в тоске, как в клетке птица.
Зачем? Куда? Откуда? Нет ответа.

В БРАЗИЛИЮ *

* * *

Когда услышишь, что в тиши ночной
По чёрным рельсам тарахтят вагоны,
А в них не молкнет, как мушиный рой,
Плач детворы, болезненные стоны,
Проклятия и брань со всех сторон,
Глухая песня, девичьи дисканты,
Не спрашивай: чей это эшелон?
Кого везёт? Куда? Откуда он?
То — эмигранты.

Когда увидишь где-нибудь в углу
Людей, набитых тесно, как селёдки,
Усталых женщин, спящих на полу,
Мужчин, бродящих шаткою походкой,
Седых отцов, ребячью мелкоту,
Узлы, в которых явно не брильянты,
Всю неприкрашенную нищету,
На лицах — след тоски, надежд тшету,
То — эмигранты.

Когда увидишь, как таких людей,
Вписав в реестр, толкают и ругают,
Как матери в отхожее детей
Укачивать и пеленать таскают,
Как их жандармы гонят прочь от касс,
Как сбрасывают с поездных площадок,
Пока толпой не кинутся все враз:
«Бери нас или раздави всех нас!» —
Вот наш порядок.

* * *

Два панка пошли гулять.
На детишек измождённых,
На измученную мать
Поглядели с видом сонным.

И, качая головой,
Старший рек: «Эх, голь какая!»
Но тотчас за ним второй
Возглашает: «Вот лентяи!»

«Кто лентяи?» — «Да народ!
Край родной на пшик меняет».
Первый: «Нет, виновен тот,
Кто их дальше не пускает». —

«Не пускать их? Так пойдут
Все за сине море сдуру!» —
«Что ж им делать, если тут
Сообща дерём с них шкуру?»

Разлучила нас толпа.
Долго те панки в запале
И впопад и невпопад
Про «лентяев» рассуждали.

* * *

Ой, расплескалось ты, русское * горе,
Вдоль по Европе, далече за море!

Стены Любляны* да Реки* видали,
Как из отчизны славяне бежали.

Русские стоны взлетали до неба
Там, где белеет горами Понтебба*.

Ведь от Кормон*, как живых в домовину,
Гнали жандармы людей, что скотину.

Небо Италии — нет его краше —
Видало бедность, униженность нашу.

Генуя долго, поди, не забудет,
Как гостевали в ней русские люди,

На ночь рассказывать станут ребятам:
«Странный народ к нам заехал когда-то.

Землю родную в слезах вспоминал он,
Сам же с проклятьем её покидал он.

Продал хозяйство, не числа потери,
Басне про царство Рудольфа* поверя.

Кинул он дом свой с землёю родною
Да и погнался за детской мечтою.

Смелый в мечтаньях, в любви беззаветен,
В жизни он, словно дитя, безответен.

Ни пошутить ему, ни посмеяться,
Только и знал, что просить да сгибаться».

Ой, расплескалось ты, русское горе,
Вдоль по Европе, далече за море!

Гамбурга доки, мосты, паровозы, —
Где не струились вы, русские слёзы?

Все, мой народ, с тебя драли проценты:
Польские шляхтичи, швабы-агенты.

Что ещё ждёт тебя на океане?
Что-то в Бразилии, в славной Паране?*

Что-то за рай тебя ждёт, раскрываясь
В Спириту-Санто* и Минас-Жераес?*

ПИСЬМО ИЗ БРАЗИЛИИ

Соседи наши! Пишет вам Олеся.
Мы все здоровы — хоть об землю бейся

Семь месяцев не слали мы вестей,
Заехали — аж дальше нет путей.

Живём в бараке, средь глуши безлюдной;
Работы столько, что подумать трудно.

Деревья, в сажень толщиной, рубим.
Свалить одно — два дня потребно людям!

Быть может, в год земли расчистим клочок,
Обсеемся. Пока живём мы в долг.

Спасибо, выдают нам понемножку
Хоть соль, да кукурузу, да картошку.

Мы здесь не разлучались и на час...
До города — пятнадцать миль от нас.

Леса да скалы... Ну, да мы не ропщем,
Дороги нет — тропу, даст бог, протопчем.

Всем вам, наверно, хочется узнать,
Что нам пришлось в дороге испытать.

До Вены добрались мы без печали;
А там три дня держали нас в подвале,

Пока о том какой-то пан узнал
И нам за деньги паспорт подписал.

А из Понтеббы всех нас в Грац* погнали,
Там три недели провозились с нами.

И в Стрый писали, и в Мосты, и в Кут*.
А нам сказали: «Ожидайте тут!»

Палаша с глазу умерла там ночью,
А лекарь объявил: «От худосочья».

Ивась, видать, от злого духа сник,
А лекарь снова: «Прикуси язык!»

Когда ж и Гриць с Оксанкою скончались, —
Нас отпустили: «Марш, куда напхались!»

До моря без беды мы добрались,
Да только там два ловкача нашлись

И вырвали у Баланды и Хмыза
По красненькой из-за какой-то визы.

Да на пути Юрков Антось отстал,
И нет его — наверное, пропал.

А в Генуе мы семь недель прождали,
На поле, в ямах, как цыгане, спали.

Проклятый край! Пришлось туго нам.
Всех лихорадок понабрались там.

Семь штук детей, Онищиха, Чаплиха
Погибли враз. Избавились от лиха.

И многим, зная, пришлось бы там пропасть:
Какой-то пани сдали нас во власть,

А ей король такую дал бумагу:
Держать нас здесь, пока все бабы слягут.

Крест божий с нами! Видно, то была
Лихая ведьма, порожденье зла.

И впрямь, у женщин этою порою
Одна болезнь сменялася другою.

Да бог наслал на эту злюку бич:
Попался нашим землячок-панич

И жалобу, залитую слезами,
Их королеве он составил с нами.

Всё рассказал: как нас горячка бьёт,
Как ночью ведьма кровь у женщин пьёт,

Как наши дети плачут, голодают,
Как сам король с проклятою гуляет...

И помогло. Всех отпустили враз.
И ведьма та ни с чем ушла от нас.

А как садиться на корабль мы стали,
То панича тотчас арестовали,

Как будто он — обманщик или вор.
Панич шепнул: «То — ведьмы наговор!

Молчите, мол, пока и вас не взяли!»
Молчим. А триста гульденов — пропали.

Без приключений пароход наш плыл,
Да только многим нехватило сил

И сгибло в море девять душ народу;
Бросали их, несчастных, прямо в воду.

Не дай нам, боже, видеть этой тьмы,
Как матери рыдали над детьми,

Когда их рыбы чёрные хватали
И на куски зубами разрывали!

В Бразилии мы тож хлебнули зла:
Нас лихорадка насмерть затрясла.

Три месяца бумаг мы ожидали
И шестерых в могилу закопали.

Пять хлопцев внаймы отдали гуртом,
А семь девчат пошли в известный дом.

От хлопцев что-то не слышать ответа,
Девчата ж рады: сыты и одеты.

Ну, что ж ещё? Здесь мало новостей.
Пять душ погибло от укуса змей,

Да по округе дикари блуждают,
Бьют наших и едят. Случись, и нас поймают.

А может, бог поможет нам подняться:
Нас было сорок — есть ещё семнадцать.

Жаль одного: по-украински тут
Молиться и балакать не даюг.

Нам в городе грозился Кандзюбинский:
«Nie wolno tutaj gadać po rusińskij!

Tu polski kraj i polski Bóg i król!
Po polsku gadaj albo gēbę stul!»*

Ну, что ж! Коли такое притесненье,
Пусть будет так! Уж, видно, нет спасенья!

Затем, прощайте! Известим мы вас
О всём, когда настанет лучший час.

НА ЗЛОБУ ДНЯ

ЖЕНЩИНА *

В пустыне дикой, где песок и зной,
Большая глыба мраморная стыла,
Отсвечивая снежной белизной.

И глыба блеском издали манила
Кочующие орды дикарей
И между ними ссоры пробудила.

И в каждом запылал огонь сильней,
И каждый к ней спешил, подобно вору,
Как бы увидя клад, других ценней.

Крылатый гений пролетал в ту пору,
В пустыне дикой он увидел бой
И прекратил убийственную ссору.

И приложил он к глыбе скипетр свой,
И, подчинив своей разумной власти,
Придал ей внешний вид совсем иной.

И развалилась глыба вдруг на части,
И статуя возникла — образец
Красот, богиня счастья и несчастья.

Все дикари — как бы один слепец —
Лицо закрыли и на землю пали,
Молились ей, хоть в глубине сердец

Огонь ещё пылал. И умоляли,
Просили ласки, и несли с собой
Дары, и ею овладеть желали.

И вскоре новый загорелся бой.
Но статуя в молчании суровом
Попрежнему сверкала белизной.

И не один, кого в чаду багровом
Израили, стеная, подползал
К той статуе, и с исступлённым рёвом

Ей в жертву кровь свою он проливал,
И тело разрывал кровавой дланью,
И, умирая, сердце отдавал.

Но статуя не знала состраданья.
И прочие, ярясь, стремились к ней
И мстили за жестокие деянья.

Её засыпали дождём камней.
Кровавой грязью закидали яро
Со всех сторон. Но пламенел сильней

В груди пожар, и пламени пожара
Не затушить. И увидал с небес
Всё это гений и продолжил чары.

«Час завершить сплетение чудес! —
Он произнёс. — Из мрамора богиня
Сотворена? Недаром не исчез

С земли раздор. Я из неё в пустыне
Создам живую женщину, вдохну
В неё людскую душу; и отныне

С божественных высот её столкну.
И сердце в грудь её вложу живое,
И в мозг вложу я мысли глубину.

Пусть муж найдёт её перед собою
Во всём с ним равною, и перед ней
Не молится, охваченный тоскою.

Пусть и она путём простых людей
Идёт с ним рядом, чтоб соединиться
Для горестей, надежд, труда, идей.

Хотя умоются слезами лица
И в сердце вспыхнут новых мук огни,
Зато блаженством век их озарится!»

И всё это он создал в наши дни.

О. ЛУНАТИКУ *

Иной поэт хихикает ехидно:
«Ты попросту работник, а не гений!»
Что мне дано, помимо тех глумлений,
За вечный труд мой? Горько и обидно!
«Без маски», стр. 6.

Я не гений, друг-приятель,
В чём признаться не стыжусь;
Просто — кстати ли, не кстати ль, —
Я по мере сил тружусь;
С плутовством и фарисейством
Я в сношенья не вступал;
Ни разбоям, ни злодействам
Никогда не потакал.
Средь достатков и лишений
Как прошёл свой долгий век,
Так иду теперь — не гений,
А обычный человек.

Но для гениев грядущих
Потрудясь немало дней,
Я в суровых наших пущах
Много выкорчевал пней;
Если на поле бывал я,
То вязал батрацкий сноп,
Если в печку хлеб сажал я,
То не для больших особ.
И в карманы рук не пряча,
Шёл я в самый снегопад.
Я не гений — и не плачу!
Ну, а ты чему так рад?

Если ж я стону от боли
И тоскую тяжело, —

Это оттого, что поле
Наше слишком заросло,
Оттого, что всем нам гадит
Фея глупой болговни,
И чтоб с ней, с поганой, сладить —
Нет героя в наши дни;
Оттого, что червь сомнений
Наше души подточил,
А у новых поколений
Нет притока свежих сил.

Я не гений, это верно...
Если б гением я был!
С этой дрянью, с этой скверной
Я бы в смертный бой вступил;
Я б рванулся буйным ветром —
На широкие пути,
К новым битвам, к новым жертвам
Я сумел бы вас вести!
Вашу совесть будоража,
Я б вам выпрямил хребты,
Я людьми бы сделал даже
Обезьян таких, как ты!

В ДНИ ПЕЧАЛИ

(1900)

В ДНИ ПЕЧАЛИ

* * *

В парке есть одна тропинка,
Где порой ходила ты;
Кажется, ещё остались
На песке твои следы.

Вот и та скамья простая, —
Ты сидела здесь не раз,
Здесь, в последний час прощанья,
Для меня твой луч погас.

И когда на сердце ляжет
Камень горя моего,
Закипят в душе вопросы:
«Нужно ль жить мне? Для кого?»

Я спешу на ту тропинку
И твой след ищу на ней,
И хочу вернуть твой образ,
Что с годами стал бледней.

На скамью гляжу со страхом,
Не мелькнёт ли тень твоя?
И сажусь и тихо плачу.
Тут Кальвария * моя.

25 августа 1899

* * *

Когда порой, в глухом раздумьи,
Сижу, угрюм и одинок,
Негромкий стук в окно иль в двери
Вдруг прерывает дум поток.

Откликнусь, выгляну — напрасно,
Нигде не видно ни души,
Лишь что-то в сердце встрепет, встает,
О ком-то вспомнится в тиши.

Быть может, там, в краю далёком,
Сражён в бою любимый друг?
Быть может, брат родной рыдает,
Склонясь на прадедовский плуг?

Быть может, ты, моя голубка,
Кого люблю и жду в тоске,
В тот миг меня с немым укором
Припоминаешь вдалеке?

Быть может, подавляя горе,
Ты молча плачешь в тишине
И капли слёз твоих горячих
Стучатся прямо в душу мне?

* * *

Где ни иду, что ни начну,
Всё тень твоя со мною,
И всякий раз веселья час
Подёрнут пеленою.

«Зачем — спросить её хочу —
Мне жизнь, как шашель, точишь?
Ты не моя, а я не твой,
О чём же ты хлопчешь?»

Чем я виновен пред тобой?
Или грустишь по мне ты,
Что тень твоя вокруг меня
Скользит, тоской одета?»

Но тень молчит, известно — тень,
Ни слова, ни полслова;
А может, это только тень
Умершего бывшего.

23 августа 1899

* * *

Нет выхода мукам!
Горит моя рана!
Пронзительным звуком
Струны теорбана *,
То бьющейся в скерцо,
То взвившейся стуком,
Наполнено сердце —
Нет выхода мукам!

Горит моя рана,
И нет исцеленья,
И дни прожитые
Не шлют мне забвенья,
Пусть солнце над нею
Цветёт неустанно,
Лаская и грея —
Горит моя рана!

Пускай далека ты,
Всё вижу тебя я
И горечь утраты
Опять ощущаю;
Пусть первые муки —
За дымкой тумана,
И холод разлуки,
И горечь обмана
Легли между нами,
Ты всё мне желанна, —
Любовь — точно пламя,
Горит моя рана!

1898

* * *

Мне сорок лет, мой век не весь прожит,
Меня пустая не влекла маммона.
Ужели же прошёл я свой зенит,
К закату стал спускаться неуклонно?

О, племя бедное, как плох на вид
Твой плод! Им похваляться — нет резона.
Куда как скоро твой померк болид,
Взять не успев могучего разгона!

Стыд и позор — да нечем пособить!
И лошадь не потянет через силу.
Пускай могли гиганты петь, творить,

Могли бороться, тешиться, любить
И в восемьдесят лет, — а нам в могилу
Дано под сорок голову клонить.

* * *

Опять рефлексии! Отбросим их!
Господский спорт. Копайтесь, белоручки,
Копайтесь, неврасстегики, в своих

Сердцах, своей мечты отребья в кучки
Сгребайте, чувств неуловимых мир
Улавливайте! Это ваши штучки!

А мы, плебен, жизни щедрый пир
Ценим, нам пресыщенье и не снится,
Забвения дурманящий эфир

Противен нам. Мы жить хотим, сразиться
С противником, мы битву любим, труд,
Хотим взаправду плакать, веселиться,

Любить и ненавидеть. Дух наш крут,
Не надвое расколот под корсю,
Нас кандалы традиций не гнетут.

Мы можем, утомлённые борьбою,
Упасть, свалиться, только не дана
Судьба нам — жить, борясь с самим собою.

Вот, посмотри! Как эта ночь ясна!
На небе звёзды круглые сверкают —
То вечности мерцает глубина!

Как тихо... За селом собаки лают,
И коростель кричит, а возле хат
Нетопыри во мраке пролетают.

Иль в себялюбья омуты гнилые,
Иль в нигилизм, в мистический застой,
Что бытием зовёт мечты ночные,

А жизнь, природу — всё зовёт мечтой.

ВОСПОМИНАНИЯ

* * *

Я вспоминаю прошлое своё
Без радости, зато и без печали;
Из жизни вынес я одно, — её
Счастливой я могу назвать едва ли.

Заботы знал я и тяжёлый труд,
Но без отрады дни прошли былые;
Как вол в ярме, я ведал только прут,
Одни влачил я тяжести чужие.

Хотя не гас огонь неяркий мой,
Но дым лишь шёл, а пламя не пылало,
И только искр во мраке реял рой.

Хотя меня сражение увлекало,
Но знамя слабой я вздымал рукой, —
И хоть я жил, но жил я слишком мало.

* * *

Пока со мною творческая сила
И не заглохла песня в тишине,
Как милая фиалка, что уныло
В пустынной увядает стороне. —

Хотел бы я полёт ширококрылый
Хоть раз ещё направить к вышине,
Воспоминая оживив, что скрыла
Судьбина злая на сердечном дне.

Я слышу их: они из той могилы
На волю рвутся, жгут меня огнём,
Унять их, подавить их — нету силы,

Но счастье, пережитое в былом,
Смогу ли вновь почуять каждой жилкой
И выплакать его — своим стихом?

* * *

Есть хуторок среди лугов и нив,
На взгорьи над шумливою рекою, —
Там, в хате, одинок и молчалив,
Я жил, и грусть моя жила со мною.

Там, с трёх сторон поляну окружив,
Шумел могучий бор. Ночной цорою
Был зов его протяжен и тосклив,
И эхо грусти стлалось над травною.

Пленял меня он тишиной своей,
Дыханьем свежим обещал отраду,
А листья говорили мне: «Развей

Воспоминания, что горше яду!
К природе-матери прильни и пей
Высокую, священную отраду».

* * *

В село ходил. На сердце гнёт тяжёлый
От тех картин лежит и до сих пор...
Все на работе, дети — босы, голы,

У хат толкутся; оглашая двор,
Младенец плачет, — мать далёко, в поле,
На лавке дед, и немощен, и хвор;

И кашляет, и стонет он от боли,
Но некому воды подать сейчас!
Не знаю сам — войти мне в хату, что ли?

Вхожу, в ней воздух кислый, словно квас...
Всё явственно нужду изобличает.
Сухой, как щепка, жёлтый дед Панас

Встревожился. «Кто дверь там отворяет?» —
«Свои, Панас!» — Он смотрит за порог...
«Ты, Ваня?» — «Я». — «Кхе-кхе... Вишь, по-
мирает

Старик Панас! Припомнил, видно, бог,
Что я всё жив, и вот зовёт в дорогу.
Да увольнению, знать, не вышел срок!»

Я рядом сел. «Дед! Надо б на подмогу
За лекарем послать». — В его глазах
Увидел я смятенье и тревогу,

И перед жизнью настоящий страх.
«Мне? Лекаря? Пора мне в гроб ложиться!
Подмога та — на кой она мне прах!»

Я вышел. Глядь — кума с кумсой бранится:
«Воровка, у соседей рожь крадёшь!» —
«А ты — колдунья! Чтоб мне провалиться!

Чуть ночь — чужих кроров доить идёшь!» —
Зачем же убежал я? Почему же
Мне их слова, как в сердце — острый нож?

И отчего мне стыдно стало вчуже?
Что жгло меня, всю душу возмутя,
Как будто вспомнил грех, убийства хуже?

А вон, у хаты, малое дитя,
Без матери, в дырявой рубашонке,
Хрипит, глазами круглыми светя...

Спешила мать и сунула мальчонке
Картошку в ручку, а мальчонка — в рот,
И подавился... Нет уже силёнки,

Синеют щёчки, взгляд застыл, вот-вот
Задохнется ребёнок! Подбегаю,
Схватил, встряхнул и так, как наш народ.

Привык, — слегка бедняжку ударяю
В затылок я, и вот передо мной
Лежит картошка. Радостно вздыхаю...

Но перепуганный мальчонка мой
Как закричит! И мать уже несётся
И смотрит: страсти! Что за пан чужой?

Сто лет ещё пускай прожить придётся —
И то не позабуду, как она
Ребёнка хватя, и мигом, как ведётся,

С ним в хату; как в меня — вражды полна —
Из глаз её метнулась искра злая;
Как буркнула: «И что за сатана

Без дела лазит тут, ребят пугая!
А, чтоб ты, чорт, башку себе сломал!
Не плачь, родной! Его уж прогнала я!»

Понурившись, я шёл и размышлял:
Зло за добро — не новая расплата!
Как с дёгтем мёд, её я смаковал.

Вот на пути корчма, грязна, космата!
Хоть день рабочий — в ней и гам и шум.
А перед нею сват утюжит свата.

«Ты кат, не сват!» — «А ты свинья,
не кум!» —
«Ставь штоф ещё!» — «Ставь сам, мне нет
расчёта!»

И так кожух я пропил наобум!»

Скорее прочь! Сплошные реки пота,
На зелье пережжённые огнём,
Народ тут пьёт, «была бы лишь охота».

Скорее прочь! Здесь темнота, содом,
Развал благополучья, гроб морали,
«Цивилизация святая» — кверху дном.

Как в крестный путь, едва побрёл я дале.
Правленье. Писарь. Росговщик-еврей.
Войт *, понятые и, застыв в печали,

Две бабы робко жмутся у дверей.
Накидан хлам от самого порога:
Кафтаны, хомуты, шлен. «Живей

Тащите подать! — раздаётся строго, —
Отдам залог! От ваших слёз, навряд,
Казне имперской пользы будет много!»

Скорее прочь! Куда глаза глядят!
Где б горя край забылся непочатый,
Где б душу в кровь мне не терзал разлад!

Вот поприще! Изволь-ка в эти хаты
Нести зарю добра и красоты!..
Мне чудится ребёнок простоватый,

Что море ложкой черпает. «Вот ты! —
Кричит в душе, — герой в смешной одежке,
Что океан лжи, горя, темноты

Надеется весь вычерпать по ложке!»

* * *

Вот барский дом! На взгорьи у села
Цветёт, как роза солнечного сада.
Вокруг немая тишина легла.

Столетних лип живая колоннада,
Зелёные газоны и цветник,
Боярышника пышная ограда.

Мой взгляд во двор сквозь изгородь проник:
Балкон, увитый диким виноградом,
Уснул в тени, как издавна привык;

К зеркальным окнам проползает садом
Дорожка, убелённая песком,
И цвет акаций опадает градом.

Отсюда вот недремлющим зрачком
Глядят в долину барские палаты, —
Кто с этим взглядом в сёлах незнаком?

Ведь всё, чем только дом и сад богаты,
Балконы, окна, дикий виноград,
Всё, всё кричит в оконца нищей хаты:

«Не смей дышать! Не уставай дрожать!
Клонись и гнись! Из ям сырых и темных
Тебе лица вовеки не поднять!

Пристанище рабов! Для подъярёмных
Волов жильё, берлога хамских рас,
Пристанище исчадий вероломных!

Их ценность лишь в святом труде для нас,
Их добродетель — в службе без разбора,
Пускай горят, чтоб наш огонь не гас!

Мы — церкви и отечества опора,
Цивилизации высокий цвет,
Культуры крепость, щит против раздора!»

Я молча отвернулся. Много лет
Прошло с тех пор, как граф наш именитый
Так говорил... Да только нынче свет

Совсем иной, и часть мечты сокрытой
Давно уж стала явью, но село
Словами теми, как плитой, прибито.

К нему дыханье жизни не дошло,
Оно прогресса вовсе не видало;
Зато «гнездо культуры», знай, цвело

И гордо соки из села сосало.

* * *

Привет тебе, мой друг, моя дубрава,
Наперсница моих любимых дум!
Всё, что в душе светло и величаво,
Вдохнул твой свежий и привольный шум.

В тиши прогалин, где чуть шепчут травы,
Гоня печаль, и я бродил, угрюм;
Среди цветов, достойных райской славы,
Мой окрылялся юношеский ум.

Под скрип дубов и веток колыханье
Слагались песни первые мои,
Тебе лишь слабое, пустое подражанье.

Когда ж весенних гроз цвели огни
И за вершиной рушилась вершина,
Ты прятала меня под ветками, как сына.

В ПЛЕН-ЭРЕ *

* * *

Матерь природа!
О, как хитра ты!
Сердцу открыла простор необъятный,
А жизнь замыкаешь ты в тесную клетку,
В самую тесную клетку.
Ты вечностью манишь воображенье,
Существовать же даёшь минуты,
Даёшь нам только минуты.
Ты в нас разжигашь
Дивный огонь, и желанье, и горечь,
И всячески после стремишься
Погасить, придушить, уничтожить
Порывы, которые разбудила.
Ты реальностью охлаждаешь чувства,
Вещественностью сжимаешь, как цепью,
Разочарованием обжигашь крылья...
Цинично, матерь, и немилосердно
Швыряешь всё, что светло и прекрасно,
Чем бы веками могла ты гордиться
Как шедёвром, —
Свиньям под ноги.

И неужто не видишь (пожалуй,
Миллионами своих очей
Смогла бы увидеть хоть малость!),
Сколько горя, никому ненужного горя,
Сколько муки, ничем не смягчаемой муки
Ты приносишь цинизмом таким
Самым лучшим, хорошим и нежным

Из творений твоих?
И неужто понять ты не можешь
(Но ведь мозг, тот, который годами
Создаёшь ты, казалось бы, должен
Сообразить кое-что!),
Что пора бы оставить былые шаблоны,
Годные для амёб * и протозоев *,
Эхинодермное * и миксомицетов *!
Что проявленная в них твоя
Экономия мотовства
Не годна для людей, для людских душ,
Как не годен осёл
Для игры на рояле.

Подумай, мать! На планете этой
Твой творческий
Окончен Sturm und Drang *;
Избыток сил, и соков, и тепла
Исчерпан весь, завершена навеки
Творческая твоя карьера.
Тот максимум, какой смогла создать ты --
То человек. Из всех материалов,
Какими ты располагаешь,
Как ни вертись,
Ты лучшего создать уже не сможешь.
Пора уже, как наш старинный Ягве*
(На что уж был и строг он, и скептичен!),
Сказать тебе: «Теперь я отдохну!»
Признать: «Вот это создала я толком!»
И постараться этому шедевру
Устроить настоящий рай:
Не груши, нет, не яблоки да фиги,
А рай в его душе,
Гармонию и чувств, и воли,
Идей и дел, познания и страстей.

Ах, мать, мать!
Ты нас столетья,
Тысячелетья водила за нос,
Манила в беспредельные пустыни
Фантомами бессмертья
И перспективами изобретённых
Радостей рая.
Ты заставляла нас за те фантомы

Морями кровь и слёзы лить.
Людей из-за них сжигали,
Давили колёсами грудь,
Горячие клещи живое рвали мясо,
И миллионы, миллионы душ
Терзались безысходной мукой.
И что ж, мы разобрались, наконец,
Что те фантомы — так-таки фантомы,
Не стоящие крови, мук, страданий,
Что это наши же созданья.
Так кошка в зеркале
До тех пор бездну видит,
Пока сама к стеклу не прикоснётся.

Триумф! Триумф!
За десять тысяч лет труда, усилий
Цивилизации — приходим под конец
Мы к той же точке, до которой кошка
Доходит в пять минут.
Увидев, что за зеркалом
Нет даже тени,
Мы логикой кошачьей рассудили,
Что бездны нет, и вообще
Нет ничего там, атом лишь, и миг,
Движение молекул.
И мы уже готовы наплевать
На все мечты, стремленья и желанья,
На бесконечные те перспективы,
Какие ты сама нам
Вложила в душу.
Уже готовы оттолкнуть с презреньем
И растоптать всё лучшее на свете,
Что ты дала нам в прошлом, мать,
Чем высока, свята и величава
Жизнь человека.

Смеёшься, мать?
Ты твёрдо знаешь: это невозможно,
Всё это лишь минутное сомненье,
Каких уже видала миллионы.
Ты твёрдо знаешь: мы — твои созданья,
Капризные, никчёмные созданья,
Быть может, слишком нервные, пожалуй,
Но всё ж твои, любимые тобою,

И мы должны любить тебя, родная!
Хоть любопытным глазом подглядели
Твои плохие, слабые места,
И маску святости сорвали прочь,
И розовой фантазии развеяв
Туман, каким ты укрывалась долго,
Вблизи узнали твой станок,
Узнали, как хозяйничаешь ты, —
Но за туманом розовых фантазий
Мы тысячи таких красот открыли,
Таких чудес, волшебств,
Что ум и сердце тонут в них, как в море.

И — главное, — что мы
Самих себя открыли!
Открыли нашу душу,
Раскрыли механизм своих идей,
Своих желаний, чувств и устремлений,
И там твою узнали руку, мать,
Твои законы.
И в снах пустых,
В иллюзиях извечных
Увидели такую же реальность,
Такие же явления, как в звёздах,
Как в шуме尼亚гары
И в скалах Гималаев.
И тут же, в собственном нутре,
Мы отыскали всё, что будто бы
Утратили во внешнем окруженьи:
Гармонию, и вечность, и безмерность,
И радужные краски идеала.

Пусть жизнь — мгновение,
Калейдоскоп мгновений,
Мы вечность бережём в душе;
Пусть жизнь — одна борьба,
Жестокая охота, —
А в сфере духа только разнородность!

Много звуков, много красок,
Много сил и устремлений,
Но, как в арфе многострунной,
Для всех струн один лишь строй.

Тон любой, любой оттенок,
Лишь одно мгновенье, лучик, —
Но в любом таком мгновеньи
Вечности алмаз горит.

* * *

Из далёких врат восточных
По пурпуровым коврам
Выезжает солнце в небо,
Словно царь вступает в храм.

И в моё окно взглянуло,
К моему придя двору,
И вспугнуло ведьму злую,
Неотступную хандру.

Эта ведьма до рассвета
Мой покой взялась стеречь,
Огравила злым дыханьем
Каждый шаг, и мысль, и речь.

С каждой вещью был я в ссоре,
Книга каждая была
Пьявкой, что без остановки
Мозг и кровь мою пила.

Что ни доблесть — то наивность,
Что ни друг — то злейший вор,
Что ни дума — то ошибка,
Что ни вспомню — то укор.

А когда моё сознание
Сон, как свечку, загасил,
Чар её и в сонном царстве
Одолеть не стало сил.

Всё, что я любил безмерно,
Всё, что изменило мне,

Все обманы и потери
Вновь припомнились во сне.

Молодые мои слёзы,
Словно розы, расцвели
На дорожках тех тернистых,
Где в былом они текли.

Молодая моя сила,
Словно нищенка в тряпье,
Всё ещё искала что-то
На заброшенной тропе.

Только вера молодая,
Как затоптанный костёр,
В кучу пепла превратилась,
В обгорелый, чёрный сор.

И пропали сразу чары,
Солнце хлынуло в окно!..
Я проснулся. Неужели
Я грустил не так давно?

Я ещё не стар! В сомненьях
Я не растерял души!
Поборюсь ещё с судьбою!
На, попробуй, задуши!

Я ещё не стар! Есть сила!
Ничего, что путь тернист.
Хоть хандра, хоть горе давит, —
Я ещё не пессимист!

* * *

Ходят ветры по краю,
Как хозяин счастливый,
Колосочки качая
На желтеющей ниве.

Бьют колосья поклоны:
«Дайте вёдра нам, братцы,
Чтобы нам без урона
До Петра продержаться.

Чтобы грады и грозы
Стороной пронесло,
Чтоб холодным и поздним
Ливнем нас не лобило,

Чтобы тучами злыми
Мошкаре не роиться —
Пусть питаются ими
Перелётные птицы.

Дайте зреть, наливаясь,
Изогнуться дугою,
Чтоб серпам разгуляться,
Чтобы песня — рекою.

Пусть для жатвы повсюду
Устоится погода,
Чтобы сельскому люду
Позабыть про невзгоды».

Ходят ветры по краю,
Как хозяин счастливый,

Колосочки качая
На желтеющей ниве:

«Только дайте нам сроку —
Будет ведро для хлеба,
Будет бедным дар с неба,
Только мало в том проку!

Ни холодным, ни поздним
Ливнем вас не побило,
Злые грады и грозы
Стороной пронесило.

Мошкарю поклевали
Перелётные птицы;
Но опять набежали
Три врага поживиться.

На кого ни наткнутся —
Хоть протягивай ноги;
Ведь враги те зовутся —
Долг, корчма и налоги.

И ползут сны в хаты,
Будто запах могильный, —
Мы врагов тех проклятых
Уничтожить бессильны!»

* * *

Ближе, ближе тучи с юга,
Точно войско тесным строем.
От знамён не видно солнца,
Барабаны за горою.

Барабаны за горою.
В воздухе играют трубы.
А сверкающие сабли
Тьму с размаха так и рубят

Тьму с размаха так и рубят,
Ослепляют блеском очи;
Стонет небо, стонут горы,
Только пушка загрохочет,

Только пушка загрохочет,
Понесутся пули стайей, —
Ты заплачешь тяжко, небо,
На побоище взирая!

* * *

Внизу, у гор, село лежит,
По-над селом туман дрожит,
А на взгорьи, вся черна,
Кузня старая видна.

И кузнец в той кузне клеplet
И в душе надежду теплит.
Он всё клеplet и поёт
И народ к себе зовёт:

«Эй, сюда, из хат и с поля!
Здесь куётся ваша доля.
Выбирайтесь на простор,
Из тумана к высям гор!»

А мгла-туман качается,
Под-над селом сгущается,
На полях встаёт стеной,
Чтобы путь затмить людской.

Чтобы людям стёжки торной
Не найти к вершине горной,
К этой кузне, где куют
Им оружие вместо дут.

* * *

Ой, идут, идут туманы
Над днестровскими лугами,
Как полки под знаменами,
Перед войском — атаманы.

Трубы к бою не скликают,
Не звенят стальные бр-сны,
Только хмурость навешают,
Вербы низко ветви клонят.

Только в мути тонут сёла
И, томя игрой пустую,
Дума — нищий невесёлый —
Ходит по миру с сумою.

* * *

Над широкою рекою
На скале крутой сижу
И, в мечтанья погружённый,
В воду быструю гляжу.
Валом волны, валом волны
Плещут, мечутся, блестят.
Вербы их листвою ласкают
И на солнце шелестят.

Тихо из-за поворота
Плот выходит за волной,
Свежей зеленью обвитый,
Пляшет, плещет, как живой.
Руль тихонько волны режет,
Не скрежещет, не скрипит;
Рулевой, как на картинке
Нарисованный, стоит.

Кто-то на плоту играет,
Песня громкая слышна,
И давно полны стаканы
Ароматного вина.
Блещут очи молодые,
Шутки, смех и шутки вновь...
Смех и песни. Здесь пируют
Радость, красота, любовь.

Я взглянул, и вздох тяжёлый
Поднимает грудь мою.
О, мечты мои былые,
Узнаю вас, узнаю!

Я вас часто с криком боли,
Со слезами догонял, —
Но, увы, на плот весёлый
Я ни разу не попал.

Нет, теперь уже за вами
Я не брошусь больше вслед!
Молодых пускай отныне
Радует мечтаний свет!
Смех, и музыку, и песни
Слышу, сидя на скале;
Вот исчез за поворотом
Плот, сияющий во мгле.

Погружён опять в мечганья,
Я гляжу на быстрину,
Вижу ласковые руки
Сквозь летящую волну...
Вижу я лебяжью шею,
Юного лица овал...
Ах! Ведь я её когда-то
В упоеньи целовал.

Вот она, она, чей образ
Стихнуть грусти не даёт!
Бедное бывшее счастье
До сих пор во мне живёт!
Смято! Стоптано! И в воду
Вне себя кидаюсь я,
Чтоб увидеть призрак счастья...
Сгнула мечта моя.

24 марта 1899

* * *

В дремоте сёла. За окном
Весёлый луч играет,
Но тянет с поля холодком —
Всё осень предвещает.

Темнозелёные сады
Стряхнули груз богатый,
И вербы гнутся у воды,
И молча дремлют хаты.

Речушка сонная течёт
Холодную струёю,
И все плетни и берега
Забиты коноплём.

Снопы, и скирды, и стога —
Как башни у дороги,
Стоят и берегут село
От горя и тревоги.

Вот пахарь в поле за сохой.
Идёт, как будто дремлет,
И под озимые хлеба
Распахивает землю.

Коровы, лёжа на жнивье,
Жуют траву сырую;
Пекут картошку пастухи
И у костра пируют.

Ещё не стонет чёрный лес
Осенним, долгим стоном,

Ещё стрелою ласточка
Летает над загоном.

Вокруг покой и тишина,
Как будто дремлет море, —
И кажется: глубоким сном
Уснуло злое горе.

...О, не буди его дождём.
Холодным ливнем, туча;
И ты, осенний ветер, спи.
Набегами не мучай!

Пусть отдохнёт усталый люд,
Забудется на время,
И сбросит с наболевших плеч
Забот и горя бремя!

Пусть он, страдая целый год,
Как вол, трудясь от века,
Хоть раз почувствует в себе
Живого человека.

И пусть, как жемчуг, для него
Заблещет на свободе
Хоть часть святой поэзии,
Что разлилась в природе!

* * *

Ночь. Вокруг мертво и пусто.
Там, в долине, город спит,
Мглою осеннею укрытый;
Только дальний гул копыт,
Грохот поздних экипажей
Осторожный ловит слух.
В тишине при лампе вольно
Расправляет крылья дух,
Прогоняя всё, что за день
Сердце прахом занесло,
Мысль засыпало живую,
В душу самую вошло.

Все тревоги будней шумных,
Рой забот, волненья след,
Все успехи и паденья,
И надежд опавший цвет,
Весь дневной, томящий морок
Растекается, как мгла,
Что над городом усталым
Тёмной ночью залегла.

И яснее с каждым разом
Глубь вселенская души,
Что-то, словно звон негромкий,
Возникает вдруг в тиши,
И гармония, рождаясь,
Поднимается, встаёт.
Словно в роще свисты птичьи
Ветка ветке подаёт.

И в воображеньи зыбком
Вырастает ряд картин:
В золотом сияньи горы,
Тень лиловая долин,
Серебристая речушка,
И скалистая стена,
Пыльный путь, как сходни в пропасть
Неизвестную, без дна ..

Улица... Дома укрылись
За оградами, в садах,
Тонут грядки в георгинах,
В астрах и в других цветах;
Вьются узкие тропинки,
Веет свежестью в лицо;
Виноградные сплетенья
Заслонили всё крыльцо.

Не глазами это вижу,
А в душе оно живёт,
Всё на крыльях нежных звуков.
Светов, запахов плывёт.
Чувствую моё творенье
Хоть создал его не я;
В нём души моей частица,
Хоть не в ней душа моя.
Чувствую, что в тех картинах
Плоть и кровь моя видна,
Что над ними я владычу,
Я — пловец, и я — волна...

И внезапно возникает
Из зелёных рам в окне
Облик тихий, облик женский,
Так давно знакомый мне.
Те же очи, где смешались
Пламень жизни и печаль,
Скорбь о юных днях, бесследно
Унесённых ветром вдаль;
Те же розовые губы,
На которых вмиг слова
Зацветали, как фиалки,
Чтоб кружилась голова;

Те же выгнутые брови,
Та же бледность нежных щёк,
Где румянец чуть приметен,
Словно в шахте огонёк,
Где играла редко радость,
Смех совсем не часто рос,
Где в печальные минуты
Видел я алмазы слёз;
Тот же, тот же лоб высокий,
Где скрывался ясный ум,
Где господствовала воля
Над толпою чувств и дум.

Промелькнул тот чудный образ
И уже исчез, маня,
Словно сильною рукою
За сердце схватил меня.
Сердце бедное трепещет,
Птицей рвётся из щелы,
Чтобы врезались в сознание
Те любимые черты.
Ни к чему! Тяжёлым градом
Нивы в прах обращены...
Над своим воображеньем
Неужель мы не вольны?

О, воскресни, рай мой тихий,
Где тоской томился я,
Радость бледная и мука
Назабвенная моя!
Моя роскошь, моё счастье,
Ад, придуманный лишь мной
Где познал я в горе — сладость,
В дрожи находил покой!

Всё напрасно! Не воскреснет,
Что легло навеки спагь!
Затянувшиеся раны
Не откроются опять.
Даже если горе злое
В тишь могильную сойдёт,
То и горе прахом станет
И травую порастёт.
Лишь подчас из той могилы,

Словно из зелёных рам,
Выглянет лицо, и очи
Улыбнутся снова нам;
Счастья луч мелькнёт, сверкая,
И исчезнет без следа —
А могло бы это солнце
В жизни нам светить всегда.

Только вспыхнет и погаснет!
Давней силы не вернуть,
Нет огня, и только вздохи
Тихо поднимают грудь.

ШКОЛА ПОЭТА

(По Ибсену)

Слышал ли ты, как вожаки
Медведя учат пляске?
Сначала на железный лист
Поставят без опаски.

И разведут потом огонь
Под тем листом не малый,
А скрипкой бередают в душе
Стремленье к идеалу.

Медведь ревёт, как будто страсть
В груди мохнатой тлеет,
А пятки голые огонь
Всё жарче снизу греет.

Ревёт медведь, звенит струна,
Насквозь его прогрело,
Он поднимает на дыбы
Своё большое тело.

А скрипка, знай себе, гудит,
И в подневольной пляске
То переступит левой сн,
То правой — без указки

Быстрее скрипка говорит,
Поёт, хохочет, плачет, —
Железо жжёт, а грузный зверь
Быстрее за скрипкой скачет.

Уже бедняге не забыть
До смерти той науки,
В его сознании слились
Огонь и скрипки звуки.

И так слились, что, лишь струна
Тихонько заиграет, —
Он в пятках чувствует огонь
И пляску начинает.

Не у одних медведей так!
В судьбе своей весёлой
Любой из нас, собрат-поэт,
Проходит эту школу.

Ведёт его ирония
Под бубенцы и скрипки,
Чтоб лапами он стал, скользя,
На поле жизни зыбкой.

Под ним костёр страданье жжёт,
Любовь смычком играет,
Он пляшет, бедный, и поёт,
От муки умирает.

А хоть и не умрёт — в душе
Сольются неразрывно
Страданья с музыкой любви —
А это ли не дивно!

Как только где услышит он
Слова любви святые,
Так пробуждаются в душе
Страданья неземные.

Горит под ним железный лист,
Весь мир — с углями бочка,
И поднимается бедняк
Не на дыбы — на строчки.

Ирония ведёт смычком,
Стучит костями чувство,
Поэт, рыдая, в пляс идёт,
И это всё — искусство.

SEMPER TIRO

(1906)

SEMPER TIRO

SEMPER TIRO*

Жизнь коротка, искусство бесконечно,
И творчество измерить не дано;
Ты опьяненье видел в нём одно.
Его считал забавою беспечною,
Но безгранично выросло оно,
Твои мечты и душу отобрало
И силы все берёт и всё же молвит: «Мало!»

Тобой же сотворённое виденье
Ты неким называешь божеством
И сушишь кровь, ему на прославление;
Твой мозг и нервов сок пред этим алтарём —
Как будто жертвоприношение;
Твой идол завладел, как подданным, тобою,
А сердце шепчет: «Нет! Сам будет он слугою».

Но шопоту не верь! Не доверяй богине
Поэзии! Она влечёт, манит, —
Ты музою пленён, но стал рабом стныне:
Она тебя всего опустошит
И прихотям своим навеки подчинит.
Не верь струне, поющей перед нами,
Что будем мы владеть стихами и сердцами.

Мечтой не возносись, в союз вступая с лирой!
Когда в душе теснится песен рой,
Служи богине честно и порфирой
Не думай заменять наряд простой...
Пусть песня драгоценна, словно мир, —
У жизни на пиру ты скромно стой
И знай одно — *poëta semper tiro* *.

СОНЕТ

Благословенна ты в женах, отрада
Людских сердец, дитя зари чудесной,
Труда и слёз сладчайшая награда,
Мой рай земной, моё мученье — Песня!

Царица, ты погрязшего в позоре
Возносишь к трону, окружая славой,
И в глубину лишений, грязи, горя
Ведёшь того, кто властвует державой.

Твоё дыханье всех людей равняет,
В алмаз блестящий превращает слёзы,
Твоё лобзанье души очищает:

Коснёшься ты — цветут на тёрне розы,
Очарованье бродит, легче грёзы,
И сердце молодит и опьяняет.

МОЕМУ ЧИТАТЕЛЮ

Безвестный друг! Полночною порюю
Сидишь ты, эти стрелки пробегаю,
Народной озабоченный судьбою
Иль собственную боль смягчить желая, —

И если вдруг хотя одно лишь слово
Проникнет глубже в грудь твою живую,
И, пробуждённая, душа восстанет снова,
В глазах огонь зажжётся, торжествуя, —

Благословлю тебя, чтоб, полный благородства,
Дошёл ты до кончины с сердцем смелым,
Чтоб ты не испытал духовного сиротства,
В жестокий век мне бывшего уделом...

17 сентября 1905

* * *

Склоны скрыты во мгле,
Все тропинки дымят —
Что за тень у тебя на челе?
Почему ты невесел, мой брат?

Как стремнина кипит!
Как поёт Черемош! *
Что-то тайное душу теснит,
И от дум никуда не уйдёшь.

И незнатный укор
Возникает в груди, —
Так вот коршун над гребнями гор
Накликает печально дожди.

* * *

Да, расстроена скрипка, расстроена!
Столько грубых, неопытных рук
Вынуждали чарующий звук, —
И волшебница мукой напоена.

Стонет хрипло, терзаясь аккордами,
И не в силах напев удержать...
Где тот мастер, что смог бы опять
Оживить её песнями гордыми?

КОНКВИСТАДОРЫ*

По седому океану,
По разгневанным волнам
Флог наш дерзостно стремится
К неизвестным берегам.
Плещут волны, гнутся мачты...
Вот желанная земля!
Заворачивай! Бок о бок!
Руль поставь возле руля!
Якоря кидай! По сходням
Все на берег выходи!
Становись в ряды немедленно!
Битва ждёт нас впереди!
Мы захватим город сонный!
Тишина, покой, рассвет...
Первый крик — призыв наш к бою,
Песня битвы и побед!
Перед приступом пускайте
Вы огонь по кораблям,
Чтобы знать, что нет возврата,
Нет назад дороги нам.
Дым всклубился! Плещет море...
Всё огнём заволокло...
И захлопал каждый парус,
Как горящее крыло.
Гнутся реи, брызжут искры,
Словно огненный ручей...
Снасть скрипит... Пылают мачты
Ярче пламенных свечей.
Что за нами — пусть навеки
Скроет жизненной золой!

Или смерть, или победа!
Вот наш возглас боевой!
Мир достанется отважным.
Трусость жалкую — к чертям!
Здесь — желанную отчизну
Кровь и труд воздвигнут нам!

26 июля 1904

ИЗ «ЛЕСНОЙ ИДИЛЛИИ»

Посвящение *

Микола, друг ты мой любимый,
Идеалист неисправимый!
Ты чары шлѣшь в мою обитель,
Екатеринодарский житель;
Как зов трембиты * на вершине
Для заблудившихся в долине,
Ты бросил слово резко, смело,
И сердце трепетно замлело:

«Из песен выбросьте, поэты,
Тенденциозные приметы —
И социальное звучанье,
И всенародное страданье,
И пререкания с толпою,
И громкие призывы к бою,
И споры мудреца и дурня,
И все гражданские котурны!
Ждѣм песен вольных и беспечных,
Добытых из глубин сердечных,
Где б современник наш усталый
Мог отдохнуть от жизни шалой».
Микола, ты лукавишь с нами!
Лишь мѣд твоими пить устами!
Бей беспощадно, как заразу,
Котурны, фальшь, пустую фразу!
Гони из песни их упрямо,
Как гнал Христос менял из храма!
Но не мечтай, отбросив фразу,
Что современник тут же, сразу
От всех печалей исцелится,
Как в будуаре модной львицы;

Что в чудодейственном растворе
Утопит он тоску и горе,
Наложит пластырь на печали,
Как в гарнизонном госпитале!

Нет, век не тот, не та година!
И наша песня — не перина,
И не больничное лежанье, —
Она вся — страсть, и вся — желанье,
И вся — огонь, и вся — трезвга,
И вся — борьба, и вся дорога,
Исканья, понски, погони
К заре на дальнем небосклоне.
Не думай, милый мой философ,
От бурь общественных вопросов
Уйди и, спрятавшись в заливе
Своей мечты, зажить счастливей!
Навряд ли в этих тихих водах
Есть пышный клад в алмазных сводах,
Тепло, и свет, и роскошь рая,
И радость без конца и края.
А вдруг в заливе том, как в яме,
Темно, и всё кишит червями,
А вдруг там горечь, и сомненья,
И все проклятья поколенья,
Неверья мрак и стон тягучий, —
Ну, как такой оценишь случай?
Должны ли смешивать поэты
Огонь Титана с влагой Леты?

Тем современен, что несчастен, —
Поэт к чужой судьбе пристрастен.
Он с целым миром делит горе
И сам подвержен всякой хвори.
Как в арфе трепетной Эола,
В нём голос гор и ветер дола
Звучит, поёт и не стихает:
В нём каждый ветерок играет.
А стихнет ветерка дыханье,
Звучит в нём скрытых струн дрожанье.
Тот звук негармоничен, друже!
Он нервы напрягает туже,
Он дразнит днём, в ночи тревожит,
Укором едким сердце гложет,

Он гонит вскачь, когда шагаешь,
Клянёшь его — и всё ж внимаешь.
Итак, не прилагай усилий,
Чтоб нас поэты мглсй укрыли,
Идиллий розовым туманом
И мистицизма океаном,
Чтоб оний в пищу насыпали,
Чтоб лёгкой песней развлекали!
Пусть правде, правде, правде служат!
И кто что в жизни обнаружит —
Любовь, несчастье, радость, муку,
Рыбёшку пёструю, гадюку,
Алмаз ли творчества блестящий,
Иль тёрн раскаянья язвящий,
Иль жемчуга восторгов скрытых,
Иль черепки надежд разбитых, —
Пусть обо всём стихи слагает,
Сочувствия не ожидает.
Оно придёт!

Слова — полова,

Но есть огонь в одежде слова —
Всё та же сказочная фея,
Живая искра Прометея.

Ноябрь 1900

НОВЫЕ ПЕСЕНКИ

ЦЕХМЕЙСТЕР КУПРИЯН

Осаждали город ляхи
Как-то, в дни Руины *,
Штурмовали укрепления,
Подводили мины.

А казаки и мещане
Тоже не дремали,
День и ночь со стен гремели
Пушки и пищаля.

Но цехмейстру Куприяну
Это надоело,
И товарищам по цеху
Стал внушать он смело:

«Полно, братцы, за стенами
Поджидать погоды,
Пусть увидят, что мещанство —
Не из той породы!»

Нападём на вражий лагерь
Из засады ночью!
Сгинем мы или развеем
Всех ляхов — на клочья!»

Так они и порешили,
Счастье им светило,
И развеяна по полю
Вражеская сила.

Счастье! Радость! Крики: «Слава!»
Собрались все вместе —
И сапожник, и пирожник,
Город и предместья.

И встречают Куприяна
С его молодцами
Как героя — вся дорога
Убрана цветами.

А на площади собрание:
Рассуждают здраво,
Чем такого Куприяна
Наградить по праву?

Одни молвят: «Кем он прежде
Был у нас? Цехмистром?
Значит, надо за заслугу
Сделать бургомистром!»

Говорят другие: «Враки!
Это не награда!
Пусть он будет комендантом
Пушечного склада!»

Третьи молвят: «Нет, панове,
Чтоб не знать изъяну,
Надо с дома по дукагу
Выдать Куприяну!»

«Ни за что! — ревёт собрание,
Яростно и зычно. —
За геройский подвиг — деньги?
Это неприлично!»

Снова споры, снова ссоры,
Так и сяк мнутятся;
Что услышат — одобрят,
А тайком смеются.

Наконец вскочил на лавку
Толстый и румяный

Бургомистр и восклицает:
«Славу Куприяну!

Дал нам мужа бог — рассеять
Вражеское войско,
Да не указал награды
За его геройство.

По дукату — мало платы,
Да и нам накладно;
А в начальники поставитъ —
Остальным досадно.

И пока он будет с нами,
Не видать покоя, —
Так моё, друзья и братья,
Мнение такое:

Мы его посадим на кол
Или же удавим,
А когда помрёт — оплачем
И святым объявим!

Под большим холмом зароем
Куприяна кости
И поминки править будем
На его погосте». —

«Славно! Славно! Эго дело!» —
Все заголосили,
А цехмейстра Куприяна
Даже не спросили.

СОВРЕМЕННАЯ СКАЗОЧКА

Есть сказка у народа:
Порой разлива рек
Свалился с моста в воду
Какой-то человек.
Он борется с теченьем,
Вода ему по грудь,
Кричит он, надрываясь:
«Спасите, кто-нибудь!»
А на мосту в то время
Стоит его сосед
И важно размышляет:
«Потонет или нет?»
И на его призывы
Твердит ему одно:
«Не тратьте, куме, силы —
Спускайтесь на дно!»

Эге! Таких соседей
Не два, не три, не пять
Нам в жизни то и дело
Приходится встречать.
Ты дни свои проводишь
В заботах и тоске,
В борьбе с нуждой ты бьёшься,
Как рыба на песке;
Сомненья мучат душу,
Одолевает мрак,
А тот, знай, критикует:
«Не то», мол, и «не так!»
А на твои печали
Твердит тебе одно:

«Не тратьте, куме, силы —
Спускайтесь на дно!»

Вот так народ наш бьётся
В течение многих дней,
Стремится к лучшей доле
Из вековых цепей.
А где-то на мосточках
Фальшивые друзья
Стоят и ждут — ужели
Помочь ему нельзя?
А больше с любопытством
Глядит такой сосед:
Уж очень интересно —
Потонет или нет?
И на мольбы и клики
Твердят они одно:
«Не тратьте, куме, силы —
Спускайтесь на дно!»

Но что там приключилось?
Не хочет он тонуть,
Он выбрался на берег
И не погиб отнюдь:
Но только под ногою
Нащупал твёрдый грунт,
Тотчас же с моста крики:
«Куда! Ведь это бунт!»
И мостик зашатался,
Как будто вихрь подул,
И все завывли хором:
«Спасите, караул!
Отчизна погибает!
Последний час пришёл!
Спасайте нам поместья,
И церковь, и престол!»

А если Немезида
Однажды, как на грех,
Заставит поменяться
Ролями тех и тех?
И ежели народ наш
Во весь свой станег рост,
А под ногами «этих»

Обрушится их мост?
И те, чьё лицемерье
Нам видеть довелось,
Узнают, как приятно
Промокнуть до волос?
Тогда уж на их вопли
Ответим мы одно:
«Не тратьте, братцы, силы,
Спускайтесь на дно!»

КАК ТАМ НА НЕБЕ?

Два святых отца однажды
Собрались за чаркой
И вдвоём сидели ночью
За беседой жаркой,

Перебрали всё, что было
Им кругом известно,
И от дел мирских, греховных
Перешли к небесным.

«Вот в писании не пишут
И не знают люди,
Что там праведным на небе
После смерти будет?»

«Не видано того глазом,
Не слыхано ухом...» —
Это, если молвить правду,
И темно, и сухо.

Вот и думаю я, отче, —
Прости меня, боже, —
То, к чему стремится каждый
И достичь не может,

Те святые мир и братство,
При которых люди
Воедино все сольются, —
Вот в раю что будет!»

Тут другой: «Ой, вы избрали
Скользкую дорогу!»

Вам социализм приснился,
Неугодный богу.

Нет, не может коммунизма
Быть на небе, отче,
Ибо личная свобода —
Дар превыше прочих!

Должен каждый жить, как хочет,
Избирать свой жребий,
И чтоб сам себе хозяин
Каждый был на небе!»

«Ой, отец! — промолвил первый, —
Впрямь, чудак вы истый!
Если посмотреть, вы бога
Впёрли в анархисты.

Если только людям волю
Бог на небе дал бы,
Безусловно он из рая
В тот же день удрал бы!»

Долго, долго препирались,
Ночь в окно глядится.
Этот — равенство, тот — братство,
Где тут сговориться?

Молвил первый: «Так, пожалуй,
Век мы не споёмся!
Лучше мы сейчас друг другу
Свято поклянёмся:

Кто сей свет покинет раньше,
В раю водворится,
Через три дня тот обязан
Другому присниться,

Рассказать, как там на небе,
Что нас ждёт за гробом».
Поклялись — и спать сейчас же
Поплелися оба.

ТРАГЕДИЯ АРТИСТКИ

Был дивный май. Цвела сирень
И розы у веранды...
Под звоны цитры целый день
Плыл голос панны Ванды.
Он от старанья стал глухим,
Но панна тянет всё же:
Цидрим-цим-цим! Цидрим-цим-цим! —
Всегда одно и то же.

Вот время жатвы. Жнец идёт
Под вопли музыканта.
В грозу и дождь, но — знай — поёт
На даче панна Ванда;
Весь день поёт, а вслед за ним
И ночь, людей тревожа:
Цидрим-цим-цим! Цидрим-цим-цим! —
Всегда одно и то же.

Капусту рубят. Убран сад.
Всё так же — не иначе —
Певица бедная поёт
В саду на старой даче.
То с криком пьяным, то с густым
Набатным звоном схоже:
Цидрим-цим-цим! Цидрим-цим-цим! —
Всегда одно и то же.

Мороз и ветер. Снег кругом
Поляны покрывает;
А кто-то в доме нежилом
Бренчит и налеват.

Стал голос хриплым и глухим,
Но панна тянет всё же:
Цидрим-цим-цим! Цидрим-цим-цим! —
Всегда одно и то же.

Пять дней метель секла стекло,
А на шестой устала;
Всю дачу снегом замело,
И Ванда замолчала.
Но дух её неукротим —
Поёт на смертном ложе:
Цидрим-цим-цим! Цидрим-цим-цим! —
Всегда одно и то же.

Промчались многие года!
Всё поросло крапивой,
И не осталось и следа
От дачи несчастливой.
Лишь стонет ночь над местом злым —
Мороз дерёт по коже:
Цидрим-цим-цим! Цидрим-цим-цим! —
Всегда одно и то же.

Так почему ж не спит душа,
Печальна и уныла?
О чём покойница скорбит, —
Отца ли, мать убила?
И почему всегда с одним
Романсом выступает?
Цидрим-цим-цим! Цидрим-цим-цим! —
Других она не знает.

НА СТАРЫЕ ТЕМЫ

* * *

Не льпо ли ны бяшетъ, братіе?..

Не пора ль начать нам, братья, слово,
Слово скорбное в глухое время,
Не брэнчать, как дети, а пред всеми,
Как мужчины, выступить сурово?

Снарядим мы слово для похода
Не на половецкие равнины, —
В тайные сердечные глубины,
Где куётся будущность народа.

Мы потопчем там полки поганных,
Что летят к нам в душу, как тревога,
Сыплют жар из огненного рога,
Нож переворачивают в ранах.

Справимся с неправдою тяжелой,
С той, что малый грех в большой вменяет,
Брата братом злобно угнетает,
Чтоб с врагами сесть за пир весёлый.

Разве мало мы в цепях стонали
И друг друга пожирали мало?
Разве мало толпами нас гнали,
Мало в одиночку умирало?

* * *

*Блаженъ мужъ, иже не идетъ
на совѣтъ нечестивыхъ.*

Блажен тот муж, что на суде неправых
За правду голос смело поднимает
И без боязни в сонмищах лукавых
Уснувшее сознание пробуждает.

Блажен тот муж, который в дни невзгоды,
Когда молчит у самых чутких совесть,
Хоть криком будит спящие народы
И открывает правду им, как новость.

Блажен тот муж, который в яром геме
Стоит, как дуб среди грозы, упорно,
Не вступит в сделку подлую с врагами,
Сломается — не склонится покорно.

Блажен тот муж, хотя о нём злословят,
Преследуют, грозят побить камнями;
Враги его триумф ему готовят,
Своим судом себя осудят сами.

Блаженны все, кто говорит открыто
Всегда, когда о правде речь заходит:
Пусть будет имя их в веках забыто,
Всё ж кровь их — кровь людей облагородит.

* * *

Гласъ вопіющаго во пустыни.

Я в чистом поле убирал пшеницу,
Перед женитьбой за три дня как раз,
И в полдень сел под дубом подкрепиться,
И словно вспыхнул вдруг в душе алмаз.

И я услышал голос несказанный,
Который чувствует душа одна,
Чуть внятнѣй слуху, полный силы странной,
Всю душу мне он взволновал до дна.

«Ещё когда ты в чреве жить не начал,
Когда не появился ты на свет,
Уже я знал тебя и предназначил
Нести царям, народам мой завет».

И молвил я: «Кто я такой, о, боже!
Мужик убогий, парень молодой!
Кого простою речью я встревожу?
И кто, признав, последует за мной?»

Ответил голос: «С этого мгновенья
Ты мой. Про всё, чем раньше был, забудь!
Доверься силе моего внушенья
И всё покинь, и отправляйся в путь.

За то ж, что моего не принял слова,
Знай: никого им не затронешь ты;
Как не пробьѣт стрела щита стального,
Так словом будешь бить в сердца-щиты.

Глагол мой будешь ты метать на ветер,
Ты будешь проповедывать глухим;

Не приютит тебя никто на свете,
Что ты похвалишь, — будет слыть плохим».

И молвил я: «О господи, я грешный!
Иль все грехи я искупить могу?
На этот подвиг, трудный, безуспешный,
Ты призываешь своего слугу?»

Ответил голос: «Промысел господень
Неведом! Избран ты не за вину,
И не останется твой труд бесплоден,
Я сердце сильное в тебя вдохну.

Твоими буду говорить устами
Для всех народов и для всех веков,
И за тобой тернистыми тропами
Я поведу всех избранных борцов.

Тобой я научу их отрекаться
От благ житейских для высоких дум,
Лишений и насмешек не бояться,
И к светлой цели направлять свой ум!

Перстом своим я уст твоих касаюсь,
И мой глагол зажгу в тебе огнём,
И утончу твой слух, чтоб, откликаясь,
Ты слышал голос мой, как с неба гром».

Я ниц упал. «О, внимлю, боже, внимлю!»
Я бросил серп в колосьях золотых,
Невесту кинул, отческую землю,
И больше никогда не видел их.

* * *

Се у Римъ кричать подъ саблями половецкими.

Полночный крик звучит среди степных раздолий.
Иль это родичи рыдают по родному?
Иль раненый зовёт на помощь в чистом поле?
Иль плачут сироты об их жестокой доле
Без матери-отца, без хлеба и без дома?

Неведомый певец похода удалого...
Тетивы вместо струн натянуты, багряны,
Он будит воинов от сна их векового
И храбрые полки зовёт на битву снова
«За землю русскую, за Игоревы раны».

Давно забытые, в степи стоят могилы,
Спит Игорь-князь и с ним дружина удалая;
И лишь в словах певца гремят былые силы,
Столетия протекли, дремотны и унылы,
А кровь из русских ран течёт, течёт, пылая.

* * *

Жены русскія всплакошася

Где не лилися вы в нашей бывальщине —
Днями, в ночи, спозаранок —
То ль в половечнине, то ли в князёвой удалщине,
То ли в казачнине, в ханщине, в панщине, в бар-
щине —

Слёзы-моря россиянок!

Сколько сердец разрывалось, рыдаючи,
Скольких сломили страданья!
Как же их мало таких, что окрепли, страдаючи,
Песни слагали, в бессмертных словах изливаючи
Тяжкие эти рыданья!

Слушаю, сёстры, напев ваших жалоб несытых,
Слушаю, скорбно тоскую:
Жизней-то сколько разбитых, годов недожитых,
Сколько могил позабытых, слезами омытых.
На одну песню такую?

АНТОШКЕ П. (АЗ ПОКОЙ)*

*Аще и языки апел: сими глаголю,
любве же не имамъ, кся ми стъ
польза?*

Диалект или язык? Ну, снова
Начались раздоры и резоны!
Нет вопроса более пустого
Там, где речи просят миллионы!

Миллионы рвутся к лучшей доле,
Чтобы жить свободно, без указки,
Ну, а нам-то, вместо воли, что ли,
Дождаться ласки от Параски?

Если брат голодный терпит муки,
Будешь ли ты мирно ждать, покуда
Принесут серебряное блюдо,
Иль простое сразу схватишь в руки?

Если в речке тонет мать родная
И кричит тебе: «На помощь, детка!» —
Тратить время, лодки ожидая,
Или протянуть на помощь ветку?

Диалектом или хоть жаргоном
Назови ту ветку иль посуду,
Но ведь он звенит неугомно
В миллионах, вечно и повсюду.

Наш язык — среди других гонимый,
Может, польский или чешский краше, —
Но он служит Матери родимой,
Значит, в нём и упованье наше.

У других всё мило да пригоже,
Тут атлас, там бархат, — всё в порядке,
Ну, а мы на их добро не падки,
Нам своё, бедняцкое, дороже.

Мы бедны, как лошади в неволе,
Но зовёт, зовёт родная нива.
Диалект, жаргон — не всё равно ли,
Жить бы нам богато и счастливо.

Диалект, а мы его надышим
Мощью духа нашего, любовью,
И в историю культуры впишем
Наше слово — животворной новью!

* * *

Лисицы брешут на черленя щиты.

Вышла в поле русских сила,
Поле стягами укрыла;
Стяги, словно маки, рдеют,
А мечи, как искры, тлеют, —
Да не тлеют, искры крешут,
А лисицы в поле брешут.

Вышла в поле русских сила,
Вольных братьев не душила,
Бедняков не разоряла,
Злые орды отбивала,
Что при жизни гроб нам тешут, —
А лисицы в поле брешут.

Мы чужого не желаем
И своё не уступаем,
И не пень мы деревянный,
Чтоб терпеть и стыд, и раны,
Пока граблями нас чешут, —
А лисицы в поле брешут

На тот славный щит червонный,
Как брехали во дни оны,
Как щитами русских сила
Степи перегородила,
Словно пламенем до края
Степи сплошь переметая,
С одного пройдя размаха!

Задали ж лисицам страху
Те щиты! Поныне снится
Им, как шли с врагами биться

Непокорные казаки,
Удалые гайдамаки,

Что свободу добывали,
Что за правду умирали,
И прошли, как крови море,
Как пожар в степном просторе,
Сквозь бывшее Украины..

Даже слабый знак единый,
Даже тень их дел донине
Страшны вражеской гордыне,
Что зубовой сеет скрежет
И на щит червонный брешет.

* * *

*На р'ьках вавилонскихъ,
тамо с'ьдохом и плакахомъ.*

На реке вавилонской — и я там сидел,
На разбитую лютю в печали глядел.

И ко мне неустанно взывал Вавилон:
«Спой хоть что-нибудь нам! Про Фавор!
Про Сион!»

«Про Сион? Про Фавор? Петь не станут уста.
На Сионе — тюрьма! Ширь Фавора — пуста!

Лишь одну теперь песню могу я пропеть:
Я рабом родился, чтоб рабом умереть.

Я на свет появился под посвист бичей,
Родился от раба я, в стране палачей.

Я привык к унижениям, из году в год
Улыбаясь тому, кто терзает мой род.

И с младенческих лет мне наставником стал
Пёс, что бьющую руку покорно лизал.

И хоть ростом я — кедр, увенчавший Ливан,
Но увяла душа, как ползучий бурьян.

И хоть слово гремело мое иногда —
То был гром жестяной, что не бьёт никогда.

И хоть пламень свободы в душе не ослаб,
Но в крови моей — раб! Но в мозгу моём — раб!

Хоть оков не ношу на руках, на ногах —
В каждом нерве таится невольничий страх.

И хоть вольным зовусь — точно раб, спину гну,
И свободно в лицо никому не взгляну.

Я любому шуту подчиняюсь и лгу,
Правду в сердце, как свечку, гасить я могу.

Хоть работаю много — и ночью и днём,
Всё как будто тружусь на господском, чужом.

И хоть эту работу люблю — тем больней,
Что, как раб к своей тачке, прикован я к ней.

И, добро накопив, не умею им жить:
Должен, будто чужое, его сторожить.

В жизни с кем ни сойдуся — подчиняюсь ему,
Сам себе тяжелейшую долю возьму.

И хоть изредка бунтом вскипает душа,
Чтобы путы порвать, вольной грудью дыша, —

Ах, не тот это гнев, что рождает борьба.
Это низкая злость да брюзжанье раба.

Вавилонские жёны, встречаясь со мной,
Отвернитесь, пройдите скорей стороной!

Чтоб не пало проклятье моё на ваш плод,
Чтоб рабов не рождал вавилонский народ.

Вавилонские девы, страшитесь меня,
Сожаленье из юного сердца гоня!

Чтоб страшнейшая вас не постигла судьба,
Жесточайшая доля — влюбиться в раба!»

ИЗ КНИГИ КААФ*

* * *

Во сне забрёл в долину я: на дивѣ
Легко дышалось мне в долине той,
Я не шагал — парил неторопливо.

Вокруг цвела весенней красотой
Природа, благовонием омыта,
И пели птицы где-то надо мной.

Вдали на склонах серебрилось жито,
Дремучий бор долину обступил.
Всё было здесь загадкою покрыто.

Внизу луга, с них ветер доносил
Такой прекрасный запах, что, казалось,
Росла душа в приливе новых сил.

То запахи цветов, что раскрывались
Во множестве, чудесных форм, каких
Садовникам растить не удавалось.

И возле тех соцветий огневых
Я услышал — напев от них исходит,
Нежней, чем прядь волокон дымовых,

И девушки среди цветов проходят,
Все в белом, все в уборах и венках;
Одна другую за руку приводит.

У всех корзинки лёгкие в руках,
И каждый стебель зорко охраняют,
Лелеют, освежают на грядках.

Не рвут цветов певучих, но срывают
От каждого растения листок
И бережно в корзинки собирают.

Я их забавы объяснить не смог,
Спросил: «Скажите, девушки, на что вам
Листва? Быть может, в ней целебный сок?»

Одна сказала: «К празднику готовим.
Не на лекарство этот лист пойдёт;
Нет, он предназначенся здоровым.

Но кто к устам листочек поднесёт
И сок его распробовать сумеет,
Тому блаженство в сердце снизойдёт;

Тот навсегда душою осмелеет,
И взор его веселье прояснит,
И все заботы разметёт, развеет.

Отчаянье и скорбь твою умчат,
Ты станешь, как дитя; хоть на мгновенье
Всё существо твоё преобразит.

Будь круглым сиротою, уваженье
Найдёшь, найдёшь счастливую любовь.
Кааф мы называем то растение!»

Ушла. Но две напоминают вновь:
«А ты не рад отведать зелья соки
И дать друзьям целительных листов?»

Иль будут так же все у вас жестоки,
Горды и чёрствы, как и много лет?»
И стал я рвать волшебные листочки.

Прошу отведать! Вот вам мой букет!

* * *

Пойми, поэт, на жизненном пути ты
Заветный жемчуг — счастье — не найдёшь,
От гроз и ливней не найдёшь защиты.

Пойми, поэт, что испытываешь ложь,
Все муки бытия, все униженья,
Пока до светлой цели добредёшь.

Пойми, поэт: лишь в сфере сновиденья,
В стране иллюзий и мечты — твой рай,
Твой гений — только действие внушенья.

Пророческий твой дар — не забывай —
Затем, чтоб край заветный указал ты,
Но сам туда не внидешь невзначай.

И с чутким сердцем для того возрастал ты,
Чтоб всем в день скорби облегченье нёс,
Чтоб в горе слово тёплое сказал ты.

Но если горе над тобой стряслось,
Скрывайся! Ближний не протянет руки
И не отрёт твоих кровавых слёз.

Но ты не думай, что рождён для муки.
Твоё блаженство — творческая страсть,
Твой меч, и щит, и счастье — лиры звуки.

Пусть мир тебе твою не отдал часть,
Найдёшь в душе своей удел высокий:
И правду величайшую, и власть.

Потёмки обходи тропой далёкой,
Весь мнимый блеск, триумф недорогой,
Всё, что погрязло в низости глубокой.

И сохраняй всегда над головой
Венок бессмертный чистоты и ласки,
И будь простым, как ландыш полевой.

На маскарад мирской иди без маски,
На торжище глумления, мой друг,
Бери с собой фонарь из старой сказки:

Он скроет тело, но проявит дух,
Явлений тёмных прояснится масса.
И будь ты людям не судья, а друг,

Зерцало обновленья. *Guarda e passa* *.

* * *

Гуманным будь, — любви источник чистый
Клади своей гуманности в основы,
И гордостью холодной не сквернись ты.

Гуманным будь не так, как богословы,
Что мерою чрезмерной долг свой мерят,
Грозят ослу и охраняют львово,

И братьями зовут лишь тех, кто верит
В законы их, в предание и чудо,
На «блага рая» жадно зубы щерят

И цедят муху, чтоб пожрать верблюда.
Люби не всех — то было б свыше меры,
Но не желай соседям зла, ни худа.

Не всякий слух заслуживает веры;
Для лжи и фальши — палку припасай
И живодёрам ставь всегда барьеры.

Не нервничай и пальцы не ломай —
Порой кошачья флегма лучше жеста;
Злых берегись, льстецам не доверяй,

А дармоедам повторяй: «Нет места!»

* * *

Одета с элeгантной простотою,
Ты так надменно смотришь на блудницу,
Что мысль одна — назвать её сестрою —

Тебя заставит тяжко оскорбиться.
Ты честная! Но юность, увядая,
С двадцать восьмой весной, как прежде,
мчится

Бесплодно. Ты идёшь, как неживая,
Близ родников житейского волненья,
Свои уста презрительно смыкая.

Чего ты ждёшь? Какого возрожденья?
Весна бесповоротно миновала.
Пусть ты горда, но связаны движенья,

Тебя тоска цепями оковала,
Тебе под сердце горечь подступает,
Как день осенний, плачущий устало.

Ведь это зависть сердце разъедает?
Идёшь, и словно бы не замечаешь
Пропадающую — но в жар тебя бросает...

И ночью ты в подушку зарыдаешь!

Ф. Р.

О, девушка, ты — камень драгоценный,
Заброшенный в болото, позабытый,
Но и в грязи хранящий блеск нетленны!

Я вновь гляжу с печалью неизбытой:
Ведь ты чудесный клад очарованья,
Бессмысленно растоптанный, разбитый!

Твоей крови бунтующей пыланье
Напоминает времена былые,
Когда не смели сковывать желанье.

Певица некогда в Александрии
Такая же по улицам бродила
Под именем Египтянки Марии.

И так же, как и ты, она твердила:
«Богат иль беден, — каждому я рада!
Я всех люблю! Иди, я дверь открыла

Твоим желаньям! Денег мне не надо,
Огонь безмерный сердце опалает,
Я всех принять в свои объятия рада!

Чей сон тоска ночная пожирает,
Кому весельем не с кем поделиться,
Кто в пламени страстей своих сгорает,

Кто спину гнёт, обязанный трудиться, —
Сюда, ко мне! Я дам мечту о рае,
Со мною счастье хоть на миг приснится!»

Я вновь и вновь тебя благословляю:
Уста и взор, пленительно-огнистый,
Горящий ярко, как звезда ночная,

Твой звонкий смех, прегрешный и пречистый,—
Хоть знаю, бездны горя он от взгляда
Скрывает пеленою серебристой.

Я не стыжусь существовать средь ада,
Сгубившего тебя в кромешной яме,
Со всею мерзостью его: так надо,

Чтобы разрушить стену между нами,
Чтоб встретиться смогли мы, насладиться
И разойтись неверными тропами.

Ещё не раз твой образ мне приснится,
Ещё не раз я вспомню имя милой
И прошепчу печальными устами

Благословенье! Всюду, где ступила
Твоя нога, пусть радость там сияет,
Пусть смех звучит, хоть сердце и остыло.

О том не думай, что нас ожидает!
Не жди того, чего уж нет на свете,
А смерть в свой час любого повстречает.

В глухой трущобе, в светлом лазарете,
В своей постели — всем одна дорога!
Не ехать дальше ни одной карете.

Так прочь печаль, и в сторону тревога!
Сей радости, лелей мечты хмельные,
И грусть гони от своего порога

По образу Египтянки Марии.

20—22 марта 1904

* * *

Уж полночь. Темень. Стужа. Ветер воеет.
Я весь продрог. И выпало из пальцев
Перо. И мозг усталый отказался
Повиноваться. И в душе — затишье,
Ни мысль, ни чувство, даже боль — ничто
Не шевелится в ней. Притихло всё,
Как будто в зарослях гнилой прудок,
Чью воду тёмную не шевелит
Вздох ветра.

Но постой! А это что?

Или утопленники там со дна
Встают, из волн зловонных простирая
Распухшие в зелёной тине руки?
И голос слышен, вопль, рыданья, стоны, —
Не настоящий голос, но какой-то
Далёкий вздох, тень голоса живого,
Лишь сердцу еле слышный... Но как больно,
Как больно мне!..

«Отец! Отец! Отец!

Мы — света не увидевшие дети!
Мы — не пропетые тобою песни
Безвременно погибшие в трясине!
О, глянь на нас! О, протяни нам руку!
Зови на свет нас! Дай скорее солнца!
Там весело — зачем же здесь мы чахнем?
Там хорошо — зачем мы гибнем?»

Нет, вы на свет не выйдете, бедняжки!
Нет, вас уже не вывести мне к солнцу!
Ведь я и сам лежу здесь в тёмной яме,
Ведь я и сам гнию, к земле прибитый,
А с диким хохотом по мне топочет.

Бьёт в грудь мою жестокая судьбина!
И слышно вновь: «Отец! Отец! Отец!
Нам холодно! Согрей нас! Лишь дохни
Теплом из сердца и повея весною,
Мы оживём, вспорхнём и заиграем!
Весенним ветром, пеньем соловьиным
Войдём в твою печальную лачугу,
Мы аромат Аравии на крыльях
Внесём и, словно коврик пышноцветный,
Расстелемся и ляжем под ногами!
Лишь дай тепла нам! Сердца! Сердца!
Сердца!»

Но где ж я вам тепла возьму, бедняжки?
Уста мои окованы морозом,
А сердце — лютая змея сглодала.

* * *

Как голова болит!

Я пробегаю
Усталыми глазами по страницам
Поблѣкшим, жѣлтым рукописи старой,
В мозгу же словно паутину ткѣт
Паук, иль фокусник пускает в тьму
Пурпуровые, синие ракеты
И огненною мельницей вертится,
Показывая вдруг в бенгальском свете
Виденья дикие, что с пожелтевших
Страниц срываются, как будто листья
С деревьев в стужу, осенью...

«Пришѣл
Святой Матфей в столицу людоедов,
Где у народа был такой обычай:
Не ели хлеба, не пили воды,
А только ели мясо человечье
И пили кровь. И если чужестранец
В нх город попадал, его тотчас же
Хватали, ослепляли и поили
Отравным зельем и в тюрьму бросали,
Давали есть ему траву степную».

И рукопись из глаз моих исчезла,
Я страшную историю читаю
В своей душе: как сам попал я в город —
Да будет проклято его название! —
И напоили там меня отравой,
И выкололи мне глаза, чтоб я
Не видел, кто меня за что-то вяжет,
И как я вместо хлеба долго-долго
Питался дикой порослью иллюзий.

И, ослеплённый, я в тюрьме рыдаю,
Но не о том рыдаю, что пропало:
Не о свободе, — не была и прежде
Она свободою; и не о счастье,
Что лишь во сне являлось и дразнило.
Рыдаю я о том, что, низведён
До положенья твари травоядной,
Не потерял я разум человека.

Но вот бренчат ключи, скрипят засовы,
Гремят шаги всё ближе, — входит стража.
И кто-то резко дёрнул за верёвку
И смотрит на табличку, что к рукам
Моим привязана: «Держать ещё три дня
И после вывести его».

Ушли.

Но мне не страшно. Что ж, три дня! Могли
И сразу взять.

А может... может, там,
Далёко где-то, там, за Чёрным морем,
Надулся белый парус на фелюге,
И в ней сидит спаситель мой, он чудом
Переплывёт чрез бездну и войдёт
Сегодня ночью в мрачную темницу,
Мне зреньё возвратит и скажет: «Встань
и выйди!»

Эге, в легендах только так бывало,
Да не теперь! Нет, не надейся больше!
Молчи и жди!

* * *

Когда б ты знал, как много значит слов ,
Исполненное нежной теплоты!
Как лечит раны сердца, чуть живого,
Участие, — когда бы ведал ты!
Ты, может быть, на горькие мученья,
Сомкнув уста, безмолвно не взирал,
Ты сеял бы слова любви и утешенья,
Как тёплый дождь на нивы и селенья, —
Когда б ты знал!

Когда б ты знал, как беспощадно рагит
Одно лишь слово зла и клеветы,
Как душу осквернит оно, обманет
И умертвит навек, — когда бы ведал ты!
Ты б злость свою, как будто пса цепного,
В тайник души израненной загнал,
Доброжелательства не испытал людского,
Ты б всё ж в укор не бросил злого слова, —
Когда б ты знал!

Когда б ты знал, как много бед скрывается
Под маской счастья, обращённой к нам,
Как много лиц весёлых умывается
Горючими слезами по ночам!
Ты б взор и слух свой обострил любовью
И в море слёз незримых проникал,
Их горечь собственной смывал бы кровью,
И понял страх людей и жизни их условия, —
Когда б ты знал!

Когда б ты знал! Но ветхо знанье это;
Нет, надо сердцем чувствовать живым!

СТРАШНЫЙ СУД

Ну, а вдруг всё это правда,
Что попы в церквах гнусавят,
И меня по смерти ангел
Перед господом поставит?
Бог усядется на троне
В блеске бурь, в громовом рыке,
И четыре края света
В ноги упадут владыке, —
Заревут на небе трубы,
Потрясутся все основы,
Мертвецы из гроба встанут,
К обновлению готовы, —
И всё то, что с дней творенья
Духом наполнилось крылатым,
Всё поднимется, не сгинет
Ни один мельчайший атом...
И потянутся, как тучи,
Люди в небе, к паре пара,
И воздастся полной мерой
Плата добрым, злему кара...
И откроются все тайны,
Древние и молодые, —
Перед явностью такую
Дрогнут самые святые...
И не только тварь любая,
Зансво любое слово,
Помышленье и деянье
Оживут тогда, и снова
Силу обретут и голос
И, в едином войске слиты,
Как свидетели предстанут —
Обвиненья ли, защиты?..

Что ж, на судбище такое
С этим войском бесконечным
Я прибуду, слабый, грешный,
Чуя трепет перед вечным.
И скажу: «На суд твой, боже,
Я пришёл, твоё создание,
И кладу перед тобою
Всю тоску и все страданья,
Всех иллюзий блеск минутный,
Всех восторгов пресыщенье,
Всю гордыню и бессилье,
Все надежды, все сомненья,
Слепоту и силу мысли,
Ересь всю, и все софизмы,
И немеркнувшее жало
Критицизма, скептицизма.
Защищаться я не буду,
Ибо сам отлично знаешь,
Что, каким меня ты создал,
То таким и получаешь». —
«Замолчи! — раздастся в туче
Голос божий громче грома. —
Всё, что есть, и всё, что будет,
Мне насквозь давно знакомо.
Мне смешон твой пафос громкий,
Юмор твой — не мёд, а оцет *;
А пословицу ты знаешь
Эту: *Sus Minervam docet?* *
Чем ты был, каким был всюду,
Все твои утехи, боли,
Глупости, грехи, ошибки —
По моей свершались воле.
Всё добро и зло, что в мире
Сеял ты и нынче сеешь,
Всё это — мой план, его же
Ты и в зуб не разумеешь.
А за то, что ты задачу
Выполнил, и всё как надо
Понял в ней, то рай господень
Для тебя теперь — награда».
Тут священства и владыки,
Возлежащие у трона,
Всей толпой взметнутся, спины
Распрямляя от поклона,

И, нахмурясь, крикнут: «Боже!
Где же видано такое,
Чтоб сей грешник, сей безбожник
В рай допущен был тобою?
Где мы сеяли пшеницу,
Сыпал плевел он неверный;
Где покорность прививали,
Звал он к гордости безмерной;
Где мы груди надрывали,
Чтоб добыть смиренья лепту,
Он издёвки и насмешки
Добавлял всегда к рецепту.
Над угрозой, уговором
Он смеялся неизменно;
Был он волком в божьем стаде,
Головнёю в стоге сена.
Отравлял младенцев души
Он открыто и нахально!
Брать его на небо, боже,
Ей же богу, нелойяльно.
Мы твою творили волю,
Смысл писания святого,
Мы из твоего завета
Не утратили ни слова, —
А бродяга этот будет
Вновь смеяться тут над нами!..
Нет, его ты возвышая,
Нас считаешь дураками,
Нас, которые для дела
Церкви лезли вон из кожи!..
Именем твоим мы против
Твоего суда, о боже!»

Выслушавши терпеливо,
Бог прервёт их речь на этом
И с улыбкой добродушной
Обратится к ним с ответом:
«Цыц, детишки! Тут не сеймик,
Чтоб в нём выли и кричали!
Вы на небе, где обычно
Нет ни вздохов, ни печали.
Оппозиций и обструкций
Не творите своенравно:
В небе я распоряжаюсь

И, простите, полноправно.
Тут я поезда кондуктор,
Остальных молчать прошу я,
Здесь в вагон любого класса
Посажу, кого хочу я.
Всем на небе хватит места,
Много нужно тут профессий
Нету счёта пассажирам
В голубом моём экспрессе.
Для овечек всепокорных,
Для коров моих молочных,
Для весёлых пташек певчих
И для прочих непорочных,
Для волов, что, плуг таская,
Век свой прели неуклонно,
И для всяческой скотины
Есть отдельные вагоны.
Там им плата по заслуге,
Море радости сплошное, —
Но ведь должен в первом классе
Ехать кто-нибудь со мною?
Вас я, детки, уважаю,
Но сказать вам снова надо,
Чтобы вы не забывали
Своего держаться стада.
А компанию искать мне,
Признаюсь, вам будет трудно;
Мне ж в одной компании с вами —
Извините — было б нудно.
Дурни вы или не дурни,
Сам решу по доброй воле,
Но себя оставить в дурнях
Вам, ей-богу, не позволю!»

Туг возьму себе я слово
И скажу: «О боже вечный!
Приговор мне твой неясен,
Хоть и милостив, конечно.
Препираться тут не место,
Божий приговор свободен,
Но боюсь, что для экспресса
Твоего я не пригоден.
Для небесного салона
Компаньон я не блестящий,

И в земных бывал я лишним,
Тут же — буду лишним чаще.
А потом ещё подумай:
Суд твой, ласковый и скорый,
Вызовет среди вернейших
Слуг твоих одни раздоры.
Я господ подобных знаю:
Не дадут они покою,
Клевета, доносы, ругань
В небе поплывут рекою;
Ты стыда не оберёшься
И расстроишься без толку, —
Выгрызут меня из неба
Добродетельные волки.
А затем — помилуй, боже, —
Не стремится сердце к раю;
Жить средь роскоши небесной
Я, ей-богу, не желаю.
Не влечёт меня и вечный
Серафимов хор похвальный, —
Я для этих песнопений
Слушатель не музыкальный.
Не влекут меня на небо
Ни псалмы, ни славословья, —
Вдруг я в хор высокопарный
Врежусь свистом, прекословя?
А певцы твои, поэты?
Не влекут меня их речи,
Начиная от Давида
Вплоть до самого Льва Печчи *.
Да и прочие партнёры —
Херувимы, серафимы,
Шестикрылые созданья, —
Ну, о чём болтать мне с ними?
А апостолы святые,
Корифеи сил небесных,
Если приглядеться ближе —
До чего неинтересны!
Хоть бы Пётр, чего он стоит?
Не пройдя и треть дороги,
Вся их банда в час тяжёлый
От Христа давай бог ноги!
Или общество аскетов,
Сухорёбрых и немых

И от страха перед правдой
Лживой благостью прикрытых?
Или те апологеты,
Те лойолы-изуверы,
Канонисты, что умели
В душу лазить «igne, ferro?»
Или те, кто, возглашая
Твой завет, все земли, море
Обошли, повсюду ширя
Темноту, тоску и горе,
Покрывали зло богатых,
Неимущих угнетали
И крестом твоим свободу,
Вольность мысли убивали!
Будучи прямолинейным,
Ты ласкать их должен тоже, —
Так подумай, как же с ними
Быть в компании мне, боже?
Но ещё не всё; возможно,
В небе разные порядки,
И для всякой твари в небе
Есть особые палатки.
Но, чтоб жить в раю небесном
И беспечно бить баклуши, —
Сколько, господи, придётся
Напихать мне ваты в уши,
Чтоб не слышать криков, воя,
Скрежета под небесами
Тех несчастных в преисподней,
Что во тьме гремят цепями!
Чтоб не слышать отголоска
Всех тех мук и озверенья,
Что являлись контрапунктом
Твоего всего творенья.
Нет, услышу и сквозь вату,
Сквозь стену из толстой стали,
И таких не вижу далей,
Где б они не прозвучали!
Нет таких великолепий,
И экстазов, и сиянья,
Где б меня не отравили
Их проклятья и стенанья.
Где ж гарантия, о боже,
Что не только тут, а выше

Этих стонов, этих криков
Никогда я не услышу?
Нет, пусти меня, владыка,
С этого святого луга
Ты туда, где битва с жизнью —
Наивысшая заслуга,
Где борьба неутомима,
Где без льготы — испытанья,
Без победы и без славы —
Вековечные страданья.
Правда, в это пекло ада,
Где горит душа, не тело,
В этот жар и кровь, где черти
Варят грешников умело,
В эти дебри дымной серы,
В этих гадов, алчных вечно,
В этих змей и скорпионов,
Жалящих людей беспечно, —
Я не верю, как и в бесов,
Пусть рогатых и хвостатых,
Что без всяких оснований
Душат горемык заклятых.
Ибо знаю хуже пекло,
В этом пекле до могилы
Я варился — это пекло
Мне оскомину набило.
Знаю горькую отраву
Безнадёжности гнетущей;
Милостыню, что с презреньем
Сироте дарит имущий;
Одиночество, что в жизни
Смертной мукой душу гложет;
Скорбь о том, что совершилось
И не быть уже не может;
Боль, когда тебя измена
Обойдёт путём обходным;
Боль, когда себя ты видишь
Подлым, низким и негодным.
Всё это учти, о боже,
По твоей всесильной воле,
И пусти меня обратно,
В круговерть земной юдоли.
Там товарищей найду я,
Неизменных в плоть до гроба,

И для слёз, и для веселья,
И для смеха, и для злобы.
Там найду лихое племя,
Люд гулящий и свободный,
Полный силы, полный воли,
По-людскому благородный:
Музыкантов и поэтов,
Что любовь нам воспевали,
Всех философов, что цепи
Догматизма разбивали,
Всех еретиков и всяких
Перелома пионеров,
Бунтарей и гайдамаков *,
Вечных революционеро-
Всех, что человечность смело
Искупали чистой кровью,
И всех тех, кого любил я
В жизни грешною любовью».

«Дурень! — крикнет голос божий, —
Многословен ты, однако,
Но ты в правде понимаешь
Столько, сколько кот заплакал!
В адском пекле просишь места,
Будто я в нём попечитель;
Просишь мук и боли адской,
Будто я палач-мучитель.
Отрекаешься от рая,
Как от царского салона,
Где ты среди дам прекрасных
Будешь выпадать из тона.
Избранных ещё не зная,
Ты их насмех поднимаешь!..
Слушай, парень! За кого ты
Самодержца принимаешь?
Думал я, что ты поднялся
Над скотиною убогой,
Той, что по своим приметам
Чорта создаёт и бога;
Что сквозь плотское начало
Ты проник в святыню духа,
Что недаром он, предвечный,
Твоего коснулся слуха.
Для того-то на земле я

Наострил тебя, как бритву,
Посылал тебя в скитанья
И бросал тебя на битву,
И водил тебя, как надо,
На низины, на вершины,
Чтоб ты был в небесной рати
Не последним из дружины.
Не мели же вздор напрасно,
Собери в одно усилья,
Собери в одно желанья,
Разверни пошире крылья
И, в безмерность проникая,
Подымись душой смелее,
Чтоб в порыве вдохновенья
Слиться с сущностью моею!»

И падут слова мне в душу
Ливнем щедрым и огнистым,
Все сомненья и тревоги
Пропадут, и встану чистым,
И в себе познаю силу —
Силу духа, силу власти,
И паду я на колени,
Плача от любви и счастья.
Соберу в одно желанья,
Соберу в одно усилья,
Подниматься стану выше,
Широко раскинув крылья...
И безмерность вдруг возникнет
Предо мною, вырастая,
Развернётся, словно карта,
Засияет, не мигая,
Словно свет, который льётся
Вне границ земного шара, —
И прольётся в душу счастье.
Как безмерный блеск пожара.
И вращу я в безграничность,
Испытаю всё, и стану
Подниматься — выше — глубже —
И развеюсь весь в нирвану.

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИХ В КНИГИ

ШЕВЧЕНКО И ПОКЛОННИКИ

Апостол правды и науки,
О ком мечтал ты, измождён,
Пришёл и простирает руки, —
Ему названье: Легион

Но те, что под шумок кормились
Твоих творений молоком,
Что всюду и везде хвалились
Тобою, как своим певцом, —

Те, видя гостя молодого,
Один — хвалы забыл свои,
Другой — зовёт городского, —
Низкопсклонники твои!

5 апреля 1880

СОВРЕМЕННАЯ ПЕСНЯ

Она не детская забава
И не бесплодная мечта,
Не позабывшая про славу
Неопытная красота,

Не ласка сердца молодого,
Не ветра шум, не шопот волн,
Она — решительное слово,
Зов духа, что величья полн.

Народ в беде соединяя,
Она, как колокол, зовёт —
Недаром песня боевая
Под градом пуль нас бережёт.

Она — зажжённая лучина,
Сердца дарящая теплом,
Прогресса первая пружина
В своём упорстве огнем.

Она не в злате, не в порфире,
У ней простой и скромный вид, —
Она работница, и в мире
Свой неустанный труд вершит.

В глубинах сердца боль скрывая,
Она не глохнет, а поёт,
И, жизнь земную отражая,
Жива, как трудовой народ.

Она горда и перед тучей
Не склонит никогда чела,

Как на кургане дуб могучий,
Как среди бурных волн скала.

В жизнь проходящих поколений
Она бросала чистый взгляд,
И перед нею, словно тени,
Прошли года — за рядом ряд.

Она людского горя знала
Глубокий ужас с давних лет,
Болела, мучилась, страдала,
Пока на ясный вышла свет.

Так песни скромной не судите
За простоту её речей.
От всей души её любите,
Свое отдайте сердце ей.

Не бойтесь, коль порою стоны
Сквозь песни строй до вас дойдут:
Сердец страдавших миллионы
В той песне дружным боем бьют.

Прислушайтесь к тому биению,
Тревожащему мрак ночной,
Любите жизнь, её горенье, —
И песня станет вам родной.

10 ноября 1880

* * *

Нет, нет уже всеильного владыки,
Заботника о жизни и о хлебе,
Кто сотворил в шесть дней весь мир великий,—
бога на небе!

Погас неопалимый куст терновый,
Сломался жезл, моря единым взмахом
Деливший, и державный трон Еговы
распался прахом!

Раздёрнута завеса пресвятая,
И звёзды — не алмазы в ризах бога,
И солнце — не лампада золотая
его чертога.

Земля уже не ног его подножье,
Зарю уже не льёт его десница,
И молнии — не стрелы гнева божья,
когда ярится.

И человек — не ком из мягкой глины,
С душой-светильней, тлеющей средь ночи,
Страдать повинный за чужие вины —
за грех праотчий.

Плодов от древа жизни не вкушал он,
Не ел в эдеме хлеба он, не сея,
Добра и зла, ослушник, не познал он
по воле змея.

От смерти не спасал его сын божий,
Таинственно зачат в девичьем чреве,

Не умирал бог смертью негожей,
как тать на древе.

Всё это — лишь нелепые сказанья,
Снов и безумий древних вереница!
Проснись же, человек! Уже познанья
зажглась денница!

Проснись! Прими достойное обличье,
Будь твёрд в ногах и стань самим собою,
Познай людскую слабость и величье,
будь трезв душою.

Познай, что бог твой — был твоё творенье,
И за него ты слепо шёл на казни,
Сам создал адские себе мученья,
в бреду боязни.

Познай, что раем — только жизнь земная
Стать может, и что рая ждать в могиле —
Безумье; лишь червям блаженство рая
в смердящей гнили.

Познай, что над тобой ничьей нет воли!
Что сам ты свой мессия, свой спаситель!
Что ты один — творец счастливой доли,
не бог-мучитель.

Взгляни, как зеленеет жизни древо,
Как мир прекрасен, хоть и есть страданье!
Встань, человечество! Срывай, как Ева,
плоды познанья!

Из рая, насаждённого тобою,
Никто тебя изгнать уже не сможет
Ни дьявол, притворившийся змеёю,
ни ангел божий!

31 декабря 1882

ДРЕВОРУБ

(Из народных преданий)

Всю жизнь блуждал я, одержим тревогой,
Затем, что правды и добра искал,
Добро и правду почитая строго.

И в бор глухой однажды я попал:
Исчезла в гуще мхов и бурелома
Тропа, и страх невольный сердце сжал.

А с запада катился грохот грома,
Огнём сверкало... И у сердца я
Спросил: «Куда, о сердце, ты ведёмо?»

И показалась мне вся жизнь моя
Могилою: отрадного мгновенья
Не видел я. Отчаянье тая,

Воскликнул я в тревоге и волнепьи:
«На воды тихие кто уведёт
Меня от этой бури и смятенья?»

Смотрю: чащобой человек идёт,
Худой, прямой, в простой кафтан одетый.
«Откуда, братец? — устремься вперёд,

Вскричал я: — Добрая, видать, примета!
Сама судьба тебя послала мне,
Чтоб вывел ты меня из дебри этой!»

«Пойдём!» — сказал он. Гулко в тишине
Его шаги звучали. О тревоге
Забыв, побрёл за ним я, как во сне.

В руках топор держал он. По дороге,
Где видимо-невидимо сплелось
Терновника и где, казалось, ноги

Увязнут, — и назад бы мне пришлось
Уйти во мрак, — он мощною рукою
Махнёт — и, смотришь, всё пораздалось!

Где яр холодный, под скалой крутою,
Где воды мчатся, — он, пройдя вперёд,
Вновь рубанёт — и мигом предо мною

Сосна ложится, образуя брод.
Я шёл за ним, глядел и удивлялся,
Но поредел угрюмый бор — и вот

Простор, залитый светом, показался.
Теперь широким полем мы пошли:
Как далеко мой взор ни устремлялся»

Не видел, кроме неба и земли,
Я ничего; степь без конца, без краю,
И нет дорог, что в сёла бы вели.

Но вот, взглядевшись зорче, замечаю:
В широком поле там и здесь торчат
Как будто клювы птиц, а что — не знаю.

Как бы по нитке, в бесконечный ряд
Их кто-то в поле вытянул: чем дале,
Тем больше их в нём открывает взгляд.

Мы к чёрным точкам этим зашагали;
Но, подойдя, я в страхе увидел:
Не клювы — виселицы там торчали.

На каждой ветер мертвеца шатал, —
И сердце сжалось, полное тревоги,
Но мой вожатый тихо мне сказал:

«Будь твёрдым! Этой не страшишься дороги!
Наисвятейшие прошли по ней!
Святое место топчут наши ноги!

Стань на колени и молись скорей!»
И, преклонив колени, мы в печали
Молились оба долго средь полей

У виселиц; когда ж с земли мы встали,
Вожатый вновь топор свой в руки взял
И рубанул — и разом затрещали

Все виселицы, грозно застонал
Простор, и гром на небе отозвался.
Исчезли трупы, ровный засиял

Пред нами путь: он широко раздался!
И за вожатым я пошёл, дивясь.
И вдруг в степи далёкой показался

Как будто чёрный жук. Из наших глаз
Не пропадая, рос он; увидали
Мы церковь сумрачную... В этот час

Там шло служенье: свечи полыхали,
Кадильный дым стоял клубами там,
Тоскливые напевы там звучали...

Должно быть, в жертву алчным божествам,
На алтаре, в крови, курились груды
Людских сердец; окован по рукам

И по ногам, на иглах, отовсюду
Торчащих, бился Разум, и попы
Острили нож на лакомое блюдо.

И хор гремел: «Блаженны все столпы,
Все, что не видели, но верят свято,
Что лижут бога нашего стопы,

Ему принести готовы в жертву брата!
Наш бог — Любовь распятая, немой,
Убитый Разум! Божеству в уплату

Любовь мы распинаем, и живой
Мы режем Разум. О, прими, наш боже,
Тот дар, что мы кладём перед тобой!»

И молвил мне вожатый: «Это — ложе
Сна вечного, напевы злобных сил,
Тьма, что вовеки светом стать не сможет!»

И камень он поднял, и запустил
В церковные расписанные стены,
И мне булыжник в руку он вложил,

Велев швырнуть... Поднялся гул смятенный...
И вновь взмахнул он тяжким топором,
И рухнули стропила, и мгновенно

Удушливая встала пыль столбом, —
И в третий раз ужасно загремело...
И с дрожью встал я перед, вожаком:

«Кто ты такой, вершащий это дело?» —
«Я — дроворуб, ты это видишь сам!
Дорогу к правде расчищаю смело.

Ты хочешь ли? Тебе топор свой дам.
Иди и добывай свободу миру!
Туда твой путь, и цель твоя — лишь там!

Пойдешь?» — «Пойду!» — Он мне вручил
секиру.

ИЗ КНИГИ ПРОРОКА ИЕРЕМИИ

Гляжу кругом... Сады и вертограды,
За тучной нивой — пастбища и степь,
И дальних гор волнистые громады,
Звено к звену, как розовая цепь.

Живящий сок под солнцем смоквы точат,
И тамариски пряный запах льют,
В лучах цикады сладостно стрекохут,
Из Иордана скалы воду пьют.

О край мой — перл! К божественному крину
Причислен ты один на всей земле,
Как вено *, дан возлюбленному сыну
И вознесён, как крепость на скале.

Тебя, мой край, люблю, к тебе взываю,
Твои красы люблю, твой мирный люд!
Лишь одного всем сердцем я желаю:
Тебе отдать и жизнь свою, и труд!

Что я? Я червь, пылинка, лист летящий —
Он рос, увял... ему не долго жить.
Лишь цвёл бы ты, как дуб над тёмной чашей,
А я собой не стану дорожить.

1906

ПОЭМЫ

СМЕРТЬ КАИНА

Легенда

Убивши брата, Каин много лет
Блуждал по свету. Словно под бичами
Он шёл, тревогой тайною гоним.
И целый мир возненавидел он —
Возненавидел небеса и землю,
Пожар зари и ночи тишину.
Возненавидел близких и далёких:
Он в лицах встречных неизменно видел
Мертвеющее Авеля лицо —
То смертной искажённое тоской,
То стынувшее с выраженьем боли,
Испуга и предсмертной укоризны.
И ту возненавидел он теперь,
Кого любил он более отца,
И матери, и всех земных творений, —
Ту, что была супругой и сестрою.
Он и её за то возненавидел,
Что взглядом Авелю была подобна,
И голосом, и сердцем непорочным,
За то, что Каина она любила,
И, будучи сама ни в чём невинна,
Не побоялась ради мужа всё
Оставить, с ним, проклятым, разделяя
Проклятую судьбу.

Как тень бледна,
Она блуждала с ним. Из уст её
Ни разу Каин не слышал укора,
Хоть взгляд её, и голос, и любовь
Звучали тяжелейшим, непрестанным
Укором. Но порой, когда тоска
Его томила — точно обезумев,

Прочь отгонял он женщину; послушно
Она скрывалась, тихой, скорбной гостьей
Являлась посреди детей и внуков —
Но не надолго. Как являлась тайно,
Так исчезала, и в пустыню шла,
Чутьём угадывая все пути,
Какими шёл её злосчастный брат.
Она была серебряною нитью,
Связующей изгнанника с судьбой
Людей. Теплом, таящимся в своём
Горячем сердце, силилась согреть
Убийцы душу.

Тщетно! Точно рыба,
Которая колотится об лёд,
Покамест не застынет, так она
Борясь, теряла силы, жизнь свою
Сжигала в собственном своём огне.

Скитаясь так, однажды для ночлега
Нашли они пещеру. Утомясь,
Она заснула, головой поникнув
На камень. Каин разложил костёр
И сел вблизи, в пылающий огонь
Глаза уставя. Странные виденья,
Меняясь, исчезая, возникали
Из пламени костра; за их игрой
Причудливой следя, забылся Каин —
Целительного сна уже давно,
Уже давно глаза его не знали!
Когда ж рассвет пришёл, напрасно Каин
Ждал, что она поднимется с постели,
В засохшей тыкке принесёт воды,
Плодов нарвёт, кореньев насобирает
И мёда для трапезы. Высоко
Стояло солнце, узкими лучами
Заглядывая в глубину пещеры.
Тогда к лежащей прикоснулся Каин
И понял тотчас же, что с нею случилось.
Всего лишь раз он видел смерть вблизи, —
Но этого довольно, чтобы смерть
Признать потом в каком угодно виде.
А тут она явилась так невинно,
Спокойно так и радостно! Лицо,
Ещё вчера истерзанное мукой

И горечью, казалось, озарилось,
Помолодело. Прежняя любовь,
Как и при жизни, на лице сияла, —
Но не было следа тоски и горя,
Как будто всё, к чему душа её
При жизни так мучительно рвалась,
Нашла она теперь.

Явление смерти

Как бы подсекло мощь его и волю.
Ни боли он не чувствовал, ни скорби, —
Одно бессильное оцепененье.
Он сел над трупом, и весь день, всю ночь
Сидел недвижно. А наутро он,
Поднявшись, наносил сухой листвы
В пещеру, листьями засыпал труп,
Затем каменье натаскал с горы
И мучился весь день, и ранил руки,
Пока не завалил весь вход в пещеру.
Потом, оmyв израненные руки —
Как и тогда, по смерти брата! — тихо,
Не озираясь и не отдыхая,
Ушёл в пустыню.

Для чего? Зачем?

Уж давно не думал он. Что думать?
Куда б ни шёл он, где бы ни скитался,
Повсюду та же горечь, и тоска,
И одиночество, и скорбь без меры!

Лес кончился. Хрустит песок пустыни
Под тяжестью шагов. Шакал завоет
В расселине, орёл всклеочет в небе,
Сверчок уныло где-то прострекочет,
И вновь безмолвие, покой могилы.
Порою в этой тишине внезапный
Песчаный смерч, как исполин, взовьётся,
Столпом белёсым подымаясь к небу,
И, закрутясь, пройдёт по равнине,
Как царь — и вмиг обрушится на землю,
Уйдёт, как призрак.

Колесница солнца

Уже клонилась долу. Раскаляясь,
Пылало небо, как большой котёл,
Куда воды налить забыл хозяин.

И вдруг в туманной мгле у той черты,
Где свод небес сливается с пустыней,
Багрянцами заката пламенея
Слепительно, — возникло нечто вдруг,
Блещающее гранями кристалла.
Река ли там, окованная льдами,
Гигантскою подхвачена рукой,
Столбом вздымалась посреди пустыни?
Или мираж струился над песками
И фантастической манил игрой?
Лучи заката вспышками огня
Позолотили верхний край стены,
Её зубцы, и выступы, и башни,
Высоко реюшие в синем небе.
А книзу, как пурпурный водопад,
Спадали тени вечера, спокойно
Тонули у могучего подножья.
И этот вид безмолвному скитальцу
Был, точно гром и точно дрожь земли:
Остолбенел он, бледный, как мертвец,
И взором ястребиным углубился
Туда, в огнём пылающие дали.
О, зрелище, знакомое ему!
Не раз и наяву, и в тяжких снах
Оно являлось! Каин задрожал,
Мучительная боль возникла в нём,
И ненависть зажглась в его глазах,
А на устах бескровных, крепко сжатых,
Несказанное, замерло проклятье.

«Вот рай! Гнездо утраченного счастья,
Мелькнувшего, подобно сновиденью!
Родник неисчерпаемого горя,
Которое отныне близко людям,
Как близко прирастает кожа к телу —
Не выйти из неё до самой смерти!
Будь проклято, коварное виденье,
Ты изъязвляешь огненные раны,
Не облегчая и не убивая!
Будь проклято и ты, и самый миг,
Когда ты появилось, и когда
Отец мой в первый раз тебя увидел!
Будь проклято во имя всех терзаний
Людских и всех несбывшихся стремлений!»

И, зубы стиснув, отвернулся Каин,
Чтоб прочь итти, — но вдруг печаль без
меры

Им овладела, и тоска; себя
Он ощутил таким бессильным, жалким,
Таким несчастным, как никто на свете.
Поникнув головой, закрыв лицо
Руками, он окаменел на месте,
Кровавым светом вечера облитый,
А тень его большая пролегла
Далёко вдаль и в сумраке тонула.
И захотелось вдруг ему опять
Взглянуть на запад. Вопреки сознанию,
Стремился взор его туда, всё тело
Туда стремилось. Напрягая волю,
Он снова поборол порыв, руками
Глаза закрыл, но руки через миг
Без сил упали.

Как больной в горячке
Неистовую ощущает радость,
Свои же растравляя раны, — Каин
Не мог отвлечься от виденья рая,
Всю душу возмутившего и в сердце
Всклубившего безумную тоску
И озлобленье. Чудилось ему —
В нём часть души свирепо рвётся прочь,
А часть без памяти, как мотылёк
В огонь, летит к хрустальной двери рая.
Но вэт погасло солнце, и тотчас,
Как пёс отпущенный с цепи железной,
Набросился на землю сумрак ночи,
И дивное рассеялось виденье.
Бессильно Каин рухнул на песок,
Ища покоя. Дикий зверь пустыни
Не устрашал его: печать веков
На Каине лежала, прочь гоня
И тварь любую, и любую смерть,
Но отгоняла и покой, и сон.
Всю ночь, подобно рыбе на песке
Холодном, он ворочался, бессонный.
Когда же снова солнце запыхало
И озарило даль — нашло в песке
Ложбину лишь, где укрывался Каин.

А он уже с рассвета был в дороге —
Он шёл на запад. Некая мечта
Влекла его туда, хоть образ рая
Скрывался за туманной пеленою,
Окутывавшей половину неба.
Что ждало там его? Он сам не знал.
Но, не надеясь и не ожидая,
Он всё же шёл. Так журавли, почуяв,
Что где-то за морем, в краю полночном,
Идёт весна, — раскидывают крылья
И с песней звонкою летят туда,
За сотни миль, не думая о бурях,
О всплеске волн и хитрости ловцов.
Весь день в тумане он бродил, как в море.
Лишь к вечеру рассеялся туман,
И на мгновение лучи заката
Открыли вновь вчерашнее виденье:
Громады стен и золотые башни, —
Но так далёко, в несказанной дали,
Что, мнилось, — путь до неба вдвое ближе.

Но разве даль страшна? Пусть мелок шаг
Людской и слаб, — измерит Каин им
Весь круг земли, последних граней света
Достигнет, если цель есть впереди.
По смерти брата столько долгих лет
Блуждал без цели он, бродил, как зверь
Испуганный, стараясь схорониться
От самого себя, — и в первый раз
Блеснула цель ему! Усталый дух
Здесь может отдохнуть! И что с того,
Что это отдых на шипах колючих,
А всё же это отдых, забытьё!
И, проведя в пустыне ночь, опять
Пустился в путь он. День за днём сменялись,
А чудное виденье райских стен
Порою появлялось на мгновенье,
Его дразня своим спокойным блеском
И вместе с тем маня к себе; и вновь
Какое-то таило обещанье
В сияньи золотисто-алом.

Скупо

Пустыня-мачеха его питала
Кореньем, мёдом диких пчёл; поила

Солёною и затхлою водою.
Он к этому привык. Порою реки,
Болота и солёные озёра
Пересекали путь ему. Бесстрашно
Ступал он в воду, поборая волны,
Сопротивляясь ветру, грому, граду.
Природа досаждать ему могла,
Как мачеха над пасынком глумиться,
Но смерть его страшилась.

Иногда

Глухое, несказанное стремленье
Рождалось в нём, порой глухая злоба
Под сердце подступала, удушая
Как бы клещами. Угрожая небу,
И бога и себя он клял. Но только
Стихал порыв, он становился жалким
Червём бессильным, и в изнеможеньи,
Упав среди песков, лежал, как труп,
И вдруг его глухое беспокойство
Охватывало при одной лишь мысли,
Что может он до цели не дойти.
И вскакивал и, как бы от врагов
Спасаясь, задыхаясь, вновь шагал,
По пояс утонув в песках пустыни,
Волчьими до крови израня ноги,
Но всё стремился к западу.

Как долго

Он странствовал — кто знает. Но порой
Ему казалось — сотни лет. Меж тем
Минувшее, как бы в волнах потопа,
Из памяти стиралось без следа;
Остались лишь, насколько мог ещё
Припомнить он, лишь беглые черты
Последнего скитанья.

Но однажды

Достиг он цели. Был ненастный вечер,
И солнце пряталось уже за тучи,
Когда больной, продрогший и несчастный
У райских стен остановился Каин.
Подножье их уже скрывала мгла.
А далеко, как будто под землёю,
Гром грохотал, и ветер за стеною
Стонал и плакал. Холод бурной ночи,

Или усталость этому причиной, —
Но Каин ощутил успокоенье
И, после смерти брата в первый раз,
Как к матери младенец, прижимаясь
К стене холодной, погрузился в сон.

Но не было покоя и во сне.
Виденья страшные его томили,
И он метался и кричал, порывы
Осенней бури криком заглушая.
А поутру поднявшись, истомлённый,
Почувствовал себя ещё несчастней.
Рассвет был холоден, всё небо сплошь
Затягивали тучи, и хлестали
Потоки ливня. Серая, как море,
Текла пустыня, уплывая вдаль,
Уныла, величава и грозна.
А рядом, сколько видно было глазу,
Стена однообразно возвышалась
Вплоть до небесной тверди — ни прохода
Ни башен, ни ворот — лишь ровно-ровно
Текла она, как будто мир навеки
Собою надвое рассечь хотела.
И, двух титанов этих посреди —
Пустыни и стены — он, Каин, тварь
Бессильная, беспомощная мошка!
Нет, мошка всё же счастлива! У ней
Есть крылья, сила есть подняться в воздух,
Превыше стен, и заглянуть в тот рай,
В праотческие, милые края!
Мурашке жалкой можно! А ему,
Царю творения, владыке рая,
Ему нельзя!

И молча, в исступленьи,
Он о камень бился головою.
Бил кулаками, грыз зубами стены,
Пока, бессильный, не упал, как труп.
Три дня он бесновался. Крик его,
Подобный рёву раненого зверя,
Тревожил тишь пустыни. Иногда
Он пробовал молиться, но из уст
Одни богохуленья и проклятья
Лились. От боли загрубело сердце
И лишь рвалось, смириться не могло.

Но вот пришёл в себя он и сказал:
«Пусть будет так! Я проклят, знаю это!
Кровь брата на руках моих. Навеки
Утрачен рай. Пусть будет так! Не место
Мне в том раю. Но за безмерность боли,
За все мученья без конца, какие
Я испытал уже и испытаю, —
Лишь одного желаю я, о боже!
Позволь хотя на миг, на миг единый,
Хоть издали, опять увидеть рай!
Хотя на миг увидеть вновь владенья,
Утраченные мною без возврата!
Лишь взгляд один! Лишь миг один, о боже!
А там пускай обрушатся все кары,
Какие мне назначены!»

И так,
Вздывая к небу руки, он молился.
Но небо не ответило ему.
Лишь солнце светлые лучи кидало,
Да коршун где-то там стонал в лазури,
Да выл шакал в пустыне.

«Значит, нет! —
Промолвил Каин. — Голос мой проклятый
До бога не доходит. Я виною,
Что небеса не отвечают мне!
Бывало по-иному, но — пропало!
Пусть будет так. Но вот как поступлю!
Должны же быть ворота здесь, в стене,
В какие бог изгнал отца из рая.
Я слышал, ангел с огненным мечом
Их стережёт. Ну, что ж, пускай стоит!
Пускай убьёт меня, не страшно это.
А не убьёт — я упаду на землю
И, в прахе извиваясь, как червяк,
Проситься буду, и молиться буду,
Стучаться буду, и склоняться буду,
Пока к моим мольбам не снизойдёт он».

И тотчас же, спеша, пустился в путь
Вдоль райских стен, стремясь найти ворота.
Но день прошёл, и ночь прошла бесследно,
И день, и ночь, ещё, ещё, ещё, —
Стена всё убегала без конца,
И солнце закрывала перед ним,

А райских врат как будто не бывало.
Но Каин не неистовствовал больше,
Не клял, не рвался. Тщетно безнадежность
Гиеной ненасытною кружила
Вокруг него и леденила дух.
Он неустанно силы напрягал
И, отгоняя прочь зловещий призрак,
Всё шёл и шёл.

И вот — виденье вновь.

Среди пустыни поднялась, сверкая,
Гора. В сияньи лучезарном, верх
Купается в небесном океане
И, шлемом возвышаясь ледяным,
Слепит глаза. Под ним — нагие скалы,
Костлявые, торчат, как будто зубы
Чудовища, готового и солнце
Пожрать на небе. Ниже — луговины
Серо-зелёные, под ними лес, —
Могучий, дикий бор в тумане тонет.

Остановился Каин. Мыслей рой
То зрелище родило в нём.

«Итак, —

Подумал он, — не в силах я притти
К воротам рая, стать перед лицом
Святого ангела, с ним говорить!
Видать, они навек заграждены —
Ворота! Ладно! Я просить не стану,
А сам добуду милость. Вот гора,
Она вершиною, наверно, выше,
Чем стены рая. На неё взойду,
Оттуда рай увижу, успокою
Огонь, в моей пылающей душе!»

И, не раздумывая долго, снова
Пустился в путь. Но весь тот труд, какой
Доселе испытал он, был ничто
Пред новым этим странствием. Гора,
Казалось, накопила все преграды
Наперекор ему: ручьёв потоки,
Глухие дебри, тёмные ущелья,
Бездонные, холодные провалы.
Лишь постепенно, задыхаясь, весь
Облитый потом, поднимался Каин

Всё выше, в гору. Но, чем горячее
Мечта стремилась вверх, тем тяжелей
Была его дорога, тем слабее
Всё тело, — и печаль теснила душу.

Так в полумгле блуждал он день за днём:
Извечный лес шумел над ним тоскливо,
Или стонал, и плакал, и ревел,
Терзаемый ветрами. Лишь чутьём
Руководясь, блуждал чащобой Каин
И всё карабкался туда, где кручи
Стеной нависли. Лес пришёл к концу,
Но не было ещё конца мученьям.
Навстречу низкорослые, густые
Кусты ползучих зарослей да елей
Тугие иглы. Будто из воды
Попал он в польмя: шипы, язвя,
При каждом шаге проникали в тело,
Коренья змеями у ног сплетались,
И солнце холодно светило с неба,
Как бы с глухой насмешкой наблюдая
Бесплодные мучения.

Но Каин

Не отступал. Ведь прямо перед ним
Хребет горы, магически блистая,
Манил его! Весь истекая кровью,
Иссеченный, исколотый, избитый,
Он миновал и эту часть дороги
И перевёл дыханье на поляне.
У родника, журчащего в теснине,
Упал он и лежал, потом омыл
Всего себя прохладною водою.
У края пропасти, шурша листьями,
Рос сладкий папоротник; он нарыл
Корней съедобных и, ополоснувши
В воде, поел, остаток про запас
Сберёг. И так, передохнувши день,
Пошёл вперёд. Скользят всё чаще ноги
На твёрдых мхах, набухли, вздулись жилы,
В измученную грудь свинцом струясь,
Морозный льётся воздух, огневые
Колёса вертятся перед глазами,
И ветер всё сильнее. всё упорней
Пронизывает. Словно муравей,

Ползёт всё выше Каин, муравью
Завидую: тому не страшен ветер,
Как не страшны обрывистые кручи
И утомленья!

Нищая, скупая,
Исчезла зелень — мёртвые каменья
Лежат повсюду. Жизни — ни следа,
Лишь ветер свищет, да орёл порой
Клеочет и когтит свою добычу.
Смерть верная — один неверный шаг.
Тут смерть ежеминутно расставляет
Своих дозорных, жадных на добычу:
Снега и ветер, дождь и солнца блеск,
Орлы и камни — всё с ней в заговоре.

Но вот однажды — сумерки спускались,
Когда стал Каин на верху горы —
Иссохший, как скелет, покрытый кровью,
Продрогший до костей и чуть живой,
Почти без сил, взошёл на ледяной
Помост. Неумолкаемым порывом
Рвал ветер волосы, края одежды.
Кровь в жилах замораживал. Но Каин
Не чувствовал его; остаток силы,
Всю душу он вложил в единый взгляд
И кинул этот взгляд в седые дали,
Туда, где в огневеющем сиянии
Купался величавый «город божий».

Но что увидел Каин?

Пустота,
Лишь скорбные деревья одиноко
Листвою шелестят, и вековые
Цветы благоухают. Кроме них,
Ни звука, ни движенья не приметно.
Но нет! В середине рая, на лужайке,
Два дерева, пышней и выше прочих.
О, Каин хорошо запомнил их
Со слов отца! Поднявшееся справа —
То древо жизни: огненосный гром
Рассек его вершину, расколочил
Весь ствол его, вплоть до сырой земли,
Но не убил его живящей силой!
Оно растёт, пускает ветви вширь,

И снова семена вокруг роняет!
А слева — это дерево *познания*
Добра и зла. Под ним клубится змей,
А на ветвях его плоды обильно
Нависли. Так пленительны они,
Так привлекают, так ласкают душу!
Но вот повеял ветер, и, как град,
Плоды, стуча, осыпались на землю,
И все тотчас же превратились в пепел,
Огнём покрылись, разлились смолою!

И видит Каин дальше: в алой дымке
Вдруг заструилось что-то лёгким роем,
Как мошкара. Он пригляделся — люди!
Вот тысячи людей и миллионы,
Как пыль под ветром, яростно стремятся
Вперёд, вперёд, потоком бесконечным.
И все у древа знания мнутятся,
Спеша, толкаясь, падают, встают,
Карабкаются вверх, схватить стараясь
Один лишь плод, лишь яблоко одно
От древа знания. Напрасно кровью
Их путь означён и морями слёз!
Едва один вкусит плода — тотчас
Плод в пепел обращается во рту,
Огнём сгорает сразу. А вкусивши
Плода от древа, человек жесточе
Становится, злобясь на целый свет,
Бьёт, режет и заковывает в цепи,
Ломаёт всё, что создали другие,
Жжёт, разрушает в яром исступленьи!

А древо жизни изнывает молча:
Не нужно никому оно! На нём
Плодов немного, неказисты с виду,
Заслонены листвою и шипами, —
Вот и не зарится никто на них.
Когда ж порой, отбившись от толпы,
Иной отведаёт, приблизясь к древу,
Плодов чудесных и созвать захочет
Других, чтоб все сошлись сюда, — они,
Как вороньё, кидаются всей стаей,
Толкают, рвут, и мучат, и терзают
Его, как за тягчайшую провинность.

Но вот два зверя вышли на лужайку.
Один под древом знания воссел,
Недвижно-величавый и суровый,
С лицом жены, прекрасным и немым,
И с телом льва. Как мошки на огонь,
Так люди-призраки неисчислимой
Толпой к нему метнулись, вопрошая.
Тоска без меры, яростная мука
Видны на лицах, дрожь пронзает их,
Глаза и души жадно льнут к устам
Чудовища. Безмолвное, оно
Глядит недвижно. А людские толпы
Неистово стремятся к древу знанья,
Борясь за плод его, — и вновь стремятся
К чудовищу, не ведая покоя,
Как листья осени летят, гонимы
Суровыми, враждебными ветрами.

Другой же зверь торжественно воссел
Под древом жизни: видом — нетопырь,
С хвостом павлина, с лапами орла,
С хамелеоньим телом, с острым жалом.
Мгновенно и чудесно изменяясь,
Людей манил к себе он, отвращая
От древа жизни. Тот же, кто к нему
Доверчиво стремился и за ним
Спешил, слепец, — тот падал в ров глубокий,
Об острые каменья разбивался.
И поднимались руки, и неслись
Проклятия — но не лукавцу-зверю,
А только древу жизни. «Всё оно —
Химера, и предательство, и ложь!» —
Неслись по ветру возгласы и стоны.

Глядел на это Каин, и ему
Ножом, казалось, рассекали сердце.
Ему казалось, что вся боль, все муки,
Вся горечь и сомненья миллионов
В его душе бушуют, сердце в нём
Клещами сжали, внутренность сожгли.
И, заслонив лицо своё руками,
Воскликнул он: «Умилосердись, боже!
Я видеть больше не хочу сего!»

Мгновенно солнце потонуло, сумрак
Упал на землю, закрывая рай.
Но боль в душе у Каина осталась,
Неистовая боль. Он застонал
И на обледенелые каменья
Как мёртвый рухнул.

Пробудил его
Жестокий холод. В ясном небе солнце
Сияло тускло, холодно смеялось,
Как тщетная, бесплодная надежда.
Где рай вчера мерцал, теперь стояла
Стеной до неба полумгла седая,
Глухой завесой. Каин не жалел
Видений рая; властно в нём звучал
Один лишь голос: «Прочь отсюда! Прочь!»
И точно вор, забравшийся в чужую
Сокровищницу и взамен сокровищ
Схвативший раскалённое железо, —
Так Каин вниз спешил с вершины снежной.
И мысли чёрные вороньей стаей
Носились, глухо каркали над ним.

И думал он: «Так вот в чём бог солгал
Отцу, и мне, и людям. Ведь такое
Без воли и без ведома его
Немыслимо! Кто надвое разрезал
Жизнь и познание, лютыми врагами
Их сделавши? Не бог ли это сделал?
Ещё тогда, когда в своём раю
Деревья эти он сажал, Адама
Не сотворив ещё, — уже тогда
Его и род его обрёл на муку,
На вековечную! Ведь если знанье
Враждебно жизни, для чего желать
Познания? Зачем же мы не камень?
А если он хотел, чтоб не вкушали
Плодов познания, для чего же дерево
Он вырастил, в плоды соблазн влагая?
Желая, чтобы живы были мы,
Зачем сперва не приказал питаться
Плодами древа жизни?»

Словно чайка,
Которая, летая над трясинной,
Зовёт детей и грудью рвёт тростник,

То снова к солнцу в вышину взовьётся
И всё кричит, и вьётся, и кружит, —
Так Каина мучительная дума
В кольце безвыходном металась, билась,
Бессильная. Усевшись под скалою,
Он отдыхал, облит холодным потом.
Закрыв глаза, и вновь пред ним возникло
Виденье рая, и другой дорогой
Мысль потекла его.

«Так в чём же — знание?»

И вправду ли оно враждебно жизни?
Выходит так! Ведь это жажда знанья
В моей душе воспламенила злобу
На брата, сделала меня убийцей —
За то, что он, не мысля, по-простому
Хотел меня, родного, обратить
К той детской простоте, чья прелесть мною
Давно забыта? А куда оно
Ведёт моих потомков? Зверя, птицу,
Себя терзают, землю обнажили,
Ища себе добычи для убийства.
Малейший камень, будь остёр и твёрд,
Годится им для стрел, ножей и копий;
Затем рога ломают у оленя,
У зверя зубы. От жены я слышал,
Что люди отыскали некий камень,
Который плавится в огне, как воск,
И этот камень превращают в стрелы,
Ножи и копья, твёрже и острее,
Чем из кремня. Вот — знания дорога!
Кровь, раны, смерть оно приносит людям.

Так для чего стремимся к знанью мы?
Желаем смерти, значит? Нет, неправда!
Я разве смерти Авеля желал?
Я жить хотел по-своему — и только.
Желает ли охотник смерти зверя?
Он хочет жить, ему потребно мясо!
Он хочет жить и должен защищаться,
Чтоб зверь его не съел! А тот, кто лук
И стрелы выдумал, желал ли он,
Чтоб смерть явилась? Нет, лишь жить
хотел он,
Придумывал опору, чтобы жить!

Итак, познание — не жажда смерти,
Не враг живым! Оно — доро́га в жизнь!
Оно спасает жизнь! И в этом — всё!
Как та стрела, что убивает птицу,
Сама — не птица! Как тот нож, что режет,
Сам — не убийца! Не виновно в том
Познание! Оно — ни зло, ни благо.
Тогда лишь благо или зло оно,
Когда направлено на зло, на благо.
Кто ж направляет знание? В руках
Кто держит знание, как ловчий — стрелы?
Кто ловчий этот?»

Не привыкший мыслить,
Ум Каина, как раненая птица,
Метался, содрогался в темноте,
Но никакого ясного ответа
Не мог найти. И вновь иным путём
Пошёл.

«А древо жизни — это что?
В его плодах какая сила скрыта?
И вправду ли они дают бессмертье?
Как видно, нет! Ведь даже эти люди
В раю, которые плодов вкусили,
Под злобными ударами толпы,
Я видел, падали и погибали.
Так что же плод давал им? А! Узнал!
Они на смерть спешили, как на праздник,
С улыбкой умирая; и своих
Мучителей они благословляли.
Что значит это? Смерть им не страшна!
Источник жизни в их сердцах таится!
Что ж это за источник?..

Вот, я видел:
Едва от древа жизни кто вкусил —
Вмиг просветлялся, благодным покоем
Охваченный, и звал других, склика
Их всех к себе; врага, убийцу злого,
Как друга, обнимал; и был он, точно
Сотовый чистый мёд, благоуханный
И сладостный, и светлый, и приятный,
Одним священным чувством весь наполнен,
Так вот: одна великая любовь —

Источник жизни!»

И взметнулся Каин,
Как зверь испуганный, и озирался
Вокруг себя, шепча, как в исступленьи:
«Одна любовь! Ужели так, о боже!
Ужели в этих двух словах лежит
Разгадка всех судеб, какой вовек
Ни древо знания, ни зверь не скажет
Таинственный? О горе, горе, люди!
Зачем же к дереву стремитесь вы?
И что найти хотите вы у зверя?
К себе взгляните в сердце, и оно вам
Расскажет больше, чем все звери рая!
Добро, любовь! Ведь мы в себе их носим!
Их благостная завязь в каждом сердце
Живёт — и надо лишь взрастить её,
И разовьётся! Значит, мы храним
В себе источник жизни, значит, к раю
Нам нечего и незачем стремиться!
О боже мой! Ужель возможно это!
Ужели с нами ты шутил, как шутит
Отец с детьми, в тот день, когда из рая
Нас изгонял, и тут же в сердце нам
Вложил свой рай, нас одарил в дорогу?»

И тотчас Каин дивно просиял.
Спокойствие чудесно разлилось
В его душе. Забыты все страданья!
И солнце грело, и земля сияла,
Вся золотом и пурпуром одета,
Как девушка, умытая росой.
На краткий миг от счастья опьянев.
Он позабыл о всём, за грудь рукою
Схватился, сам себе не веря.

«Боже!

Так это правда? Даже в этом сердце,
Увявшем, дряхлом и оцепенелом,
Живет ещё, и дышит, и цветёт
Тот райский крин, священная любовь!
О да! Я чувствую! Теперь впервые
За годы странствий возрождаюсь я
И оживаю! Точно гряда снега,
В моей душе бесследно тает злоба.
Как жаль мне этих маленьких людей,

Несчастливых, ослеплённых! Как люблю
Их с этой слепотой, с их лютым горем,
С порывами к добру! Ведь на пути
Могучие соблазны ты им, боже,
Воздвигнул, и бессильной, беззащитной
Природу их ты создал! Эта искра
Познания, какую берегают
Они и раздувают, — что в ней! Тьма
И тайна знание хранят, как стражи.
А путь иной, ведущий прямо к сердцу,
К любви простой и чистой, зверь иной
Переградил, — крылатая химера,
Она целительную эту правду
В мираж, в бесплодный призрак превращает.
И мечутся они, как лист сухой
В осеннем ветре, — режут, убивают
Друг друга, исступлённой злого зверя,
Копают землю, к небу страстно рвутся,
Плывут по морю, — в небесах, за морем
Взыскуя рая, счастья и покоя,
Взыскуя благ, какие только в сердце,
В любви взаимной могут отыскать!»

«Что ж, неужели вечны их блуждания?
Ужель вовеки не найдут они
Пути прямого? Неужель напрасно
Дано им это вечное стремленье?
Нет, жить любому хочется! И разум
На то и дан любому, чтобы жизнь
От смерти отличить. И если он
Однажды лишь найдёт дорогу в жизнь,
То вряд ли он пойдёт дорогой смерти.
Я укажу им светлую дорогу!
Я, прадед их, открою правду им,
Добытую в веках моим страданьем,
Прижму к груди своей и научу
Людей любить друг друга и оставить
Раздоры, и обиды, и убийства.
Убивший первым, искуплю свой грех
Тем, что людей избавлю от убийства.
О люди, дети, внуки дорогие!
Довольно плакать о потере рая!
Я вам несу его! Несу вам мудрость, —

А позади селения, на взгорьи —
Широкая прогалина; не пчёлы
По ней летают, не шмели гудят:
Там веселится молодёжь. На солнце
Лоснится смуглое, нагое тело,
И голоса разносятся, и ветер,
Играя, развеивает чёрный волос.
Одни бегут вперегонки, другие,
Сплетаясь в танце, ходят, собирают
Большие раковины на побережьи,
Иные дружно напрягают лук,
Стреляя в цель, а прочие кольцом
Столпились возле старика. Седой,
Сидит на камне он, бренча струнами,
И напевает.

Каин видел это,
Как на ладони, плакал и смеялся
От радости. Он так давно не видел
Людей! И вид их мирного труда,
И радостей, и горестей вседневных
Таким ему прекрасным показался,
Что, очарованный, застыв на месте,
Глядел он, не мигая, упивался
Тем зрелищем, как величайшим счастьем.
Тут детвора крик подняла: у лука
Порвалась тетива. «Дедуня Лемех,
Поправьте лук!» И дед игру оставил,
За лук взялся, внимательно ощупал
Со всех сторон, седую головой
Покачивая благодушно. Каин
Тотчас же догадался: дед — слепец.
Вот вынул из-за пазухи струну
И натянул на лук, и вдруг ударил
По ней. Как ласточка, защебетала
Струна, — и что-то осенило старца.
«Эх, дети! — крикнул он и поднялся. —
Уж я старик, слепец, а всё ж готов
Померяться в стрельбе с любым из вас». —
«Ого! дед Лемех за стрелу берётся!» —
Заголосили мальчишки. — «Дедуня!
Давайте же начнём стрелять по цели!» —
«А где же цель? Ведите и меня
На стрельбище!»

Но в этот миг другие

Заметили, что Каин приближался
К прогалине.

«Спасите! Там чужой
Идёт! Разбойник! Дикий человек!
Спасите, дедушка!»

И, как цыплята
От ястреба, они сбежались к старцу.
Дед Лемех вздрогнул.

«Где идёт дикарь?» —
Спросил сурово.

«Из-за кедров вышел!
Сюда идёт!»

И тут старик, ни слова
Не говоря, взял новую стрелу
Вложил и — выстрелил.

«Стой, Лемех, стой! —
Раздался голос. — Я твой прадед Каин!..»

Но в этот миг пернатая стрела
Ему вонзилась прямо в сердце. Резко
Взметнулся Каин и ничком на землю
Упал, — и остриё пронзило спину,
А руки судорожно в землю врылись
И замерли на ней.

«Ура, дед Лемех!» —
Мальчишки вскрикнули, но Лемех только
Махнул рукой. Он, бледный как мертвец,
Стоял недвижно, уронив на землю
И лук, и стрелы.

«Что с тобой, дедуня?» —
Защебетали дети, но старик
Чуть выговорил тихо: «Что сказал
Тот человек?» —

«Что будто бы он — Каин,
Ваш прадед». —

«Каин? Это невозможно!
Мой прадед Каин! Дети! Горе нам,
Большое горе, если это правда!
Скорее гляньте, что с ним?» —

«Он упал
Вот там, под кедром, и лежит спокойно». —
«Скорей к нему! Ведь, может быть, он жив!»

О господи, не дай греху свершиться, —
Не дай пролиться каиновой крови!»
И, спотыкаясь, содрогаясь весь,
Пошёл дед Лемех, а за ним толпою
Шла детвора. Незрячий, всё же прямо
Он шёл туда, куда пустил стрелу,
Пока он не споткнулся, не упал
На тело Каина.

«То он! То он! —
Как иступлённый, вскрикнул Лемех. — Дети,
Погибли мы, и весь наш род погиб,
Погиб навеки! Каин принял смерть
От рук моих! Зовите же отцов,
Зовите всех сюда!» —

Покуда дети
Скликали старших, старый Лемех сел
У трупа и, рукою прикасаясь
К лицу его, к простреленной груди,
Завёл тихонько, как над колыбелью,
Дрожащим голосом такую песню:

«Слушай, Цилла, слушай, Ада,
Дома моего отрада,
Слушай божий глас:
Кто над Лемехом смеётся,
Тем насмешка отзовется
За один — семь раз.
А кто Каина коснётся,
С тем — пойми — сам бог сочтётся
Семьдесят семь раз».

Не умолкая, как безумный, пел
Он песню. Всё селенье, между тем,
Здесь собралось. Кольцом широким люди
И тело, и убийцу обступили.
Вот, наконец, как бы очнулся Лемех
И, голову поднявши, будто сонный,
Промолвил: «Что же, есть ли кто со мной?» —
«Мы все тут, старый!» — зашумели люди.
«Так плачьте, дети! Вот наш пращур Каин,
Он проклят богом за убийство брата
И семикратно проклят им за то,
Что к нашему приблизился посёлку
И смерть приял от рук моих! И смерть

Его всех нас проклятью обрекла,
Злой каре — и детей, и внуков ваших!
Так плачьте, дети! Плачьте над собою!
А мёртвое, отверженное тело,
Не прикасаясь, схороните тут,
Чтоб света божьего не осквернял он,
Чтоб на него и солнце не глядело,
Чтоб зверь, его наевшись, не взбесился,
И птица, наклевавшись, не издохла!
Возьмите камни, ими забросайте
Его, как пса, сухим песком засыпьте
И обсадите тёрном! И навек
Будь проклято и место, где лежит он!»

И кинулись все люди с диким криком
И воплями закидывать камнями
Убитого. Лежал он, как дитя
Уснувшее, с простёртыми руками,
С лицом спокойным, ясным, на котором,
Казалось, не изгладила и смерть
Улыбки просветленья и любви.
Но скоро грудюю каменьев труп
Закрыло вовсе; а случайный камень
Расплющил череп, придавил к земле,
Похоронил навеки под собою.

ИВАН ВИШЕНСКИЙ

Поэма

Посвящаю А. Крымскому

1

Пирамидою зелёной
На волнисто-синем фоне,
Исполинским изумрудом
На равнине синева, —

Над прекрасным южным морем,
Под спокойным тёплым небом
Дремлет, пышно зеленея,
В тихом сне гора Афон.

Дремлет ли? Ведь мать-природа
С неустанною заботой
Наряжает, забавляет
Дочь любимую свою.

Там, внизу, из волн шумливых
Величавые утёсы
Гордо устремились к небу —
Стены, портики, столпы, —

Там, внизу, оркестр могучий
Ни на миг не умолкает,
Плещут волны о каменья,
Пена брызжет серебром.

А вверху — крутые склоны,
Сплошь поросшие лесами,
Что-то шепчут неустанно,
Без начала, без конца.

Но гора затихла в дрёме;
День и ночь плывёт над нею
Как бы розовая дымка, —
Нет ни звука. Тишина.

Хоть повсюду вдоль ущелий
Узкие ползут тропинки,
Но ни голосов, ни смеха
На тропинках не слышать.

Хоть рассыпаны повсюду
По лесам, обрывам, скалам,
По нагорным луговинам
Поселения людей, —

Но глубокое молчанье
Залегло в селеньях этих,
И торжественным молчаньем
Запечатаны уста.

Тишина, покой, молчанье,
Строгие, худые лица,
Одноцветные одежды,
Непоспешные шаги.

Лишь три раза в день по склонам
Колокольный звон несётся,
Будто где-то над горами
Лебединый дальний крик.

В скорбном плаче колокольном
Как бы скрыта укоризна
Хмурым людям, умертвившим
Благодатный этот край

И гнездо высоких мыслей,
Школу мужества и силы,
Взлёт орлиный превратившим
В чёрную тюрьму души.

2

В воскресенье по вечерне
Зазвонили на Афоне;
Подад голос Прот великий,
Отозвался Ватопед*.

Дальше звякнул Эсфигмену,
Загудел Ксеропотаму,
Там Зографу, после — Павлю,
Раззвучался Ивсрон *.

Покатились по отрогам
Скорбные рыдания меди,
И ответственуют утёсы,
И ущелья, и скиты.

И ответственуют им вздохи,
Крестятся худые руки,
Тихий шопот отвечает:
«Со святыми упокой!»

Этот скорбный голос меди —
Знак прощанья с жизнью брэнной --
Никого здесь не тревожит:
Это будничная весть.

Скитник ли в скиту скончался
Так, как жил, — один, безмолвный,
И узнали о кончине
Только через много дней —

По тому, что не пришёл он
К монастырскому подворью,
Не принёс своей работы,
Горсти овощей не взял?

Или инок в тесной келье
Умер над святым писаньем,
Киноварью и лазурью
Украшая письмена?

Или послушник скончался —
В грешном мире князь и воин —
Здесь же, в кухне монастырской,
Скромный служка с давних пор?

Или иерарх скончался,
Настоятель ли, игумен, —
Всем почёт здесь одинаков:
«Со святыми упокой!»

Или из ещё живущих
Кто-то путь свой завершает,
Мир привольный покидает,
Чтоб в пещере смерти ждать?

Глянь, вон там, — в стене гранитной,
В крутизне скалы, нависшей
Над неистовым прибоем, —
Ласточка гнездо свила?

Нет, там выдолблены норы,
Недоступные, глухие,
Выбиты в горах пещеры,
Словно птиц морских приют.

Это норы для аскетов,
Здесь свершают путь последний,
Здесь находят, без возврата,
В вечность узкие врата.

Кто изведал послушанье,
Строгий искус монастырский,
И тяжёлый, молчаливый
Труд в таинственном скиту, —

Кто стремится здесь закончить
Строгий подвиг аскетизма,
В одиночестве, в молчаньи
Внемля голосу души, —

Кто порвал все связи с миром,
Поборол соблазны плоти,
Кто почувствовал желанье
В очи вечности взглянуть, —

Тот, с соизволенья старших,
Ищет для себя пещеру,
Ищет для себя могилу,
Из которой нет пути.

И тогда рыдают звоны,
И в стенах Афона древних
Шепчут чернецы чуть слышно:
«Со святыми упокой!»

В воскресенье по вечерне
 Зазвонили на Афоне:
 Подал голос Прот великий,
 Отозвался Ватопед.

После звякнул Эсфигмену,
 Загудел Ксеропотаму,
 Там Зографу, после — Павлю,
 Раззвучался Иверон.

Покатились по отрогам
 Скорбные рыданья меди,
 И ответствуют утёсы,
 И ущелья, и скиты.

Звон затих, но отголоски
 Долго в воздухе звучали,
 И в монастыре Зографу
 Заскрипели вдруг замки.

Раскрываются ворота;
 С монастырского подвѣрья
 С монотонным, тихим пеньем
 Выступает крестный ход.

Веют рдяные хоругви,
 Будто отсветы пожара;
 Деревянный крест с Распятым
 Тихо впереди плывёт.

Бородатые монахи
 В ярко рдеющих фелонях*,
 А за ними вслед — монахи
 В власяницах, босиком.

Посреди согбенный старец,
 Сморщенный, седобородый,
 В самотканной власянице,
 Крест берёзовый несёт.

Крест из двух ветвей берёзы,
 А от моря ветер веет,

Борода седая старца
Разметалась по кресту.

И плывёт усталый голос
В лад с напевом монотонным,
Повторяющим уныло:
«Со святыми упокой!»

По тропе крутой, змеистой,
Крестный ход идёт всё дальше,
Лугом, лесом — прямо к морю,
А оно шумит вдали.

Над цветением рош несутся
Похоронные напевы,
Над пахучими лугами
Стелется кадильный дым.

Вот остановились люди
У отвесного обрыва,
Над бездонной глубиной,
Ужасающей сердца.

Точно стены из гранита,
Голая скала отвесно
Поднялась из бездны моря
В голубую вышину.

Глянуть сверху — чёлн на море,
Колыхаемый волнами,
Кажется, как белый лебедь
На безбрежной синеве.

Глянуть снизу — эти люди
У отвесного обрыва
Кажутся овечьим стадом,
Что пасётся на камнях.

Снизу виден в том утёсе
Тёмный четырёхугольник —
Исполинскую печатью
В половине высоты.

Это виден вход в пещеру,
Вход в могилу для живого,

Врезанный в скале когда-то
И неведомо зачем.

Не пробраться в ту пещеру
Ни ползком, ни по ступеням,
Можно только на канате,
Точно птица, долететь.

На краю скалы приметен
След, протёртый здесь канатом,
Как неложная примета,
Что внизу, — в пещеру вход.

Тут остановились люди,
Стали править панихиду...
Где же тот, кого хоронят?
Где блаженный тот аскет?

4

Отслужили панихиду,
И последнюю молитву,
Преклонив колени, шепчут
Схимники и чернецы.

И встаёт игумен первым,
И встают за ним другие,
Тишина вокруг настала,
Только мря слышен гул.

И тогда, возвысив голос,
Говорит игумен старцу,
Посреди толпы монахов
Предстоящему с крестом.

Игумен

«Старец Иоанн, пред богом,
Перед солнцем лучезарным
И перед крестом господним
Заклинаю я тебя!

Отвечай чистосердечно:
По своей ли доброй воле
И по зрелому решению
Ты идёшь в пещеру?»

С т а р е ц

«Да».

И г у м е н

«Отрешился ли ты сердцем
От греховных помышлений,
От соблазнов брэнной жизни,
От друзей и от родных?»

Отрешился ли навеки
От всего, что дух уводит
Прочь с единственной дороги
К вечному покою?»

С т а р е ц

«Да».

И г у м е н

«Взвесил ли умом всё бремя
Испытания, все муки
Одиночества в пещере,
Безвозвратность всех надежд?»

Взвесил ли умом всю горечь
Бесполезных сожалений,
Яд раскаянья, готовый
Отравить твой подвиг?»

С т а р е ц

«Да».

И г у м е н

«Восхвали же имя бога!
Он внушил тебе сей подвиг,
Пусть же бог тебе поможет
До конца пройти сей путь!

До сих пор между живыми
Был ты — Иоанн Вишенский;
Но отныне это имя
Вычеркнуто на земле.

Так ступай своей дорогой!
Крест, какой в ладонях держишь,

Вот тебе наш дар единый,
И не надобно иных.

Пропитание, какое
Телу твоему потребно,
Брат ключарь еженедельно
Будет опускать тебе.

Так прощай! И в знак прощанья
Поцелуй прими последний.
Да сподобит нас всевышний
Вскоре отойти к нему!»

Целовал игумен старца,
Прочие монахи тихо
Руки старца лобызали
И его одежд края.

После двое самых младших,
Преклонившись, обвязали
Старца, и концы каната
Крепко стиснули в руках.

И перекрестился старец,
Подошёл к обрыву смело,
Сел, и начал опускаться
В ужасающую глубь.

Ветер буйно дул от моря,
Бороду седую старца
Развевал, и он, прижавши
Крест к груди, ушёл из глаз.

5

«Здравствуй, мирная обитель,
Пристань тихая, благая,
О которой непрестанно
Тосковал я с давних пор!

Камень, ставший мне оградой, —
Знамя веры необорной,
Мой приют, моё жилище,
Изголовье и покров.

Крест вот этот — мой товарищ,
Спутник мой в годину скорби,
Оборона от соблазна
И опора в смертный час.

Небо синее, порою
Видное в раствор пещеры, —
Светлая моя надежда
Отойти в небесный путь

Солнце ясное, в пещеру
Сыплющее при восходе
Пламя — золото и пурпур, —
Лучезарный божий дух:

Он в блаженные минуты
Грешный разум человека
Всеми радостями рая
Одаряет без конца.

Море ж синее, беспечно
Искрящееся на солнце,
Но ревущее сердито
Здесь внизу, у грозных скал, —

Это образ нашей жизни,
Привлекательный и ясный,
Если глянуть издалёка, —
Мрачный, яростный вблизи.

Вот мой мир. Что было бrenно —
Всё исчезло. Стихли крики,
Голоса житейской битвы
Тут ко мне не долетят.

Всё исчезло — все тревоги,
Все заботы, все волненья,
Всё, что душу отвращает
От возвышенных путей.

Остаётся лишь величье
Постоянства и покоя —
О великом лишь и вечном
Помышляй, душа моя».

Так наедине с собою
Говорил в пещере старец —
Тот, кого Вишенским звали,
Кто отныне мёртв для всех.

Говорил он не устами —
Издавна уже устами
Говорить он разучился,
Внемя голосу души.

И в углу своей пещеры
Сел на камень он, плечами
Оперся о свод холодный,
Тихо голову склонил

Голова его большая
На иссохшей, длинной шее
Наклонялась мимовольно,
Как тяжёлый, спелый плод.

Бородой о грудь опёршись,
Вдаль глядел он неподвижно
И сидел так долго, долго,
Как бы погружённый в сон.

По началу всё, казалось,
Смерклось перед ним, и дрожью
Сотряслось худое тело,
Мысли помутились в нём.

А потом, теплом повеяв,
Разливая в теле сладость,
Что-то нежно и щекотно
Прикоснулось вдруг к нему.

На мгновенье — мать мелькнула:
Так же вот, в далёком детстве,
Мать, лаская, щекотала
Сына, и смеялся он!

Слухом после ощутил он:
Словно нити из алмазов,
Звук протяжный вдруг возникнул —
Ласковый и светлый звук!

И, как мотылёк к лампаде,
Так душа стремится к звуку,
И всё больше, больше звуков,
Всё стремительней они.

Вот слились они рекою
В гармонических аккордах —
Кажется, в аккордах этих
Слиты небо и земля.

И плывёт душа аскета
В гармоническом потоке,
Точно лебедь над волнами,
Колыхаясь вверх и вниз.

Между небом и землёю
Вверх и вниз душа аскета,
Колыхаема, несётся
Всё роскошней, всё быстрее!

И поток гармоний этих
Светится, цвета меняя:
То лиловый, то лазурный,
То пурпурно-рдяный цвет.

Вот из этих волн пурпурных
Брызнул пламень золотистый,
Огненный вулкан взметнулся,
Реки света пролились.

Разлилось сплошное море
Света ясно-золотого,
Изумрудно-золотого,
Ярко-белого, как снег.

Бьют каскады световые,
Исполинские колёса,
Радужным огнём играя,
Катятся по небесам.

И невидимой рукою
Ткутся огненные ленты,
Ткутся мириады звуков,
Наполняя целый мир.

Собираясь, разбегаясь,
Смешиваясь, собираясь,
Как в стекле калейдоскопа, —
Вся вселенная плывёт.

Как дитя, душа аскета
Потонула в этом море
Звуков, красок, в этом ярком
Празднестве, — и он заснул.

6

День за днём идут, сменяясь,
Как в безбрежном океане.
За волной волна проходит,
Как на небе — облака.

В тишине пещеры старец
Вновь на камне неподвижно
Почивает, взор уставя
В ярко-синий свод небес.

Вдруг — о чудо! — шевельнулось
Что-то! На почти невидной
Нити с потолка пещеры
Опускался вниз паук.

Затаив дыханье, старец
Следовал за ним глазами,
Как за неким чудом или
Пришлецом с другой земли.

А паук меж тем проворно
Сверху донизу у входа
Нитку натянул, по нити
Снова кверху побежал.

И забегал неустанно,
Добывая, заплетая
Нить, и вскоре паутина
Вход в пещеру заплела.

Мыслит старец: «Видно, это
Жизнь земная посылает

Соглядатаев за мною,
Хочет выследить она —

Нет ли малой паутинки,
Чтоб связать с былою жизнью
Дух мой, и по этой нити
Помыслы увлечь мои?

Сей паук, быть может — дьявол,
Он своей лукавой сетью
Хочет уловить, проклятый,
Думы и мечты мои».

И уже занёс он руку,
Чтобы сбросить паутину,
Но внезапно мысль иная
Промелькнула в голове.

«В оны дни ушли семь братьев
От языческой погони,
На пути найдя пещеру,
В ней заснули крепким сном.

А паук вот так же сетью
Затянул весь вход в пещеру,
Спрятал братьев от погони,
Спас во славу божью их.

Паутиною сокрыты,
Спали братья в той пещере
Триста лет, пока господь их
Не позвал к себе на суд.

Пробудясь по слову бога,
Встали братья, как живое
Доказательство, что триста
Лет — для бога только миг.

Не господним ли веленьем
Сей паук здесь нижет сети, —
Не меня ли бог поставил,
Как свидетеля себе?»

Но тихонько зазвенела
Паутина; это муха,

В сеть запутавшись с налёту,
Стала дёргаться, пищать.

И паук тотчас явился
И поспешно паутиной
Стал опутывать добычу,
Муху накрепко вязать.

То подскочит и укусит,
То отскочит, снова вяжет;
Муха мечется в тенётах,
Дёргается и пищит.

«А, проклятый кровопийца, —
Молвил старец, — для того ли
Ты проник в мою пещеру,
Чтобы убивать и здесь?»

И уже занёс он руку,
Чтобы сбросить паутину,
Пленницу от мук избавить, —
Но остановился вновь.

«Без господнего веленья
Даже муха не погибнет;
Пауку, убийце злому,
Дар его — от бога дан.

Неужели же я в праве
Паука лишить той пищи,
Для которой положил он
Столько силы и труда?»

И опять, кладя псклоны,
Начал ревностно молиться,
Но и сквозь молитву слышал
Муху; как дитя, она

Трепетала в паутине,
И пищала, и молила.
Сердце старца содрогалось,
Но рука не поднялась.

«До утра метался ветер,
Жалобно стонал в утёсах,
Выло море и каменья
Грызло, яростно кроша.

До утра жестокий холод
Душу леденил и тело,
Как на судбище последнем
Я дрожал и костенел.

Я дрожал, в углу пещеры
Укрываясь, и тревогой
Был охвачен, и молитва
Замерла в моей душе.

Видел я себя бессильным,
Нищим, жалким, одиноким,
Бесприютным сиротою,
Без семьи и без родни.

Чудилось — земля застыла,
Вымерли все люди в мире,
И один лишь я остался
Изнывать в горниле мук.

Чудилось — сам бог на небе
Мёртв, и лишь диавол чёрный
Ныне властвует вселенной,
И пирует, и ревёт.

И казался я пылинкой,
Столь презренной и ничтожной,
Что и бог, и чорт, и люди
Позабыли про неё.

Но теперь блеснуло солнце,
Скрылись демоны ночные,
Бешенство ветров утихло
И повеяло теплом.

И теплом согрето тело,
И душа воскресла в теле,

Обрела, как прежде, бога
И молитву обрела.

Что за лабиринт, в котором
Ныне мысль моя блуждает?
Этого тепла частица
В теле душу родила!

Так удар огнива искру
Из кремня зовёт наружу,
Искра ж — порождает пламя,
Жар и блеск, тепло и жизнь.

Жар и жизнь, тепло, сиянье,
Где и смерть, и разрушенье,
И рожденье и бессмертье, —
Вот душа вселенной — бог.

Капля лишь тепла и света,
Вспыхнув искрой, в мёртвом теле
Пробуждает душу, — значит,
Без тепла в нём нет души.

А в душе тепло рождает
Ясность, и восторг, и веру, —
Значит, без тепла ни веры,
Ни восторга нет в душе.

Вера ж чудеса рождает,
Высшее рождает чудо —
Вера порождает бога,
Открывает нам его.

Бог явился нам — о чудо!
Он являлся лишь при солнце,
Только в жарких южных странах,
В блеске молний и в огне.

В рёве вихря, в тьме полночи,
В снежной буре и метели
Никому он не являлся.
Значит, бог — тепло и свет!

Но ведь бог — всему создатель,
Он творец тепла и света...
Кто же лёд и холод создал?
Библия о том молчит.

Так, тепло в бездушном теле
Возрождает душу снова,
А в душе — рождает веру,
Высший плод той веры — бог...

Не могли бы мы подумать,
Что сама душа, и вера,
И сам бог — лишь порожденье
Этой капельки тепла?

Мысль такая — не грешна ли?
Но ведь бог велит стремиться
К правде... Ведь без воли бога
Мысль такая не придёт!»

Так боролся с мыслью старец,
И молился, и томился,
Но былого просветленья
Он не мог уже вернуть.

И рыдал он: «Для того ли
Я свою оставил келью,
Бросил скит укромный, чтобы
Здесь в сомненьях погибать?»

8

«Неожиданные гости
Забрели в мою пещеру!
Кто послал их, и откуда
Ветер их сюда принёс?»

Лепестки, белее снега —
Снег ли это? Нет, не тают!
Дивным запахом пахнуло...
Боже мой, вишнёвый цвет!

Цвет вишнёвый — в этих скалах!
Где тут вишни на Афоне?
Гости дивные, скажите,
Не таясь, — откуда вы?

Этот запах ваш чудесный
Прямо в сердце проникает,
Счастьем душу наполняет,
Веет близким и родным.

Вы, наверно, с Украины,
Из краёв родных, далёких:
Там теперь в цвету вишнёвом
Сёла, белые, стоят.

Слышу я знакомый запах,
И моё больное сердце
Встрепенулось! Боже милый,
Значит, я не позабыл?

Значит, эта Украина,
Этот пышный рай весёлый,
Этот ад кровавый, страшный —
Не чужая для меня?

Что мне до неё? Конечно,
Тяжко ей, несчастной, биться
С езуитами да с панством, —
Но и мне ведь не легко.

Ждёт меня иная битва,
Битва та, какую должен
Каждый выдержать с собою,
Прежде чем итти к другим.

Разве лучшие стремленья,
Чувства, помыслы, порывы
Я не отдал, помогая
Родине в её борьбе?

Разве не был ей поддержкой
На неверных перепутьях?
Разве не вливал отвагу
В пошатнувшихся бойцов?

Разве не терзала душу
Злая их неблагодарность,
Самовластье, непокорство
Их бессмысленной толпы?

Разве тягость их гордыни
Прочь меня не оттолкнула?
Разве прах земной навеки
Не стряхнул я с ног моих?

Что ж вы, ласковые гости,
Милые мои скитальцы,
Забрели с весенним ветром,
Запахи свои неся?

Нет, не для меня ваш запах!
Ни к чему мне больше память
О далёкой Украине —
Для неё я мёртв давно!

Мёртв! Зачем же сердце бьётся,
Кровь живет заструилась,
Дума лёгкой чайкой реет
Над родным моим селом?

Пиги! Пиги! Пахнут травы...
Вишни, в молоке цветенья...
Вербы, в зелени весенней...
Дым над крышами села...

Соловей в ветвях калины
Свищет так, что сердце стонет...
Дети бегают... Девичьи
Песни за селом слышны...

Прочь, непрощенные гости!
В пристань тихого покоя
Вы приносите тревогу,
Жизни шум в мой тихий гроб!»

9

Вечереет. Тень густая
От скалы легла на море,
А вдали сверкают волны
Золотом и багрецом.

Со скалы своей высокой
Старец смотрит вниз, на море,
По волнам золото-рдяным
Он дорогу проложил.

Дальняя легла дорога
Через горы, через доли,
На родную Украину
Старец мыслями летит.

Шлёт он ей привет сердечный,
И любовь свою, и горечь,
Все те чувства, что, казалось,
Похоронены давно.

Вдруг дорогой этой ясной
Судно тихо подплывает,
Брызжут золото и пурпур
Из-под вёсел и руля.

Ветерок вечерний, тёплый
Раздувает белый парус,
И плывёт, как лебедь, судно,
Путь держа к горе Афон.

Братчики ли в нём ходили
Странствовать в края чужие,
Собирая подаянье?
Или местные купцы?

Или из иного края
Набожные пилигримы
Собрались на поклоненье?
Или к Проту посланцы?

Старец проводил глазами
Судно до тех пор, покамест
Не исчезло за скалою,
А исчезло — он вздохнул.

Вдруг привиделись на суше
Старцу кунтуши казачьи,
Шапки с алыми верхами, —
Нет, почудилось ему!..

Снова ночь, и снова утро,
И поклоны, и молитва,
Но тревога в сердце старца,
И смятенье, и тоска.

И внезапно стук он слышит —
Кто-то наверху о камень
Мерно камнем ударяет;
И ответил он на стук.

И спускается корзинка
С бедной трапезой обычной,
А на дне её посланье
Неизвестное лежит.

Затряслись у старца руки:
Скорописью украинской
Писано посланье это,
И знакомая печать.

«Старцу честному Ивану,
Одинок на Афоне
Путь вершащему нелёгкий,
Путь, указанный Христом.

Православные с Украйны,
Ради братского совета
Собравшись в местечке Луцке,
Шлют моленье и поклон.

Слава господу вовеки,
Он о нас не забывает
И суровые, для блага,
Испытания нам шлёт.

Тяжкие его удары
Нас куют, как бы железо,
Нас от скверны очищают,
Закаляют, аки сталь.

Слава господу вовеки
И молитвам богомольцев,

Бремя крестное за братьев
Возложивших на себя.

Милостью его святою
И молитвой богомольцев
Мы не пошатнулись в вере,
Не утратили надежд.

Враг свирепый, ненасытный
Явно борёт нас и тайно,
И обманом, и изменой
Подрывает наш шатёр.

Отреклись от нас вельможи —
И князья, и воеводы
Кинули христово стадо,
За маммоною спешат.

Наши пастыри святые,
Волку лютому подобны,
Расхищают божье стадо
И отраву в души льют.

Аки ярый лев в пустыне,
Так рычит над нашим горем
Голос лютого насилья:
«Где ваш бог? Где ваша мощь?»

Оттого-то все мы — утлый
Чёлн среди волненья моря —
Со слезами и молитвой
Собрались вершить совет.

Помня заповедь христову:
Царство божье — труд великий,
Лишь трудящиеся честно
Могут обрести его, —

Помня о твоём завете:
В час, когда изменит пастырь,
Надлежит помыслить пастве
О спасении своём, —

Рассуждали мы соборне,
Как бы нам от грозной бури
Хоть каким-нибудь оплотом
Церковь божью защитить.

И решили мы все силы
Съединить в одном усильи,
Чтобы общее нам дело
Преуспело и росло.

Вот затем и посылаем
Наших братчиков с мольбою
К старцу честному Ивану:
Будь отныне кормчий наш.

Воротись на Украину,
Согревай нас тёплым словом,
Будь, как бы костёр великий
В тьме ночной для пастухов.

Как костёр, в ночи горящий,
Согревающий замёрзших,
Зверя дикого гонящий,
Радующий всех живых.

Будь для нас отцом духовным,
Будь возвышенным примером,
Будь молитвой душ усталых,
Нашим кличем боевым.

Рассуди: страданий горечь
Злобу насаждает в душах.
Непрестанные обиды
Запечатали уста.

Рассуди: неправда злая,
Точно алчная волчица,
В логове своём смердящем
Порождает лишь волчат.

Рассуди: изменой, ложью
Уничтожена правдивость;
У кого отравы в сердце —
Лишь отравой дышит тот.

Отче, отче! Злое горе
Изъявляет наши души;
Пусть беззубы, но волчата
Ползают уже средь нас!

Отче, отче! От ударов
Гнутся головы и спины,
И жестокою отравой
Переполнилась душа!

Появись же между нами,
Старый воин непреклонный!
Твой приход нас, ослабелых,
Выпрямит и укрепит.

Слышишь: кличет Украина,
Мать-старуха в час невзгоды
Со слезами призывает
Милое своё дитя.

Время трудное настало,
Перекрёстная дорога
Перед нею, — кто покажет
Путь, каким вперёд итти?

Не пренебреги молением!
Матери спеши на помощь!
Может, голос твой и разум
Дело обратят к добру».

А поверх письма приписка:
«Посланцы из Украины
Завтра утром ждут ответа,
Завтра будут на скале».

11

По пещере ходит старец,
Крест попрежнему сжимая,
Тихо шепчет он молитвы,
Гонит мысли о письме.

«Крест — единое богатство,
Крест — единая надежда,
Крест — единое страданье
И единый мой приют.

Всё иное — лишь мечтанье,
Лишь бесовские соблазны;
Путь единый ко спасенью
И правдивый — путь креста.

Что мне и письмо и голос?
Кличут старца Иоанна.
Нет здесь старца Иоанна,
Он давно уж мёртв для всех.

Что теперь мне Украина?
Пусть спасается, как знает, —
Мне бы самому тихонько
Дотянуться до Христа.

Я бессилен и греховен!
Я не светоч, не мессия,
Их от муки не избавлю,
С ними пропаду и сам.

Нет, не изменю я богу,
Не нарушу я обета,
Бремя крестное неложно
До могилы донесу.

Близок час. Не оттого ли
Вал последний наступает
И последний путь скитальца
Так мучительно тяжёл?

Ждать недолго. Боже, боже!
Облегчи мне это бремя!
Освети мне путь последний,
Затерявшийся во мгле!»

Так всю ночь молился старец,
Обливал лицо слезами,
Крест руками обнимая,
Точно к матери приник.

Он рыдал, шептал, молился,
Но вокруг — темно и глухо,
И в душе — темно и глухо,
Просветление не шло.

А когда воскресло солнце,
Он сидел и ждал тревожно,
Ждал, пока взгрохочет камень.
Раздадутся голоса.

Вот грохочет камень глухо.
Старец сразу встрепенулся,
Но рука не протянулась,
Не ответила на зов.

«Старец Иоанн! Откликнись!» —
Слышен зов, и в зове этом,
Чудится — звучит тревога,
И надежда, и мольба.

«Старец Иоанн! Откликнись!
Здесь посольство с Украины,
Здесь твои родные дети!
Старец Иоанн! Ответь!»

Старец, затаив дыханье,
Жадно слушал этот голос,
Звуки речи украинской,
Но ответа не подал.

«Старец Иоанн! Откликнись!» —
Долго посланные звали,
Но лишь море рокотало,
Не ответил им Иван.

12

Вечереет. Будто сизый
Полог, тень легла на море,
А из-за горы — закатный
Луч по мерю пробежал.

Золотистая дорожка
Пролегла от волн шумливых
Вплоть до верхних скал Афона, —
А внизу шумит волна.

У преддверия пещеры
Сгорбленный сидит пустынный
И рыдает безутешно,
Наклонившись над письмом.

«Слышишь, кличет Украина,
Мать-старуха в час невзгоды
Со слезами призывает
Милое своё дитя».

«Милое дитя, ещё бы!
А дитя в такую пору,
В дни тягчайших испытаний
Покидает мать свою!

А дитя, в своём безумьи,
Лишь себе спасенья ищет,
Братьям же, терпящим горе,
И не думает помочь!

Разве в праве ты, несчастный,
Глиняный сосуд разбитый,
Думать о своём спасеньи
Там, где гибнет весь народ?

Вспомни заповедь христову:
Пастырь добрый тот, кто душу
Положить готов за паству.
Разве ты не пастырь им?

Вспомни заповедь христову:
Кто устами «любит бога»,
Но не помогает брату,
Тот — непоправимый лжец.

Ибо ты за все людские
Души, впавшие в безверье
Без твоей поддержки, — богу
Должен будешь дать ответ.

Ибо вся твоя гордыня,
Все надежды на спасенье
Тут, вдали земных соблазнов, —
Тягостный соблазн и грех.

Не господень путь избрал ты,
А диаволу ты служишь,
Мастеру гордыни, вровень
С богом вздумавшему встать.

Не господень путь! И даже
Если в рай ты проберёшься,
Но земля твоя родная,
Твой народ погибнут тут, —

Ведь тогда в мученья ада
Обратится рай! Одна лишь
Мысль: «Я мог им быть спасеньем» —
В пекло превратит твой рай!»

И смертельная тревога
Охватила сердце старца,
Лоб холодный пот усеял,
И дыханье пресеклось.

И взглянул он вновь на море,
Где чертой золототканной
Над волнами прочертились
Тени от горы Афон.

Вот из глубины залива
Судно тихо выплывает,
Стороною затенённой
К солнцу светлому бежит.

Турчин судном управляет,
Рядом кунтуши казачьи,
Шапки с алыми верхами,
Вёсла брызжут багрецом.

Посланцы из Украины!
Встрепенулось сердце старца,
И в тоске, себя не помня,
Руки он, дрожа, простёр:

«Стойте! Стойте! Воротитесь!
Я живу ещё! Как прежде,
Я люблю свою Украину,
Ей отдам остаток дней!

Стойте! Стойте! Вернитесь!» —
Но куда! Не слышат зова.
И по водам золотистым
Судно уплывает вдаль.

И ломает руки старец
И сжимает сердце с болью,
И перед крестом на камни
Он кидается лицом.

«О распятый! Ты оставил
Нам завет свой наивысший:
Возлюбить всем сердцем ближних,
Жизнь за други положить!

О, распятый! Снизойди же!
О, не дай мне погрузиться
В бездну безысходной муки,
В глубину, где веры нет!

Дай любить всем сердцем братьев,
Жизнь за други полагая!
Дай мне только раз увидеть
Мой любимый край родной!

Вот, взгляни: остаток нити,
Что меня вязала с жизнью!
О, не дай ей оборваться!
Обрати её сюда!

Ниспошли противный ветер!
Подыми волну до неба!
Или дай, подобно птице,
С вышины скалы слететь!

Ты ведь благостен, всемогущ!
Если же моя молитва,
И молчание, и подвиг,
И работа, и посты

Хоть крупицу заслужили,
Хоть пылиночку награды, —
Я без жалости, распятый,
Всё с готовностью отдам.

Всё отдам, готов, как грешник,
Изнывать в смоле навеки,
Лишь одно теперь исполни
Чудо: судно возврати!

Или птицею крылатой
Дай мне пролететь отсюда,
Или по лучу заката,
Как по мосту, пробежать.

Ты и сам, ещё младенцем,
По лучу прошёл из храма,
И по морю среди бури,
Как по суше, проходил.

Дай, о дай мне это чудо!
Лишь одно, на миг единый!
Не оставь меня в тревоге,
Как бессильное дитя!»

Так молил Иван Вишенский,
Крест в руках своих сжимая,
И почувствовал, как дивно
Облегчилась боль его.

Так легко, покойно стало,
Вдруг исчезли все тревоги,
Вера дивно овладела
Обновлённою душой.

Вера в то, что бог услышал
Неотступное моление,
Что пришло мгновенье чуда —
Просветление пришло.

То, чего он ждал так долго,
Вдруг овеяло, как ветер,
Как гармония святая,
Райских кущей аромат.

И в восторге он поднялся,
И перекрестился трижды,
И благословил лучистый
Путь, струившийся в волнах.

Ничего уже не видя,
Только этот путь лучистый
И в далёком море судно, —
Шаг ступил он — и исчез.

А в пещере опустелой
Только белый крест остался,
Как скелет былых иллюзий, —
И волны немолчный шум.

НА СВЯТОЮРСКОЙ ГОРЕ

30 октября 1655

Посвящается
Николаю Витальевичу Лысенку

I

Солнце клонится над Львовом.
Ярче пёстрога ковра,
Вся блестит в лучах заката
Святоюрская * гора.

На горе столбы да трубы
Обгорелые торчат;
Вдоль дороги верб безлистных
Цепенеет длинный ряд.

Средь руин шатры белеют,
К стенам лепятся тесней,
Чем грибы с широкой шляпкой
Между обгорелых пней.

Кучками между шатрами
Отдыхают казаки,
Блещут копья, и высоких
Шапок красные верхи.

Кой-где стон раздастся в стане,
Песня там и сям слышна,
Звон бандуры, окрик стражи,
Зов протяжный чабана.

На горе уже к вечерне
Благовестят, — и на звон

Гнутся головы казачьи,
Богу отдают поклон.

И внизу все колокольни
Львовские отозвались
Многозвучной перекличкой,
Подымающейся ввысь.

А у церкви Святоюрской,
На челе горы крутом,
Близ шатра, под старым дубом
Ходят чарки за столом.

Тут Богдан, казацкий батько,
Пяць полковников с ним в ряд,
И Иван Выговский* — писарь,
За беседу сидят.

От Богдана справа — гости,
Что спешили издали,
Что от Яна Казимира*
Дар и письма привезли.

Тут старинный кум Богдана,
Любовицкий — важный лях,
Он когда-то в Чигирине*
До войны бывал в гостях.

Рядом с ним сидит пан Грондзкий:
Словно крыса, быстрый взгляд
Мечет он на стены Львова,
На шатров походных ряд.

Замер благовест вечерний,
Писарь чары налил вновь,
И заслушалось застолье
Важных гетмановых слов.

II

«Пане-куме Любовицкий, —
Хмурясь, вымолвил Богдан, —
Чарку! За былую дружбу!
Пей, покамест полон жбан!

Говоришь — король ваш плакал,
Как письмо сие писал?
Что душой за Украину
Он болеет — ты сказал?

Выпей! — Плакал? Езуиты
Любят плакать, слёзы ж их
Душу жгут иным и тело...
Выпей, кум, и слов моих

Не прими в обиду! Молвишь —
Признавал король и сам,
Что ни крохи не исполнил
Из обещанного нам?

Так чего ж теперь он хочет?
Что ж он упрекает нас,
Будто по вине казацкой
Кровь рекою полилась?

Что под Речью-Посполитой
Мы подкопы подвели
И великую твердыню
Всей державы подожгли?

Милый кум, я королевский
Уважаю древний сан,
Но король такую речью
Сам себе чинит изъян.

Ибо сказанное прежде
Спорам всем конец кладёт, —
Он же знает, что пошли мы
Не от радости в поход,

Что не мало мы терпели
Надругательств от панов:
Канчуками * нас пороли,
Быдлом звали казаков,

Жён позорили казачьих,
Шкуру драли за оброк,
В божью церковь не пускали.
Хоть иди молись в шинок!

Хаты наши жгли, рубили
Наши бедные сады, —
С паном пан не поделился,
Казакам — хлебнуть беды.

Даже в душу захотели
Нам залезть в конце концов!
Подменяют нашу веру,
Веру дедов и отцов.

«Туркогреками» нас лают,
Церкви — сам ты посуди —
Запирают, — некрещёный
И невенчаный ходи!

Да иуд-христородавцев
В красных мантиях нам шлют,
Этот брак насильный с Римом
Унией они зовут...

Тут мы, друже, не стерпели!
Так нам стало горячо...
На погибель живодёрам!
Выпей, кум, одну ещё!

III

Пишет нам король: «Клянусь вам
Крестной мукой и крестом,
Что хотел я, да не смог, вас
Защитить — моих детей».

Ха, ха, ха! Крестом он клялся,
Ну, а чорт махнул хвостом
И ту клятву смазал! Знаю,
Знаю я таких чертей!

Говоришь — король на сейме
Уделил словечко нам,
Что пора, мол, справедливость
Оказать и казакам, —

Да магнаты заревели,
Да всё сборище панов.

Да орава подпоённых
И подкупленных послов
Королю свирепым гвалтом
Не дали докончить слов...

Верю, хоть чудно всё это...
А теперь, что делать вам?
Если сам король ваш тряпка, ---
Грош цена его словам!

И о чём нам толковать с ним,
Бога клятвами дразнить,
Коль ему на сейме слова
Не дали договорить?

Сам подумай, кум: на что нам
С помелом вести трактат?
Хватит вам водить нас за нос,
Как за прутиком котят!

Пожелаем справедливый
Заклучить отныне мир, —
Мы найдём панов, что в Польше
Больше, чем Ян Казимир.

Да не скоро это будет!
Знай: пока нам сабля — друг
И не выпали пищали
Семипядные из рук, —

Грохотать не перестанет
На Украине битвы гром
До тех пор, пока мы дела
До конца не доведём.

Плакал ваш король? Пусть плачет,
Раз не может пособить!
Но ему бы не над нами —
Над собою слёзы лить.

И над Речью-Посполитой
Пусть поплачет над своей:
Страшное она видала,
Но увидит — пострашней!

Не копьём казацким рана
Ей была нанесена, —

Это треснул струп поганый,
Гноем полный издавна.

Коль его теперь не вырвать,
Он всю Польшу изъязвит,
Съест у вас и кость, и мясо,
И всю вашу жизнь сгноит.

Малость мы нарыв давили,
Гной оттуда стали гнать —
Вишневецких, Конецпольских,
Калиновских, как их звать...

И за это мы достойны
Благодарности, не кар!
Но пока владычит панство,
Не покончим ссор и свар.

Быть бы мне плохим пророком!
Вспомните мои слова:
Коль из этой заварухи
Польша вылезет жива,

Коль её магнаты силой
В гроб навеки не сведут,
Так они ж её соседям
На съеденье продадут!

IV

Выпьем, кум, ещё по чарке!
Чарка добрая несёт
Сердцу чистому — веселье,
А нечистое — печёт!

Говоришь: «Кровавый, старый
Спор да будет позабыт!
Истребим из сердца память
Кривд взаимных и обид!

Братья равные, любовью
И доверием дыша,
Жили бы мы в доброй дружбе —
В двух телах одна душа...»

Славные слова, ей-богу!
Проникают в кость и кровь.
Даже Коссову Сильвестру *
Не придумать лучших слов.

Слушай, кум, ты муж учёный,
Мудрая ты голова, —
А меня почёл за дурня,
Тратишь попусту слова.

Знаешь сам: они — приманка,
Свежий, скажем, червячок,
Чтобы с ним казачья щука
Ухватила ваш крючок.

Не клянись же, кум, напрасно!
Слушать клятвы бог устал!
Лучше присказку послушай,
Что от деда я слышал.

V

Жил да был себе хозяин,
Поле он имел и сад,
Крепкий дом, скотины много,
Пчёл колод за пятьдесят,

И жену, и слуг примерных,
И деньжонки под ключом, —
Люди с завистью смотрели,
Называли богачом.

У него был змей домашний,
Что не жалил, не кусал,
А везде свободно ползал,
По ночам коров сосал,

На день же ему хозяин
С незапамятной поры
Ставил мисочку со сладким
Молоком возле норы.

Был тот змей хозяйским счастьем;
От росы и от воды

В двор добро плыло, сторицей
Награждались все труды.

Добрый скот тучнел на диво,
Пуще всех — хлеба росли,
Сад родил, роились пчёлы, —
Ну, как будто бы гребли

Счастье в дом к нему лопатой,
А несчастье гнали прочь:
Град побил весь хлеб соседний,
Полсела сгорело в ночь,

На его ж земле — ни искра,
Ни градинка не легли,
Саранча летела мимо,
Стороной болезни шли.

VI

Но стряслась беда, однако!
У хозяев был сынок —
Батькин баловень, любимец,
Малый хлопчик-ползунок.

Вот однажды мать на завтрак
Для любимого сынка
Налила и прямо на пол
Ставит миску молока.

Ест малыш и, как все дети,
Разливает на полу.
Тут и змей услышал запах
Молока в своём углу.

Из норы на запах выполз,
Начал молоко лакать.
Мальчик, видно, рассердился —
Змея ложкой по лбу хватя!

Змей, к побоям не привыкший,
Взвился грозно и, свистя,
Будто молния, ужалил
Несмышлёное дитя.

Завизжал малыш от боли;
Батяка в страхе прибежал,
Понял сразу, что случилось,
Только чем помочь, — не знал.

Он за змеем в лютой злости
Кинулся, убить хотел,
Но и змей, угрозу видя,
Заползти в нору успел.

Подбежал с дрючком хозяин.
Но уж в яме змей укрыт,
Только хвост ещё снаружи
За собою волочит.

Тут, недолго рассуждая,
Как ударит человек, —
И у змея, у бедняги,
Напрочь длинный хвост отсек.

Да несчастья не поправил,
Сына милого не спас:
От змеиного укуса
Умер мальчик в тот же час.

VII

Страшно тосковал хозяин,
Сна лишился. Но и змей,
Глубоко в норе, не меньше
Раной мучился своей.

И хоть рана затянулась —
Без хвоста и нездоров,
Невлюбил он дом хозяйский,
Сад, и пчельник, и коров.

И бывшее счастье дымом
Улетело со двора:
Летом град побил пшеницу,
Иссушила степь жара,

Черви добрый сад сгубили,
Подкосил скотину мор,

В дом болезни повалили,
Смерть повадилась во двор.

Что тут делать? Ну, за словом
Слово, он — к ворожее:
«Погадай, что за причина
Перемен в моём житье?»

Ворожейка погадала
На бобах да на звездах,
Говорит: «Ты сам повинен,
Сам себе выходишь враг.

Верного имел ты друга,
Он от зла тебя берёт,
Только первой же обиды
Ты простить ему не мог.

Ущемил его ты тяжко,
Тяжко гневается он, —
Этим гневом весь великий
Причинён тебе урон.

И покуда этот лютей
Гнев его горит огнём,
Ты не жди себе спасенья,
Прахом пропадёт твой дом!

У тебя одна надежда:
Снова друга приручить
И навечно с ним сердечный
Мир по правде заключить»,

VIII

Вот теперь хозяин понял.
Как себе он навредил
Тем, что в злобе неразумной
Хвост у змея отрубил.

«Эх! — подумал, — непременно
Помириться надо с ним,
А то сгинет вся скотина,
Уплывёт добро, как дым!»

И сказал жене: «Поставь-ка
У змеиного угла
Молска, чтобы удача
Снова в хату к нам пришла».

Вот опять хозяйка ставит
Минску змею поутру.
Змей же выползет, наестся —
И опять к себе в нору.

А хозяину всё хуже,
Что ни день, то тяжелей,
Хоть топись! Вот он однажды
Подстерёг, как выполз змей,

И промолвил: «Змей мой милый!
Что на нас с тобой нашло?
Что мы ссоримся? Что делим?
Позабудем гнев и зло!

Что минуло, то пропало,
Хоть и горько нам пришлось;
Заживём в любви и в мире,
Чтоб, как прежде, нам жилось!»

Змей на то ответил: «Хватит!
Что прошло, то пронесло.
Только как забудем горе,
Что нам на сердце легло?

У тебя, как вспомнишь сына,
Что его не воротить, —
Пятка чешется, чтоб череп
Поскорей мне раздавить.

Да и я, как только гляну
На обрубленный мой хвост, —
Вгрызся бы в тебя зубами,
Так во мне лютует злость.

Где уж нам с тобой сдружиться!
Как тебе был дорог сын,
Так мне — хвост мой. И не нужно
Нам мудрить, искать причин.

И пока живёт в нас память,
Не привяжется твоё
Сердце вновь ко мне, к тебе же
Не привяжется моё.

Лучше нам навек расстаться!
Без меня в своём дворе
Ты хозяйствуй, без тебя я
Проживу в своей норе».

IX

Пане-куме Любовицкий,
Ты, я знаю, голова!
Верно, ты без пояснений
Раскусил мои слова?

Тот хозяин — ваша Польша,
Ну, а змей — то казаки,
Что служили вам, рубили
Басурманские полки,

Что ходили за пороги,
Лезли и в Стамбул, и в Крым,
Так что хану и султану
В очи бил пожаров дым.

И жилось тогда нехудо:
Наживал богатство лях
За казацкими плечами,
А казак — в степях, в полях

На свободе жил, и каплю
Брал себе от молока,
Что сберечь и что припрятать
Помогла его рука.

Но пошли раздоры. Полно
Нам мудрить, искать причин;
Мы терпели, вы терпели,
Ваш сгиб сын, и маш сгиб сын.

Ну, скажи, как жить нам вместе?
Как забыть бывшее зло,
Что кровавою межою
По сердцам у нас прошло?

Как к любви преклоним сердце,
Злобой полное — скажи?
Где душа возьмёт доверья
После всех измен и жи?

Нет, приятель! Разойдёмся.
Порознь лучше будем жить:
Ваша Польша — вашей будет,
Украине — нашей быть.

Вы себе пануйте дома
На вине, да на меду;
Ну, а мы, бог даст, осилим
И без вас свою беду!

А пройдёт лет сто иль двести,
Наши раны заживут,
Все обиды, споры, ссоры
Вешним паводком уйдут, —

И взамен измен и распрей,
Не на жи, не на крови,
Встанет сила общих целей,
Братства, дружества, любви.

Мы не в школе езуитской,
В школе тягостной бсрьбы
Возмужав — проложим сами
Добрый путь своей судьбы.

Вот тогда-то час настанет
Кривду старую избыть,
Час настанет, кум любезный,
Нам про дружбу говорить.

Х

Морщишь брови? Стиснул зубы?
Иль недуг тебя трясёт?
Молвишь: «Роса очи выест,
Пока солнце не взойдет?»

Что ж, возможно! Но, признайся —
Это правда или ложь? —

На словах в любви клянёмся,
А за пазухою — нож?

Дружба ли, что говоришь ты
Нам про братство, про любовь,
Про напрасно пролитую
Нашу кровь и вашу кровь, —

Что пора, мол, помириться,
Память зла развеять в дым, —
А ведь ты, я точно знаю,
Завтра едешь к хану, в Крым!

Подбивать ты станешь хана,
Мурз поганых подкупать,
Чтобы шли на Украину —
С казаками воевать...

Побледнел? Дрожишь! Не бойся!
Знаю вас не первый год!
Да ведь это ж — езуитской
Вашей школы цвет и плод!

Знаю, кум: за той же самой
Пазухой, где ты привёз
Королевское посланье,
Полное и клятв, и слёз, —

Королевское второе —
К хану — есть письмо! И в нём
Он же хана заклинает,
Чтоб нагрянул к нам, как гром,

Чтобы хан гадюк казацких
Раздавить ему помог...
Не дрожи, мой кум! А ну-ка,
На прощание, дружок,

Чарочку! Езжай счастливо!
Хану кланяйся, мурзам!
Да скажи, что коней нужно
И дамасских сабель нам.

Коль у них коней и сабель
Много, а своих голов
Им не жаль — пускай приходят.
Ну, довольно! Будь здоров!»

МОИСЕЙ

Поэма

Народ мой, исстрадавшийся, разбитый,
Как немощный калека на дороге,
Пренебреженья струпьями покрытый,

О будущих потомках я в тревоге.
Какой позор для них твой печали!
Мне не даёт уснуть твой вид убогий.

Ужель твои железные скрижали
Велят тебе для всех быть удобреньем,
Чтоб на тебе, как могут, выезжали?

Ужель миришься ты с предназначеньем
Скрывать вражду под маской послушанья
Пред каждым, кто насильем и уменьем

Связал тебя и держит на аркане?
Ужель не ждёт тебя на свете дело,
Что только ты осилить в состояньи?

Ужель напрасно столько их сгорело —
Сердец, пылавших тем бесценным жаром,
Что не жалеет ни души, ни тела?

Ужель их кровью полит край задаром,
И ширь его ни для кого не диво,
И он не горд своим величьем старым?

Что ж в слове у тебя такие взрывы
Шутливости, и ласки в разговоре,
И нежности, и силы горделивой?

Что ж в песнях у тебя такое море
Задора, смеха, молодой истомы,
Любви, надежды, и тоски, и горя?

О нет, не вздохи лишь тебе знакомы.
Я верую в здоровую основу
И в день заветный твоего подъёма.

О, если б ведать миг, послушный слову,
И слово знать, которое мгновенно
Собою мир преобразить готово!

О, если б выйти с песнью вдохновенной
В тот миг к народу, и зажечь примером,
И вывести всех до одного из плена!

Но нет, не нам, усталым маловедам,
С сомнением нашим, и стыдом, и болью,
Водить дружины к боевым брестерам!

Но час придёт, в багряном ореоле,
В кругу народов вольных, за Карпаты
И к Черноморью рокот новой воли

И радости ты доплеснёшь раскаты.
И, всё обняв хозяйскую управой,
Полями залюбуешься и хатой.

Прими ж мой стих, хоть и больной отравой,
Но полный веры, пусть он и не ярок.
Прими в залог своей грядущей славы

Его — как скромный праздничный подарок.

1

Сорок лет проблуждал Моисей
 В Аравийской пустыне
 И с народом своим, наконец,
 Подошёл к Палестине.

Здесь — лишь ржавый песок, и над ним
 Рдеют скалы Моава,
 Но вдали Иордан голубой,
 И деревья, и травы.

По моавским долинам сухим
 Всё Израиль блуждает;
 Перейти через грани вершин
 Он давно не мечтает.

Здесь, в тени обветшалых шатров,
 Спит Израиль донине,
 А голодное стадо его
 Гложет травы пустыни.

В то, что дивный обещанный край,
 Полный счастья без меры,
 За ближайшей горой заблестит, —
 Нет в кочевниках веры.

Сорок лет говорил им пророк
 Величаво и страстно
 Про отчизну заветную ту —
 И всё даром, напрасно.

Сорок лет голубой Иордан
 С его дивной долиной

Их к себе призывал и манил,
Как миража картиной.

И изверились люди, решив:
«Нет, солгали пророки!
Здесь, в пустыне, нам всем умирать!
Все исполнились сроки».

Перестали и ждать, и желать,
Рваться в дали простора,
Слать гонцов и глядеть без конца
За багровые горы.

День за днём средь моавских холмов,
В мутном мареве зноя,
Под защитою ветхих шатров
Дремлет племя больное.

Только женщины пряжу прядут,
Жарят мясо дичины,
А голодное стадо вдаль
Гложет травы пустыни.

Детвора же, играя в степи,
Игры странные водит:
То воюет, то строит валы,
Укрепленья возводит.

И пррой их отцы в полусне
Головами кивают.
«Эти игры — откуда они?» --
Так себя вопрошают.

«Не видали такого они
По степным перекатам!
Или речи пророка вошли
В кровь и душу ребятам?»

2

Лишь один среди этих людей
Глаз в шатре не смыкает
И на крыльях печали своей
Всё вперёд улетает.

Моисей то, забытый пророк,
Престарелый, бессильный;
Он без рода, без стад и без жён
Встретит камень могильный.

Всё, что было, всю жизнь он отдал
За одну лишь идею,
И горел, и сиял, и страдал,
И трудился над нею.

Из неволи в Египте народ,
Точно буря, он вырвал
И на волю — рабов из страны
Их мучения вызвал.

Как душа их души, он взлетал, —
И не счесть того сразу, —
Многократно до крайних высот
Вдохновенья, экстаза.

И на волнах мятежных их душ,
Не найдя исцеленья,
Погружался он с ними не раз
В злые бездны сомненья.

Но замолк его голос, ушло
Вдохновенье бывшее,
И не внемлет пророка словам
Поколение младшее.

И слова про обещанный край
Для их слуха — лишь сказка;
Мясо стад их, и масло, и сыр —
Это высшая ласка.

Что в Египте их деды-отцы
Поднялись для похода,
На их взгляд — только глупость и грех,
И погибель народа.

Всем у них Авирон и Датан
Верховодят упорно.
На пророка слова их ответ:
«Наши козы без корма».

А на зов Моисея в поход:
«Мы к боям не готовы».
На рассказы о славе побед:
«Страшен враг нам суровый!»

На приманки же новой земли:
«Здесь нам вовсе не худо».
На совет, чтобы богу вняли:
«Прочь, хоривское чудо!»

А когда им напомнил пророк
Вновь про гнев Иеговы,
То ему запретил Авирон
Богохульное слово.

И Израиля скликав сынов,
Дав Ваалу хваленье,
Громогласный Датан отстоял
Вот какое решенье:

«Кто, пророком себя возомнив,
Безудержно болтает
И, смущая толпу, тёмный люд
Божьим гневом пугает, —

Кто посмеет звать к бунту народ,
Соблазнять переменой,
И за горы манить их вперёд
Для погибели верной, —

Тот на страх всем безумцам другим
Пред народа сынами
Будет нами оплёван, судим
И забросан камнями».

3

Вечерело. Спадала жара,
Потеряв свою силу;
Над горой, как пожара огнём,
Небосклон озарило.

Словно дождь благодатный, с небес
Заструилась прохлада:

Начинается жизнь меж шатров
У народа-номада.

Тихо, плавно ступая, идёт
Каменистой тропею
Чернооких евреек черёд
К роднику за водою.

И кувшины на их головах
Чуть колышутся тоже;
Для удоя овец — в их руках
Мех, сплетённый из кожи.

Вот подростки в безлюдных песках,
Как зайчата, играют,
То бегут друг за дружкой, крича,
То из луков стреляют.

Кое-где слышен плач из шатра
Или хохот девичий;
Кто-то скорбную песню завёл,
Как в степи клёкот птичий.

Вот и старшие — деды, отцы —
Из палаток выходят,
По горам и по голой степи
Взором молча поводят.

Не видать ли где вражьих коней
Там, за жёлтым туманом?
Не летит ли полуденный бес
По пескам ураганом?

Нет, покой! И беседы пошли
И привычные вздохи:
«Овцы меньше дают молока,
И ягнята так плохи!

Даже что — для ослиц не найти
Горсти чертополоха!
И придётся опять кочевать,
Чтоб им не было плохо.

Авирон нас зовёт в Мадиама,
А Датан ещё дальше,

Моисей же? Ему говорить
Не позволят, как раньше».

Вдруг по табору говор и шум,
И волнение, и крики;
Из шатров выбегает народ
От мала до велика.

Что такое? Подходят враги?
Зверь в тенёта попался?
Нет, не то — Моисей! Моисей
Из шатра показался!

Хоть лета его и тяготят,
Гнут заботою жгучей,
Но в глазах всё же искры горят,
Как две молнии в туче.

Пусть, как снегом, его голова
Процвела сединою,
Но стоят ещё два завигка
Над его головою.

Он на площадь большую идёт,
Где палатка Завета
Простирает четыре угла
На все стороны света.

В той палатке тяжёлый ковчег —
Он весь кован из меди —
Иеговы наказы хранит,
Направляя к победе.

Но давно уже не был никто
В доме грозного бога,
Страх его стережёт день и ночь,
Словно пёс у порога.

Там же камень огромный лежит
У восточного входа:
С того камня обычай велит
Обращаться к народу.

Вст на камень вступил Моисей —
Ужаснулся люди.

Значит, воле их всех вопреки,
Он пророчить им будет?

И придётся разбить, растоптать,
Как гнилую колоду,
Человека, который всегда
Был отцом для народа?

Вот среди лучших людей Авирон,
Разъярённый, упорный,
А другим что-то шепчет Датан,
Демон общины чёрный.

4

«Вы вчера, горемыки мои,
Надурили немало;
И об этом хочу я теперь
Вам сказать для начала.

На язык мой, на душу печать.
Наложить вы решили,
И теперь, против всех вас восстав,
Я ответить вам в силе.

Так поймите, запомните речь
Все вы, дети слепые:
Если душу живую стеснить,
Вскрикнут камни немые.

Вы вчера поклялись отвратить
Слух свой — не перед словом
Из моих бранных уст, но — увы —
Самого Иеговы.

Берегитесь, иначе он вас
Призовет по-иному,
Это будет страшней во сто раз,
Чем рычание грома.

Ведь от слов его горы дрожат,
Твердь земная трясётся,
Ваше сердце, как лист на огне,
Всё сгорит и советётся.

Вы вчера всякий бунт проклиали
И кляли его все, —
Против глупых тех клятв восстаёт
Ваше сердце, бунтуя.

Иегова вам в сердце вложил,
Словно дрожжи внутрь теста,
Силы духа, что вас поведут
В предреченное место.

Вы вчера полагали покой
Наивысшим блаженством;
Но согласен ли план ваш такой
С Еговы совершенством?

Или он для покоя призвал
В пугь из Ур и Гаррана
Авраама и племя его
На луга Ханаана?

Для покоя затем их водил
Иорданской долиной?
Семилетним их голодом гнал
Вплоть до Нильской равнины?

Пожелай он в покое держать
Вас, как мумию в крипте *,
Вы и нынче, подобно скоту,
Гнули б шеи в Египте.

Потому буду вам говорить
Я не робко, а властно,
Чтобы знали, что с богом своим
Состязаться опасно.

Иеговы натянут уж лук,
Тетива уж готова
Со стрелой оперённой на ней;
Вы — стрела Иеговы.

И стрела та — направлена в цель,
Приготовлена к бою;
Так прилично ль стреле говорить;
«Я желаю покоя?»

Вы, как женщины, клялись вчера,
Пряча робкие души,
Впредь не слушать пророчеств моих
И замкнуть свои уши, —

Потому-то об этом о всём
Говорю я пред вами;
И судьбу предскажу, что вас ждёт,
Устрашу вас словами.

А вы будете слушать, хоть злость
В ваше сердце вопьётся.
Посмотрю я, чья первой рука
На меня замахнётся».

5

«Зареклись вы не слушать вестей.
О божественной ласке, —
Как детям неразумным зато
Я поведаю сказку.

Все деревья однажды сошлись
На широком раздольи:
«Изберём для себя мы царя
По своей вольной воле,

Чтоб защита была от него,
Честь, надежда, помога,
Господин чтоб он был и слуга
Нам, и цель, и дорога».

И сказали одни: «Если так —
Лишь одно всем желанно:
Да царит же над нами вовек
Кедр высокий Ливана».

И пришли все деревья гурьбой
К кедру с жаркой мольбою:
«Ты сойди с своих гордых высот,
Властвуй нашей судьбою».

Но отринул их кедр и сказал:
«Вот чего нехватало!
Чтоб оставил я сам ради вас
Мои горы и скалы?»

Чтоб оставил я сам ради вас
Солнца блеск и свободу,
О свободе забыв, стал служить
Жалким толпам народа?»

Вы корону с собой принесли?
Мне не надобно трона!
Я и так — украшение земли,
Гор ливанских корона».

И вернулись, и к пальме они
Обратились с мольбами:
«Ты меж нами растёшь, нам — родня,
Будь царицей над нами».

И сказала им пальма: «Друзья,
Я отвечу вам смело:
И царить, и порядки вводить —
Не моё это дело!

Чтоб меж вами порядок завести,
Я оставить не в силе
Благовонный свой цвет и плоды —
Золотые дактили! *

Чтобы солнце напрасно мой сок
Согревало, отмеря?
Чтоб не видеть плода моего
Человеку и зверю?»

Пусть царит кто угодно у вас,
Я на трон не воссяду,
Всем хочу я дарить свою тень,
И плоды, и прохладу».

И поникли деревья тогда,
Мучась думами злыми,
Что ни пальма, ни кедр не хотят
Воцариться над ними.

«Будем розу просить! Но она,
В своём пышном расцвете,
Без короны — царица цветов,
Всех прекрасней на свете».

«Обратимся мы к дубу! Но дуб,
Как могучий вожатый,
Неприступно и гордо стоит,
Жолудями богатый».

«Что ж, берёзу просить! Да она,
В платье белого шёлка,
Косы буйные вниз опустив,
Всё грустит втихомолку».

И со смехом один произнёс
И сам верить боится:
«Не пойти ли нам тёрн попросить,
Может, тёрн согласится?»

Подхватили деревья за ним
То устами одними,
И давай все терновник просить,
Чтоб царём был над ними.

Молвил тёрн: «Кто-то добрый совет
Дал, достойный награды.
Я на вашем престоле тотчас,
Не колеблясь, воссяду.

Я не строен, конечно, как кедр,
Не сравниться мне с пальмой,
Ни с таким себялюбцем, как дуб,
Ни с берёзой печальной.

Добывать буду поле для вас,
Хоть его мне не надо,
Расстелюсь я пред вами внизу,
Возле вашего сада.

Охранять буду вход в этот сад
Своих веток шипами,
Разукрашу поля, пустыри
Я своими цветами.

Послужу я для зайца гнездом
И убежищем птице;
Чтоб вам лучше расти, буду я
При дороге томиться».

6

И в глубоком молчании речь
Ухом ловят евреи...
«Это сказка, — сказал Моисей, —
Вот что скрыто за нею.

Те деревья — народы земли,
Царь же, сторож их доли, —
Богом избранный, верный слуга,
Полный божеской воли.

Иегова, народы создав
Как растения в поле,
Всем им в души глядел и читал
Им суждённую долю.

Он им в душу глядел, чтобы знать
Их удачу-судьбину,
Одного он меж ними искал —
Чтоб избрать свсим сыном.

И не взял горделивых, крутых,
Бьющих в небо словами,
Заносящих могучую длань
Над людскими делами.

И не взял он князей-богачей,
Что весь мир разоряют,
Что из слёз и из пота людей
Гроб себе созидают.

И не взял он красавцев-повес,
Кто на лирах рокочет,
Кто себя воплотить навсегда
В песне, в мраморе хочет.

Он отверг всю ту славу, весь блеск
И земное господство,

Аромат всех искусств, всех наук
И всех книг превосходство.

И, как тёрн средь деревьев иных,
Никому неприметен,
Не снискал ещё славы себе
Ни плодами, ни цветом, —

Так и богом избранный народ
Средь народов — убогий;
Где пиры и почёт, там ему
Недоступны пороги.

Среди мудрых совсем не мудрец,
На войне он не воин,
И в отчизне своей — только гость,
Только странствий достоин.

Но вложил ему в душу свой клад
Сердцеведец Егова,
Чтоб как светоч светил он во тьме,
Сторож божьего слова.

На бескрайных путях бытия
Дал ему он в подмогу
Предвещанья, заветы свои,
Словно хлеб на дорогу.

Но ревнив Иегова, наш бог,
Тот, кто нами владеет;
То, что он полюбил, пусть никто
Полюбить не посмеет!

На народе избранном надет
Плащ любви Иеговы,
Недоступный, колючий, как куст
Придорожный терновый.

И он сделался острым с тех пор
И свирепей крапивы,
Чтоб сам бог только мог воспринять
Его духа призывы.

Он послание бога несёт
За большою печатью

В отдаленье грядущих времён,
Ненавистный для братьи.

Горе горькое будет послу,
Что в пути том задремлет
Иль нарочно сломает печать,
Приказанью не внемля!

Будет взято посланье из рук
Нерадивых лентяя,
И до цели другой добежит
И в венце засияет.

Но блажен тот посол, что письмо
Донесёт неизменно.
Даст венец ему царский господь
И прославит безмерно.

О Израиль! Ты — этст посол,
Царь, обеща́нный свету!
Что ж забыл о послании ты,
О небесных заветах?

Твоё царство — не этой земли,
И не здесь твоя слава!
Горе, если тебя приманит
Тут мирская забава...

Чем бы стать тебе солью земли,
Станешь вередом гнойным;
Чем любовь всем принесть, станешь ты
Сам любви недостойным.

Чем бы мир весь избавить от всех
Мук, раздоров, тревоги,
Будешь ты, как растоптанный червь,
Издыхать у дорсги».

7

Моисея прервавши, сказал
Авирон ядовито:
«Страшно нас напугал ты, ей-ей,
Своей сказкой сердитой!

Меж народами тёрном нам быть!
За такую награду
Твоего Иегову и впрямь
Почитать всем нам надо.

И послом его быть, это — честь!
В даль времён неизвестных
За печатями письма носить —
Чрезвычайно нам лестно.

Это именно — доля осла:
Он мешки без помехи
С хлебом носит, голодный всегда,
Для господской потехи.

Но евреи с ума не сошли,
Счастья большего стоят;
И Астарта с Ваалом таким
Счастьем их удостоят.

Пусть себе Иегова гремиг
На скалистом Синае, —
Нам Ваал даст богатство и власть
В нам начертанном крае.

Иегове пусть тёрна кусты
Будут любы, приятны:
Нас десница Астарты ведёт
В сад из роз ароматных.

Наш удел — Сенаар и Гарран,
Путь тот будит отвагу,
А на запад, где твой Ханаан,
Мы не ступим и шагу.

Это ясно, о чём толковать!
Нет и тени сомненья!
А вот как поступить нам с тобой,
Наше помня решенье?

Бить камнями развалину впрямь? --
Руки пачкать не стоит.
Он послужит ещё чем-нибудь,
Коль народ нам позволит.

Мастер сказки рассказывать он,
Пузыри выдувает, —
Вместо няньки общественной пусть
Детвору забавляет».

Он сказал, и хохочут кругом,
Но с тем хохотом рядом
По народу шёл ропот глухой. —
Гул нависшего града.

Авиرونу в ответ Моисей:
«Так и быть! Но вот горе:
Что повиснуть однажды должно,
Не потонет и в море.

Ханаана тебе не видать
И не двинуть ватагу;
Ни вперёд, милый мой, ни назад
Ты не ступишь и шагу».

Грбовая легла тишина
На устах всего люда,
Задрожал Авирон, побледнел
В ожидании чуда.

Чуда нет! Авирон — хохотать!
Но со смехом тем рядом
По народу шёл ропот глухой, --
Гул нависшего града.

8

И поднялся упрямый Датан:
«Ты напрасно пророчишь!
Вот как я тебе правду скажу,
Слушать ты не захочешь.

Признавайся: затем ли учён
Ты в египетской школе,
Чтобы, выросши, цепи ковать
Нашей чести и воле?»

Признавайся: затем ли ходил
На совет к египтянам,
Чтоб спешили жрецы-мудрецы
Оковать нас обманом?

Признавайся: ведь было у них
Предсказание злое,
Что с двенадцатью ветками дуб
Власть Египта подрует?

Знали все, фараон и жрецы,
Что тот дуб и те ветви —
То двенадцать еврейских колен,
Нил покрывшие сетью.

И боялись: напрасна, мол, всех
Пыток дикая сила, —
Ведь Израиль растёт и растёт,
Словно паводок Нила.

Знали: если в еврейской семье
Мать младенца рождает,
То в семье египтян в тот же день
Первый сын умирает.

И совета никто не нашёл,
Не придумал подмоги,
Только ты, перебежчик, упал
Фараону под ноги

И сказал: «Ты позволь мне увести
Всех евреев в пустыню, --
Обессилю и высушу их,
Покорю их отныне».

И исполнил ты слово, повёл,
Как овечью отару,
Фараону на радость в пески,
Нам на горе и кару.

Сколько наших в пустыне легло!
Те песчаные дали
Многим тысячам верных сынов
Злой могилою стали!

А теперь, когда наших людей
Только горстка осталась,
И Израиля прежняя мощь
Меж песков растерялась,

Когда дух наш могучий упал,
Одолела кручина
И отвага осела в душе,
Точно мокрая глина, —

Ты ведёшь нас опять в Ханаан,
А верней — к волчьей яме:
Ведь владыкою там фараон
Надо всеми князьями!

Верх безумства идти нам туда
Добровольно к их власти!
Нам с Египтом и там воевать? —
Не видали напасти!»

«О Датан мой, — сказал Моисей, —
Кинь ты эту кручину!
Ханаана тебе не видать,
Не гнуть гордую спину.

И ещё я скажу тут тебе,
Мой Датан: смерть настанет,
А тебе даже пяди земли
Под ногами не станет».

«Эй, евреи! — Датан закричал, —
Где же клятва Ваалу?
Иль решенья вчерашнего вам
На сегодня не стало?»

За каменья! Ведь это опять
Он смеётся, как было.
Лучше пусть он погибнет один,
Чем нам всем лечь в могилу!»

«Пусть погибнет! — кругом раздалось. —
Тут и смерть ему сразу!»
Только — чудо: не смеет никто
Поступить по приказу.

И Датан спохватился тотчас:
«Убирайся скорее!
К ночи кровью скверниться твоей
Не желают евреи!»

И толпа, обезумев, ревёт:
«Будешь изгнан отныне!»
И звучит, и гремит этот рёв
Ураганом в пустыне.

9

Но тут голос вознёс Моисей
Ярым гневом объятый,
Покатались слова по степи,
Точно грома раскаты:

«Горе вам, безрассудным рабам,
Полюбившим гордыню!
Ибо водят вас всех, как слепых,
Плут и дурень доныне.

Горе вам, злого бунта умы!
Как в Египте когда-то,
Против блага народа опять
Вы идёте завзято.

Горе вам, непокорным сынам!
Горячи вы, сердиты;
Тем упорством, как клином тугим,
Сами вы и разбиты.

Как крапива, вы жжёте того,
Кто растит вас и холит;
Словно бык, бьёте вы пастуха,
Если вам не мирволит.

Горе вам, что избрал вас господь
Путеводной звездою, —
Наивысший тот дар будет вам
Самой тяжкой бедою.

И едва озарит вас господь
Своей ласки лучами,
Вы послов и пророков его
Умертвите камнями.

Но за каждую каплю крови
Своих слуг — неизменно
Будет мстить Иегова всем вам
До седьмого колена.

Будет бить он и мучить всех вас,
И, рыдая от боли,
Поклянётся, рыдая, творить
Божью правую волю.

Но жестокая кара пройдёт,
Ваш хребет — укрепится,
Чередой преступлений и кар
Вновь и вновь повторится.

Горе вам, ибо много веков
Вам пробыть в этой школе,
Чтобы вы научились читать
Книгу божией воли!

Вижу образ ваш: в чаще пастух,
С бука лубьев надравши,
Мочит их, сушит их и опять
Разминает их, сжавши,

Чтоб кора эта стала мягка,
Словно пух, под руками,
Чтоб могла от огнива приять
Зарождённое пламя.

Ты, Израиль, — трут этот! Тебя
Будет бить Иегова,
Пока, мягкий, не станешь ловить
Искры божьего слова.

Точно вол нерадивый, пойдёшь
К своей цели суровой.
Горе тем, на чью шею кулак
Упадёт Иеговы!

В даль пройденных путей ты глядишь,
В даль грядущей дороги,
А о близкие камни и пни
Обобьёшь свои ноги.

Будто конь одичалый, летишь
Прямо в бездну с разгону,
Не однажды ещё на ярмо
Променяешь корону.

Берегись, чтоб обетов своих
Не сменил Иегова,
За упорство твоё на тебе
Не сломал бы он слова!

И чтоб он не покинул тебя,
Предоставив невздам,
Растоптав на пути, как змею,
В назиданье народам!»

И, понурившись, слушали все,
Молча, брови нахмуря;
Лишь в груди клокотало у них,
Как дыхание бури.

10

Приближалось уж солнце к горам,
В ярко-красной короне,
И, казалось, — могучий пловец,
Обессиленный, тонет.

На безоблачном небе всплыла
Тень печали нежданно;
Вой шакалов звучал и звучал
Болью ноющей раны.

Человеческий голос возник
В старом сердце пророка,

И понизился сразу полёт
Его думы высокой.

Вечно ль быть ему вестником бед
И угрозой народу?
Что-то, будто ребёнка слеза,
Дало сердцу свободу.

«О Израиль, когда бы ты знал,
Как тобой сердце бьётся!
Рассказать, как люблю я тебя. —
Слов таких не найдётся.

Ты — мой род, дорогое дитя,
Моя честь, моя слава,
В тебе дух мой, грядущее всё,
И краса, и держава.

Жизнь моя и мой труд — лишь тебе,
Наш союз бесконечен,
И пойдёшь ты дорогой веков
Моим духом отмечен.

Впрочем, нет, не себя самого
Я в тебе уважаю;
Всё прекрасное, доброе всё
Я в тебе полагаю.

О Израиль, прости ты моё
Богохульное слово:
Я люблю тебя крепче, полней,
Чем сам бог Иегова.

У него миллионы детей,
Всем живётся им вольно, —
У меня же один только ты,
И тебя мне довольно.

Он из всех миллионов тебя
Для себя взял слугою,
Я ж без выбора верно служу,
Полон страстной тоскою.

Для работы своей у тебя
Отбирает он силы,

Я ж себе ничего не хочу
От тебя, о мой милый!

И когда он желает кадил
И хвалы фирмиама,
Я и неблагодарность приму,
И насмешки, и раны.

Ведь люблю я в тебе не одну
Доброту и удачу, —
И ошибки, и злобу твою,
Хоть над ними и плачу.

И упорство слепое твоё,
Что лишь гордостью дышит,
Что, ступивши на тёмный свой путь,
Даже бога не слышит.

И обман твоего языка,
И твоё самомнение,
Что вырастает в земное добро,
Как вырастают корни.

И бесстыдство твоих дочерей,
И огонь их желанья,
Твою речь, и привычки твои,
И твой смех, и дыханье.

О Израиль, о чадо моё!
Плачься богу Шаддаю!
Так безмерно тебя я люблю,
А меж тем покидаю:

Ведь уж близок последний мой час,
Скрытый в мраке тумана,
А я должен, я должен дойти
До границ Ханаана.

Так хотелось мне с вами притти
Среди трубного грома!
Но смирил меня бог, и один
Доберусь я до дома.

Хоть бы у Иордана упасть
Трупом мне на погосте,
Лишь бы в крае обещанном том
Упокоились кости.

Лягу там, на далёкий Мзав
Буду молча глядеть я,
Ждать, когда вы придёте за мной,
Как за матерью дети.

И пошлю я тоску свою к вам,
Пусть за полы вас тянет,
Как собака охотиться в степь
Всё хозяина манит.

И я знаю, вы двинетесь все,
Словно воды весною;
Не смущайтесь в походе своём
Вы мою судьбою!

Продвигайтесь вперёд и вперёд,
Точно быстрые реки!
О Израиль, о чажо моё,
Распростимся навеки!»

11

Как из табора вышел он в степь,
Ещё горы горели,
И звала их пурпурная цепь
К недостигнутой цели.

А в лощинах уж тьма залегла,
Наплывала, немая;
И в душе у изгнанника — скорбь:
«Не вернись никогда я!»

Вот навстречу ему детвора,
Та, что в поле резвилась,
Окружила пророка, за плащ,
За руки уцепилась.

«Дед! Куда ты так поздно идёшь?»
«Приграй лучше с нами!»

Видишь, стены построили мы
С башнями, воротами!»

«Дети, стены достройте одни!
Медлить мне не годится;
Есть меж жизнью и смертью стена —
Надо к ней торопиться».

«Ой, дедусь! Погляди, мы в яру
Скорпиона убили!
А в терновых кустах мы сейчас
Трёх зайчат изловили».

«Хорошо! Скорпионов, друзья,
Убивайте повсюду!
Хоть несправедно это, зато
Всё же польза есть люду.

Но несправедно, — и скорпион
Жить, несчастный, желает.
Разве в том он виновен, что яд
В своём жале скрывает?

А зайчат отнесите назад
В яр, где их изловили.
Ведь их мама горюет! О ней
Разве вы позабыли?

Милосердным к живущему быть
Надо, милые дети!
Жизнь ведь — клад дорогой; разве есть
Что дороже на свете?»

«Подожди же, дедусь, не спеши!
Быть с тобою мы рады.
Повтори нам рассказы свои!
Нет нам лучшей награды.

Расскажи, как ты был молодым,
Сколько видел ты дива,
Когда тестя стада ты водил
На высотах Хорива.

Когда ты купину увидал,
Что горит не сгорает,

И как голос услышал такой
Что душа замирает».

«Дети, время ещё не пришло
Рассказать всё, что было.
Гляньте, ночь уж туманы несёт,
Дня погасло светило.

Всё же время придёт и для вас:
В буйном жизни порыве
Вы увидите огненный куст,
Как и я на Хориве.

Просветится душа и у вас
В этот миг незабвенный,
И услышите вы из огня
Голос силы блаженной:

«Сбросив обувь привычных забот,
Подойди сюда смело,
Ибо я посылаю тебя
На великое дело».

Не гасите ж святого огня,
Чтоб, когда б ни покликал,
Вы могли с чистым сердцем сказать:
«Я готов, о владыка!»

Долго детям разгадывать смысл
Моисеевой речи, —
Сам ж он неприметно ушёл,
Тьме и ночи навстречу.

И висела над ними печаль
Молчаливою мглою,
Пока вовсе его силуэт
Не слился с темнотою.

«Одиночество возле меня,
Словно море без края,
И, как парус, воспрянул мой дух,
Дуновенья вбирая.

О, я очень давно уж знаком
С этим стражем жестоким!
Жизнь свою, и в степях и с людьми,
Я прошёл одиноким.

Я лечу, как планета в ночи
Прямо в бездну стремится,
Лишь могучего бога ещё
Ощущаю десницу.

Тихо всюду, замолкли уста,
Запечатано слово,
Только ты ещё в сердце моём
Говоришь, Иегова!

Лишь тебя моё сердце зовёт
В безысходном порыве...
Снова, снова ко мне воззови,
Как тогда на Хориве!

Вот я путь довершил, что тогда
Указал ты мне, отче,
И один пред тобою стою
Я в безмолвии ночи.

Сорок лет я трудился, учил,
Не считаясь с собою,
Чтобы сделать народ из рабов,
Годный стать пред тобою.

Сорок лет, как кузнец, я ковал
Их сердца, их сознание
И дошёл до того, что бежал,
Словно от наказания.

А теперь бы идти нам вперёд,
В землю, лучшую в свете!..
Ты — всеведец, ужели ты знал
Про последствия эти?

И сомнение в сердце моём
Шевелится тревожно:
Может быть, я заветов твоих
Не соблюдаю непреложно?

Иегова, я слёзно просил:
«Слаб я, косноязычный!
Дай другому ужасный твой дар,
Слова дар необычный!

Вот сомнение в душу мою
Вгрызлось злою змеёю...
О всеильный, откликнись, дай знать,
Ты доволен ли мною?»

Так, идя, всё просил Моисей,
Преисполнен печали, —
Но молчала пустыня в ответ,
Только звёзды мерцали.

13

Вдруг послышался сдержанный смех
Возле самого уха,
Словно некто с ним рядом возник,
Незаметно для слуха.

И слышались тихо слова
Как шипенье гадюки:
«Цвет безумства рождает одно —
Лишь терзанье и муки.

А едва человеку тот груз
Тяжек станет чрезмерно, —
Он на бога его возлжить
Поспешит непременно».

Моисей.

Чей-то голос! Иль это во мне
Стонет горе глухое?
Или демон какой-нибудь здесь
Навевает мне злое?

Голос.

Лишь теперь усомнился в своём
Реформаторском деле?
Сорок лет был уверен и вёл,
Хоть и слепо, но к цели!

Моисей.

Чей-то голос! И сразу чело
Увлажнилось от пота...
Страшно? Нет! Только сердце мне жжёт,
Как огнём, отчего-то.

Голос.

Ты в гордыне своей свой народ
Свёл с начальной дороги,
Чтобы сделать, каким захотел. —
В страхе ж мыслишь о боге?

Моисей.

Кто ты, дивный? Не видя тебя,
Как отринуть — не знаю!
Ощущаю, как грозный твой взгляд
В душу входит, пронзая.

Голос.

Разве важно, кто я? Тот, кто мог
Повелеть даже морю,
Хочет ведать — не кто я, а что,
И о правде ли спорю!

Моисей.

Нет, не правда, не гордость моя
Мне внушила то дело:
Но при виде народа в ярме
Моё сердце болело.

Голос.

Ощувив себя братом раба,
Принуждённым склониться,
Захотел ты его изменить,
Чтоб себя не стыдиться.

Моисей.

Да, хотел их поднять из низин
Мрака, страха и мести
Вверх к себе, к свету горних вершин
И свободы, и чести.

Г о л о с.

Но творца, что послал их туда,
Не спросил ты в ту пору;
Лишь теперь, как упал ты, найти
В нём желаешь опору.

М о и с е й.

Нет, на это толкнуло меня
Только божье веленье,
В тьму души тот хоривский огонь
Мне принёс просветленье.

Г о л о с.

А быть может, хоривский огонь
Не горел на Хориве,
А горел только в сердце твоём,
В его буйном порыве?

Может, голос, что вывел тебя
На пути роковые,
Не в кустах огненосных звучал,
А в тебе лишь, впервые?

Ибо страсть ослепляет наш взор,
А желания наши
Порождают и мир, и богов,
Как в пустыне миражи.

И желанье, провив, как шакал,
В твоём сердце высоком, —
Лишь оно утвердило тебя
Их вождём и пророком.

М о и с е й.

Ах, стократ одиноким я стал
После слов твоих ныне.
Кто ты, недруг мой?

Г о л о с.

Я — Азazelь,
Мрачный демон пустыни.

Ночь сгущалась. Лишь звёзды, горя,
 Трепетали в просторе.
 В блеске их шёл вперёд М-исей,
 Увлекаемый горем.

Без дороги. Во мраке вели
 Его странные звуки:
 То стenanье гиены в яру,
 То шипенье гадюки.

Он без усталости шёл, как герой,
 Шёл к последнему бою,
 И тяжёлую в сердце борьбу
 Вёл с самим же собою.

«Так желанье, — кричала душа, —
 Плод позора и боли,
 Это — огненный куст, что повёл
 Мой народ из неволи?..

Так желанье и было огнём,
 Тою именно силой,
 Что не только Еговы завет —
 Иегову творило?

То желание — братьям помочь,
 Облегчить их страданья,
 Это ль грех, за который меня
 Обрекли на изгнание?

Нет, не то! Берегись, не криви
 Ты своею душою!
 То желание — свято. Но грех
 Не заполз ли змеёю?

Разве не был ты их вожаком,
 Душ владыкой и тела?
 И желаний святых эта власть
 В твоём сердце не съела?

Фараоном тягчайшим для них
 Ты не стал неужели?

В душу их, в совесть их разве ты
Не вторгался на деле?

Да, опасно идти вопреки
Дел природных течению!
Можно свой же каприз преподнести,
Как Еговы веленье.

Что, как ты сорок лет этих был
Богоманией болен,
Вместо божьего им навязал
План лишь собственной воли?

Ведь, пожалуй, в Египте они,
Размножаясь средь муки,
Стать великою силой смогли б,
Всё забрать в свои руки?

Оторвавши от почвы их там,
Ты завёл их в пустыню,
Не подумав: быть может, творишь
Преступление ныне?

Ибо что безземельной толпе
Обещанье свободы?
Всё равно, если, вырвавши дуб,
Опустить его в воду.

И не прав ли Датан, говоря:
Старых гнёзд мы лишились,
Ну, а новые гнёзда добыть
Не вольны мы, не в силе?

Иегова! Откликнись, скажи:
По твоей я шёл воле,
Иль игрушкой был своего
Ослепленья и боли?

Иегова, ответь! Или ты
Проявляешься в слове
Только силою нашей мечты
И взволнованной крови?»

Но молчал Иегова, неслись
Лишь зловещие звуки:
То стenanье гиены в яру,
То шипенье гадюки.

15

Над пустынею солнце взошло
Колесницей багровой,
И лучи, точно стрелы, взнесло
Над небесным покровом.

А в лучах этих Небо-гора,
Словно в пурпур одета,
Выше гор остальных подняла
Грани в дымке рассвета.

В наивысшем же месте горы,
Выше граней и скатов,
Кто-то стал недвижим, как один
Из предвечных гигантов.

Там, высоко над смутой земли,
Где не слышатся звуки,
Он стоит, прямо к небу подняв
Распростёртые руки.

В ясном утреннем свете небес,
Озарённый с востока,
Колоссальный его силуэт
Виден всем издалёка.

И летят из еврейских шатров
Изумлённые взоры
Посланцами к гиганту тому
В озарённые горы.

«Моисей там!» — друг другу уста
Шепчут в страхе, несмело,
Но не выскажут прямо того,
Что в сердцах наболело.

Моисей на молитве стоит,
Он беседует с богом, —

И молитвою небу грозит,
Словно огненным рогом.

И хоть сомкнуты крепко уста,
И не слышно ни слова,
Всё же сердце его говорит
И кричит: «Иегова!»

Поднимается солнце, глядит
Высоко над землёю:
На молитве стоит Моисей
Неподвижной скалою.

Бес полуденный степью летит,
Лень кругом расстиляет,
Моисея же словно рука
Чья-то ввысь поднимает.

И склоняется солнце туда,
Где гор Фазга вершины,
И ложится огромная тень
От вершин на равнины.

И нисходит гигантская тень
Моисея, склоняясь
Вплоть до самых еврейских шатров,
Как навеки прощаясь.

А по табору мчится испуг:
«Лишь бы в это мгновенье
Нас не проклял пророк: ведь его
Совершится веленье!»

От подобной молитвы дрожат
Даже тверди основы,
Тают скалы, как воск; внемлет ей
Вечный трон Иеговы.

Если он проклянёт нас теперь,
В этом свете закатном, —
И народ наш, и край в ту же ночь
Пропадут безвозвратно».

Моисей же боролся, горел,
 Шёл к невидимой цели,
 А когда ночь на горы сошла —
 Наземь пал, ослабелый.

И под ним всколебалась гора,
 Дрогнув, камни взгремели,
 Он, бесчувственный, долго лежал,
 Как дитя в колыбели.

И печальная песня над ним
 Еле слышно звучала,
 И рука колыхала его,
 Чуть касаясь, ласкала.

И чуть внятно звучали слова:
 «Бедный сын, моё племя!
 Вот что сделала жизнь из тебя
 За короткое время!

А давно ль я носила тебя
 И водила за руку?
 Неужель я тебя родила
 На страданье и муку?

Сколько складок на лбу у тебя!
 Как увяло всё тело!
 Голова та, что гладила я,
 Словно снег, побелела!

А давно ль ты рвался от меня
 В даль, к неистовым битвам!
 Вот к чему ты пришёл! Сколько ран
 В твоём сердце разбитом!

Бедный сын мой, родное дитя!
 Претерпел ты так много!
 И сегодня... на солнце весь день!
 На вершине отрога!

А зачем? В тьму грядущих времён,
 И в глухое былое

Ты молитвой проникнуть был рад, —
О, дитя ты слепое!

Вот я камень с обрыва столкну,
И пойдёт он валиться
Со скалы на скалу, по камням
И скакать, и катиться.

Тут оставит кусок, там другой,
И летит и грохочет, —
И кто знает, где каждый кусок
Успокоиться хочет?

Иегова не знает того!
Хоть молись ты бессменно,
А где должен тот камень упасть, —
Упадёт непременно.

В нём самом и кормило и власть,
В нём самом скрыта сила,
Что назначила место ему
И его сотворила.

Иегова твой очень могуч,
Но той силы не сдержит,
И единого камня горы
На лету не удержит.

Вот пылинка: чуть видит твой взор
Дрожь мерцанья живого,
Но вернуть её в небытие
Неспособен Егова.

И не может он ей приказать,
Чтобы путь изменила,
Шла не тем, по какому влечёт
В ней сокрытая сила.

То — пыльца! Что ж сказать про народ?
В нём живущих — без счёта,
И в движение массы — любей
Часть привносит полёга!

Ты ведь про Ориона слышал,
Про гиганта слепого?
Чтобы зренье вернуть, он искал
Силы солнца святого.

На плечах его был поводырь, —
Мальчуган для забавы
Путь неверный ему говорил,
Вёл то влево, то вправо.

«Ты веди меня к солнцу, малыш!»
Тот с утра вёл к востоку,
В полдень — к югу, а вечером вновь
Вёл на запад, жестокий.

Орион всё идёт да идёт,
Полон огненной веры,
Полон жажды прозреть, увидеть
Мир, прекрасный без меры.

Через горы и море вперёд
Неустанно несётся
И не знает, что там, за плечом,
Мальчик тихо смеётся.

Орион — человечество всё;
Верой полнясь и силой,
Напрягая все мышцы, спешит
К цели дальней и милой.

Необъятное любит оно,
Неизвестного хочет;
Чтоб предела мечтаний достичь, —
Всё знакомое топчет.

Строит план не под силу себе,
Ставит цель выше актов,
И смеётся над планом его
Мальчик — логика фактов.

И как тот легендарный слепец,
Веря чуждым подсказам,
Не туда, куда надо, идёт,
Как утративший разум.

А ты молишься! Ах ты, дитя!
Где твой разум, где сила?
Просишь пену ты, чтобы она
Реку остановила!»

17

Что-то было сперва в тех словах,
Как вод чистых движенье,
Веял свежестью, лаской от них
Милый дух пробужденья.

После, как бы самум пролетел
По степи вперегонку,
Стало страшно пророку тогда,
Будто ночью ребёнку.

Моисей, содрогнувшись, с земли
Приподнялся насилу
И сказал: «Что ты мучишь меня
По дороге в могилу?»

Ты не мать мне! И в голосе — зло!
Для любви вовсе нем он!
Ты не мать моя! Ты — Азазель,
Ты — отчаянья демон!

Отойди! Заклинаю тебя
Словом четырёхчертным!
Я не верю тебе! Злобный лжец
Ты, хоть будь ты бессмертным».

И послышалось тихо в ответ:
«Неразумный сын милый!
Заклинаешь меня ты святым,
Я же — часть его силы.

Что проклятья? В отчаяньи б пал
Наземь ты, умирая,
Если б сотую долю узнал
Из того, что я знаю.

Ты клянёшь, хоть слепая душа
Только отблеск узрела

Света, где мы живём — вне времён
И пространства предела.

Вот раздвину немного тебе
Слепоты твоей раму:
Видишь край тот, что он обещал
Праотцу Аврааму?»

Озарился весь запад огнём,
И тогда Палестина
Моисею открылась внизу,
Как большая картина.

А невидимый спутник его
Говорит ему вскоре:
«Видишь чёрное зеркало там?
Это — Мёртвое море.

По ту сторону — вверх, высоко
И хребты, и обвалы
Простираются грозной грядой,
Это — Кармела скалы.

Дальше, к северу, горы Сион —
Бродят там иссееи;
Если ж крикнуть погромче с горы,
Крик поймут амореи.

Серебра полоса — Иордан,
В то же море впадает;
У впадения — Иерихон
Переход охраняет.

Лишь одна есть долина над ним,
К ней теснятся, насыты,
Хананец — с одной стороны,
А с другой — аммониты.

А на западе — горы, хребты,
Пышных пастбищ просторы,
А на севере — озера гладь
И высокие горы.

Вот он, край ячменя и овец,
Вот она, Палестина!

От Кадеса до Кармела вся
На ладони вместима.

Нет дорог к ней широких нигде,
Нет и к морю проходу!
Где ж здесь жить, развиваться, расти,
Размножаться народу?»

Но ответил тогда Моисей:
«Кто из камня дал воду,
В рай весь край обратит, своему
Предоставив народу».

18

Вновь послышался сдержанный смех.
«Вера двигает горы!
Но взгляни же в грядущее ты,
В вековые просторы!

Видишь, движется племя твоё,
Иордан переходит,
Вот врывается в Иерихон,
В реках крови там бродит.

И столетьями длится борьба
За клочок Палестины:
Амореи, евреи, хетта,
Амалик, филистины.
Вот еврейское царство! Что слёз
Будет стоить и крови!
Но — как муха в судьбинах земли
Перед тушей воловьей.

Не дойдя до расцвета, оно
Распадётся на части,
Всё достанется алчным врагам,
Не минует их пасти.

От Дамаска, Галада летят
Как бы отзвуки грома!
Ассириец евреям несёт
Смерть и муки разгрома.

Посмотри — обагрились поля,
Труп на трупе повсюду.
Это встал Вавилон, чтоб навек
Уничтожить Иуду.

Вот ковчег Иеговы в огне...
Вот бесчисленных в поле
Тех ведут, кто ещё уцелел,
И уводят в неволю.

Слышишь плач? На руинах, один,
Горько плачет разумный *,
Убеждавший их сдаться врагам
Без защиты безумной.

Запустенье царей! Впрочем, вот
После ночи светает...
Из пробывших в плену, посмотри,
Горсть обратно шагает!

Что-то малое движется там
У ограды Салима*:
Новый люд, новый бог, новый храм,
С силой новой, незримой.

И растёт оно, бьётся в беде,
Прицепляется к грунту,
Как ползучий и цепкий волчец,
Вмиг готовое к бунту.

И шумят над народом твоим
Вновь всемирные бури.
Царства встали и падают вновь,
Будто тучи в лазури.

Но в своём уголке он таит,
Накопляет отвагу,
Только ненависть чувствует в груди,
Пьёт проклятия влагу.

Эта ненависть, горше иных,
«К неизвестному богу», —
Видишь, храм обступила она,
Угнездясь у порога.

Плод её — та же ненависть. Глянь,
По приказу тирана,
Силы двинуты — племя твоё
Истреблять неустанно.

Слышишь стук? Он от кованых ног;
Это — легионеры,
Что потопчут евреев поля,
Скот погубят без меры.

Слышишь звон? Это вражьи мечи
Кровь твоих проливают.
Слышишь крик? Иудейских девиц
Кони мчат и терзают.

Вот голодная мать, вне себя,
Первенца пожирает,
Вот бесчётные толпы людей
На крестах умирают.

Снова храм Иеговы горит
И, сгорев, не восстанет:
То, что эта рука разорит,
Больше к жизни не встанет.

И опять толпы пленных текут
В злое рабство, как реки, —
Но отчизны не стало у них,
И не будет вовеки.

И Израиля гаснет звезда,
Снова не воссияет;
Только ненависть, выросшая в нём,
Над землёю витает.

Сомневаешься? Точно ли так?
О, ты веришь, я знаю!
Вот он — рай, что ждёт племя твоё
Там, в обещанном крае!

Для него ты трудился! Скажи,
Для чего тут трудиться?
Чтоб приблизить его, ты опять
Пожелаешь молиться?»

И поник головой Моисей.
«Горе ведать доколе!
О неужто весь век мой народ
Будет гибнуть в неволе?»

И упал он на землю лицом:
«Обманул Иегова!»
И слышался демонский смех —
Эхо горького слова...

19

Грянул гром. Содрогнулись вокруг
Гор высоких основы:
И один за другим понеслись
Посланцы Иеговы.

Поднялась до предела небес
Туча чёрной стеною,
И ночь-матерь нахмурила лик,
Омрачилась грозюю.

Засверкала огнями во тьме
Рокоча и лютуя,
Словно мать заворчала на дочь
Непослушную, злую.

И с тревогой внимал Моисей
Молний грозному слову, —
Ждал, услышит ли сердце его
Самого Иегову.

И взгремел над вершинами гром.
Сразу дыбом стал волос,
Сердце остановилось... но нет, —
Не господень то голос.

Над камнями завывали ветра,
Скал колебля основы,
Душу стоном сдавили, — но в них
Не слышать Иеговы.

С градом смешанный дождь зашумел,
И надвинулась стужа,

И в бессилие впала душа
Престарелого мужа.

Вот затихло; лишь воды журчат.
Как бы плача в печали;
Ветерком принесло аромат
Миндаля и азалий.

Дуновением ветра пришло
Сокровенное слово,
И тогда ощутил Моисей:
Говорит Иегова.

«Обманул Иегова? А ты
Был согласен со мною?
И контракт подписал ты, и пил
Магарыч пред толпою?

Видел планы мои и читал
Книгу тайн мироздания?
Знаешь судьбы и знаешь, что я
Не сдержал обещанья?

МалOVER! Ты ещё не возник
В материнской утробе,
Я же каждый твой вздох подсчитал,
И в весельи, и в злобе.

Авраам ещё был в земле Ур,
Не в Гарранской равнине,
Я же знал всех потомков его
С первых дней и доныне.

Беден край ваш, он тесен, убог
Не обильны долины?
А забыл, что узка и тесна
Колыбель исполина?

Будет время, я выведу вас,—
Труд вас всех ожидает,
Но и мать младенца в свой час
От груди отнимает.

Здесь, на поле скупом, вы, как тёрн,
Почвой вскормлены дикой,
Возрастайте, готовьтесь притти
К перемене великой.

Жадно, цепко хватаетесь вы;
Ненасытные сами,
Вы бы по плодоносной земле
Расползлись волчцами.

Вы бы телом и духом своим
В корку хлеба вгрызались,
И Маммон изловил бы вас в сеть,
Как бы вы ни метались.

И в Египте вы, гнувшись в ярме,
Ели сладко и вкусно...
Отрыгаться вам будет всегда
После пищи той гнусной.

И сорвавшись и с этой земли,
Побеждая преграды,
Вы развеетесь мир добывать,
Его соки и клады.

Но жестокий зарок положу
Я на ваши победы,
Как дракон, будут клад ваш стеречь
Всевозможные беды.

Кто, добывши все клады земли,
Их безумно полюбит,
Тот и сам превратится в раба,
Клады духа погубит.

Своих кладов невольник и царь,
Слёз ценою и крови
Умножая их, будет он сам
Подрывать их в основе.

Как пиявка, сосущая кровь,
Излечив, сама гибнет,
Так и вас золотой океан
Всех на отмели кинет.

В золотом океане вас всех
Изнурять будет жажда,
И не сможет вас хлеб золотой
Накормить и однажды.

Как свидетель послужите мне
Вы, от края до края,
Что лишь духа кормильцев себе
Я везде избираю.

Кто вас хлебом накормит, — тотчас
Станет он перегноем;
Но кто дух напитает у вас —
Тот сольётся со мною.

Вот где вас ожидающий край,
Безграничный, блестящий!
И к нему-то вожатым моим
Был всегда ты, незрящий!

Вот отечества вашего край —
Золотая долина!
Лишь задаток её небольшой —
Эта вот Палестина.

Только память о ней вас, как сон,
Будет мучить тоскою,
Чтоб, взыскуя её, мой народ
Овладел всей землёю.

Ты же, что усомнился на миг
В исполнении вести, —
Увидав долгожданный тот край,
Здесь умрёшь ты на месте.

Да послужит кончина твоя
Назиданием строгим
Всем, кто, к цели безвестной спеша,
Умирает в дороге!»

Ходит горе по голой горе,
Как туман по пустыне;

Сеет думы и зовы свои
По широкой равнине.

Рассыпает цветы и листки,
Что давно пожелтели;
Подымает в душе голоса,
Что давно отзвенели.

То, что было не нужно вчера,
Ныне — чтится любовно;
Что вчера каждый гнал, оплевав,
Ныне — святости полно.

Для евреев в их таборе ночь
Промелькнула в тревоге;
Ждут рассвета, глядят: там ли он,
На скалистом отроге?

Нет его! И звучит это «нет»
Страхом смерти холодной.
То исчезло для всех, без чего
Жизнь — колодезь безводный.

То незримое, что издавна
Между ними горело,
Придавало всей жизни их смысл,
Просветляло и грело.

На заглохшую совесть легла
Скорбь тяжёлою тенью, —
И весь табор, как чудом, она
Ввергла в оцепененье.

И, бледнея, со страхом глядят
Люди в лица друг другу,
Будто, сына убивши во сне,
Вдруг проснулись с испугу.

Слышен топот. Не вихрь ли в степи?
Иль пророчество сбылось?
То Егошуа, — и молодёжь
Вслед за ним устремилась.

Со стадами куда-то спешат...
Иль врагов нападение?

Безотчётный всех гонит их страх,
Дивный перст провиденья,

Одиночества ужас, тоска,
Голод духа святого...
А Егошуа зычно кричит:
«За оружие снова!»

И взвился этот крик, как орёл,
Над немою толпою,
Покатился он эхом к горам:
«За оружие! К бою!»

Миг ещё — и очнутся сны
От молчанья тупого,
И никто не поймёт, что виной
Прсбужденья такого?

Миг ещё — и Егошуа крик
Полетит над толпою;
И кочевника вялого вмиг
Обратит он в героя.

Загремят — и пустыни песок
Как болото размесят,
Авирона камнями побьют,
А Датана повесят.

Над горами, как птицы, взлепят,
В Иордан врежут топот,
Стены Иерихона, как лёд,
Звуком трубным растопят.

И пойдут в неизвестность веков,
Преисполняясь тревоги,
Человечеству путь пролагать,
Умирая в дороге...

1905

ПРИМЕЧАНИЯ

СТИХОТВОРЕНИЯ

«ВЕРШИНЫ И НИЗИНЫ»

Первое издание книги «Вершины и низины» («3 вершин і низин») вышло в 1887 г. во Львове. В 1893 г. Франко выпустил книгу вторым изданием, значительно расширив её объём. В предисловии к второму изданию поэт писал:

«Книге этой я оставляю старое заглавие «Вершины и низины», хотя объём её, как видно каждому, едва ли не вчетверо больше первого издания. Авось, под старым знаменем не покинет её и старое счастье.

Собирать в этой книге всё, написанное мною в стихотворной форме за 20 лет моего писательского труда, у меня было ни мысли, ни охоты. Многое из того, что было за это время мною напечатано, не заслуживает теперь даже чтения, тем более перепечатки. Каждому, кто следил за развитием галицко-украинской литературы за эти 20 лет, ясно будет и без дальних слов, что иначе и не могло быть с писаниями человека, который вышел на литературное поприще молодым и неустановившимся, да и впоследствии, вместо искренней помощи и совета, слишком часто встречал болезненные удары, цинические насмешки, а всего чаще тупой индифферентизм и грубое невежество. Только трёх-четырёх лиц мог бы я назвать, чья дружба и сердечное участие помогали мне выработать язык и форму моих поэтических произведений, их композицию и основные идеи. Думаю, что, назвав здесь имена *В. Коцовского* и *Ив. Белея*, хоть отчасти отблагодарю их за то, что они сделали для моего развития.

...Располагая материал для этой книги, я оставил мысль о хронологическом порядке, совершенно непригодном для книги такого разномастного содержания, которой, однако, мне хотелось придать некую художественную цельность. Всё же, где только было возможно, я под отдельными стихотворениями проставил даты, если они сохранились в рукописи или в печати...»

Предисловие заканчивалось так:

«Перечитывая теперь эти стихотворные листки, среди которых так много без времени увядших листьев, ощущаю вместе и печаль, и радость. Двадцать лет жизни и труда — быть может, не такого прилежного, не такого сознательного и упорного, как бы следовало, но всё же, смею сказать, продиктованного горячим желанием общего блага и прогресса, горячей любовью к родному народу и родному краю... То тут, то там широкий размах наивной мысли, проблеск надежды — и какие скромные результаты! Но, с другой стороны, утешает меня уверенность, что лёд сломан, что наше общенародное движение, такое слабое, робкое и несознательное ещё 20 лет тому назад, сегодня уже стало совершенно иным. Нередко мы ещё ошибаемся, спотыкаемся и падаем порою — и как ещё скверно падаем! — но всё же сумма наших усилий растёт, сумма добытого нами здорового и чистого зерна растёт, сумма хорошего, братского, тёплого чувства по сю и по ту сторону границы растёт. И с радостным ощущением этого я смело говорю себе, что эти двадцать лет... хотя и не дали мне того, о чём я мечтал когда-то, зелёным юнцом, по всё-таки ни для меня, ни для моего родного края не прошли напрасно.

Львов, 27 марта 1893. Иван Франко».

Стр. 29. *De profundis* (латинск.) — из глубины пропасти, из бездны.

Стр. 46. *Vivere memento!* (латинск.) — помни о жизни!

Стр. 80. *Semper idem* (латинск.) — всегда тот же, неизменный.

Стр. 88. *Excelsior!* (латинск.) — всё выше!

Стр. 89. *Руина* (украинск.) — разорение, разрушение. Так назвал народ двадцатипятилетие с 1663 по 1687 г., когда, в результате возникшей смуты, Украина, особенно Правобережная, испытала невиданное разорение.

Стр. 97. *Подгорье* — часть Западной Украины по северному склону Карпат. *Дил* — горная вершина в Карпатах.

Стр. 103. *Спой про Ганнусю, Шумильца, Венки...* — западноукраинские народные песни.

Стр. 118. *Корженко* — псевдоним друга Франка, поэта В. Коцовского (см. выше — предисловие Франка к книге «Вершины и низины»). Под этим псевдонимом Коцовский печатал свои стихи в журнале «Світ», который Франко редактировал в 1881—1882 гг.

Стр. 121. *Анне Павлик* — стихотворение обращено к Анне Павлик, сестре ближайшего друга и соратника Франка в со-

циалистическом движении, Михаила Павлика, оказавшего на него большое влияние.

Стр. 125. *Оле* — стихотворение посвящено жене поэта (урождённой Хоружинской), с которой он обвенчался незадолго перед тем, весной 1886 г., в Киеве.

Стр. 128. *Татьяна Ребенщукова* — «Героиня известного рассказа М. Павлика». (Примеч. И. Франка.) После опубликования этого рассказа галицкие реакционеры подняли шум, обвиняя автора в «безнравственности», и М. Павлик был привлечён к суду.

Стр. 129. *Гриць Турчин* — «Герой стихотворения о рекрутской жизни («Молот», стр. 1—8), написанного крестьянином Романом Гудзманом». (Примеч. И. Франка.)

Стр. 135. «*Хлебороб*» — пародия на стихотворение западноукраинского поэта, священника М. Устияновича, в котором тот восхвалял «крестьянский рай».

Стр. 142. *Котляревский* Иван Петрович (1769—1838) — зачинатель и основоположник новой украинской литературы, автор поэмы «Перелицованная Энеида».

Стр. 150 «*Панцырный сонет*». — «Здесь говорится об известных в немецкой литературе «*Geharnischte Sonette*» Фр. Рюккерта». (Примеч. И. Франка.) Фридрих Рюккерт (1788—1866) — немецкий поэт, опубликовал цикл милитаристских «Панцырных сонетов». Франко показывает на примере рюккертовых сонетов, как постепенно шёл процесс милитаризации немецкой литературы.

Стр. 151. «*Lasciate ogni speranza [voi ch'entrate]*» (итальянск.) — стих из «Божественной комедии» Данте («Ад», 3, 9): «Оставьте надежду, вы, сюда входящие» (надпись на дверях ада).

Стр. 154. *Лопотов* — название львовской тюрьмы во времена Франка.

Стр. 155. «*Minus de genus, si constructio bonus*» — «Род не важен, если фраза составлена хорошо» (плохая школьная латынь).

Стр. 161. *Бруно Джордано* (1548—1600) — итальянский философ-атеист эпохи Возрождения. Сожжён на костре инквизиции в Риме. *Кампанелла* Томмазо (1568—1639) — итальянский мыслитель, автор коммунистической утопии «Город солнца». Двадцать семь лет провёл в тюрьмах и неоднократно подвергался пыткам.

Стр. 162. *Дамиан Роберт-Франсуа* (1715—1757) — за покушение на жизнь французского короля Людовика XV казнён в Париже после жестоких мучений.

Стр. 163. *Гонта* Иван — казачий сотник, вместе с Максимом Железняком возглавил так называемую «Коліівщину» — народное восстание на Правобережной Украине против польской шляхты (1768), воспетое Шевченком в поэме «Гайдамаки». После подавления восстания Гонта был предан мучительной казни: палачи, вырезав у него со спины несколько полос кожи, посадили его на кол. (По другим свидетельствам, Гонта был обезглавлен).

Стр. 164. *Пестель* Павел Иванович (1793—1826) — виднейший декабрист, повешен по приказу Николая I. *Каракозов* в 1866 г. стрелял в Александра II, повешен. *Софья* — Софья Перовская, член тайного общества «Народная Воля», вместе с Желябовым подготовила убийство Александра II в 1881 г., повешена.

Стр. 165—166. «*О, средневропейское болого...*» — этот и следующий за ним сонет («*Гюрма народов...*») направлены против Австрии. По цензурным условиям, Франко вынужден был зашифровать подлинный смысл обоих сонетов, но их политическая направленность подтверждается сохранившимся экземпляром издания книги «Вершины и низины» с собственноручными вставками поэта. См. «Записки історично-філологічного відділу Української Академії наук», 1926, кн. VII—VIII.

Стр. 167. *Катрены*, *терцеты* — части сонета, стихотворения строгой формы, состоящего из двух четверостиший (кагренов) и двух трёхстиший (терцетов). Это построение сонета отвечает развитию темы в нём.

Стр. 171. *Максим Цюник* — «Так звали рабочего из Нагуевичей, который погиб в Бориславе, работая в штольне. Штольня, плохо построенная, обвалилась посредине так, что засыпанному в глухом конце рабочему осталось ещё вокруг немного свободного места. Девять часов слышен был оттуда крик несчастного, и девять часов слушали тот крик надсмотрщики и рабочие, не пытаясь спасти его». (Примеч. И. Франка.)

Стр. 176. *Галаган* — «Медная монета, стоимостью в 4 австрийских крейцера». (Примеч. И. Франка.)

Стр. 177. *Курлы, курлы, журавли!* — «По народному поверью, когда весной журавли летят из тёплых стран, можно заставить свернуть с дороги целый косяк, если воткнуть нож остриём в землю и, кружась вокруг него, держаться руками за черенок ножа и петь песенку, поданную здесь, как рефрен». (Примеч. И. Франка.)

Стр. 179. *Terminus* (латинск.) — граница, межа. В античной мифологии Терминус, или Терм — бог границ.

Стр. 188. *Кровавый год сорок шестой...* — Речь идёт о крестьянском восстании в Галиции в 1846 г., когда крестьяне поднялись с оружием в руках против невыносимого гнёта польских помещиков.

Стр. 190. *«Правдивая сказка»*. — Это стихотворение и следующие за ним *«Смерть убийцы»*, *«Матрёна-подёщица»*, *«Рассказ арестанта»* в издания «Вершин и низин» 1887 и 1893 гг. не входили. И по времени написания, и тематически они, однако, непосредственно примыкают к циклу «Галицкие картинки», почему и помещаются нами в конце этого цикла.

Стр. 201. *Комиссар* — здесь: австрийский налоговый чиновник.

Стр. 202. *Борислав* — центр нефтяной промышленности Западной Украины, куда, в поисках заработков, сходились безземельные и малоземельные крестьяне. Быту бориславских нефтяников Франко посвятил свои крупнейшие прозаические произведения: «Бориславские рассказы», повести «Воа-Соп-стриктог» и «Борислав смеётся».

Стр. 204. *«Еврейские мелодии»*. — Франко предпослал этому циклу краткое предисловие «От автора», в котором, между прочим, писал: «После памятных еврейских погромов на Украине в 1881 г. между нашими евреями, особенно на Подгорья, распространилось большое беспокойство. Носились странные слухи, тревожные вести, зловещие пророчества. Еврейские народные певцы слагали даже песни об этих событиях, то юмористически изображая еврейскую тревогу, то подражая древним псалмам и моля Иегову о помощи. Мне случилось слышать несколько таких песен и рассказов».

Стр. 206. *Мицраим* (древнееврейск.) — Египет.

Стр. 210. *Войт* — сельский староста, сельский старшина.

«УВЯДШИЕ ЛИСТЬЯ»

Первое издание книги вышло во Львове, в 1897 г. Франко предпослал этому изданию следующее предисловие:

«Герой этих стихов, тот, кто в них выявляет своё «я», — умер. Был это человек слабой воли, но буйной фантазии, с глубоким чувством, но мало способный к практической жизни.

Судьба обычно смеётся над такими людьми. Казалось бы, сил, способностей, желания трудиться у них много, однако они никогда ничего путного не создадут, ни на что большое не отважатся, ничего в жизни не добьются. Самые их порывы не видны постороннему глазу, хотя крайне болезненны

для них самих. Вот потому-то, исчерпав силы в таких пры-
вах, они обычно застревают в каком-нибудь глухом углу об-
щественной жизни и коптят небо день за днём, мешают себе
и другим. Герой этих стихотворений кончил счастливее:
однажды за всю свою жизнь отважился на решительный шаг
и пустил себе пулю в лоб.

Причина этой неожиданной решимости никому не была из-
вестна, ибо у моего бедного приятеля не было в обычае
говорить с кем-нибудь о своей особе, о своих планах, на-
деждах или страданиях. Лишь спустя несколько месяцев
после его смерти случайно попал мне в руки его дневник —
измятая, измаранная тетрадь, в которой он писал наспех, по
ночам. Без особой охоты приступил я к чтению и долго
мучился, пока дочитал до конца. Дневник вёлся беспорядочно;
были это преимущественно лирические возгласы, вздохи,
проклятия и самобичевание, а о фактах рассказывалось очень
мало. Я понял только, что покойник влюбился в какую-то
девицу, получил у неё отставку (видно, девица была умная,
знала, какой муж ей не подходит), а потом терзался этой лю-
бовью долгие годы, пока его возлюбленная не вышла замуж.
Тогда он покончил с собой.

Уразумев эту фактическую основу дневника, я начал вни-
мательнее вчитываться в отдельные его части. Много там
было нескладной мазни, много немудрого философствования и
непонятных упрёков, — но среди этого попадались места,
полные силы и непосредственного чувства, места такие, в ко-
торых мой покойный приятель, вообще не сильный в прозе,
извлекал из своей души подлинно поэтические тоны. Эти
места производили на меня сильное впечатление. Вдумываясь
в ситуацию, в душевное настроение автора дневника, я про-
бывал передать эти места стихотворной речью и выпускаю
их теперь в свет.

Зачем? Стоило ли трудиться, чтобы выпустить в свет не-
сколько горстей увядших листьев, добавить в круговорот
нашей современной жизни несколько капель, отравленных
пессимизмом, или, скорее, безнадежностью, отчаянием и бес-
помощностью? У нас и без того подобного добра так много!
Но кто знает — думалось мне, — быть может, это горе по-
добно оспе, которую лечат прививкой оспы? Быть может,
образ страданий и горя больной души оздоровит какую-
нибудь больную душу в нашем обществе? Мне вспомнился
гётевский Вёртер, и вспомнились слова, которые Гёте напи-
сал на экземпляре этой своей книги, посылая её одному
знакомому. С такими словами и я вручаю эти стихи нашему

молодому поколению: «Sei ein Mann und folge mir nicht nach!» [«Будь человеком и не следуй за мной!» — Р е д.].

В 1910 г. в Киеве вышло второе издание книги. Это издание целиком воспроизводило первое, за исключением нескольких стихотворений, изъятых из него царской цензурой («Не боюсь я ни бога, ни беса», «Душа бессмертна...»). К этому изданию Франко дал следующее предисловие, датированное 10 ноября 1910 г.:

«Четырнадцать лет спустя после появления «Увядших листьев» понадобилось второе издание этого сборника лирических песен, самых субъективных из всех, какие появились у нас со времени автобиографических стихов Шевченка, и притом наиболее объективных в манере обрисовки сложного человеческого чувства.

Нельзя сказать, чтобы тогдашняя литературная критика хорошо поняла намерения и характер моего сборника. Самая обширная статья о нём Василя Щурата в «Зорі» (в 1897 г.) пыталась осудить его, как проявление возсе излишнего у нас пессимизма. Не только сам я, но — это стало мне известно тогда же — также значительная часть публики совсем иначе восприняла эти стихотворения, и я надеюсь, что и теперешнее поколение найдёт в них немало такого, что отзовется в его душе отнюдь не пессимистическими тонами.

...Нет нужды, кажется, добавлять, что написанное прозой предисловие к первому изданию, которое и здесь печатается без изменений, также не больше, как литературная фикция. Давать ключ к пониманию отдельных стихотворений — не вижу необходимости; думаю, что и без автобиографического ключа они имеют самостоятельное литературное значение».

Таким образом, в предисловии к второму изданию Франко сам раскрыл мистификаторский характер первоначального предисловия. Очевидно, Франку по ряду соображений нужно было подать этот свой лирический цикл в образе «дневника самоубийцы». Любопытно, однако, что последующая критика поддавалась на мистификацию. До сих пор, вопреки прямому указанию автора, принято трактовать «Увявшие листья» как проявление глубокого пессимизма и разочарования Франка. Бесспорно, во многих стихотворениях этого цикла слышны отголоски личных переживаний поэта, — недаром он сам назвал «Увявшие листья» *лирической драмой*. Однако ещё более бесспорно, что революционно-демократические тенденции творчества Франка, так полно выраженные в «Вершинах и низинах», пронизывают и эту вторую книгу поэта. Достаточно вспомнить хотя бы такие вещи, как «На тебя не жа-

любую я, доля», «Как знойно! Широкое поле спокойно...», наконец — весь цикл стихотворений в народно-песенной манере из «Второй горсти» книги, где в полной мере проявляется демократизм Франка, его высокий гуманизм.

Стр. 236. «Эпилог» — к «Первой горсти» книги «Увядшие листья».

Стр. 251. *Как Шлемиль, потерявший тень...* — герой романтической повести немецкого писателя А. Шамиссо (1781—1838) «Петер Шлемиль», в которой рассказывается о человеке, лишившемся собственной тени.

Стр. 266. *Язве* (древнееврейск.) — то же, что Иегова, имя бога евреев; *Астарта* — семитическое божество, богиня любви и плодородия.

«МОЙ ИЗМАРАГД»

Первое издание книги вышло в 1898 г. во Львове. Как и предшествующим сборникам стихов, Франко предпослал ему предисловие, поясняющее цель и характер книги:

«Измарагдом называли в старой Руси сборник статей и притч, частью оригинальных, а частью взятых из греческих сочинений отцов церкви, подобранных так, что целое составляло нечто вроде полного курса практически-христианской морали для людей скорее светского, чем духовного состояния.

Мне давно хотелось написать подобную книгу — тем языком, который на нынешнее поколение должен производить впечатление, во многом подобное тому, какое на старых русичей производил язык церковный — то есть языком поэзии. В поэтической форме я хотел дать современному украинскому читателю ряд рассказов, притч, размышлений и других проявлений чувства и фантазии, темы которых почерпнуты из различных источников, родных и чужих, восточных и западных, и которые, однако, были бы связаны в одно органическое целое не какой-либо одной тенденцией, не одной догмой, религиозной или эстетической, а лишь общим диапазоном нравственного чувства и темперамента, пройденным ими, прежде чем вылиться в эту форму.

Блуждая по переputьям всемирной истории и литературы, я с давних пор собирал понемногу или намечал себе для позднейшего использования отдельные камешки, пригодные для моего здания; самые старые этюды, помещенные в этой книге, имеют уже пятнадцатилетнюю давность. Но только в последнее время тяжёлая болезнь, сделавшая меня на несколько месяцев неспособным к другой работе, дала мне возможность написать большую часть того, что здесь напеча-

тано. Значительная часть помещённых здесь стихотворений — подлинные *Schmerzenskinder* [дети страдания. — Р е д.]. Я писал их в тёмной комнате, с зажмуренными, больными глазами.

Возможно, такое моё физическое и духовное состояние отразилось и на физиономии этой книги. В болезни человеку хочется, чтобы с ним обходились мягко, ласково, да и сам он становится мягким, ласковым и терпимым. Его охватывает глубокое, нежное чувство, желание любить, благодарить кого-то, прильнуть к кому-нибудь доверчиво, как ребёнок к отцу. Не знаю, насколько ясно отразились такие чувства в этой книге, но знаю, что я хотел сделать её книгой насквозь моральной.

Конечно, моя мораль значительно разнится от той катехизической, догматической морали, которая у нас выдаётся за единственно христианскую. Но я уверен, что в основе своей она гораздо ближе к морали всех великих учителей человечества, «ищущих царствия божия и правды его», нежели коленопреклонённая, низкопоклонная и жестокосердая мораль многих столпов церкви, призванных и непризванных защитников религии. Но я не хочу вдаваться в споры с ними. Храм моей Матери-Музы слишком свят, чтобы делать из него приют торговли. А помещённые дальше произведения, возникшие из моего нравственного чувства, — подлинная поэзия всегда будет нравственной, ибо источник обоих один, — пусть говорят сами за себя. Если они не смогут достаточно ясно выявить то, что было у меня на душе, когда я писал их, в таком случае, любезный читатель, отбрось эту книгу, как нескладную, бездарную мазню. Не сердце было пусто и чёрство, когда я писал их, а только силы нехватало высказать словами то, что было на сердце.

Не указываю при тех или иных стихотворениях источников, откуда они заимствованы. Почти ничего здесь нет, что можно было бы считать переводом. Рядом с оригинальным здесь немало и такого, где на чужую основу я накладывал свои собственные узоры. А откуда заимствована эта основа, к кому и где я «подражаю», это оставляю любознательности тех критиков настоящего и будущего времени, которые не будут иметь и уметь ничего лучшего, как отыскивать «источники», из которых поэт черпал своё вдохновение. Да что! Эти источники сотни, тысячи лет открыты и доступны каждому, и для здорового глаза отыскать их нетрудно...»

В заключение своего предисловия, Франко писал:

«Старорусский автор не без умысла назвал свой сборник «Измарагдом». Он, очевидно, верил в то, что говорится об

этом камне в известном апокрифическом сказании: «*Измарагдъ свѣтель есть, яко и лице человеѣче видѣти въ немъ яко въ зеркалѣ*». Эти простые слова выражают и моё наивысшее желание, как писателя и поэта: чтобы моё слово было ясно и чтобы в нём, как в зеркале, видно было человеческое, истинно-человеческое лицо».

В 1911 г. Франко переиздал книгу во Львове под новым заглавием «*Давне й нове*». («Старое и новое». Второе расширенное издание сборника «Мой Измарагд»). Так же, как при переиздании сборника «Вершины и низины», Франко значительно расширил книгу, увеличив число разделов с шести до девяти и включив в неё, под общим названием «На злобу дня», ряд публицистических вещей, написанных им за тридцатилетие 1878—1907 гг. В предисловии ко второму изданию автор снова подчеркнул, что цель сборника «...популяризация богатого клада поэзии и житейской мудрости, заключённых в нашей старой литературе, до сих пор так мало известной не только широким народным массам, но также, а может быть даже в большей мере, образованным слясам нашего народа».

Стр. 267 *Cosa perduta!* (итальянск.) — пропащее дело!

Стр. 271. *Седоглавому* — стихотворение является ответом на анонимную статью Ю. Романчука, «седоголового старшины львовских украинцев», как почтительно величала его тогдашняя националистическая галицкая пресса. Романчук, будучи вожаком западноукраинских националистов, проводил соглашательскую политику в отношении польской шляхты и обвинял поэта в отсутствии любви к народу: «д-р Франко, к сожалению, не знает, что такое любовь, и не чувствует любви» (статья «Смутна поява» в газете «Діло», 1897 г., № 97). Как в этом стихотворении, так и в большинстве стихотворений цикла «Поклоны» Франко полемизирует с западноукраинскими националистами, вскрывая подлинную сущность их «любви к народу». Термины «*Русь*», «*русский*» — и в этом стихотворении, и в других стихах Франка — надо понимать как «Украина», «украинский» (западные украинцы называли себя «русинами»).

Стр. 274. «*Декадент*» — стихотворение адресовано украинскому поэту, критику и историку литературы, Василию Григорьевичу Щурату (род. 1871), ныне члену Академии наук УССР. Оно является ответом на статью Щурата о книге «Увядшие листья», в которой Франко был назван декадентом («Зоря», 1897, № 5, 6, 7). См. выше предисловие Франка к второму изданию «Увядших листьев».

Стр. 277. *Паренетикон* — в византийской литературе так назывались сборники притч и поучений на темы добродетели, целомудрия, любви к ближнему и т. д.

Стр. 317. *Подгорье* — см. примеч. к стр. 97.

Стр. 318. *Лицитационный акт* (правильнее — *лицитационный*) — акт о продаже с аукциона (от слова *лицитация* — продажа с аукциона имущества за долги).

Стр. 326. *Дил* — см. примеч. к стр. 97.

Стр. 328. *Из Седого конокрады...* — «Седое, село в Самборском уезде, славное своими конокрадами». (Примеч. И. Франка.)

Стр. 329. *Войт* — см. примеч. к стр. 210.

Стр. 331. *Уговорили цесаря...* — так галицкие украинцы называли австрийского императора.

Стр. 334. *Кальвария* — католический монастырь ордена доминиканцев в предместьи г. Вильно (ныне Вильнюс), привлекавший много богомольцев.

Стр. 335. *Воз* (украинск.) — созвездие Большой Медведицы; *Косари* — созвездие Орион.

Стр. 337. *В Бразилию*. — Появление этого цикла было вызвано возмутительными фактами, какими сопровождалась усиленно пропагандировавшаяся в середине 90-х годов эмиграция беднейшего западноукраинского крестьянства в Южную Америку. Любопытно сопоставить стихотворения этого цикла с известной поэмой польской поэтессы Марии Конопницкой «Пан Бальцер в Бразилии» (печаталась с 1892 по 1901 г.), где также изображаются бедствия эмигрантов в Южной Америке.

Стр. 339. *Ой, расплескалось ты, русское горе...* — О значении, в каком Франко употреблял слово «русский», см. примеч. к стр. 271. В стихотворении названы местности, которые приходилось проезжать западноукраинским эмигрантам. *Любляна* — славянское название города Лайбах, в провинции Крайна быв. Австро-Венгрии. *Рэка* — славянское название порта Фиуме. *Понтебба* — пограничная железнодорожная станция между Италией и быв. Австро-Венгрией. *Кормона* — город в Италии, недалеко от быв. австро-венгерской границы. *Царство Рудольфа*. — Агенты-вербовщики, чтобы привлечь побольше эмигрантов, распространяли среди безграмотных и разорённых крестьян слухи о том, будто бы умерший сын австрийского императора Франца-Иосифа, эрцгерцог Рудольф, жив и находится в Бразилии, где создал «мужичье царство».

Стр. 340. *Парана, Спириту Санто, Минас-Жераес* — обла-

сти Бразилии. В поэме Конопницкой также фигурирует Минас-Жераес, как одно из мест поселения эмигрантов:

«Во имя божье! Откуда вы, часом?»
«Аминь, веки! Из Минес Джераса!..»

(«Пан Бальцер в Бразилии», гл. II,
перевод А. Коваленского).

Стр. 342. *Грац* — главный город быв. австро-венгерской провинции Штирия. *Стрый*, *Мосты*, *Кут* — городки Западной Украины.

Стр. 344. *Nie wolno tutaj gadać po-rusinski...* (польск.). — «Здесь нельзя говорить по-русински [т. е. по-украински. — Р е д.] Тут иольский край, и польский бог, и король! По-польски говори или заткни рот!»

Стр. 345. *Женщина*. — К стихотворению Франко дал такой подзаголовок: «Аллегория в ответ на приветствие «Общества женщин-украинок» в Станиславове».

Стр. 347. *О. Лунатику*. — Так же, как стихотворение «Декадент», является полемическим посланием Василю Щурату, на этот раз — в ответ на его стихотворение «Без маски». Эпиграфом Франко взял четыре строки из этого стихотворения Щурата.

В ДНИ ПЕЧАЛИ»

Четвёртая книга Франка «В дни печали» («Із днів журби») появилась в 1900 г.

Стр. 349. *Кальвария* — см. примеч. к стр. 334. Здесь Кальвария в значении — место скорби.

Стр. 352. *Теорбан*, торбан — музыкальный инструмент.

Стр. 362. *Войт* — см. примеч. к стр. 210.

Стр. 366. *В плен-эре* (французск. «en plein air») — на открытом воздухе.

Стр. 367. *Амёбы*, *протозои* — простейшие, микроскопически-малые животные организмы; *эхинодермы* — ленточные черви; *миксомицеты* — слизистые грибы. «*Sturm und Drang*» (немцк.) — «Буря и натиск». В истории немецкой литературы принято называть так возникшее к концу XVIII века движение, направленное на разрушение ложноклассической рутины. В переносном смысле — бурное наступление молодых сил против отживших авторитетов. *Яйве* — см. примеч. к стр. 266.

Пятая книга лирики Франка. Вышла из печати в 1906 г.
Стр. 388. *Semper tiro* (латинск.) — «всегда начинающий, новичок».

Стр. 389. *Poëta semper tiro* (латинск.) — «поэт всегда начинающий».

Стр. 392. *Черемош* — река в Карпатах, приток Прута.

Стр. 394. *Конквистадоры* (испанск.) — завоеватели.

Стр. 396. Посвящение «*Лесной идиллии*» адресовано одному из современников Франка, украинскому поэту-модернисту Миколе Вороньому. Полемизируя с последним, Франко выступает за большое, подлинно реалистическое искусство против попыток проповедников теории «чистого искусства» в украинской поэзии увести её в сторону от насущных запросов современности. *Трембита* — гуцульский музыкальный инструмент: деревянная труба длиной до трёх метров.

Стр. 399. *Руина* — см. примеч. к стр. 89.

Стр. 416. *Антошке П.* — Ответ Франка на одно из реакционных выступлений против украинского языка и литературы (статья «Тщетная работа сепаратистов» в «Галичанине», 1902, № 222).

Стр. 422. *Книга Кааф* — одна из апокрифических книг еврейско-византийской литературы; Франко упоминает о ней в своём «Очерке истории украинско-русской литературы до 1890 г.» (Львов, 1910, стр. 34).

Стр. 425. *Guarda e passa* (итальянск.) — «Взгляни и пройди мимо» — стих из «Божественной комедии» Данте.

Стр. 437. *Оцет* (старославянск.) — уксус. *Sus Minervam docet* (латинск.) — «Свинья учит Минерву» (о невежественных критиках, самоуверенно произносящих свои приговоры).

Стр. 440. *Начиная от Давида, вплоть до самого Льва Печчи...* — начиная от библейского царя Давида и кончая папой Львом XIII (в миру — Джоакино Печчи, ум. в 1903 г.).

Стр. 441. *Igne, ferro* (латинск.) — огнём и мечом.

Стр. 443. *Бунгарей и гайдамаков...* — Гайдамаки — участники многочисленных крестьянских восстаний на Правобережной Украине в XVIII столетии, вызванных невыносимым панским гнётом. В украинской помещичьей литературе XIX столетия делались неоднократные попытки представить гайдамаков, как разбойников и грабителей. Эти попытки вызвали горячую отповедь Шевченка. В стихотворении «Холодный яр» (1845)

Шевченко восклицал по адресу подобных «историков»:

Врёте, живодёры!
За святую правду-волю
Разбойник не встанет,
За народ, что вами скован,
Он грозой не грянет!..
Вы — разбойники и воры,
Жадная орава... (Перевод А. Ромма).

Любопытно, что даже Котляревский в своей «Перелицованной Энеиде» поместил гайдамаков в аду вместе с ворами и злодеями. Франко, ставя гайдамаков в один ряд с бунтарями и «вечными революционерами», следует за Шевченком в его реабилитации гайдамачины.

Стр. 454. *Вено* (старославянск.) — приданое.

ПОЭМЫ

«Смерть Каина». Напечатана в 1899 г. По свидетельству проф. В. И. Симовича, после выхода поэмы церковники проклинали Франка с амвона за то, что он «осмелился изобразить Каина не так, как в библии». (Предисловие к третьему изданию «Вершин и низин», 1920.)

«Иван Вишенский». Поэма была опубликована впервые в 1900 г., в сборнике «В дни печали». Иван Вишенский — выдающийся украинский культурный деятель конца XVI — начала XVII века, учёный монах и проповедник, автор полемических сочинений, направленных против католическо-униатской пропаганды. В этих сочинениях Вишенский выступает как горячий защитник национальных интересов украинского народа. Умер около 1620 г. Франко с интересом относился к личности Вишенского и написал о нём три работы: большую научную монографию «Иван Вишенський і його твори» (Львов, 1895), популярную брошюру и данную поэму, которую посвятил украинскому поэту и учёному А. Крымскому.

Стр. 482—483 *Прог, Ватопед Эсфимену...* и т. д. — греческие названия колоколов в отдельных скитах на Афоне.

Стр. 485. *Фелонь* — монашеское одеяние.

«Свягоюрская гора» — Поэма была напечатана впервые в 1900 г., вместе с поэмой «Иван Вишенский», в сборнике «В дни печали». События, изображаемые в поэме, — осада Львова войсками Хмельницкого в 1655 г. и приезд в лагерь Хмельницкого польского посольства для переговоров о мире, —

описаны в исторической монографии Н. Костомарова «Богдан Хмельницкий», том IV. В своём изложении этих событий, включая сказку про змея, рассказываемую Хмельницким, Франко следует почти буквально за Костомаровым, с чьей монографией он мог познакомиться по украинскому переводу, изданному в 1889 г. Александром Барвинским («Руська історична бібліотека», том XII, стр. 19 и след.) Поэма посвящена Николаю (Миколе) Витальевичу Лысенку (1842—1912), крупнейшему украинскому композитору, основоположнику новой украинской музыки. Лысенко неоднократно бывал во Львове и написал там музыку к «Заповіту» Шевченка.

Стр. 513. *Святоюрская гора* — возвышенность во Львове, на которой расположен монастырь св. Юра (Георгия) и откуда открывается прекрасный вид на весь город.

Стр. 514 *Выговский* Иван Осталович (Евстафиевич) — один из ближайших соратников Хмельницкого, впоследствии избранный гетманом Украины. В описываемое в поэме время был генеральным писарем, то есть одним из шести высших должностных лиц Войска Запорожского, установленных при Хмельницком, и ведал канцелярией Войска. *Ян-Казимир* — король польский с 1648 по 1669 г., до своего избрания был членом ордена иезуитов. *Чигирин* — город Киевской области, при Хмельницком был гетманской резиденцией.

Стр. 515. *Канчук* (украинск.) — плеть, нагайка.

Стр. 519. *Косов* Сильвестр — митрополит киевский с 1647 по 1657 г., автор многих духовных сочинений.

«*Моисей*». Поэма была опубликована в 1905 г. В 1913 г. во Львове вышло повторное издание, которому Франко предпослал обширное предисловие с изложением источников, какими он пользовался при написании поэмы. В том же году поэма была переведена на русский язык П. Дятловым. Перевод был просмотрен Франком, и он написал для него специальное предисловие, датированное 14 декабря 1913 г., в основу которого легло предисловие к украинскому изданию 1913 г. Русский перевод «*Моисея*» вышел уже после смерти Франка, в 1917 г. в Вене. Перевод Дятлова был переиздан в 1928 г. изд-вом «Пролетарий» (Харьков). Для настоящего издания текст Дятлова заново сверен с оригиналом и весьма значительно переработан.

Приводим, с некоторыми сокращениями, предисловие Франка к русскому изданию поэмы, содержащее обширный географический, исторический и историко-литературный комментарий текста «*Моисея*»:

«Вопрос о том, историческое явление Моисей или нет, не решён до сих пор за недостатком действительно исторических свидетельств, посторонних древнееврейскому преданию. Это предание, состоящее главным образом из пяти книг, приписываемых самому Моисею, служит с конца XVIII столетия и до сих пор предметом усиленной критической работы, которая не может окончательно решить даже вопроса, существовал ли действительно Моисей, или не существовал, хотя и решила окончательно, что Моисей не был автором так называемого Пятикнижия.

Несмотря на это, Моисей всё-таки является самой грандиозной фигурой древней истории человечества, фигурой, обставленной таким множеством глубоко правдивых и часто удивительных подробностей, что если не для историка, то по крайней мере для человеческого воображения и для его поэтического воспроизведения представляет неисчерпаемый источник тем и вдохновений. Моисей, рождённый в рабстве и возвышенный в юности до пребывания в царском дворце; Моисей — убийца и изгнанник; Моисей — пастух, получающий божие откровение; Моисей — вопреки своей воле, народный вождь, увлекающий свой народ из плодоносной египетской земли в пустыню и вместе с тем из рабства на свободу; и в конце концов Моисей — непризнанный пророк, сорок лет кочующий со своим народом в пустыне и не могущий в продолжение этого времени пройти небольшое пространство между Египтом и Палестиной, которое даже тогдашние путешественники проходили в течение нескольких дней, — вот ряд удивительных сюжетов для поэта.

Я воспользовался последней из этих тем и попытался в своей поэме представить Моисея на склоне лет, в глубокой старости, когда он уже близко подошёл к обетованной стране, но тщетно старается склонить свой народ к вступлению в эту страну и в конце концов уходит от него, чтобы хотя самому дойти до границы обетованной отчизны. Этот краткий, но высоко трагический момент я разработал отчасти на основании библейского предания, отчасти же на основании психологического анализа в 20 песнях своей поэмы, представив в них обострение натянутых отношений между пророком и народом до полного разрыва и затем возвышения души пророка рядом искушений и откровений до непосредственного общения и единения с наивысшим существом, Иеговой.

Понятно само собою, что, кроме исторического и психологического интереса, поэма имеет и символическое значение, а как произведение украинца не лишена также и национальной

окраски, неизбежной всегда, когда международный сюжет проходит сквозь призму индивидуального темперамента и обогащается при этом живыми впечатлениями и картинами его личного воображения.

Моя поэма была написана в первой половине 1905 г. и напечатана в моём собственном издании в конце того же года. В начале 1913 г. она вышла вторично в издании «Українсько-Руської Видавничої Спілки» с моим предисловием, которое я и привожу здесь в переводе на русский язык с некоторыми сокращениями и дополнениями.

Так как моей поэме настолько посчастливилось, что она стала предметом чтения учеников и разбора учителей в некоторых украинских гимназиях, а также предметом более близкого внимания кое-кого из украинских литературных критиков, — стоит отметить факт, что, подымая не раз вопрос об источниках поэмы, никто из этих украинских интеллигентов не обратил внимания на настоящие, указанные и самим содержанием её, источники, но почти каждый искал их где-либо в ином месте, обыкновенно там, откуда я ничего не заимствовал.

Почти вся моя поэма основана на библейских темах: следовательно, что же могло быть естественнее для всякого критика, как поискать этих источников в библии и сравнить их с тем, что я сделал из них? Это как раз до сих пор не пришло на ум ни одному из критиков моей поэмы. Признак, что библия лежит далеко вне круга их духовных интересов.

Основною темою поэмы я избрал смерть Моисея, как не признанного своим народом пророка. Эта тема в таком виде не библейская, а моя собственная, хотя и основанная на библейском рассказе. Из ветхозаветных книг библии о смерти Моисея повествует лишь одна книга Пятикнижия, по-гречески называемая Деятеронومیон, а по церковно-славянски — Второзаконие... Вот этот рассказ в переводе с критического французского перевода Эдуарда Рейса. В квадратных скобках я привожу свои дополнения к тексту.

«В тот же самый день Вечный обратился к Моисею с такими словами: «Взойди на Аравимские горы, на гору Небо, что [подымается] над краем против Моава-Иерихона и обращена к стране Ханаанской, которую я даю во владение детям Израиля. Ты умрёшь на этой горе и соединишься со своими [предками] так, как твой брат Аарон умер на горе Ор и соединился со своими, за то, что вы были непослушными мне перед сынами Израиля над водами Мерива-Кадеша в Синайской пустыне, за то, что вы не почтили: меня среди сынов

Израиля. Потому-то ты увидишь перед собою эту страну, но не войдёшь в неё, в страну, которую я даю сынам Израиля».

Моисей поднялся из Моавских равнин на гору Небо, на вершину Фазга, что открывает вид на Иерихон. И Вечный показал ему всю страну: Галаад до самого Дана и всю землю Неффалимову, земли Ефремову и Манассиину и всю землю Иудину до самого западного моря, и полуденный край и ровную окрестность [города палым] Иерихона вплоть до Сигора. И сказал ему Вечный: «Вот страна, о которой я клялся Аврааму, Исааку и Иакову, говоря: даю её вашему племени. Я показываю её тебе, но ты не войдёшь в неё».

И слуга Вечного, Моисей, умер здесь, как сказал Вечный, на Моавской земле, и его похоронили в долине, в стране Моава, недалеко от Веф-Фегора, и никто не знает могилы его и по сей день. Моисей прожил до своей смерти 120 лет; его глаза не ослабели и сила не оставила его тела. И сыны Израиля тридцать дней оплакивали Моисея в Моавской равнине и таким образом полностью совершили над ним обряд оплакивания умерших».

Из этого рассказа мы видим, что Моисей умер в немилости у израильского бога, который перед смертью пророка упрекнул его в том, что тот не почтил его должным образом пред сынами Израиля. В моей поэме это обстоятельство представлено совершенно иначе: смерть Моисея на вершине горы пред лицом бога мотивирована тем, что его оттолкнул его собственный народ, приведённый к неверию его сорокалетним руководством и печальным состоянием обетованной страны, которую надо было тяжёлыми усилиями добывать у многочисленных ханаанских племён и которая, кроме того, как это показали новейшие исторические открытия, в ту эпоху, около 1480 года до р. Хр., находилась под протекторатом египетских царей.

Слова библейского рассказа о похоронах Моисея в тексте оригинала не совсем ясны, и позднейшие еврейские комментаторы дополняют их указанием, что бог умертвил его своими устами, целуя его, а ангелы погребли его тело в неизвестном месте, или — по иным преданиям — перенесли на небо, где оно сохраняется целым и невредимым, так же, как тело пророка Илии. Я в своей поэме оставил момент смерти Моисея за поэтической завесой.

То, что сказано в поэме об Авироне и Датане, как главных противниках Моисея среди израильского народа, основывается на рассказе книги Чисел (глава XVI), в котором, однако, позднейшая редакция соединила вместе два рассказа о

событиях разных эпох и различного характера, а именно о бунте левита Кораха и его сторонников против Моисея и Аарона и о восстании Датана и Авирама из колена Рувимова против Моисея... Цель обоих рассказов укрепить верховенство вождей, удостоенных богом. Но, в то время как в рассказе о Датане и Авираме говорится только об одном вожде — Моисее, в рассказе о Корахе левиты, т. е. каста духовных, бунтуют против первосвященника Аарона, добиваясь для всех левитов равенства с сословием жрецов. В то время как первый рассказ носит исключительно политический характер и направлен против Моисея, как вождя народа, за то, что он не исполнил своего обещания и не дал народу земельной собственности, второй рассказ сложен, очевидно, в интересах храмовых жрецов и для устранения левитов, чтобы они не добивались равного с жрецами права. Если мы обратим внимание на исторические отношения, среди которых могли возникнуть оба эти рассказа, то нам сразу станет ясным, что рассказ о Датане и Авираме должен был возникнуть во времена племенной независимости еврейского племени, когда это племя, бедствуя в своём новом отечестве, в борьбе с хананеями, могло ещё с сожалением вспоминать о своём пребывании в Египте. Второй же рассказ приводит нас к эпохе нового храма по возвращении евреев из плена вавилонского, и притом к довольно ранней эпохе, когда преобладание жрецов над всеми левитами не было ещё так укреплено, как во времена Христа. То, что я сказал в поэме о Датане и Авираме, шире развивает религиозный и политический мотив оппозиции всех израильтян против Моисея.

Читая отдельно текст каждого из этих рассказов, можно заметить, что в рассказе о Датане и Авираме нет начала, где должно быть сказано, по какому поводу и каким образом проявилось их оппозиционное движение против Моисея. Из текста рассказа мы узнаём только, что Моисей велел их позвать, неизвестно куда — вероятно, на общее собрание старейшин израильского народа, — а когда они не пожелали притти, он со старейшинами сам пошёл к их палаткам и там господней силою совершил чудесное уничтожение их. Не считая нужным допускать чудесную катастрофу, я изобразил в своей поэме оппозиционную деятельность Датана и Авирона на собрании израильского народа и предоставил дело наказания их, предсказанного им Моисеем, стихийному взрыву народного сознания после смерти Моисея.

Важную роль в моей поэме играет демон Азазель, о котором в так называемой Моисеевой книге Левитов, глава XVI, ст. 5—10, имеется законное постановление, изданное по тому

поводу, что два сына Аарона скончались внезапной смертью, войдя в скинию завета. Это было причиной введения закона, чтобы никто не смел входить внутрь палатки, где стоял ковчег завета, кроме одного первосвященника Аарона, да и то лишь в определённых указанных случаях и в предписанной обрядом одежде. Раз в год, в покаянный день, мог Аарон входить внутрь палатки завета «и у общины сынов Израилевых должен был взять двух козлов за отпущение грехов и одного барана для сожжения целиком. От себя же Аарон обязан был принести в жертву вола за отпущение грехов своих и своей семьи. Что касается двух козлов, то он должен был взять их и поставить перед Вечным у входа в палатку. Он обязан был бросить жребий для решения о них; один из них предназначался для Вечного, другой для Азазеля. Козла, предназначенного жребием Вечному, Аарон должен был заклать и принести в жертву за прощение грехов, а другого, предназначенного жребием Азазелю, должен был поставить живым перед Вечным, совершить над ним обряд очищения и потом выгнать его в пустыню для Азазеля...» Из приведённого текста ветхозаветной книги ясно видно, что Азазель является демоном, противником Иеговы, вероятно, олицетворением пустыни и её страшилищ. Самое название довольно загадочно и давало повод для разных толкований, следствием которых было то, что в некоторых переводах библии это имя совсем не приводится, а заменяется более или менее натянутой интерпретацией...

В библейском рассказе сам бог указывает Моисею Палестину; в своей поэме я нарочно предоставил это роли Азазеля, желая возможно сильнее отметить контраст между пророческими обещаниями и тем, что действительно ожидало евреев в Палестине. Я считал нужным усилить этот контраст не только указанием на географическое положение и разноплеменность Палестины, но сверх того ещё и изображением ожидавшей евреев в этом краю участи. И я вложил это в уста Азазеля, как сильнейшую часть демонского искушения, могущую поколебать веру даже самого сильного характера. Но не надо забывать, что эта роль Азазеля в моей поэме является лишь поэтическим объективированием собственной психологической реакции, которая должна была совершаться в душе пророка после того, как его оттолкнул его народ. Крайнее выражение этой психологической реакции, вырывающееся из души пророка в виде слов: «Обманул Иегова!», вовсе не является триумфом демона-искусителя, со смехом отступающего в этот миг от Моисея, а служит лишь обозначением предела человеческой силы, дойдя до которого, Моисей слышит слова самого бога,

раскрывающие ему гораздо более широкий кругозор, чем тот, который мог ему раскрыть Азазель, разъясняющие ему высокую мудрость управляющего судьбой народов провидения и дающие его душе и телу окончательное успокоение.

Для изображения (в строфах 1—9 XIX песни) предшествовавших Иегове явлений я воспользовался библейским рассказом об явлении Иеговы пророку Илии... где читаем вот что:

«Илия вошёл в пещеру и провёл там ночь. И он услышал голос бога, спросивший его: «Что делает Илия?»

И он ответил: «Я усердно и пламенно потрудился для Вечного, бога звёзд, ибо сыны Израиля оставили союз твой, разорили твои жертвенники и удалили твоих пророков. Только я один пережил их, и вот они посягают на мою жизнь, дабы отнять её у меня».

И голос сказал: «Изыди и взойди на гору пред лицо Вечного, ибо он придёт сюда».

И вот поднялся сильный и ужасный, потрясающий гору и разбивающий камни, предшествующий Вечному ветер, но Вечного не было в том ветре. А после ветра наступило землетрясение, но его не было в землетрясении. После движения земли явился огонь, но и в огне не было Вечного. А после огня зашелестел лёгкий ветер, и в этом ветре явился Вечный.

И, почувствовав это, Илия закрыл своё лицо мантией и остановился у входа пещеры»...

Для поэтического обзора географии Палестины, данного мною в XVII главе поэмы, я воспользовался несколькими отрывками вступительного этюда Эдуарда Рейса к его обзору ветхозаветных книг истории Израиля... Привожу их здесь в переводе: «Естественные границы у страны Ханаан имеются, собственно говоря, только на западе, где берега её омывает Средиземное море, и на востоке, где её пересекает Иордан. Эта река, единственный имеющий значение для края непересыхающий водный поток, протекает по очереди через два озера и теряется в третьем, известном под названием Мёртвого моря. С севера страна Ханаанская ограничена двумя параллельными отрогами Ливанских гор, один из которых тянется вдоль неё, а другой отделяет её от большой Аравийской пустыни. Обнимаемая этими двумя отрогами гор долина была во власти израильтян лишь в некоторые редкие моменты их истории. Колонии их, однако, не переходили за истоки Иордана. Отсюда до самой южной границы, т. е. до начала широкой пустыни Синайского полуострова, можно сказать, до линии между южным концом Мёртвого озера и юго-восточным углом Средиземного моря, вся страна между морским берегом и

Иорданской долиной образует плоскогорие шириною в 12—15 миль и высоту до 2000 футов над уровнем моря. Плоскогорие весьма неровное, но на нём нет более значительных гор. К югу оно понижается и террасами спускается к пустыне. К западу и в северной части оно доходит вплоть до самого моря, но в южной части ограничено равниной, которая, расширяясь, доходит до пределов Египта и называется Суэцким перешейком.

Внутри этого края находится только одна мало-мальски значительная долина. Она начинается у горы Фавора, недалеко от того места, где Иордан вытекает из Генисаретского озера, и кончается в заливе Акки и у подножия горы Кармея; длина её достигает 7, а ширина 2—4 миль. Само плоскогорие вследствие этого естественным образом делится на северную часть (горы племени Неффлима) и южную, гораздо большую часть (горы племён Ефрема и Иуды). Два последних названия обозначают собою не какой-либо естественный раздёл, а только некоторое различие их обитателей. Местность вообще слабо орошена и с отдалённейших времён весьма высушена солнцем, часть же её, особенно смежная с Мёртвым морем, никогда не была ничем, кроме плохого пастбища, быть может.

На левой стороне Иордана возвышается подобное же плоскогорие, называемое в разных своих частях, начиная с севера к югу, именами Башад, Галаад и Фазга. Те местности, которые никогда не находились под господством ханаанских племён, были в значительной части завоёваны израильскими племенами ещё до того, как они завоевали западное плоскогорие, но их владениям здесь всегда угрожали то кочевые племена пустыни, то сирийские цари. Самая поверхность земли здесь такова, что лишь фактическое обладание — а оно подвергалось, конечно, частым переменам — могло служить для обозначения границ. Наконец долина самого Иордана между двумя главными озёрами шириною от 2 до 4 миль; это одна из наименее культивированных частей страны. Жара здесь страшная, потому что долина глубоко врезалась в землю меж двумя почти совсем голыми известковыми валами, и сбегаящие в дождливую пору с гор в течение большей части года многочисленные потоки высыхают так, что не могут даже достигнуть Иордана.

В эпоху завоевания края израильтяне представляли, по видимому, конфедерацию двенадцати племён. Не следует считать этого числа случайным. Оно повторяется одинаково почти у всех иных орд семитических народов или племён, о которых упоминает книга Бытия: у эдомлян, у хананеян, у ара-

мейцев и кетурейцев. У израильтян это число такое основное и так вкоренилось в традиции народа, что сохранилось даже и тогда, когда уже не имело никакого права на существование и не отвечало ничему в национальной жизни, так как племена частью смешались друг с другом, частью же даже вовсе исчезли. Да и прежде никогда не придерживались правильной и постоянной номенклатуры; число 12 оставалось, но в списке племён не только менялся порядок их, но и одни имена заменялись другими.

Заметим, наконец, что никогда не было даже вопроса о равенстве между 12 племенами. Уж легендарное предание подчёркивает различие в достоинстве объединённых в федерации племён, одни из которых занимают привилегированное, а другие более или менее зависимое положение. Самое сильное племя выбирало из своей среды предводителей общих походов, и это давало повод для их соперничества, а потом для раздоров и для домашних войн. Это напоминает распри древних греков из-за первенства, историю борьбы Спарты и Афин за гегемонию. Особенно соперничают меж собой два племени — племя Иосифа с племенем Иуды. Каждое из них стоит во главе нескольких других подвластных племён, и оба борются за первенство с переменным счастьем, успехами и неудачами. Уже в самом начале истории первое из этих племён держит в своих руках кормило правления национальными делами, или по крайней мере претендует на управление ими, и для поддержания этой претензии выступает даже с оружием в руках. Позднее иудеянин Давид на некоторое время укрепляет первенство за своим племенем, но уже по смерти его сына десять племён отрываются от иудеев, и возникает дряхлый затем долгие столетия разрыв, следы которого не стёрлись вполне и до наших дней».

Оставляю в стороне притчу о тёрне, вложенную в уста Моисея в V главе моей поэмы, так как не могу теперь найти её оригинального текста. Она имеется в одной из ветхозаветных книг, но я довольно свободно переделал её и прибавил к ней (глава VI), по моему мнению, достойное Моисея и соответствующее моменту, в какой он рассказывает детям Израиля эту притчу, пояснение.

В одном случае я воспользовался и греческой мифологией, а именно там, где упоминается об Орионе (глава XVI). — Миф об Орионе, впрочем, не чужд также египетскому и еврейскому преданию; в пересказе греческого мифографа Аполлодора он излагается следующим образом: «Ориона убила Артемида на Делосе. Его считают гигантом, сыном зели (Геи);

Ферекид утверждает, что он родился от Посейдона и Евриалии; по крайней мере, Посейдон одарил его способностью ходить по морю. Этот Орион женился на Сиде, которую, однако, Гера ввергла в Гадес за то, что та считала себя красивее богини. Утратив первую жену, Орион отправился на остров Хиос и попросил руки Меровы, дочери туземного князя Ойнопиона (Винопийца). Ойнопион подпоил Ориона и, когда последний заснул, ослепил его и бросил в море. Орион не утонул в море, а пошёл поверх воды и пришёл на остров Лемнос в кузницу Гефеста. Здесь он схватил одного из слуг, посадил его себе на плечи и велел ему вести себя на восток, к Солнцу. Дойдя до жилища Солнца, он от лучей его вновь обрёл своё зрение и тогда поспешил опять на Хиос, чтобы отомстить Ойнопиону».

Предлагая русский перевод своего произведения, я должен выразить полную признательность г. переводчику за его старание подойти как можно ближе к оригиналу при переводе поэмы на русский язык. Это стоило, конечно, довольно много труда. Надеюсь всё же, что он не пожалеет о затраченной им на перевод энергии.

Не могу предвидеть, как примет русская публика мою поэму, так непохожую на то, что предлагают ей обыкновенно почти все современные русские поэты. Но мне кажется, что она будет нелишней и привнесёт кое-что новое в течение русской поэзии, а, быть может, и успеет умалить господствующее до сих пор среди громадного большинства великорусского общества предубеждение против украинского слова и духа.

Львов, 14 декабря 1913 г.

Д-р Иван Франко».

Стр. 536. *Крипта* (греческ.) — подземный ход, галерея подземного кладбища.

Стр. 538. *Дактиль* (греческ.) — палец; здесь — продолговатые плоды финиковой пальмы.

Стр. 569. *Горько плачет разумный...* — «Пророк Иеремия». (Примеч. И. Франка.) *Салим* — Иерусалим.

ОГЛАВЛЕНИЕ

От редакции	5
А. Корнейчук. Иван Франко	7
М. Рыльский. Франко-поэт	11

СТИХОТВОРЕНИЯ

ИЗ КНИГИ „ВЕРШИНЫ И НИЗИНЫ“

I. «De profundis».

Гимн. Вместо пролога (Вечный революционер). Перевод Б. Турганова	29
Веснянки	
Удивлялась зима... Перевод А. Островского	31
Гремит! Перевод Н. Ушакова	33
Греет солнышко. Перевод С. Гердеева.	34
Уж солнышко вновь по лугам... Перевод Я. Городского	35
Дай мне, земля, в эти мрачные годы... Перевод Е. Незинцева	36
Распускайся, развивайся... Перевод Н. Брауна	37
Не забудь, не забудь... Перевод А. Суркова	38
Ой, поёт в саду, щебечет соловей... Перевод М. Исаковского	40
Ох, истомило весны ожиданье... Перевод П. Железнова	41
Ой, что в поле дымом вьётся... Перевод В. Звягинцевой.	42
Молодые песни. Перевод П. Вячеслава	43
Думы, песни мои... Перевод А. Гагова	45
Vivere memento! Перевод Т. Форш	46
Осенние думы	
Осенний ветер... Перевод С. Олендера	48
Журавли, 1—2. Перевод В. Звягинцевой	49
Так тихо речки чистой колыханье... Перевод С. Олендера	51
Слетают листья с дерева сухого... Перевод С. Олендера.	52
Скорбные песни	
Нет, я не виновен... Перевод Я. Городского	53
Порой бывает — сердце ноет... Перевод Н. Брауна	54
В потоках слёз... Перевод Н. Ушакова	55
Пускай и так — погибну я... Перевод Н. Брауна	56
Тяжко, горько, век свой корогая... Перевод Т. Форш.	57
Дума в тюрьме. Перевод С. Обрадовича	58
Рабы. Перевод Л. Длигача	60
Отступились сердца от меня... Перевод М. Цветаевой.	62
Стелись, обновлённый... Перевод В. Цвелёва	63

Ночные думы	
Ночи бескрайные... Перевод <i>Е. Долматовского</i>	65
Необозримой чередой... Перевод <i>А. Суркова</i>	66
Дремлет мир... Перевод <i>Н. Ушакова</i>	67
Догорают поленья в печи... Перевод <i>С. Олендера</i>	68
Не разлучай меня с горючей болью... Перевод <i>М. Цветаевой</i>	69
Месяц, владыка... Перевод <i>В. Инбер</i>	71
Песня гениев ночи. Перевод <i>Л. Успенского</i>	72
Думы пролетария	
Товарищам из тюрьмы. Перевод <i>С. Городецкого</i>	74
На суде. Перевод <i>В. Цвелёва</i>	76
Милосердным. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	78
Septem idem! Перевод <i>Н. Асанова</i>	80
Идеалисты. Перевод <i>Д. Бродского</i>	81
Всюду преследуют правду... Перевод <i>Е. Нежинцева</i>	82
Покой. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	83
Товарищам. Перевод <i>В. Цвелёва</i>	84
Не люди нам враги... Перевод <i>Л. Длигача</i>	85
Не долго жил на свете я... Перевод <i>М. Рудермана</i>	85
Вы плакали фальшивыми слезами... Перевод <i>Б. Турганова</i>	87
Excelsior!	
Батрак. Перевод <i>Б. Турганова</i>	88
Беркут. Перевод <i>В. Державина</i>	91
Чёлн. Перевод <i>Д. Бродского</i>	93
Каменоломы. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	95
Идиллия. Перевод <i>М. Комиссаровой</i>	97

II. Профили и маски

Поэзия.	
Различные лица... Перевод <i>Л. Длигача</i>	101
Поэт	
Песня и труд. Перевод <i>С. Обрадовича</i>	103
Чем песня жива. Перевод <i>М. Рудермана</i>	105
Певцу. Перевод <i>Е. Нежинцева</i>	106
Родное село. Перевод <i>А. Глобы</i>	107
Украина	
Моя любовь. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	109
Подымайся выше, дуб высокий... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	110
Письмо любви	
Настанет день... Перевод <i>М. Цветаевой</i>	112
Триолет. Перевод <i>М. Рудермана</i>	114
Я не лукавила с тобою... Перевод <i>М. Рудермана</i>	115
Я буду жить, зане я жить желаю... Перевод <i>А. Гатова</i>	116
О, не люби меня, родная... Перевод <i>Н. Асанова</i>	117
Знакомым и незнакомым	
Корженку. Перевод <i>В. Цвелёва</i>	118
N.N. (Выступаешь ты скромно...) Перевод <i>А. Суркова</i>	119
Анне П[авлик]. Перевод <i>В. Цвелёва</i>	121
N. N. (Так прощай же, друг мой милый). Перевод <i>В. Успенского</i>	123
К. П. (Милая девушка, вешняя ветка...). Перевод <i>Б. Иринакина</i>	124

Оле. Перевод Л. Длигача	125
О. О. (Слишком хмуры ваши песни...) Перевод С. Олен- дера	126
Татьяна Ребенщукowa. Перевод С. Городецкого	128
Гриць Турчин. Перевод С. Гордеева	129
Не бойтесь вы тюрьмы... Перевод О. Колычева	130
Осы	
Мы осы, мы осы... Перевод Арга	131
Всё обойдётся! Перевод Л. Длигача	133
Послушай, сын, что говорит премудрость... Перевод Л. Длигача	134
«Хлебороб». Перевод Е. Нежинцева	135
С экзамена. Перевод Б. Турганова	137
Прогрессист. Перевод Арга	138

III. Сonеты

Свободные сонеты	
Сонеты — как рабы... Перевод Н. Ушакова	140
«Зачем, мужик, в наряд чужой, заёмный...» Перевод М. Зенкевича	141
Котляревский. Перевод Е. Нежинцева	142
Народная песня. Перевод О. Колычева	143
Наука. Перевод Е. Нежинцева	144
Вы так страшитесь грозного мгновенья... Перевод Е. Нежинцева	145
В снах юности... Перевод Н. Ушакова	146
Кусок железа с неизменной силой... Перевод Б. Турга- нова	147
Сикстинская мадонна. Перевод В. Звягинцевой	148
Довольно! Долго мы слова... Перевод В. Державина	149
В былые годы Данте и Петрарка... Перевод Н. Панова	150
Тюремные сонеты	
Се дом печали... Перевод Н. Ушакова	151
Впрямь, как скотину, всех тут описали... Перевод Д. Бродского	152
Ночь. В камере уснули... Перевод Д. Бродского	153
А на заре, чуть схлынет тьма ночная... Перевод Д. Бродского	154
Нет, иногда тюремные порядки.. Перевод Д. Бродского	155
Стихи умокли... Перевод Н. Ушакова	156
Что мне шумит, что мне звенит... Перевод В. Держа- вина	157
Вошла особа. Перевод В. Державина	158
Арестантская песня. Перевод В. Звягинцевой	159
Кровавые сны	
В темнице жуткие мне снятся сны... Перевод Д. Бродского	160
Христос, исполосованный бичами... Перевод Д. Брод- ского	161
«За что ж нам бремя суждено такое?..» Перевод Д. Бродского	162
А вот и Гонта.. Перевод Д. Бродского	163
Прошло то время? Ложь!.. Перевод М. Зенкевича	164
О, средневропейское болото... Перевод Б. Турганова	165

Тюрьма народов... Перевод <i>Н. Ушакова</i>	166
Эпилог. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	167

IV. Галицкие картинки

В шинке. Перевод <i>М. Исаковского</i>	168
Пасха. Перевод <i>Е. Благиной</i>	169
Максим Цюник. Перевод <i>В. Цвелёва</i>	171
Михайла. Перевод <i>А. Твардовского</i>	172
Бабка Митриха. Перевод <i>Е. Благиной</i>	174
Галаган. Перевод <i>Б. Турганова</i>	176
Журавли. Перевод <i>В. Рождественского</i>	177
Думы на меже, 1—4. Перевод <i>П. Семынина</i>	179
Думы над мужицкою нивою, 1—2. Перевод <i>А. Глобы</i>	184
В лесу. Перевод <i>А. Суркова</i>	186
Голод. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	188
Правдивая сказка. Перевод <i>А. Глобы</i>	190
Смерть убийцы. Перевод <i>Б. Иринуна</i>	192
Матрёна-подёнщица. Перевод <i>Б. Иринуна</i>	197
Рассказ арестанта. Перевод <i>О. Колычева</i>	201

V. Еврейские мелодии

Ассимиляторам. Перевод <i>Б. Турганова</i>	204
Завещание Иакова. Перевод <i>В. Державина</i>	206
Сурка. Перевод <i>Я. Городского</i>	208

ИЗ КНИГИ «УВЯДШИЕ ЛИСТЬЯ»

Первая горсть	
Былое прошло отупенье... Перевод <i>А. Ойслендера</i>	217
Не знаю, что меня к тебе так тинет... Перевод <i>С. Олендера</i>	218
Не боюсь я ни бога, ни беса... Перевод <i>П. Железнова</i>	219
За что, красавица, я так тебя люблю... Перевод <i>М. Рудермана</i>	220
Так случайно в синий вечер... Перевод <i>Б. Кежунa</i>	221
Да, только ты любовь единая моя... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	222
У тебя глаза, как море... Перевод <i>В. Инбер</i>	223
«Оставь надежду». Перевод <i>Н. Брауна</i>	224
Ни на что я не надеюсь... Перевод <i>Л. Успекского</i>	226
Бескрайное поле... Перевод <i>Б. Турганова</i>	227
Если ты меня встречаешь... Перевод <i>Е. Нежинцева</i>	228
Ты глядишь презрительно... Перевод <i>В. Инбер</i>	229
Непроходимую стеной... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	230
Хоть печаль меня томила... Перевод <i>Л. Длигача</i>	231
На тебя не жалеюсь я, доля... Перевод <i>Е. Нежинцева</i>	232
Призрак. Перевод <i>Н. Панова</i>	233
Эпилог (Осенние листья...) Перевод <i>А. Ойслендера</i>	236
Вторая горсть	
В Перемышле, где Сан течёт... Перевод <i>Б. Турганова</i>	237
Как знойно!.. Перевод <i>Б. Турганова</i>	239
Ой, зелен явор, да зелен явор... Перевод <i>Е. Благиной</i>	241
Девушка, вся ты с эршек малый... Перевод <i>Н. Асанова</i>	242
Калина, калина... Перевод <i>А. Прокофьева</i>	243

Горе моё, горе... Перевод В. Инбер	244
Зачем никогда не смеёшься... Перевод А. Ойслендера.	245
В вагоне. Перевод А. Островского	246
Звёзды, смейтесь надо мною... Перевод В. Инбер	247
Зачем тревожишь мой покой... Перевод Н. Асанова	248
Мне бы дар могучий... Перевод В. Цвелёва	250
Что счастье? Лишь иллюзия... Перевод Н. Панова	251
Коль не вижу тебя... Перевод А. Островского	252
Если ночью услышишь... Перевод Б. Турганова	253
Как вол в ярме... Перевод Н. Ушакова	254
Сыплет, сыплет, сыплет снег... Перевод М. Цветаевой.	255
Третья горсть	
Она мертва!.. Перевод В. Цвелёва	256
Аллея летнею, ночью... Перевод В. Азарова	258
Каморка и кухня, два низких оконца... Перевод В. Рождественского	260
Матушка моя родимая... Перевод А. Глобы	261
И ты прощай! Теперь тебя... Перевод А. Ахматовой	263
О песня! Где твой дар живой... Перевод В. Инбер	264
Душа бессмертна! Жить вековечно ей... Перевод С. Городецкого	265

ИЗ КНИГИ «МОЙ ИЗМАРАГД»

Поклоны	
Поэт говорит. Перевод В. Рождественского	267
Украина говорит. Перевод С. Обрадовича	269
Раздумье. Перевод В. Звягинцевой	270
Седоглавому. Перевод Е. Нежинцева	271
Когда бы... Перевод С. Обрадовича	273
Декадент. Перевод Б. Турганова	274
Моей не моей. Перевод А. Длигача	275
К музе. Перевод В. Звягинцевой	276
Паренетикон	
Когда стоговлен пир на целый свет... Перевод В. Звягинцевой	277
Сердцем молил Моисей... Перевод А. Ахматовой	278
Нет друга, мудрости вернее... Перевод В. Звягинцевой.	279
«Черноокая цыганка...» Перевод А. Ойслендера	280
«Степан, здорово!» Перевод В. Рождественского	281
Коль лампа разбита... Перевод Н. Ушакова	282
Чья юность прошла... Перевод Н. Ушакова	283
С человек, ужель во сне услышишь... Перевод М. Зенкевича	234
Притчи	
Притча о жизни. Перевод А. Суркова	285
Притча о вере. Перевод Н. Ушакова	288
Притча о любви. Перевод А. Чачикова	289
Притча о красоте. Перевод А. Чачикова	290
Притча о благодарности. Перевод Н. Ушакова	292
Притча о глупости. Перевод В. Рождественского	293
Притча о радости и печали. Перевод В. Инбер	296
Притча о жадности. Перевод К. Липскерова	297
Легенды	
Арот и Марот. Перевод С. Городецкого	306
Указ против голода. Перевод В. Инбер	311

Победа. Перевод <i>Н. Панова</i>	312
Рука Иоанна Дамаскина. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	314
По сѣлам.	
I. (На подгорьи, в долах, по низинам...) Перевод <i>М. Комиссаровой</i>	317
II—IX. (Шинок шумит, шинок гудит...) Перевод <i>А. Твардского</i>	319
X. В ночном. Перевод <i>Б. Турганова</i>	326
В Бразилию	
Когда услышишь, что в тиши ночной... Перевод <i>Б. Турганова</i>	337
Два панка пошли гулять... Перевод <i>А. Суркова</i>	338
Ой, расплескалось ты, русское горе... Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	339
Письмо из Бразилии. Перевод <i>М. Исаковского</i>	341
На злобу дня	
Женщина. Перевод <i>С. Гордеева</i>	345
О. Лунатику. Перевод <i>Арио</i>	347

ИЗ КНИГИ В «ДНИ ПЕЧАЛИ»

В дни печали	
В парке есть одна тропинка... Перевод <i>П. Вячеславова</i> .	349
Когда порой, в глухом раздумьи... Перевод <i>П. Железнова</i>	350
Где ни иду, что ни начну... Перевод <i>А. Чачикова</i>	351
Нет выхода мукам!.. Перевод <i>Б. Турганова</i>	352
Мне сорок лет, мой век не весь прожит... Перевод <i>Д. Бродского</i>	353
Опять рефлексии! Перевод <i>В. Цвелёва</i>	354
Воспоминания	
Я вспоминаю прошлое своё... Перевод <i>Н. Ушакова</i>	357
Пока со мною творческая сила... Перевод <i>Д. Бродского</i>	358
Есть хуторок... Перевод <i>А. Гагова</i>	359
В село ходил... Перевод <i>Б. Иринина</i>	360
Вот барский дом!.. Перевод <i>Е. Нежинцева</i>	363
Привет тебе, мой друг, моя дубрава... Перевод <i>Е. Нежинцева</i>	365
В плен-эре	
Матерь природа!.. Перевод <i>С. Гордеева</i>	366
Из далёких врат восточных... Перевод <i>П. Железнова</i>	371
Ходят ветры по краю... Перевод <i>Е. Нежинцева</i>	373
Ближе, ближе тучи с юга... Перевод <i>А. Островского</i>	375
Внизу, у гор, село лежит... Перевод <i>М. Исаковского</i>	376
Ой, идуг, идут туманы... Перевод <i>Д. Бродского</i>	377
Над широкою рекою... Перевод <i>А. Длигача</i>	378
В дремоте сѣла... Перевод <i>Е. Нежинцева</i>	380
Ночь. Вокруг мертво и пусто. Перевод <i>М. Шехтера</i>	382
Школа поэта. Перевод <i>В. Рождественского</i>	386

ИЗ КНИГИ «SEMPER TIRO»

Semper tiro	
Semper tiro. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	388
Сонет. Перевод <i>В. Звягинцевой</i>	390
Моему читателю. Перевод <i>Н. Асанова</i>	391

Склоны скрыты во мгле... Перевод <i>М. Шехтера</i> . . .	392
Да, расстроена скрипка... Перевод <i>Н. Смырленко</i> . . .	393
Конквистадоры. Перевод <i>Б. Соловьёва</i>	394
Из «Лесной идиллии»	
Посвящение. Перевод <i>Л. Длигача</i>	396
Новые песни	
Цехмейстер Куприян. Перевод <i>Б. Турганова</i>	399
Современная сказочка. Перевод <i>Арго</i>	402
Как там на небе? Перевод <i>В. Владимирова</i>	405
Трагедия артистки. Перевод <i>Н. Ушакова</i>	408
На старые темы	
Не пора ль начать нам... Перевод <i>М. Зенкевича</i> . . .	410
Блажен тот муж... Перевод <i>М. Зенкевича</i>	411
Я в чистом поле... Перевод <i>М. Зенкевича</i>	412
Полночный крик звучит... Перевод <i>М. Зенкевича</i> . . .	414
Где не лился вы... Перевод <i>Е. Благиной</i>	415
Антошке П. (Аз Покой). Перевод <i>Арго</i>	416
Вышла в поле русских сила... Перевод <i>Н. Брауна</i> . . .	418
На реке вавилонской... Перевод <i>Н. Панова</i>	420
Из книги Кааф	
Во сне забрёл в долину я... Перевод <i>В. Цвелёва</i> . . .	422
Пойми, поэт... Перевод <i>В. Цвелёва</i>	424
Гуманным будь... Перевод <i>В. Цвелёва</i>	426
Одета с элегантною простотою... Перевод <i>В. Цвелёва</i> .	427
Ф. Р. (О девушка, ты — камень драгоценный...) Пере- вод <i>В. Цвелёва</i>	428
Уж полночь. Темень. Стужа... Перевод <i>Н. Брауна</i> . . .	430
Как голова болит... Перевод <i>М. Зенкевича</i>	432
Когда б ты знал... Перевод <i>Н. Асанова</i>	434
Страшный суд. Перевод <i>М. Голодного</i>	436

ИЗ СТИХОТВОРЕНИЙ, НЕ ВОШЕДШИХ В КНИГИ

Шевченко и поклонники. Перевод <i>Б. Турганова</i>	445
Современная песня. Перевод <i>В. Рождественского</i>	446
Нет, нет уже всесильного владыки... Перевод <i>А. Глобы</i> .	448
Древоруб. Перевод <i>Д. Бродского</i>	450
Из книги пророка Иеремии. Перевод <i>В. Успенского</i> . . .	454

ПОЭМЫ

Смерть Каина. Перевод <i>Б. Турганова</i>	457
Иван Вишенский. Перевод <i>Б. Турганова</i>	481
На Святоюрской горе. Перевод <i>В. Державина</i>	513
Моисей. Перевод пролога — <i>Б. Пастернака</i> ; перевод глав 1—20 — <i>П. Дятлова</i> в обработке <i>Б. Тур- ганова</i>	527
Примечания. Составил <i>Б. Турганов</i>	577

*Редактор Э. Кульманова
Технический редактор Л. Сутина*
*Подписано к печати 15/V-45 г. А13094.
38 печ. лист. 23,86 уч.-авт. лист.
Зак. № 2346. Тираж 25000.
Цены 15 руб.*

*1-я Образцовая тип.
треста «Полиграфкнига» Огиза
при СНК РСФСР.
Москва, Валуевая, 28.*